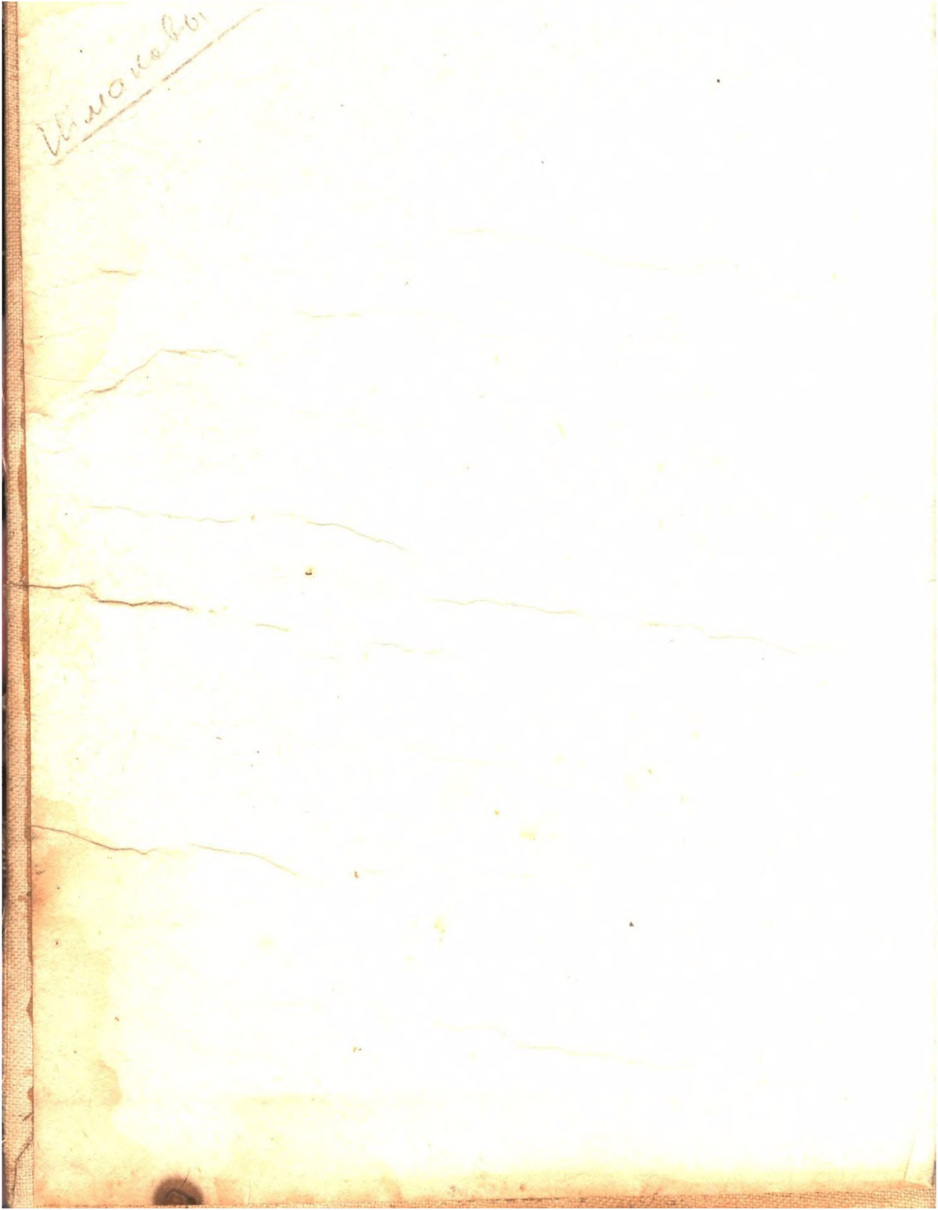

АНАТОЛИЙ
ЧЕХОВ
ЧЕРНЫЙ
БЕРКУТ

Шмаковы

Чекисту-пограничнику
Якову Григорьевичу
Ковешникову
посвящаю.

Автор

АНАТОЛИЙ ЧЕХОВ

ЧЕРНЫЙ БЕРКУТ

РОМАН

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1969

Р2
Ч-56

Ловить смертельно ядовитых змей не так просто. Но для Яшки Кайманова и его друзей — Барата, Аликпера, Алешки Нырка, родившихся и выросших в среднеазиатском пограничном поселке, это обычное занятие: за каждую гюрзу или кобру доктор пять копеек дает...

Выслеживать и уничтожать в неравном бою банды вооруженных контрабандистов куда сложнее, чем охотиться на ядовитых гадов, но это дело становится содержанием жизни взрослого Якова Кайманова: еще в восемнадцатом году белобандиты расстреляли его отца, первого члена Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Шаг за шагом прослеживает автор путь главного героя романа от несдержанного, своенравного охотника за контрабандистами до заместителя коменданта погранучастка. Сначала дорожный рабочий, а затем председатель поселкового Совета, Кайманов, человек отчаянно смелый, всего себя отдает неимоверно трудной в те годы, всегда опасной борьбе с врагами Советского государства, пользуясь заслуженной славой и уважением у своих односельчан. За мужество и отвагу враги зовут его Черным Беркутом.

Прототипом Якова Кайманова является герой-пограничник, майор в отставке Яков Григорьевич Ковешников, для которого интересы Родины и народа всегда были превыше всего.

Юный читатель уже знаком с автором этого романа по книге «У самой границы», недавно выпущенной нашим издательством.

7—6—3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАСНЫЕ СКАЛЫ

Глава 1

ГЮРЗА — ГАДЮКА ГРОБОВАЯ

Вместо пролога

Серый хвост змеи скользнул по скале, исчез в расщелине. Донеслось грозное шипение. Гюрза уходила, но Яшка знал: деваться ей некуда. Еще неделю назад они с Баратом выследили ее на этой изрытой впадинами и трещинами скале.

— Давай,— по-курдски сказал Барат. Черные глаза его стали круглыми, ноздри хищно раздулись.

Яшка сунул руку за пазуху, достал мышь, которую тоже не просто было добыть. Мышеловки в поселке у каждого, но они решили взять мышь у богача Мордовцева. Попробуй-ка унеси у Мордовцева! А Яшка унес.

Барат оттянул заднюю лапку мыши. Яшка привязал к ней тонкую бечевку. Другой конец бечевки обмотал вокруг колышка, воткнул колышек в трещину. Ребята спрятались за обломком скалы, стали ждать.

Мышь некоторое время сидела, сжавшись в комочек, поблескивая бусинками глаз. Потом вдруг резво побежала по плитняку. Веревочка натянулась, отбросила ее назад. Яшка оглянулся, не видит ли кто, чем они тут занялись. Недели не прошло, как отец больно отстегал его ремнем: «Не лови ты этих змей, укусит — подохнешь». А Яшка ловит.

Молодой доктор, рыжий, очкастый, за каждую гюрзу или кобру пять копеек дает. Это ли не богатство! На пять копеек у азербайджанца Кадыр-заде можно купить пять длиннющих конфет с махрами. Хочешь — грызи, хочешь — махрами любуйся. Но ремень в руках отца тоже запомнился.

Яшка еще раз внимательно осмотрелся. Отсюда, со Змеиной горы, видна вся, окруженная горами, долина. В верхней части ее поселок Дауган — сотни полторы глинобитных домов, вытянувшихся вдоль столбовой дороги. Над дорогой сомкнули кроны чинары и карагачи. Блестит в арыках вода. Во дворе таможни готовится в путь караван верблюдов. В сторону пограничного казачьего поста проскакал по дороге верховой в туркменской папахе. Это фельдъегерь из сотни джигитов повез утреннюю почту. Как будто все спокойно. До них с Баратом никому нет дела.

Яшка расправил мешочек, что дал им доктор, протянул руку из своего укрытия, тронул мышь проволочкой. Мышь пискнула, снова побежала по плитняку. Барат на всякий случай удобнее перехватил палку, раздвоенную на конце. Змея не появлялась.

Молодой доктор предупреждал: «Смотрите, гюрза — по-научному гадюка гробовая, укусит — смерть». Что он знает, этот доктор, о змеях! Только приехал, а учит. Яшке и без него известно, что будет, если укусит гюрза. Но где еще в пограничном поселке денег возьмешь? На Даугане заработки известные. Взрослый продаст кара-

ван-баши мякину или ячмень, а то в город сено, дрова отвезет. А откуда сено или дрова у мальчишек?!

Яшка снова тронул мышь проволокой, от нечего делать перевернул несколько камней: нет ли скорпионов? Все же по копейке пара!

За скорпионов и фаланг отец не ругал. Кусали они и Яшку и Барата. Сначала жжет так, что хоть криком кричи. Сутки не знаешь, куда деваться, а потом ничего, проходит, сырой земли приложишь — и все. Доктор им и трубок стеклянных надавал: в одну трубку по два скорпиона сажать. Их-то всегда наловишь, а вот змею поймать!..

Яшка затаил дыхание.

Из расщелины появилась гюрза, скользнула по каменистому склону. Высоко подняв голову, стала свиваться кольцами. Злые глаза уставились на мышь. Мелькнул раздвоенный язык.

Доктор еще говорил, что змеи видят и слышат плохо, зато у них есть какие-то инфракрасные точки возле ноздрей. Вроде они даже мышиное тепло чувствуют. Наврал доктор. Сколько Яшка ни смотрел, никаких красных точек у гюрзы на морде не увидел.

Змея метнулась и схватила мышь. В ту же секунду Барат прижал ее голову рогаткой. Мгновенно толстое серое тело обвилось вокруг палки. Но Яшка знал: зубы гюрзы так устроены, что мышь ей не выплюнуть, а проглотить рогатка не дает.

Хвастаясь перед Баратом смелостью, он схватил гюрзу за голову, сунул ее в мешок и вдруг резко вскрикнул: острая боль пронизала палец. Встревоженный Барат быстро завязал мешок со змеей, глянул на руку друга: две маленькие ранки — следы зубов гюрзы темнели у Яшки на пальце возле ногтя.

Коричневое лицо Барата стало серым. Он смотрел на Яшкин палец круглыми от ужаса глазами. Две ма-

ленькие ранки, две красные точки, словно следы укола иголкой, а в них — смерть! Яшка почувствовал, что и у него кровь отливает от лица.

— Ай, Ёшка, беда! — опомнившись, закричал Барат.— Давай палец.

Выхватив из кармана самодельный нож, он глубоко надрезал ранки.

— Опускай руку, Ёшка-джан, дави палец!

Яшка послушно опустил руку вниз, алая кровь закапала на камни.

— Ай, к доктору надо. Он ученый, знает, что делать!

Барат обмотал Яшкин палец бечевкой, подхватил мешок с гюрзой, и они галопом понеслись в поселок.

Доктор приехал на Дауган недавно, в тот самый день, когда на общем сходе объявили Советскую власть. Отец сказал, что доктор — большевик. Что это такое, Яшка не знал. Но он — родной брат того высокого Василия, который еще раньше тайно приезжал к отцу. По вечерам они надолго запирались в закутке у Али-ага — конюха почтовой станции Рудометкиных. В такие вечера отец посылал Яшку и Барата на дорогу смотреть, чтобы, чего доброго, не нагрянули казаки.

— Эй, Ёшка, эй Барат! Что такое? Зачем так бежите? — остановил ребят у самой таможни дауганский лекарь и костоправ Али-ага. Он тоже мог бы помочь, но Яшка боялся: скажет отцу.

— Молчи,— приказал он Барату. И они еще быстрее побежали к караван-сараю, где поселился доктор.

Загоревший под туркменским солнцем молодой доктор, с рыжим чубом и чудны́м для дауганских ребят именем Вениамин, занимал в караван-сарае две комнаты. В одной жил сам, а другой держал всякую живность.

Когда Яшка и Барат вбежали к нему, он рассматри-

вал через микроскоп какое-то стеклышко, не оборачиваясь, спросил:

— Что у вас?

— Змею поймали.

— А, это хорошо. Давайте сюда...

Порывшись в кармане, достал пятак и ловко шлепнул им о крышку стола.

— Забирайте.

— Она меня укусила,— сказал Яшка.

— Что?..

Всем корпусом доктор повернулся к ребятам. Яшка выставил свой туго перетянутый веревкой, посиневший и набрякший палец с надрезом, молча шмыгнул носом.

— Когда укусила?

— Только что, у Змеиной горы.

Доктор развязал мешок и вытряхнул змею в один из ящиков, обитых сверху проволочной сеткой, крепко завязал крышку. Около десятка таких же ящиков стояло вдоль стены.

— Гюрза...— сказал он.

На секунду задумавшись, тряхнул рыжей лохматой головой, указал Яшке на топчан, весь заставленный стеклянными банками с лягушками, змеями, молодыми зямзямами, которых он называл непонятным словом «вараны», и другими ящерицами, залитыми прозрачной жидкостью.

— Садись, змеелов.

Яшка сел.

— Как звать?

— Кайманов Яшка.

— Григория Кайманова сын? Дорожного рабочего?

— Он самый.

— О-о! Ну, тогда вытерпишь!..

Последние слова доктора насторожили Яшку. С тревогой следил он за приготовлениями к операции.

Доктор вымыл руки, вскипятил на спиртовке воду в железной коробке, сделал несколько уколов в палец, а потом повыше, в руку, взял из коробки узкий блестящий нож.

— Ну что ж, Яков Кайманов,— сказал он.— Смотри в окно и медленно считай, скажем, до ста...

*

— Я-а-ша! Я-а-ша! — донесся голос матери. Не откликаясь, Яшка и Барат все дальше уходили от дома. Заросли бурьяна скрывали их с головой. Стараясь заглушить нестерпимую боль, начинавшую сверлить палец, Яшка сбивал палкой метелки гули-кона — «телячьего цветка», «рыбьей травы» — марги-маи.

Они с Баратом уже огибали амбар Мордовцевых, в котором сегодня раздобыли мышь.

От взрослых Яшка слыхал, что в революцию Флегонт Мордовцев выступал против своего отца — богатея и в пику ему перешел на сторону красных. Когда началась гражданская война, занялся хозяйством.

Только подумал Яшка о Флегонте, как наткнулся прямо на него. Мордовцев стоял за амбаром с незнакомым казаком.

Прищурясь и замолчав вдруг, он уставился карими глазами на Яшку, будто спрашивал: «Что надо?» Барат успел нырнуть в кусты.

Яшка почему-то всегда робел перед этим ладно скроенным погодком отца. Что-то лихое и вместе с тем вкрадчивое было в его точеном лице. От испытующего взгляда Флегонта у Яшки всегда подирал по коже мороз.

— Слышишь, мать зовет? — Флегонт взял его за локоть, повернул лицом к поселку.— Почему не идешь?

«Не знает про мышеловку»,— подумал Яшка и, вывернувшись из-под его руки, скрылся в бурьяне.

На Даугане говорили, что Флегонт когда-то хотел сватать за себя Яшкину мать — Глафиру, первую красавицу поселка, но старый Лука Мордовцев, богатей и самодур, расстроил это сватовство.

Раздался негромкий свист. Из лопухов высунулась физиономия Барата. Мальчишки, прячась в бурьяне, направились к столбовой дороге.

— Отпустил?

— Сам ушел...

— Я-а-аш-ка-а! Я-аш-ка-а! — На этот раз кричал отец.

Ребята, прибавив шагу, все дальше уходили от поселка.

У Яшки нестерпимо болела рука, кружилась голова. Доктор наложил повязку не только на култышку, оставшуюся от пальца, но и на всю кисть, руку подвесил на косынку, завязанную узлом на шее. Сейчас Яшка был похож на раненого отца, когда тот приезжал во время войны из лазарета на побывку.

Ребята вышли к тому месту, где от главного тракта отходила дорога в сторону горного кряжа Асульмы, замедлили шаги, просвистали условный сигнал. Справа и слева от них раздался такой же свист. Зашуршала сухая трава, со склона посыпались мелкие камни.

— Дур! [1] — донесся мальчишеский голос.

Яшка остановился.

На русском языке он говорил, пожалуй, только дома да еще с немногими русскими мальчишками поселка, такими, как Алешка Нырок. Остальные — курды, азербайджанцы, туркмены. На улице разговор велся чуть ли не на всех языках стран Востока.

---

[1] Дур — стой.

Шуршание в бурьяне стихло.

— Ун кия лёу? [1] — спросил Барат.

— Кочахчи [2] Аликпер Чары-оглы. А вы кто?

— Ладно, выходите,— приказал Яшка. Сегодня после истории с гюрзой, да еще встречи с Мордовцевым ему было не до игры. С самого утра он ничего не ел. После операции тошнило. Все сильнее дергало палец.

Из бурьяна вышли еще два подростка: стройный и быстрый, с развитыми икрами и тонким станом Аликпер и немного вялый, с круглым, как блин, лицом Алешка Нырок.

Увидев Яшкину забинтованную руку, оба остановились.

— Покажи,— сказал Алешка. Смотрел он на бинты с уважением и страхом. Яшке хотелось рассказать об операции, но «предводителю разбойников» негоже распускать слюни. Да и Аликпер поглядывал на него с таким видом, будто укорял: «Эка невидаль — гюрза хватила! Бери топор, руби палец, а то всю руку отрежут».

— Отойди,— сказал Яшка.— Не на палец, а на дорогу смотри...

Солнце клонилось к западу. Голубые тени выползали из ущелий. Рядом с тенями словно горели в отсветах заката выступы скал. Горы, как огромные древние мамонты, ставшие в ряд, протянули каменные лапы в долину, уложили между лапами бугристые хоботы, выставили каменные лбы. На самой высокой скале — Колокольне Ивана Великого — белое пятно: орлиный помет. Выше — гнездо орлов. Там старинная крепость Сарма-Узур. По преданию, жил в этой крепости когда-то предводитель древнего племени Асульма. Яшка и его друзья

---

[1] Кто идет?

[2] Кочахчи — контрабандист, дословно — нелегальщик.

забирались в остатки крепости, находили серебряные монеты, наконечники стрел. Оттуда хорошо видна вся долина и протянувшаяся через нее из края в край мощеная дорога. Считай, каждый десятый камень этой дороги вытесал и уложил своими руками Яшкин отец. Дорога кормила отца. Кормила она и Яшку, а вместе с ним и других мальчишек поселка. Дни и ночи движутся по дороге огромные фургоны с грузами, идут верблюды. В Россию везут урюк, чищеный миндаль, сабзу, бидану[1], хлопок, шерсть; из России — мануфактуру, сахар. Под перезвон колоколов, подвешенных к тюкам товаров, к шеям верблюдов, Яшка родился и вырос. Идут караваны и сейчас, хотя начавшаяся в России гражданская война докатилась и сюда, к далекой границе.

У Яшки закружилась голова, он присел на притаившийся в бурьяне обломок скалы.

Дон-дон-дон!..— звенело в ушах. Нет, это не в ушах звенит. Это поднимается караван по дауганским вилюшкам[2]. Еще немного, и он втянется в долину, покажется из-за гор.

Дон-дон-дон!..— все явственнее и громче гремят колокола. Яшка рассудил, что все равно порки не миновать: и за гюрзу попадет, и за то, что опять увел свою ребячью команду караван встречать.

Дон-дон-дон!..

От каравана отделился всадник в белой рубахе, белых широченных штанах, черной жилетке. Это — караван-баши. Стоит любому каравану войти в долину, караван-баши пришпоривает коня и рысью мчится к таможне или караван-сараю, чтобы проверить, есть ли корм для верблюдов, узнать, где отведут место для ноч-

---

[1] Сабза, бидана — сорта сушеного винограда.
[2] Вилюшки — извилины горной дороги.

лега, принять новые грузы. При виде поселка остальные караванщики съезжаются в голову каравана, курят свои чубуки, разговаривают. Караван-баши — большой начальник. Каждый мальчишка мечтает стать или знаменитым кочахчи, или караван-баши. Лучше — караван-баши. Летом в чалме и белой одежде, зимой в накрученных на голову шарфах из верблюжьей шерсти, в расписной вышитой шубе караван-баши, словно лучший джигит, проезжает по Даугану. Знакомые кланяются ему, курды снимают вязаные шапочки, русские стаскивают кепки, треухи. Каждому лестно поговорить с караван-баши, расспросить о новостях. Дорожный человек все видит, все знает. Многие караван-баши знали и уважали Яшкиного отца. Яшка мечтал, когда вырастет, стать караван-баши, но сейчас у него с караванщиками отношения были испорчены.

Дон-дон-дон!.. Мерно идут верблюды, раскачиваются взваленные на их горбы тюки. Все ближе и ближе подходит караван. На переднем верблюде ковровое покрывало, множество колокольчиков. Колокол подцеплен к грузу последнего в десятке верблюда. У некоторых проколоты ноздри, в прокол вставлена палка: с одной стороны — набалдашник, с другой — ременная петля. Идут верблюды быстро, словно в такт гремящей музыке ставят в пыль широкие подушки ног. Ритмично раскачиваются тюки на их спинах.

Яшка наметанным взглядом определил, в каком мешке сахарный песок, вскочил, ткнул самодельным ножом. Из мешка потек белый ручеек. Яшка подставил лист лопуха, с десяток шагов бежал рядом с верблюдом, потом заткнул прореху жгутом травы, скрылся в бурьяне.

Уж он-то знал, как надо резать мешок. Весной Алешка перестарался и так полоснул по мешку, что песок ручьем потек на дорогу. Алешка перепугался,

начал затыкать прореху чем попало. А песок все течет и течет. Тут караванщики Алешку и сцапали. В таможне дознались, кто еще был. Стоимость сахара взыскали с отцов. Отцы взыскали с сыновей. Горьким показался Яшке тот сахар...

С сахарным песком Яшка связывался только тогда, когда ничего более толкового не попадалось. То ли дело орехи или урюк! Ширнешь в тюк ножичком, а сам в бурьян. Караван идет себе да идет. Верблюды шагают, тюки раскачиваются, а из прорешки — орешки: то один, то другой. Караван уйдет, остается пройти по дороге, добычу собрать. Рубашку потуже подвяжешь, полную пазуху орехов или урюка наберешь — любо-дорого!

Яшка сел в излюбленном месте за валунами, дождался ребят. Все четверо сосредоточенно слизывали с листьев лопуха сахарный песок, когда стал доноситься быстро нарастающий гул.

Яшка вскочил, выглянул из бурьяна. Пока ничего не было видно. Тогда он, держа завязанную руку на отлете, приложил ухо к земле. Гул усилился.

— Кони! Так гудит земля, когда скачет табун лошадей.

— Казаки! — испуганно крикнул Алешка Нырок. В долину вливался казачий эскадрон. Развернувшись веером, он на рысях шел к поселку.

— Белые!

Яшка знал, что значит приход белых. Отец — красный, член Совета рабочих и солдатских депутатов.

Ребята сорвались с места, помчались вдоль дороги. Поздно: передовые разъезды казаков перешли на галоп.

Слыша за спиной все усиливающийся топот, Яшка и его товарищи, замирая от страха, повалились на землю, притаились в бурьяне.

— А-а-а! — донесся протяжный то ли стон, то ли

крик. С тяжелым гулом промчались совсем рядом конники.

Часть казаков окружила караван, стала его конвоировать. Остальные уже скакали по улицам и огородам поселка, стреляли из винтовок, вертели над головами шашками. Вспыхнула ответная стрельба, вскоре все стихло.

Перепуганные мальчишки осторожно вошли в поселок. Яшка переулком направился к своему дому, тут же увидел отца: четыре дюжих казака, по два с каждой стороны, вели его со связанными за спиной руками. Крепко ухватив за локти, они висли на нем, словно боялись, что он развернется и сбросит их. Яшка успел заметить, что рубашка на отце разорвана, лицо в кровоподтеках.

Вслед за отцом из соседнего дома казаки вывели избитого, в растерзанной одежде Флегонта Мордовцева. Подняв голову, он увидел Яшку, кивнул ему. Толкая арестованного прикладами в спину, конвоиры погнали его дальше, в сторону казачьего погранпоста. В поселке продолжались повальные обыски.

Из караван-сарая вывалилась еще одна группа казаков. В их окружении Яшка увидел связанного молодого доктора. Заметил доктора и отец Яшки. Когда обе группы слились вместе, отец что-то сказал Вениамину. Арестованных повели в сторону узкого отщелка [1], уходившего к Змеиной горе.

Яшка вдруг понял, зачем казаки ведут туда отца и Вениамина.

— Батяня!

Отец оглянулся.

— А, Яша! — сказал он.— Хорошо, что пришел.

И тут же всплеснулся истошный крик выбежавшей

---

[1] Отщелок — отрог ущелья.

вслед за отцом матери. Она тоже увидела Яшку, запричитала в голос:

— Ирод окаянный, убивец проклятый!.. Не искал бы тебя отец, беспутного, разве дался бы анафемам! Ой да горы высокие, щели глубокие, ушел бы — поди сыщи его! Ой да сирота ты сирая, бесталанная, сам теперь придешь ко холодным отцовским ногам!..

Мать голосила, закатывала глаза, заламывала руки. Два казака перехватили ее, не подпускали к отцу.

Яшка стоял, окаменев, не в силах сдвинуться с места. Страшная тяжесть обрушилась на него.

— Сынок! — окликнул его отец.— Ты не виноват. Береги мать. Глафира, прощай...

Отцу не дали договорить, ударами прикладов погнали дальше.

Яшка со всех ног бросился за ним. Словно каленым железом, ожгло спину. Раздался грубый хохот: казак Кандыба, которого Яшка не раз видел у казармы погранпоста, огрел его плетью. Корчась от боли, Яшка бросился напрямик к отщелку. Всхлипывая и дрожа от предчувствия страшной беды, он с трудом пробирался по карнизам к Змеиной горе.

— Батяня, батяня, батяня!..

Отца и молодого доктора поставили у края обрыва. Яшке все казалось, что еще мгновение, отец напружинит свои могучие руки, сорвет веревки и пойдет крушить пудовыми кулаками ненавистных врагов. Но, видно, и правда — врасплох захватили отца казаки. Он только поводил плечами и, бледный, темноволосый, возвышаясь на целую голову над врагами, в последний раз окидывал взглядом родные горы, зеленую долину Даугана, поселок, раскинувшийся по обе стороны дороги.

Молодой доктор со связанными за спиной руками стоял рядом с ним. Но Яшка видел только отца. Он не

верил, не хотел верить, что сейчас произойдет самое страшное.

— Назад, Яша! Не подходи! — крикнул отец.

Яшка подбежал к нему, обхватил руками сильные ноги, уткнулся лицом в жесткие веревки.

— Убрать щенка!

Яшка оглянулся. Прямо в лоб ему смотрело черное дуло маузера. За маузером, расплываясь в горячем тумане, маячило изрытое оспой, перекошенное злобой лицо.

— Стреляй, что ж не стреляешь? — в исступлении крикнул Яшка.

— Кончай, Шарапхан! — донесся тот же голос.

Грохнули выстрелы. Крупное, тяжелое тело отца стало оседать на землю. Протяжный стон сорвался с его губ...

В этот миг Яшка почувствовал, как его самого рванули за шиворот, отбросили в сторону. Цепляясь за склоны отщелка, он головой вниз полетел под откос. Все заполнила гудевшая колокольным звоном кромешная тьма...

*

Очнулся Яшка на сеновале почтовой станции. Над головой — дощатый потолок. В углу — круглая черная дырка, словно кто ткнул туда палкой. Здесь был штырь, на который Али-ага вешал сбрую, а потом перенес ее вместе со штырем в пристройку.

Багровые отсветы лучей заходящего солнца пробиваются сквозь щели.

«У-ху-ху-ху-ху!» — доносится крик горлинки. И снова: «У-ху-ху-ху-ху!..»

Какой страшный сон видел Яшка! Будто казаки и туркменский джигит расстреливали отца!.. Это не сон!

Это правда! Черная дырка в глинобитной стене — зрачок маузера! Он, только он, Яшка, виноват во всем. «Ой да сирота ты сирая, бесталанная, сам придешь теперь ко холодным отцовским ногам!..»

— Батяня!..

Яшка вскочил. Страшная боль пронизала все тело. Скрипнула дверь, показалось знакомое, темное в сумраке лицо Али-ага.

— Тихо, Ёшка, тихо, — сказал он.— Сейчас громко нельзя... Идти можешь? Надо с отцом проститься, хоронить пора.

Яшка замер. Али-ага горестно почмокал губами:

— Сутки не давали подойти. Часового ставили...

Сутки! Значит, он, Яшка, целые сутки был без памяти.

Кисти Яшкиных рук, ободранные о камни, саднили и кровоточили. Али провел Яшку в низенькую мазанку, где хранилась упряжь, поджег кусок тряпки и горячим пеплом засыпал раны. Доктора теперь не было. Снова в поселке остался единственный лекарь — мудрый Али-ага.

Вид каморки на заднем дворе почтовой станции отозвался в Яшкиной груди мучительной болью. Сюда, в эту мазанку, не раз уходил отец, когда приезжал к нему брат молодого доктора Василий Фомич. Сюда собирались и русские, и курды, и туркмены, и азербайджанцы — все бедняки. А их, мальчишек, старшие рассылали по улицам поселка, чтобы, если кто чужой поедет, особенно с казачьего поста, дали бы знать.

Сколько раз Яшка стоял караульщиком у стенки мазанки. Он жадно ловил голос отца, говорившего что-то быстро и горячо. Как гордился Яшка, когда отец выступал на митинге и его выбрали председателем поселкового Совета.

Теперь отца нет...

Али-ага осторожно приоткрыл дверь мазанки. Оба вышли на улицу. Солнце уже село, наступили сумерки. Из караван-сарая, где разместился эскадрон, доносились громкие голоса подгулявших казаков.

Прямо навстречу Яшке и Али-ага вышел из-за угла дома пьяный казак Кандыба, тот самый, что ударил Яшку плетью. Яшка инстинктивно отпрянул. Но Кандыба был сейчас настроен миролюбиво. Он глупо захохотал, хлопнул себя ладонью по голенищу и уже направился было своей дорогой, как вдруг резко повернулся и сунул мальчишке под нос кукиш:

— Вот она, твоя... Советская власть! Хватит! Вы поносили, теперь мы поносим! — Снова хлопнул себя ладонью по сапогу. На пьяном казаке были брюки и сапоги Яшкиного отца. Мальчик рванулся к Кандыбе, но жилистые руки Али-ага удержали его.

Замедляя шаги, с сильно бьющимся сердцем, подошел Яшка к родному дому. В комнате душный запах тлена и ладана. Десятка два жителей поселка обступили стол, на столе гроб с телом отца. Воротник белой рубашки открыт, на груди две маленькие дырочки — следы от пуль. Из ран и сейчас еще сочится сукровица. Мать с окаменевшим лицом, едва ли сознавая, что делает, осторожно стирает ее чистыми кусочками хлопка, словно боится причинить мужу боль.

— Не молчит кровь,— произнес по-курдски Али-ага.

Яшка вздрогнул. Он никак не мог собрать мелькающие, разбегающиеся мысли, ни на одной не мог остановиться, мучительно вспоминая, где он видел такие же две маленькие дырочки.

Кто-то сказал, что казаки снова собираются пойти по домам. Все стали торопливо прощаться с покойным.

Когда пришли на кладбище, Яшка увидел возле широкой ямы второй гроб с телом молодого доктора

Вениамина, над которым склонился его старший брат — Василий Фомич Лозовой.

Плечи Лозового сотрясались от рыданий. Подойдя ближе, Яшка услышал: «Прощай, Веня, прощай, братишка...»

У гроба отца молча и неподвижно стояла мать.

Никто не произносил речей, не отпевал покойников. Знали, большевиков не отпевают. Яшка смотрел в белое лицо отца и мучительно вспоминал, где он видел такие же дырочки, как следы от пуль на его груди? И вдруг вспомнил: вчера у себя на пальце — две ранки от укуса гюрзы. Две красные точки возле ногтя — и не стало пальца. Две дырочки от пуль — и не стало отца...

Словно прорвав тишину, ударил в уши неумолчный треск цикад. Цикады трещали все время. Но Яшка почему-то раньше не слышал их. Из караван-сарая донесся гвалт пьяных казаков.

Яшка замер, поразившись мысли, которая вдруг пришла ему в голову. Никому не сказав ни слова, он осторожно выбрался из толпы, вышел на дорогу и во весь дух побежал в поселок, сшибая ноги о камни.

Вот почтовая станция, таможня, дальше — стена раскинувшегося широким четырехугольником караван-сарая. Во дворе полно казаков. На улицу выходят окна «номеров» для приезжих. Четвертое окно. Это комната, где только вчера доктор делал ему операцию. Осторожно толкнул створки. Окно не заперто. Раздвинул стоявшие на подоконнике банки и склянки с заспиртованными лягушками и ящерицами. Через мгновение был уже в комнате, открыл дверь, выходившую во внутренний двор.

Во дворе несколько костров, вокруг них горланят казаки. Это пришлые. Своих, дауганских, с погранпоста тут наверняка нет. Ни один житель Даугана, даже мальчишка, не разожжет на открытом месте

костер: на огонь всякая нечисть лезет — и фаланги, и змеи, и скорпионы...

Трясущимися руками Яшка открыл дверцы ящиков со змеями, осторожно отступил к окну. Комнату наполнило грозное шипение: потревоженные кобры и гадюки зашуршали в своих клетках. Яшка вскочил на подоконник, присев на корточки, хотел уже спрыгнуть на улицу, как услышал, что кто-то идет по переулку.

Из ближайшего к окну ящика появилась хорошо видимая при лунном свете голова кобры. Капюшон ее был раздут. Уж кто-кто, а Яшка знал, что это значит: каждую секунду она могла напасть.

Сидя на подоконнике, замирая от ужаса, Яшка лихорадочно переводил взгляд то на кобру, то на появившегося из-за угла казака. Кобра перевалилась через край ящика, упал на пол. В тени не было видно, куда она ползет. Казалось, что змеи шуршат и шипят повсюду. Но прыгнуть из окна — значило попасть в руки казака. Зажмурив глаза, Яшка отсчитывал секунды, решив лучше умереть от укуса змеи, чем быть схваченным казаком.

Наконец казак, пыхнув цигаркой, удалился. Яшка спустился на землю. Сердце колотилось в груди, кровь стучала в висках. Огородами он выбрался на дорогу и во всю прыть понесся к кладбищу.

На месте общей могилы уже вырос небольшой холмик земли. Мать все так же, словно окаменев, стояла возле него.

Люди, провожавшие в последний путь Григория Кайманова и Вениамина Лозового, расходились. Вдруг из поселка донеслись тревожные голоса, ржание лошадей, беспорядочная стрельба.

Лозовой, услышав шум, насторожился.

— Дядя Василий... Я... выпустил в караван-сарае змей Вениамина,— признался Яшка.

Стоявшие рядом женщины заохали: «В домах дети!», «Змеи скотину покусают!»...

— В дома не полезут, уйдут в горы,— сказал Лозовой.— А тех гадов и змеями не потравишь. Каленым железом надо выжигать. Правильно сделал, сынок. Будешь жить, никакой пощады не давай этой сволочи. Им и нам на одной земле места нет.

— Пора, Василий,— сказал отец Алешки Нырка.

Он подошел к Яшкиной матери:

— Вам тоже ехать не близко. Подвода ждет. В поселок больше нельзя.

— А ничего нас тут и не держит,— неожиданно спокойно отозвалась она.— Все выгребли, проклятые. Стол да старую кошму оставили...

Яшка сел рядом с матерью на телегу. Туда же соседи положили кое-какие вещички и еду.

Впереди ждала их темная ночь да узкая тропа, уходившая в горы.

Глава 2
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращение в родные места — это всегда возвращение в далекую и призрачную, прекрасную страну детства. Каким бы трудным ни было детство, оно остается в памяти лучшим временем, дорогим самой первой, неповторимой свежестью чувств. Тем горше сознавать, что пора эта ушла, что вокруг все стало другим, что приходится открывать даже в родном и близком человеке совсем новые, незнакомые ранее черты.

— Не поеду я на Дауган, Яша. У тебя теперь своя семья. С молодой женой едешь. Дай и мне свою судьбу устроить...

Прислонившись к резной стойке крыльца, Яков слушал мать, не зная, как отнестись к ее словам. Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что мать выходит замуж, что в доме свадьба и что отныне Флегонт Мордовцев — его отчим.

Из Лепсинска, где они жили после смерти отца, мать выехала в Ашхабад на три месяца раньше Якова и его жены Ольги, не объяснив причины преждевременного отъезда. И вот теперь новость — свадьба.

«Что ж, не все ей бедовать,— думал Яков,— пора и в достатке пожить... Хозяйство у Флегонта крепкое. Ишь какой дом отгрохал! Крыльцо, наличники, как в хоромах, с резьбой... На трубе жестяной петух. Вроде неплохой человек Флегонт: непьющий, трудяга».

— Как знаете, мама,— повторил Яков.— Один уеду...

— Не один, сынок, с молодой женой,— поправила его мать.— Своей семьей жить будешь. Чего ж еще-то надо?

— Вроде ничего,— по-прежнему несколько растерянно ответил Яков. Мысленно он соглашался с матерью: теперь и впрямь все у него есть.

Женился по любви. Ольга тоже любит его. На Даугане им обещали квартиру. Сам он будет работать, как работал отец, на ремонте дороги. Лошадь для бригады в дорожном управлении дали. И все же... не просто вот так сразу расстаться с матерью.

Скрипнула дверь. Шум и гомон из комнаты, именуемой «залой», вырвались в сени. Послышались твердые шаги. На крыльцо вышел бравый и подтянутый, выглядевший намного моложе своих сорока пяти лет, Флегонт Мордовцев.

— Глашенька, гости ждут. Яков Григорич, что ж здесь-то стоять? — Флегонт развел руками, как бы говоря: «Можно ли в такой день думать о делах?»

Мать улыбнулась, торопливо ушла к гостям. Якова покоробила эта поспешность. Но опять-таки ничего он не мог сказать против Мордовцева: ведет себя как любящий муж, радушный хозяин.

Флегонт был на целую голову ниже Якова, но держался с такой молодцеватой осанкой, что разница в росте совсем не была заметна. Крепкое, с прямым точеным носом и плотно сжатыми губами лицо, карие с прищуром внимательные глаза Флегонта светились радостью. Кажется, он в самом деле счастлив. Что ж, как говорят, совет да любовь. Но ведь выходит за него замуж не кто-нибудь, а родная мать. А как же вся их прежняя, в таких лишениях прожитая жизнь? Как же память отца?

— Ты, Яков Григорич, вижу, любишь свою Олю,— негромко сказал Мордовцев,— а я Глафиру Семеновну с таких вот лет люблю. За отца твоего вышла — не перечил. К старости только счастье добыл. Неужто осудишь?

Флегонт смотрел на него проницательными глазами, в которых не было и признаков хмеля. Неподдельная искренность отчима обезоружила Якова.

— Все, что у меня есть,— продолжал Мордовцев,— Глафире Семеновне и вам с Олей отдам. Одной семьей будем жить. Дауган — вот он, рукой подать. Всего сорок верст. В чем нужда будет — только скажи.

— Да и мы сами на своих ногах,— ответил наконец Яков.

— Правильно,— поддержал Мордовцев и добавил не очень понятное: — Человеку требуется человечье, а мужчина, я думаю, завсегда мужчину поймет... Коня для бригады дали? — меняя тему разговора, деловито спросил Флегонт.

— Для бригады...

— Справный конек. Можно и в упряжку, и под

седло. На Даугане вам придется кое-когда и верхи до заставы гнать: граница! Увидел чужого — сообщи, а то и сам, когда совладаешь, задерживай.

— Мне в дорожном управлении уже говорили,— отозвался Яков.

— Задерживать?

— Ну да... Сказали, там контрабандисты с терьяком [1] толпами прут. Увидишь, говорят, кого из-за кордона, задерживай и руки вяжи. А бежать будет, один раз в воздух, другой — по нарушителю пали.

— Палить-то есть из чего?

— Есть... Берданка, еще батина.— Яков не выдержал, улыбнулся: — Бывает, осечки дает. А так ничего, стреляет...

— Присмотрятся к тебе погранки, винтовку дадут,— уверенно сказал Флегонт.— На заставах народу мало. Без нашего брата им с контрабандой не совладать...

На крыльцо вышла Ольга. Яков с удовольствием посмотрел на ее цветущее лицо, ревниво взглянул на Мордовцева: видит ли он достоинства его жены?

Доброта — главное свойство характера Ольги — была у нее в лице, сквозила в каждом движении. Что говорить, славную жену нашел себе Яков! Вот и сейчас не упрекнет, не поругает за то, что оставил ее среди чужих. Понимает, надо ему и с матерью и с отчимом поговорить.

— Скоро поедем, Яша?

— Переночевали бы,— предложил Флегонт.— Барометр на бурю показывает. Не дай бог в горах настигнет.

«Уж и барометр завел, справный хозяин»,— подумал Яков.

---

[1] Терьяк — опий.

— В горах, что дома,— ответил он.— В случае дождь пойдет, укроемся в гавахе[1].

— И то верно,— согласился Флегонт.— Глаша! Выдь-ка на минутку! Проводим молодых.

Мать поахала для порядка: «Куда ж вы на ночь глядя?», потом принесла корзину всякой снеди, расцеловалась с Ольгой и Яковом, проводила их до телеги, по-здешнему — трешпанки. Груза в трешпанке совсем немного: сундучок с посудой, узлы с постелью, всякой домашностью, брезентовая сумка с инструментом: кирка, лопата, молоток.

Якову стало неудобно перед матерью — бедное у них с женой хозяйство, но, поразмыслив, он успокоился: всем приходится начинать сначала.

Мордовцев вывел коня, запряг, передал Якову вожжи, вернулся в дом и вынес добротную, отливавшую блеском воронова крыла кавказскую бурку.

— На свадьбе вашей мне не довелось быть, но подарок я припас. Получай,— сказал он и, предупреждая возражения Якова, заботливо добавил: — Холодно будет, жену укроешь.

Яков хотел отказаться от богатого подарка, но, вспомнив, что на случай холодной ночи в горах и правда нечем укрыться, взял бурку.

— Спасибо, Флегонт Лукич,— сказал он.— Приезжайте на Дауган. На охоту сходим, может, архара или козла какого подстрелим...

— Дорога знакомая, сто раз приедем,— улыбнулся Мордовцев.— Чай, не чужие теперь.

Последние напутствия, прощальные поцелуи. И вот трешпанка загремела колесами по улицам, мощенным булыжником, направляясь к окраине города, откуда начиналась дорога к границе, на Дауган.

---

[1] Гавах — пещера.

Яков и Ольга еще раз оглянулись на дом Мордовцева, разноголосо горланивший изо всех открытых окон, улыбнулись друг другу, будто сбросили с себя давивший их груз.

Яков чувствовал, что лишь по каплям выжимает из себя скованность и напряжение, оставшиеся от встречи с матерью и отчимом. Он молчал, досадуя, что не на равных говорил с Мордовцевым. Еще и бурку взял. Да и свадьба эта свалилась как снег на голову. Однако вид пыльной дороги, бурых гор, вставших ломаной стеной до самого горизонта, весь этот знакомый с детства простор неба, в котором на немыслимой высоте пластали круги два орла, вытеснили из сердца горький осадок. Перед Яковом постепенно раскрывался полузабытый мир чувств и красок, воскрешенный тем неповторимым ароматом сухой травы, горьковатой полыни, нагретой солнцем пыли, который, один только раз охватив путника, остается в памяти на всю жизнь.

Ольга начала было что-то тихо напевать. Потом легла на брошенное в телегу сено, подложила руки под голову.

— Мы тоже себе отдельный домик поставим, Яша, не хуже, чем у Флегонта,— сказала она.— И столы и стулья, все чисто заведем. Они под старость до хорошего дожили, у нас у молодых все будет.

— Жилье нам дорожное управление даст,— сказал Яков.— Работать буду хорошо, и обстановку заведем.

— Яша, долго дорогу строить? А то построите, и работы не будет.

— Пока все горы на камни не изведем, все будем строить. В одном месте наладим, в другом селевые[1] воды путь размоют. Там уладим, в третьем месте под-

---

[1] Сель — грязевой оползень.

порную стену в пропасть снесет. Горы живут, дышат, так просто человеку не даются. Да и караваны, фургоны, машины без устали дорогу бьют: где камень вывернут, где ям наковыряют. Не отремонтируй вовремя — через год не проедешь...

Яков соскочил с телеги, помогая коню, зашагал рядом, чувствуя, что Ольга втайне любуется его силой.

— Вон в тех отщелках мы с батяней уголь из клена жгли! — показал он.— А там вон дрова рубили...

Мерно мотает головой конь. Подталкивая телегу, Яков смотрит вниз на дорогу, которая каменным ручьем течет под ногами.

— Ай потеряли что? — встревожилась Ольга.

— Нет, не потеряли,— со вздохом отозвался Яков.— Дорогу эту батяня строил. Все кажется: подниму голову, увижу его. То вроде он в карьерах гравий берет, то булыжины отбивает...

Подъем становился все круче. Теперь с телеги сошла и Ольга. Якову и правда казалось, что вот еще поворот, и он увидит группу загорелых ремонтников, среди которых окажется его отец.

— Но, милый!

— Тяжело, Яша?

— Ничего, заберемся!.. По дауганским вилюшкам не то что телеги, ганджинские фургоны ходили! Два коня — в дышло, два — на пристяжке! Только успевай камни под колеса подкладывать!

Знакомый вид гор, чистое небо, на котором еще не было признаков обещанной бури, постепенно вернули Якову душевный покой.

С каждым поворотом дороги перед ним открывались все новые, с детства знакомые места. Он узнавал их, радуясь узнаванию, показывал Ольге то на свесившуюся над обрывом арчу, то на желтоватую осыпь обвала, вспоминал названия троп, ущелий, карнизов.

Наконец из-за поворота выплыла поднявшаяся к поднебесью, протянувшаяся на десятки километров горная гряда Асульмы. Словно гигантские мамонты, прижавшиеся друг к другу, подняли горы к небу каменные лбы, вытянули в долину лапы, опустив между ними хоботы, да так и застыли, став на страже старинной крепости Сарма-Узур, где жил и властвовал грозный предводитель древнего племени Асульма. Крутые ущелья и тропы, отвесно спускавшиеся в долину, рассекали горы на высокие башни, похожие у подножий на бивни мамонтов.

— Колокольня Ивана Великого,— показывая на остатки старой крепости, проговорил Яков.— Считай, полдороги проехали. Только бы не прихватило дождем, пока не выехали из щели.

Он все тревожнее смотрел на вершины гор. Небо стало затягиваться дымкой, горы затуманились. С запада доносились отдаленные раскаты грома.

«Добраться бы до Муса Пей Гамбар, там в гавахе можно переждать непогоду»,— думал Яков. Теперь уж он ругал себя за то, что не согласился на ночь остаться в городе. Там, где они сейчас ехали, дорога шла по дну ущелья. Беда путникам, если хлынет ливень и настигнет их в этом месте. Потоки с гор валом двухметровой высоты устремятся в ущелье, все сметут на своем пути!

— Но, милый!..

Как ни старался Яков скрыть тревогу от Ольги, беспокойство передалось и ей. Теперь и она шла, держась за телегу, едва поспевая за широко шагавшим мужем. Поворот, еще поворот. Дорога снова пошла на подъем. Здесь уже не так страшны дождевые потоки. Но ливень мог прихватить их и на этих склонах...

Яков снова посадил Ольгу на телегу. Теперь он почти бежал, подгоняя лошадь, стараясь поскорее миновать опасное место. Наконец открылось небольшое

плато, бурое от пожухлой травы. Посреди него возвышался вросший в землю прямоугольный камень.

— Ну вот и Муса Пей Гамбар — Моисеева лапа,— с облегчением сказал Яков.— Отсюда до гаваха рукой подать...

Он решил дать себе и коню отдохнуть. Натянул вожжи. Ольга сошла с телеги, с удивлением стала рассматривать камень: на верхней грани его был ясно обозначен след чарыка [1].

Сходство со следом было таким точным, что, казалось, будто не позже, как вчера кто-то оставил на камне отпечаток ноги.

— По преданию,— сказал Яков,— именно здесь святой Муса, по нашему Моисей, в последний раз оттолкнулся от земли и вознесся на небо. У мусульман камень — святыня. Паломники приходят сюда, оставляют талисманы и амулеты, костяшки, жестянки. Мы, когда были пацанами, уж на что по всей округе рыскали, и то талисманы эти не трогали...

Глаза у Ольги округлились от суеверного ужаса. Яков прикусил язык: и так тревожно, а тут еще страху нагнал.

— Ерунда этот Муса Пей Гамбар,— сказал он.— Какой-нибудь мулла след на камне зубилом высек, чтобы людям головы морочить...

— Не говори так, Яша.— Ольга испуганно оглянулась. Она словно ждала, что вот-вот выскочит на коне из своей крепости Асульма, а то и сам Муса Пей Гамбар появится на священном камне.

Надвигавшиеся с запада тучи уже задевали вершины гор. Гулко рокоча, перекликаясь с тысячеголосым эхом, лихо разгуливал в горах гром.

— Теперь нам дождь не страшен,— сказал Яков.—

---

[1] Чарыки — самодельная обувь.

До гаваха с полверсты, не больше. А там дровосеки или дорожные рабочие дрова оставляют, а когда удачная охота, то и жареное мясо, по-здешнему — коурму. Разведем огонь, чайку вскипятим...

Ольга немного приободрилась, снова села в трешпанку. Но не проехали они и пятисот шагов, как на повороте дороги конь всхрапнул и, пугливо косясь на скопившиеся в канаве колючки яндака, шарахнулся в сторону.

— Стой! Тпру! Стой! — Яков натянул вожжи.

На пыльной обочине ясно отпечатались совсем свежие следы чарыков: кто-то еще кроме них спешил укрыться в пещере. Следы доходили только до колючек: с другой стороны канавы пыль не тронута.

— Что это?..— замирая от страха, спросила Ольга.

— Посмотрим,— как можно спокойнее отозвался Яков и на всякий случай взял с трешпанки лежавшую под брезентом отцовскую берданку. Вытащив из сумки кирку, осторожно приподнял ею ворох колючек.

Ольга вскрикнула: под колючками, скрючившись в три погибели, лежал человек. Рядом — набитый чем-то твердым большой мешок.

— Эй, приятель! — крикнул по-курдски Яков.— Салям, дорогой. Вылезай!

Человек не двигался.

— Вылезай, не бойся!

Человек, отряхивая пыль и сухие колючки, нехотя поднялся. Желтое, изможденное лицо выдавало в нем завзятого курильщика опия — терьякеша. Вылинявшие, грязные штаны и рубаха, вязанная из верблюжьей шерсти круглая шапочка были так же стерты и поношены, как и его лицо.

— Кургум ми? [1] — иронически спросил Яков и по-

---

[1] Как дела?

думал, что в неподходящее время пришлось ему встретиться с первым контрабандистом.

— Ай плохо, начальник, совсем плохо! — отозвался тот.

— Оружие есть?

Задержанный отрицательно мотнул головой.

— Давай бичак! — Яков протянул руку.

Контрабандист нехотя подал ему ручкой вперед нож с длинным лезвием.

— Ну а теперь что мне с тобой делать?

Задержанный молчал. Дышал он тяжело и часто, наверное, бежал в гору, спеша укрыться от дождя.

— Как зовут?

— Каип Ияс. Бедный Каип Ияс! Ай, начальник, отпусти домой! Пять детишек дома, кушать нету. Мало-мало бежал в город на базар, оборот сделать. Совсем пропал бедный Каип Ияс. Не приду домой — помрут детишки!

Яков перевел Ольге его ответ.

Пограничные законы предписывают немедленно доставлять задержанного на заставу. Но куда пойдешь, когда вот-вот хлынет ливень, только бы успеть до пещеры добежать. Да и по всему видно, не такой уж опасный этот контрабандист. Шаромыжник, последний бедняк. От крайней нужды пустился на риск. Яков постеснялся даже связать ему руки. Ведь вздумай кочахчи бежать, он догнал бы его в три прыжка.

— Давай, Каип Ияс, забирай свой хабар,— сказал Яков,— яваш-яваш [1] к гаваху пойдем, а то дождь накроет.

Словно в подтверждение его слов, сверкнула молния, ахнул гром, в дорожную пыль, как пули, ударили первые крупные капли.

---

[1] Яваш-яваш — потихоньку.

— Начальник! — взмолился задержанный.— Отпусти Каип Ияса! Хочешь, возьми все, только отпусти!

Яков молча поднял заплечный мешок контрабандиста. Туго набитая торба оказалась удивительно легкой. Рука прыгнула вместе с мешком выше головы.

— Ты что, воздухом торгуешь?

— Ай, начальник, зачем воздух? Тяжело таскать Каип Ияс не может, а спички тоже хороший товар! Он прищелкнул языком. На его желтом от опия морщинистом лице мелькнула хитроватая улыбка: мол, не последний коммерсант в закордонье кочахчи Каип Ияс!

Привычным движением он напялил на себя лямки. Почувствовав свое богатство за спиной, заметно повеселел:

— Мало-мало коурмы, яичек продал, спички купил,— пояснил Каип Ияс.— Ай, дождь спички испортит! — Он еще раз, теперь уже с явным беспокойством, поцокал языком. Крупные капли дождя барабанной дробью защелкали через мешковину по спичечным коробкам.

«Контрабандные спички теперь принадлежат государству, их надо в целости и сохранности доставить на заставу, так что нет никакого резона оставлять торбу под дождем»,— подумал Яков.

— Шаромыга ты и есть шаромыга,— накрывая Каип Ияса взятым с телеги мешком, сказал он.— Давай-ка руки. Хоть ты и шаромыжник, а веревочкой я тебя спутаю.

Он снова окинул взглядом горизонт. Теперь уже все небо затянули сизые тучи. Беспрерывно рокотал гром. Веяло сыростью. С запада приближался ровный гул: в каком-нибудь километре, надвигаясь сплошной стеной, хлестал ливень.

Продираясь напрямик, через заросли ежевики и

шиповника, изо всех сил помогая коню, Яков чуть ли не на себе втащил телегу к небольшой площадке, широким карнизом уходившей за склон горы. Там был гавах — пещера, где они могли переждать бурю. Дождь настиг их у самого входа, зиявшего черной пастью. При блеске молнии Яков рассмотрел тоненький ручеек, струйкой выбегавший из пещеры.

Привязав вожжи к обломку скалы, он сбросил под навес узел с постелью, поправил брезент, которым укрылась сидевшая на телеге Ольга, посадил Каип Ияса у входа, стянул ему поясным ремнем руки и только после этого вошел в пещеру. Он знал, что у родника всегда можно встретить змей, фаланг, скорпионов. Навстречу вылетела из пещеры прямо под дождь сизоворонка, скользнула вдоль стенки ящерица. Перевернув несколько камней, Яков раздавил пытавшегося скрыться скорпиона, весело крикнул:

— Заходи, Оля! Сейчас костер запалим, будет тепло и сухо.

Пещера то и дело освещалась блеском молний. Гулко отдавались под сводами раскаты грома. Вовсю разгулявшийся дождь звучно шлепал мокрыми ладошками по плитняку.

Змей в пещере не было. Но не было и дров. Яков взял топор и, в одно мгновение вымокнув до нитки, принялся рубить ствол сухой арчи, который сразу же нашел в темноте, раздираемой вспышками молний. Притащив арчу в пещеру, нарубил щепы. Разгораясь, костер осветил гавах, отодвинул темноту, завешанную сверкающими нитями дождя. Яков зажег смолистый сук, поднял его над головой и еще раз осмотрел убежище.

По сравнению с водопадом, низвергавшимся сейчас с небес, родничок в глубине гаваха казался беспомощным. Но ливни приходят, размывают горы, сносят со

склонов песок и камни, все крушат и ломают на своем пути и снова уходят. А родники, разбросанные по неисчислимым ущельям и распадкам, остаются. Это они постоянно дают влагу и жизнь людям, зверям, всему живому.

С детства приученный беречь воду, Яков относился к родникам как к одушевленным существам. Всегда заботливо расчищал каждую влажную ямку, добирался до водоносного песка, начинающего вдруг шевелиться бугорками на дне прозрачной, как горный хрусталь, лужицы. Поэтому, хотя воды сейчас в горах был целый океан, Яков обрадовался этому скромному родничку, как будто только он один мог утолить жажду.

— Родник зовут Ове-Хури,— сказал он Ольге.— Курды говорят: попьешь этой воды, не будешь болеть оспой.

Заскрипела телега. Лошадь стояла у самого входа в пещеру и, понуро опустив голову, терпеливо мокла под дождем. Яков поднялся, выпряг ее, надел через упругие шелковистые уши торбу, похлопал по шее. Каурый с видимым удовольствием фыркнул в торбу и, покосившись на Якова повеселевшим глазом, принялся хрустеть овсом.

— Ну, Оля, будем устраиваться,— стаскивая с себя мокрую одежду и выжимая ее у входа, сказал Яков.— Слыхал я, дворяне краль своих в свадебные путешествия возят. Голову даю на отсечение, ни у кого не было такого путешествия, как у нас. Тут тебе и пещера, и гроза, еще и контрабандист в придачу.

Ольга расстелила на каменном полу пещеры кошму, сложила на нее пожитки, сверху накрыла буркой и принялась хлопотать у костра, разогревая коурму, устанавливая на камни чайник с родниковой водой.

— Кроме шаромыги-контрабандиста есть еще и муж непутевый,— сказала она.— Надо бы в городе под кры-

шей сидеть, так он с женой и хозяйством едва с горы не поплыл.

— А чем здесь не крыша? — присаживаясь на корточках к огню, улыбнулся Яков. Сильное тело его в отсветах костра бугрилось узлами мышц. Пар шел от мокрых рук и лица.

Для Ольги, конечно, вся эта обстановка непривычна, но она молодец: держится, виду не подает. Каип Ияс — курд, и то все прислушивается, что там делается снаружи.

— Что скажешь, Каип Ияс? Как дела? — обратился Яков к задержанному, развязывая ему руки.

— Плохи дела, яш-улы[1],— расправляя занемевшие руки, невесело ответил тот.— Большая вода пришла. Плохо, очень плохо, ай как плохо! — Его желтое, сморщенное лицо казалось совсем растерянным.

Удары грома, гулко отдававшиеся в горах, заставляли Каип Ияса вздрагивать, постоянно оглядываться на темный, словно завешанный сверкавшими струями вход в пещеру.

— Помню, был такой дождь,— продолжал Каип Ияс.— Отары смыло водой, аулы смыло водой, поля смыло водой, утонуло много людей. Аллах наказал. Большое горе пришло...

«Да, зададут дел селевые воды,— подумал и Яков.— Наделают промывин в дороге, до Даугана не доползешь».

Он перевел Ольге смысл разговора с Каип Иясом, подал кочахчи миску с коурмой и чурек[2], сам тоже принялся за еду. Снаружи все настойчивее доносилось журчание ручьев по склонам, все усиливался гул потока, бушевавшего внизу.

---

[1] Яш-улы — дословно «большие годы», уважительное обращение.

[2] Чурек — хлебная лепешка.

— Такой ливень долго не продержится, вода враз сбежит, утром уж по сухому поедем,— сказал Яков.

Ольга, сначала боявшаяся Каип Ияса, уже освоилась и теперь смотрела на ходившего по горам с таким большим ножом человека «с той стороны» без видимого страха.

— Яша, может, ему еще дать поесть? Смотри, какой заморенный.

— Он же не настоящий контрабандист, а шаромыжник. Такого корми не корми, все равно не в коня корм.

— Я — курд! — вдруг ударил себя кулаком в узкую грудь Каип Ияс, догадавшийся, что речь идет о нем. Глаза его заблестели лихорадочным блеском. Он быстро окинул взглядом пещеру, Якова, Ольгу, потом уставился в костер, как будто видел там что-то такое, чего другие не видели и не могли видеть.

— Эге,— подозрительно присмотревшись к нему, сказал Яков,— уже хватил терьяку. Когда только успел!

— Пусть он уходит, Яша, идет домой или в другую пещеру! — проговорила Ольга.— Разве можно ночевать в одной пещере с терьякешем?..

Яков улыбнулся:

— Он теперь спать будет. Из пушки пали — не разбудишь. Да и я рядом. Никакому терьякешу тебя в обиду не дам...

Яков еще раз окинул взглядом пещеру и успокоился. Перед ним была самая мирная картина: полный жарких углей ко-

стер, на костре — тянувший свою уютную песню чайник; на закопченных камнях — миска с коурмой; в одном углу — постель для Якова и Ольги, в другом — кошма для Каип Ияса. Конечно, Якову, пока не сдаст контрабандиста на заставу, спать не придется. Но все равно сидеть у костра сухим и сытым, слушать шум дождя — любо-дорого! Не то что мокнуть на дороге, под открытым небом.

Яков сладко потянулся, разогретый жаром, идущим от костра, прикрыл глаза. Странные звуки донеслись до его слуха. Кто-то играл на свирели.

Борясь с дремотой, Яков решил было, что свирель ему приснилась, но звуки повторились. Он открыл глаза.

Каип Ияс сидел по-восточному у стены гаваха и с упоением выдувал из дудочки — по-местному блюра — незамысловатую мелодию.

— Слышь, Каип Ияс,— окликнул его Яков,— хороша твоя песня, только длинная.

— Ты мне веревкой руки испортил, плохо получается,— откликнулся Каип Ияс.— Подожди, пальцы отойдут, лучше сыграю.

— Чудной какой-то,— невнятно пробормотал Яков.— Через границу идет, жизни не жалеет, а пальцы бережет...

Никогда прежде ему не доводилось слышать, чтобы контрабандист брал с собой дудку. Музыка Каип Ияса была унылой,

как осенний ветер, но звуки блюра Якову не мешали. Спокойно к ним отнеслась и Ольга. Тем не менее Яков смотрел теперь на Каип Ияса подозрительно: кто его знает, не морочит ли голову, не зовет ли своих на помощь? Хотя кто может услышать его в такую грозу!

Яков подбросил в костер дров. Вспыхнувшее пламя ярко осветило гавах, сидевшего у стены Каип Ияса...

Глава 3

СВЕТЛАНА

Жарко пылал костер. Слышался ровный шум дождя, перемежавшийся раскатами грома. Бесконечно тянул заунывную мелодию на своей дудке Каип Ияс, словно жалуясь на свою судьбу.

Яков и Ольга, устроившись рядышком на камне, молча смотрели в огонь. В гавахе стало тепло и уютно. Но Якову было тревожно: ночью в горах все может быть.

— А-а-а! — раздался неподалеку отчаянный крик. Яков вскочил.

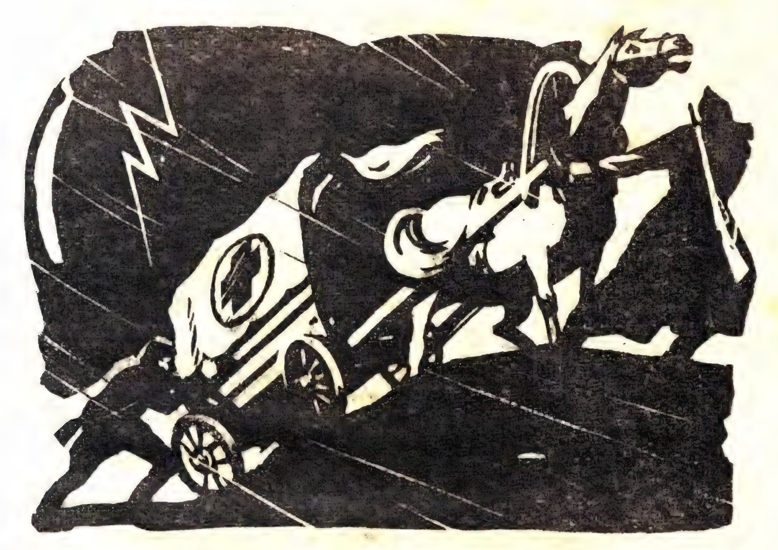
— Кричат,— испуганно сказала Ольга.

Крик повторился. Яков прикинул, где случилось несчастье. Скорее всего там, где они шли по отщелку. Он уже напялил на себя непросохшую одежду, сунул ноги в сапоги. Вспомнив о Каип Иясе, поставил берданку рядом с Ольгой:

— Охраняй, а то убежит.

— Ты что? — испугалась Ольга.

Досадуя на задержку, Яков снова связал Каип Ияса. Остаток веревки — добрых двадцать метров — прихватил с собой. Выскочив из пещеры, на мгновение остановился, ослепленный темнотой. На него обрушились по-

токи воды. Мокрая одежда прилипла к телу, между лопатками побежали холодные струйки.

Полыхнула молния, осветила площадку перед гавахом, карниз, исчезающий за склоном горы, где проходила в отщелке дорога.

Площадка показалась совсем маленькой, карниз — узким. За обрывом — затянутая сеткой дождя пустота.

— А-а-а-а! — снова раздался приглушенный шумом дождя крик.

Яков бросился на голос, обогнул скалу, при свете молнии увидел повозку военного образца с натянутым на дуги брезентом. На брезенте в белом круге красный крест.

Рослый пограничник в буденовке и в плаще с капюшоном, уцепившись одной рукой за ствол дикого клена, другой держал под уздцы лошадь, скользившую копы-

тами по камням. Мутный поток захлестывал повозку. Якову показалось, что она медленно сползает к краю карниза и вот-вот полетит в пропасть.

— Дер-жи-и-и-сь! — крикнул он, на бегу сматывая веревку вдвое. Мгновенно накинул петлю на ступицу колеса, притянул к стволу клена, нырнул под морду лошади, замотал другой конец веревки вокруг оси с другой стороны возка, крепко затянул узел.

— Я тут и одын утримаю! [1] — крикнул приободрившийся пограничник.— Рятуй [2] Свэтлану!

— Что делать? — не понял Яков.

— Свэтлану спасай!

— Где она?

— За бричкой.

Снова вспыхнула молния. Яков увидел невысокую женщину в плаще с капюшоном, изо всех сил упиравшуюся сзади в повозку.

— Держи-и-и, Дзюба-а-а! — резанул уши Якова ее звонкий голос. Он узнал крик, который слышал в пещере. Повозка натягивала веревку и все еще оседала назад, сталкивала с карниза женщину. Она делала отчаянные усилия удержаться, но мутный поток захлестывал ее. Женщина в любой момент могла свалиться вниз, и Яков не успел бы схватить ее за руку.

Не раздумывая, он прыгнул к краю карниза и, обдирая колени и ладони, заскользил по крутому склону. По ногам хлестнули ветки куста. Яков мертвой хваткой вцепился в него, почувствовал, как в ладони глубоко вонзились колючки. Тут же едва успел схватить оторвавшуюся от повозки женщину.

Куст затрещал под двойной тяжестью. Яков нащупал ногой какой-то выступ.

---

[1] Утримаю — удержу.

[2] Рятуй — спасай.

— Э-г-г-гей! — раздался прямо над головой испуганный возглас Дзюбы. При очередной вспышке молнии над краем карниза четко обозначился силуэт пограничника.

— Здесь мы! — отозвался Яков.— Разверни возок поперек склона, отвяжи веревку, спускай сюда.

Через минуту конец веревки, взметнувшись петлей над головами Якова и Светланы, упал рядом. Первой Дзюба вытянул наверх женщину, затем Кайманова.

Якова удивило, что спутница пограничника будто и не испугалась.

— Спасибо, что выручили,— сказала она, пытаясь в темноте рассмотреть поцарапанные ладони.— Покажите ваши руки. Наверное, тоже ободрали о камни?

— Пустяки... У вас — другое дело.

— Жаль, темно, ничего не видно.

— Пустяки,— повторил Яков.— Пройдет.

Дзюба, держа лошадь под уздцы, будто ничего не случилось, спокойно проговорил:

— Я ж казав вам: идить со мной рядом, Свэтлана Николаевна. Уж теперь-то я вас ни на шаг от себя не отпущу...

— Давай я со Светланой Николаевной впереди пойду. К гаваху тропу лучше знаю,— предложил Яков.— А ты сзади за возком смотри, чтобы юзом не съехал.

— И то дило... Умну ричь и дурень поймэ.

Покачивая широкими плечами, задевая за камни промокшим плащом, по которому продолжал барабанить дождь, Дзюба обошел возок, весело крикнул:

— Пишлы!

Взяв под уздцы коня, Яков повел его по дороге к пещере. Светлана шла рядом — между ним и склоном.

— Мы ведь тоже к этому гаваху ехали,— сказала она.— Совсем немного осталось. А все из-за Дзюбы. Ка-

кой сам, такой и конь. Оба на ходу спят, как говорят наши пограничники, «хмыря давят».

«Пещеру гавахом называет, по-курдски,— подумал Яков.— Значит, не первый день здесь живет».

— Шо там такэ? — услышав свою фамилию, откликнулся шагавший позади Дзюба.

— Видали? — сказала Светлана.— Я спрашиваю, как там у тебя? — крикнула она.— Скоро придем?

— Та вже скоро.

Впереди показалось яркое пятно: вход в пещеру, освещенный костром. На светлом фоне — темная фигура встревоженной Ольги, вышедшей прямо под дождь.

Светлана быстро направилась к ней, откинула капюшон плаща.

— Здравствуйте! Меня зовут Светлана Карачун. Просто замечательно, что у вас тут и костер, и ужин, и постели. Дзюба,— обратилась она к своему повозочному,— принесите, пожалуйста, мой вещмешок и санитарную сумку. А это кто? Шаромыжник? Что ж вы его спутали? Боитесь, убежит? Вы приезжие? Да? — Тут же решительно объявила: — Мужчинам в гавах пока не входить!

Ольга обрадованно поздоровалась, проводила гостью в пещеру.

Прислушавшись, Яков догадался, что спасенная им от верной смерти женщина переодевается и перевязывает ободранные при падении колени. Судя по возку с красным крестом, нетрудно было понять, что она фельдшер или врач. Кайманова неприятно задело, что незнакомка сочла его новичком, приезжим, да еще таким, какой из страха скрутил руки несчастному шаромыге.

С помощью Дзюбы он выпряг коня, привязал его рядом со своей лошадью, задал овса. Теперь Яков и

Дзюба стояли и мокли у входа, дожидаясь, пока им разрешат войти.

— Кто такая?

— Та жинка начальника заставы. Доктор. Санчастью командуе. Поихалы за медикамэнтами, а воно,— Дзюба ткнул пальцем в небо,— як курыць помамочило...

— Звать тебя как?

— Степаном.

— Меня Яковом. Ну что ж, Степа, давай закурим, раз домой не пускают.

— Мабуть, тютюн промок,— озабоченно хлопая себя по карманам, сказал Дзюба.

— Закуривай моего.

Дзюба свернул цигарку в палец толщиной, отворачиваясь от ветра, зажег спичку. Яков присмотрелся к нему. Голенища его сапог на одну треть разрезаны по шву — видно, не налезали по-доброму на могучие икры.

— Можно! — крикнула Светлана.

Яков вошел, глянул на повеселевшую Ольгу. С появлением Дзюбы и Светланы она перестала бояться грозовой ночи, незнакомого места, хотя и захудалого, но живого контрабандиста. Добавила в чайник воды, поставила его на закопченные камни в костер, стала доставать из корзины продукты, полученные в дорогу от свекрови.

Светлана подошла к Якову. Пальцы у нее были забинтованы.

— Все-таки давайте я посмотрю ваши руки,— сказала она.

Теперь, при свете костра, он рассмотрел ее: волосы темные, глянцевитые, с завитками у висков, заплетены в короткую косу, уложенную на затылке. Быстрые, тоже темные глаза на удивительно белом для этих мест лице, необычайно живые.

— А что с руками? — услышав разговор, всполошилась Ольга.

— В темноте за куст неловко взялся, колючек понавтыкал...

— За куст взялся, когда меня от смерти спасал,— сказала Светлана.— Ваш муж настоящий герой: не раздумывая прыгнул с обрыва, чтобы меня перехватить...

— Яша у меня смелый, все так говорят,— простодушно подтвердила Ольга.

Обе женщины принялись вытаскивать занозы из его рук, перевязывать ссадины на пальцах, смазывать их йодом.

Вежливо поблагодарив за помощь, он подошел к контрабандисту, начал развязывать ему руки. Сзади послышался смех. Смеялась Светлана.

— Почетно упаковали,— сказала она.— Этот шаромыжник еще подумает, что его приняли за какого-нибудь главаря. Поживете здесь, привыкнете: таких гостей каждый день ловим... Оленька, давайте ужинать и спать. Мужчины, организуйте охрану.

Яков продолжал молча развязывать Каип Ияса. Не мог же он объяснять, что, мол, связал его только потому, что оставил под охраной Ольги.

— Давай, Степа, твою винтовку и ложись спать, а я пока посижу,— предложил он Дзюбе.— Не ровен час, еще какие кочахчи от дождя в гавах полезут.

— Не положено передавать,— Дзюба развел руками.— Личное оружие. Я ее пид бок положу, як шо почуешь, гукны, я и вскочу...

«Вскочишь ты, как же! — подумал Яков, вспомнив разговор о том, что Дзюба на ходу спит.— Экий увалень уродился».

— Ладно,— сказал он,— я и с берданкой посижу.

Помог Ольге расстелить бурку, сел у входа перед

костром, подбросил дров в огонь. Золотистым роем взметнулись искры. По-прежнему доносился мощный гул потока, бушевавшего где-то внизу. Дождь начал стихать. Он уже не шлепал по камням, а тихо шелестел, словно хотел змейками-ручейками прокрасться в пещеру.

Где-то заурчал горный леопард. Видно, родник Ове-Хури посещали не только змеи и ящерицы. Но сейчас вокруг сколько угодно воды, у входа в гавах горел костер — никакой зверь не опасен. Подложив в огонь остаток дров, Яков уже перед рассветом с трудом разбудил Дзюбу, лег на его место и, едва коснувшись головой скатки, служившей подушкой, крепко уснул.

Проснулся Яков от яркого солнца, светившего в глаза. Костер потух. Над головешками, покрытыми пеплом, синей струйкой курился дымок, насквозь пронизанный бьющим сквозь расселину солнцем. Дзюба клевал носом, стоя у входа. Опираясь на винтовку двумя руками, он едва не напарывался на штык. Заметив, что Яков проснулся, Дзюба тут же чуть ли не на четвереньках полез на его место. Ольга и Светлана спали, укрывшись буркой. У стенки пещеры, скрючившись, спал на кошме Каип Ияс.

Яков вышел на площадку перед гавахом. Все видимое отсюда пространство искрилось и сверкало. Еще не высохшие капельки дождя переливались огнями на метелках гули-кона. В ущелье, на дне которого продолжала шуметь вода, клубился белый туман. Призрачными испарениями курились склоны гор. Легкий парок поднимался от лошадей, подставивших утренним лучам солнца чисто вымытые, лоснящиеся спины.

Огромная чаша из горных склонов, открывшаяся ему, была переполнена прозрачным воздухом, свежестью, светом. Якова встречало такое радостное утро, а в груди была такая легкость, что, казалось, расставь

он руки — полетел бы над склонами гор, над вилюшками дороги, уходящей к Даугану, над глубоким ущельем, скрытым полупрозрачным туманом.

Из отщелка, в котором Яков ночью встретил Дзюбу и Светлану, послышался дробный цокот копыт. Появились два пограничника: один — рядовой, с притороченной к седлу клеткой с голубями, второй, судя по треугольникам в петлицах,— командир отделения. Натянув поводья, они соскочили на землю.

— Погранпатруль,— представился командир отделения.— Прошу предъявить документы.

— Командир Галиев, наши! — воскликнул его напарник, увидев спавшего у самого выхода из гаваха Дзюбу.

— Дзюба, встать! — приказал Галиев красноармейцу и, обращаясь в темный провал гаваха, уже другим голосом добавил: — Светлана Николаевна, доброе утро. Начальник беспокоится, всю ночь вас искали. Пора домой. Красноармеец Шаповал, отправьте донесение на заставу,— обратился он к приехавшему с ним пограничнику.

Тот написал что-то на бумажке, вложил ее в патрончик с крышкой, привязал к лапке голубя, высоко подбросил птицу вверх. Выпустил из клетки второго голубя. Некоторое время смотрел, как голуби, сделав круг над площадкой, взяли курс на заставу.

Яков подумал: «Не долетят!» И в самом деле, как раз было время, когда соколы выкармливали птенцов и потому беспощадно истребляли все живое, что было им под силу.

— Яков Григорьевич Кайманов! — представился он, протягивая справку о назначении его в бригаду ремонтников.— Эй, Каип Ияс,— окликнул он задержанного.— Вставай, яш-улы, иди познакомься со своими друзьями.

Каип Иясс, еще более желтый и сморщенный после сна, почесываясь и пожимаясь от утренней свежести, вышел на свет.

— Командир! Смотрите! — удивленно воскликнул красноармеец Шаповал.— Недели не прошло, как я его задержал. А он опять здесь!..

— Может, не он? — усомнился Галиев.

— Точно, он. Зачем ходишь, тебя ж только что ловили, а ты опять пришел?

— Белемок [1],— забормотал Каип Иясс, видимо не понимая, что ему говорят. Яков перевел вопрос Шаповала. Галиев удивленно поднял брови.

— Начальник! — по-курдски сказал Каип Иясс.— Никогда больше не буду. Отпусти домой. Дома мала-мала ребятишки плачут. Не отпустишь, совсем помрут ребятишки.

Яков перевел и эти его слова.

— Вы понимаете по-ихнему? — подозрительно спросил Галиев и еще раз взял у Якова для проверки выданную дорожным отделением и заверенную управлением погранвойск справку.

— Здесь вырос, курдский — мой второй язык,— сказал Яков.

Галиев, маленький, плотный, скуластый, с четко обозначившимися под гимнастеркой грудными мускулами, щелкнул каблуками, приложил руку к шлему-буденовке:

— Возьмите ваш документ. Красноармеец Шаповал, конвоируйте задержанного на заставу. Дзюба, встать! Запрягайте коня!

— Та я вже запрягаю,— поднимаясь со своего места, позевывая, нисколько не удивившись появлению Галиева и Шаповала, сказал Дзюба.

---

[1] Белемок — не понимаю.

— Разговорчики! — сердито вращая глазами, воскликнул Галиев.

«Что его так заботит?» — подумал Яков и усмехнулся, догадавшись, в чем дело: вместе с Дзюбой сам будет провожать Якова до Даугана, никому не доверит! Службист...

— Батюшки! Как хорошо-то! — выйдя на площадку перед гавахом, воскликнула Светлана.— Оля, скорей сюда! Смотри, какое замечательное утро! Здравствуйте, спаситель! — приветливо кивнула она Кайманову.

— Здравствуйте,— отозвался он и с не понятной самому себе нежностью добавил, обращаясь к жене: — Оля, давай укладываться.

Ольга лишь мельком взглянула на него, быстро приготовила из остатков снеди завтрак, стала сворачивать постели.

Сам он принялся запрягать гнедого, напевая вполголоса:

Там вдали за рекой загорались огни,
В небе ясном заря догорала.
Сотня юных бойцов из буденновских войск
На разведку в поля поскакала...

Эту песню он всегда мурлыкал себе под нос в минуты душевного равновесия.

— Яш-улы! — окликнул его Каип Ияс, которого Галиев и Шаповал уже приготовились конвоировать на заставу.— Спасибо тебе за ужин и ночлег. Каип Ияс — бедный человек, но добро помнит.

— Ладно, топай,— проворчал Яков, еще раз обозвав шаромыгой Каип Ияса.

— Что он сказал? — перебегая подозрительным взглядом с Якова на задержанного и обратно, спросил Галиев.

— Благодарит за хлеб, за соль,— сказал Яков, отлично понимая, что Галиев, то ли башкир, то ли

татарин, не может не знать таких слов, как «як-ши» и «яш-улы».

После завтрака сложили вещи на уже просохшую под жарким солнцем телегу и в сопровождении сидевшего верхом на коне Галиева отправились в путь, выискивая неповрежденные участки дороги.

На выходе из ущелья вся дорога размыта. Вместо булыжного покрытия — наносы песка и гальки. По одну сторону размытого участка уже скопилось несколько машин и повозок. А сколько таких участков на всем протяжении от города до Даугана!

Когда подъезжали к широкой промывине против щели Сия-Зал, откуда и сейчас бежал мутный ручей, с другой стороны к промывине подъехала подвода, запряженная парой лошадей. Правивший лошадьми человек, показавшийся Якову знакомым, соскочил с телеги, остановился у промывины. Кайманов сразу узнал в молодом курде верного друга детства Барата.

Остановив лошадь, он тоже подошел к краю промывины, защищая рукой глаза от бившего прямо в лицо утреннего солнца.

То ли Барат увидел, что на левой руке смотревшего на него рослого человека не хватает безымянного пальца, то ли по другим приметам узнал друга, но до Якова донеслось громкое взволнованное восклицание:

— Ёшка, скажи, дорогой, сплю я или не сплю? Ты это или не ты?

— Я, Барат, я,— отозвался Яков, чувствуя, как увлажняются глаза.

Барат, превратившийся за время разлуки во вполне сложившегося мужчину, перешел вброд прямо в чем был — в брюках и чарыках — через шумевший поперек дороги поток, бросился к Якову. Тот раскрыл навстречу ему объятия.

— Салям, Барат-джан! Здравствуй, дорогой друг! Как я рад тебя встретить на родной земле! А это моя жена,— представил Яков Ольгу.

— Салям, баджи![1] Коп-коп салям, сестра милая,— искренне приветствовал ее Барат.

По улыбающемуся и в то же время настороженному лицу Ольги Яков видел, что физиономия Барата показалась ей самой разбойничьей.

— У меня тоже есть жин,— с гордостью заявил Барат.

— О-о! — протянул Яков. По старой памяти встретил он Барата как мальчишку, вместе с которым ловил змей и резал мешки караванщиков, а оказывается, разговаривать с ним надо как со взрослым мужчиной. Яков хорошо знал обычаи курдов.

— Кургун ми, брока чара?[2] — перейдя на серьезный тон, спросил он.

— Кургун якши![3] — сразу оценив вежливость Якова, ответил Барат.

Теперь нужно было спросить, как его настроение:

— Аволата чара?

Барат, улыбаясь, ответил, что и настроение в порядке.

После этого полагалось справиться, как себя чувствует сын, но Яков не знал, есть ли у Барата сын.

— Лоук чара? — спросил он полушутливо.

Барат расплылся в сияющей улыбке:

— О, якши! Бик якши!

— Жиннета чара? — спросил Яков, зная, что сначала надо спросить, как себя чувствует сын, а потом уже, как себя чувствует жена.

---

[1] Баджи — женщина.
[2] Как живешь, брат?
[3] Очень хорошо!

— Бик якши.

— Качик чара? (Неужели у него и дочка есть?)

К удивлению Якова, оказалось, что у Барата есть и качик, и тоже — якши! Ай да Барат!

Теперь полагалось спросить о хозяйстве: как, мол, чувствует себя твоя лошадь — «мойн чара?», как поживают твоя корова — «мунге чара?», бараны — «паз чара?», собака — «сека чара?». Но Барат, загордившийся было от таких знаков уважения, не выдержал, обернулся к выстроившимся по ту сторону потока рабочим и завопил во все горло по-курдски:

— Эй, Алешка! Эй, Мамед! Эй, Балакеши! Эй, Савалан! Ёшка-джан приехал! Надо на охоту скорей, архаров стрелять! Большой шашлык будем делать!

На той стороне потока стояли рабочие бригады Барата, махали руками, приветствовали Якова. Среди них Яков увидел Алешку Ныркa, которого сразу узнал по широкому добродушному лицу.

Два человека отделились от группы и, помахав Якову и его спутникам ружьями над головами, ушли в горы, как понял Яков, в надежде подстрелить козла или архара. Алешка Нырок и толстый Мамед Мамедов по примеру Барата перешли ручей вброд. Остальные принялись ставить палатки.

Такой сердечный прием развеял у Ольги смутные опасения, хотя разбойничья физиономия Барата и сейчас не внушала ей особого доверия.

Скосив глаза, Яков усмехнулся, отметив разочарование на скуластой физиономии Галиева, который теперь убедился, что Яков никакой не нарушитель, а местный старожил.

— Ну вот мы и дома,— сказал Яков, помогая Ольге сойти с подводы.— Желаю хорошо доехать,— с той же усмешкой сказал он наблюдавшим за ним Светлане и Дзюбе.

— А давай, Яша, твого тютюна закурымо,— предложил Дзюба.— Мий шось нэ высох.

Яков подошел и дал Дзюбе свой кисет, перехватил укоризненный взгляд Светланы.

— Вы скрытный, самолюбивый человек,— сказала она.— Почему сразу не признались, что здесь выросли?

— А почему я должен был об этом говорить? — вопросом на вопрос ответил Яков.

— Чтобы первые встречные не читали вам глупых наставлений.

— Кому что нравится,— сказал он.

— Оля, поехали с нами. Пока ваш муж закончит здесь работу, поживете у нас,— предложила Светлана.

— Ездить тряско, вчера намучилась,— словно извиняясь, сказала Ольга.— Я уж здесь с Яшей побуду.

— Все равно будем ждать вас в гости. Счастливо оставаться!..

— Счастливого пути!..

Дзюба зачмокал губами, дернул вожжи. Возок тронулся, раскачиваясь на выбоинах, застучал железными ободами колес по камням.

— Где же наш дом, Яша? — оглядываясь, спросила Ольга.

— Где бригада, там и дом. Жить будем в поселке. А пока что денек-другой надо здесь побыть. Видишь, дорогу размыло. Ремонт требуется срочный. Поживем в палатке, потрудимся: я с киркой, ты с поварешкой. Верно говорю?

Дружный хор голосов поддержал Якова. Барат уже разводил костер, ощипывал подбитых по дороге охотниками жирных горных курочек.

— Ай, яш-улы! — воскликнул Барат.— Молодец, что приехал. Дорога всем даст работы! Вода у нас есть,— показал он на видневшийся вдали вход в пе-

щеру.— Дрова есть! Хозяйка тоже есть! Курочки есть! Вай харашо!

— Ну как, Оля? — спросил Яков.— Поживем пока тут? А починим дорогу, под свою крышу на Дауган пойдем.

Ольга кивнула, взяла у Барата одну из курочек:

— Кто ж так птицу щиплет?..

— Ну вот и ладно,— с облегчением проговорил Яков.

К нему подходили и здоровались старые знакомые. Некоторых он узнавал с трудом, других и вовсе не помнил. Но все это были люди из родного поселка, и Кайманов почувствовал, что теперь он по-настоящему дома.

Столб сизого дыма струился над костром, рядом с которым уже раскинулись две палатки. Легкие волны тумана, поднимавшиеся от земли, стлались над ущельем. Вокруг замерли в молчании освещенные солнцем горы.

Яков взял кирку и лопату, снял все свое имущество с телеги и, оставив Ольгу хозяйничать у костра, погнал лошадь к видневшемуся под горой карьеру. Он знал, что́ значит строить дорогу. Норма — десять арб гальки в день. Их надо накирковать в карьере, насыпать в телегу, привезти и сгрузить. Конечно, хорошо бы сначала поехать в поселок, увидеть родные места, побыть на могиле отца, обойти Дауганскую долину. Но сейчас уезжать нельзя: каждая пара рук — золото. Задерживаются грузы, простаивает транспорт. Не раз приносил он отцу обед к этому ущелью. А теперь — сам дорожник.

Когда Яков с телегой гравия вернулся к дороге, Барат на ломаном русском языке что-то рассказывал Ольге, кажется про охоту. Ольга внимательно слушала.

Яков дал себе слово не отходить от нее, шутками там или байками повеселить жену.

Но ни поработать всласть, ни побыть с Ольгой в этот день Кайманову не удалось.

Едва они всей бригадой сели обедать, расхваливая новую повариху, на дороге показались два пограничника с «заводным» конем: красноармеец Шаповал и командир отделения Галиев. Оба спешились, пожелали обедавшим доброго аппетита, после чего Галиев щелкнул каблуками, официально доложил:

— Товарищ Кайманов, начальник заставы за спасение его жены и задержание нарушителя объявляет вам благодарность и приглашает к себе.

Яков посмотрел на Ольгу.

— Большая честь,— сказал он.— Придется, Оля, нам с тобой ехать.

— Поезжай, Яша, один,— ответила Ольга.— Я с твоими друзьями побуду.

Глава 4

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Привычный к горам конь легкой рысью несет Якова вслед за Галиевым и Шаповалом. Дорога, петляя по склонам, ведет на подъем. Уже через полчаса пути чище и прохладнее стал воздух.

Там, где свисает с карниза куст ежевики,— родник. У родника Яков и Барат еще в детстве ловили диких курочек. Привезут отцам, работавшим на дороге, обед, а сами в горы. Расставят силки и на каком-нибудь паласишке или кошменке лягут спать спина к спине, чтоб теплее было, да еще дерюжкой прикроются — любо-дорого! На рассвете слышат: «чир-чир-чир!» Ле-

тят! Смотришь, попадется одна-две. Отец, тот даже в поле ружье брал. Мало ли какой случай? Волков в горах полно. Есть и барсы и леопарды...

Мерно рысит конь, временами пофыркивает, встряхивает головой, отгоняет мух. Поворот за поворотом бежит навстречу дорога, вильнув последний раз, прямой стрелой вонзается в долину Даугана.

От волнения Яков привстал на стременах: перед ним — раскинувшийся вдоль дороги родной поселок. Глинобитные домики под купами деревьев, пыльные акации, чинары, карагачи, сомкнувшие над дорогой свои кроны.

Мало в поселке воды. Нет вдоль дороги арыков. Пересохла даже лужа, где всегда возле бетонной колоды полно было лягушек.

Яков пустил коня шагом. Припомнив место, откуда провожал в последний путь отца, свернул к поселковому кладбищу.

Как и раньше, кладбище заботливо огорожено глиняным дувалом, чтобы не тревожили мертвых звери или скот.

Сойдя на землю, Яков оставил коня возле выросшей у ворот кладбища акации, прошел за ограду, увидел в глубине сложенный из плитняка обелиск. На обелиске — дощечка с аккуратно выжженной надписью:

Григорий Яковлевич КАЙМАНОВ —
член Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.
Родился в 1884 году.
Вениамин Фомич ЛОЗОВОЙ — врач.
Родился в 1896 году.
Погибли в борьбе с врагами Советской власти в 1918 году.
Пусть земля будет вам пухом, дорогие товарищи.

Горькое чувство вины перед отцом и доктором сжало сердце Якова. Из далекого прошлого появилось

искаженное горем лицо голосившей по покойнику матери. Вот и пришел он к холодным ногам...

«Береги мать... Ты ни в чем не виноват. Прощай, Глафира!» — будто слышал он родной голос.

Яков стоял у могилы и машинально перечитывал выжженные на табличке слова. Люди не забыли отца и молодого доктора, сберегли их могилы.

— Начальник заставы Карачун велел обелиск сделать,— сказал Галиев.— Уважение к живым, говорит, начинается с уважения к памяти мертвых. Приезжал комиссар из округа, беседу проводил о твоем отце.

— Откуда комиссар знает отца?

— Брат у него с твоим отцом похоронен. Их тогда в один день расстреляли.

«Значит, точно. Здесь Василий Фомич»,— подумал Яков.

Постояв еще несколько минут, он в глубокой задумчивости вышел с кладбища.

До поселка ехали молча. Каждый дом, каждый переулок, акация или чинара — все отзывалось в сердце щемящей болью. Вот и камень-валун у дороги. В детстве казался громадным, а оказывается, самый обыкновенный, не больше стола. Вот почтовая станция. Так и кажется, что сейчас откроется дверь и выйдет из нее лечивший Яшку конюх Рудометкиных — Али-ага.

Но улицы пустынны: все жители то ли в горах, то ли в поле. Лишь по окрестным склонам лазят мальчишки да лениво тявкают в поселке собаки. Цокот копыт, далеко разносившийся в долине, стал громче и ближе, отдаваясь от стен домов, словно сам поселок приветствовал Якова.

У бетонной колоды, обложенной вокруг каменными плитами, лошади замедлили шаг, потянулись к воде.

— Можно напоить,— сказал Галиев.— До заставы рукой подать. Коней сюда гоняем, поим из кяризов.

Яков промолчал. Он-то лучше Галиева знал, что̀ это за колода. Бетонную колоду, из которой пили кони, верблюды и овцы, делал его отец. Огромными плитами, аккуратно пригнанными друг к другу, выложил он площадку вокруг колоды. Время нисколько не тронуло его работу. Знал Яков и кяризы — с десяток протянувшихся цепочкой колодцев, соединенных подземной галереей. Под сводами галереи тонким ручейком течет чистая родниковая вода. Чем дальше в горы, тем глубже колодцы, выстроившиеся вдоль дороги. По каплям собирается вода в галерее, стекает в бассейн, из которого подведена к бетонной колоде трехдюймовая труба с вентилем.

Всадники отпустили подпруги лошадям. Те потянулись к воде, стали пить, как пили до них сотни и тысячи лошадей и верблюдов, коров и овец.

— Меньше стало воды,— сказал Галиев.— Засорились кяризы, чистить надо.

— Наверное, илом занесло,— отозвался Яков.

Он с удивлением рассматривал плиты вокруг колоды. Какой огромной силой надо было обладать, чтобы ворочать, укладывать и обтесывать их! Метровый плитняк к колоде они возили с отцом на быках со Змеиной горы. Яшке тогда казалось обычным, что отец один ворочает каменные глыбы. Но сейчас-то он пони-

мал, что каждую такую глыбу обыкновенным людям даже втроем не поднять. Две пули, два ничтожных кусочка свинца оборвали жизнь такого могучего человека!..

Лошади напились. Всадники снова подтянули подпруги, сели в седла, шагом направились к заставе.

Вот и Змеиная гора, на которой Яков и Барат в тот памятный день поймали гюрзу. Яков невольно посмотрел на свою левую руку, пошевелил обрубком пальца. Думал ли молодой доктор, спасая ему жизнь, что сам в тот же день расстанется с ней? Думал ли отец, беспокоясь о пропавшем где-то сыне, что в последний раз ищет его?

Миновали еще один подъем, на повороте которого стражем стояло круглое, как шапка, сложенное из камней, с бойницами на все четыре стороны, оборонительное укрепление. Вдоль дороги потянулась каменная стена казармы, с узкими и высокими окнами. За казармой — овраг. Казаки погранпоста часто пили водку, а мальчишки собирали в овраге бутылки. Во дворе таможни стоял железный ящик с негашеной известью. Набьешь в бутылку извести, нальешь воды, пробкой заткнешь, получается бомба. Крепко попадало Яшке от отца за эти бомбы.

Теперь здесь, где раньше был казачий пост,— застава пограничников. Начальник заставы приказал на могиле отца и Вениамина поставить обелиск. «Уважение к живым начинается с уважения к памяти мертвых» — так сказал Карачун. Почему-то Яков подумал, что начальником должен быть мудрый, пожилой человек.

Перед казармой — широкая площадка. Дорога, окруженная горами, вьется дальше на подъем. Там граница.

Стоявший у ворот заставы часовой пропустил их во

двор. С крыльца казармы сбежал среднего роста худощавый и ловкий в движениях молодой командир — начальник заставы, с портупеей через плечо, маузером на боку. Вслед за ним — сильный и гибкий, с хищным обликом курд. Что-то знакомое было в его лице, но Яков не мог вспомнить, где его видел. Курд держал в руках винтовку, указывал рукой в сторону сараев, стоявших в глубине двора, что-то горячо доказывал начальнику заставы. Яков проследил за его взглядом. Недалеко от конюшни стоял привязанный к столбу ишак. На его спине алела не то рана, не то потертость от вьюков. Над ишаком кружилась сорока и все норовила сесть на спину: свежая кровь не давала ей покоя. Но едва сорока садилась на ишака, тот начинал лягаться, высоко вскидывая зад.

Споривший с начальником курд прицелился. Командир сделал предостерегающий жест, но поздно: грянул выстрел. Сороку словно кто-то подбросил вверх. Взмахнув крыльями, она перевернулась в воздухе и, зацепившись за круп ишака, упала на землю. Ишак отпрянул в сторону. Яков спешился, подошел к нему, поднял убитую птицу. Пуля попала в грудь, вырвав с другой стороны мясо и перья. Чувство жалости к птице и в то же время чувство зависти к стрелку охватило Якова. Впервые он видел такой меткий выстрел.

— Эй, Кайманов! — окликнул его начальник.— Здравствуй, дорогой! Знаю, Яковом зовут. Мне о тебе комиссар Лозовой говорил. Я пригласил тебя чарку выпить, по душам поговорить, а у нас опять чепе: ишак на заставу с контрабандой, да еще раненный, пришел, а людей, что с ним были, нету. Надо искать. Так что давай с первого знакомства включайся в службу. Зовут меня Федор Афанасьевич Карачун, а это — Аликпер Чары-оглы, старший бригады содействия с заставы Пертусу, лучший стрелок во всей округе.

Аликпер! Товарищ по набегам на караваны! Как ты изменился и возмужал! Несколько секунд Яков и Аликпер ревниво изучали друг друга.

Смелый, открытый взгляд карих, с прищуром глаз, прямой нос, красивое загорелое лицо. Во всем облике Аликпера — хищная повадка, как у барса, крадущегося по следу джейрана. Он изучал взглядом Якова, похлопывая крепкой загорелой рукой по цевью винтовки, словно выбирая, куда еще вогнать пулю.

— Салям, Аликпер Чары-оглы! — протянул руку Яков.

— Эссалям аллейкум, Ёшка,— с готовностью ударил ладонь в ладонь Аликпер, с силой сжал Якову пальцы.— Какой ты большой, красивый стал...

— Ты тоже парень что надо,— сказал Яков и, в свою очередь, сжал ему руку.

— Ну хватит вам один на другого силу тратить, поберегите для бандитов,— остановил их Карачун.

Яков отпустил Аликпера и дружески толкнул его в плечо. Сам получил такой же увесистый тумак. Оба весело захохотали.

— Ладно, ладно, ребята,— снова попытался настроить их на серьезный лад Карачун.— Давайте соображать, что делать. Людей у меня нет. В бурю всех разослал по участку. Придется самим на розыски идти.

Яков оглянулся. Светланы нигде не видно: то ли по хозяйству хлопочет, то ли отдыхает. Не вышла она даже тогда, когда во дворе грохнул выстрел. На заставе только часовой у ворот, да к ишаку идет знакомый уже пограничник Дзюба с санитарной сумкой. Видно, на самом деле людей у начальника заставы мало.

— А у вас тут весело,— сказал Яков.— Вчера шаромыга, сегодня ишак с контрабандой, завтра тоже чего-нибудь жди?

— Редкий день без «гостей». Косяком прут,— признался Карачун.— Понимаешь, Яша,— обращаясь дружески на «ты», продолжал он,— отпустил я на охоту двух пограничников — Чумака и Шевченко с дорожным мастером Бочаровым, чтобы для заставы мяса привезли. Дал им ишака — воду и продукты подвезти. Смотрю, ишак один на заставу идет. Знает, думаю, треклятая скотина, что у него тут и овес и стойло. Потом смотрю, ишак в бою побывал — на спине рана, вместо продуктов — вьюки с мануфактурой, коньяком... Мало нас еще на заставе. Доложил мне Галиев, что ты вернулся, да еще по-курдски как на родном языке говоришь, сразу за тобой послал. Без народа нам, Яша, ничего не сделать. Граница-то вон какая! Горы! А нас — горстка, на главные направления по одному наряду и то не хватает. А контрабандисты соберутся бандой в пять, десять, пятнадцать человек, залпами бьют! Без бригад содействия мы как без рук. А некоторые начальники еще раздумывают, надо ли вооружать «бсовцев».

Дежурный, по знаку Карачуна, вынес из казармы винтовку и подсумок, передал Якову, подвел начальнику заставы коня.

Скрывая волнение, Кайманов надел подсумок на ремень, винтовку повесил стволом вниз через плечо.

Карачун уже взялся за луку седла, когда дверь домика, стоявшего поодаль, открылась и на крыльцо вышла раскрасневшаяся, в нарядном платье Светлана.

— Федя, приглашай гостей к столу. Яков Григорьевич, жалко, что вы Олю не привезли, придется вам за двоих отвечать. Аликпер-джан, прошу в дом!

Карачун беспомощно посмотрел на Аликпера, потом на Якова, развел руками. Лицо его сморщилось от жалости к себе и Светлане.

Едва она увидела это, все поняла, искренне огорчилась.

— Ты знаешь что...— начал осторожно Федор.

— Знаю! Все знаю! — с деланным равнодушием сказала Светлана.— Завернуть вам еду в газету, положить в сумку, вы будете ехать и на ходу жевать, даже не замечая, что едите, потому что вам надо ловить нарушителей.

Светлана говорила полушутливо, но с явным раздражением.

— Правильно! — бодро воскликнул Карачун.— Ты все очень здорово придумала! А мы, когда выясним эту историю с ишаком, где-нибудь в самом красивом месте сядем под арчой и, не торопясь, съедим твои пироги.

— И на том спасибо,— так же полушутливо, но с огорчением сказала Светлана. Она вернулась в дом, вскоре вышла, передала Дзюбе красноармейский вещевой мешок, набитый всякой снедью.

Карачун поцеловал жену, приказал всем следовать за ним, легко вскочил в седло. Небольшой отряд тронулся в путь.

— Вот так и живем,— придерживая коня, чтоб Яков поравнялся с ним, сказал Карачун.— Сейчас обошлось, а иной раз всерьез бушует, клянет мою пограничную жизнь. А что делать? Служба! Одного Шарапхана третий год ловим, поймать не можем. Собирает банду в пятнадцать — двадцать человек. Впереди — шаромыги, разведка, по бокам — то же, еще и с тыла прикроется по всем правилам военного искусства. Открывает залповый огонь, сминает наряд из-за нашей малочисленности и проходит. Ждем его в одном месте, а он обойдет песками километров сто, затаится и пускает своих по два, по три в разных местах. Когда сам идет, обязательно впереди себя шаромыг-носчиков

гонит. Не взяли их пограничники, проходит вслед, а взяли — тоже неплохо: наряд отвлечен на конвоирование всякой шушеры, опять-таки легче пройти. Какого шаромыгу поймаем, спрашиваем: «Видел Шарапхана? Когда пойдет?» Трясется, икает от страха. Слова не выжмешь. По пустякам Шарапхан не ходит. Носит только терьяк, к тому же крупными партиями. А терьяк — палочка маленькая — сто тридцать рублей. Есть у Шарапхана и пособники. Вместе со своим хозяином Таги Мусабек-баем миллионами ворочают...

— Шарапхан стрелял в моего отца,— сказал Яков.— Если только это тот Шарапхан...

— Наверняка тот,— подтвердил Карачун.— Рост два метра, плечи — во! Нос крючком, глаза как у совы, говорят, ночью видит. Рожа оспой побита. А уж хитер и беспощаден!.. Не человек — зверь. Из своего маузера в темноте на звук без промаха бьет.

Все всколыхнулось в памяти Якова: «Убрать мальчишку! Кончай, Шарапхан!..» Грохот выстрелов, грузно оседающее тело отца...

— Винтовка... моя теперь? — чувствуя, как пересохло во рту, спросил Яков.

Ревнивым взглядом следил он за Аликпером, который держал винтовку на луке седла, легко гнал своего ахал-текинца по склонам, рыскал по отщелкам, внезапно появлялся на карнизах и тропах. Такой винтовке, как у Аликпера, цены нет. Но только ли в винтовке дело?

— Считай, твоя,— сказал Карачун.— Обживешься немного, будешь на Даугане бригадой содействия командовать. Учти, сам комиссар Лозовой присмотреться к тебе рекомендовал. До тебя «базовцами» Балакеши руководил, но его выбрали председателем ТОЗа, да уж и не молод. Только помни, дознается Шарапхан, что

ты вернулся, не будет ждать, пока ты ему пулю в лоб пустишь, сам тебя в горах станет искать.

— Я не из пугливых...

— Не пугаю, а предупредить должен. Лучше сразу знать, с кем имеешь дело.

Маячивший впереди на гребне Аликпер, махнув рукой, исчез из виду. Карачун и Яков с сопровождавшими их красноармейцами пришпорили лошадей, выехали на седловину. Примерно в полукилометре, на одном из карнизов, Яков увидел спешившегося, державшего коня в поводу человека, в халате и туркменской папахе-тельпеке, внимательно рассматривавшего что-то на земле.

— Нам повезло,— едва увидев его, сказал Карачун.— Это Амангельды, лучший наш следопыт, старший бригады содействия из аула Чули.

Спустя несколько минут они были уже возле карниза, на котором стоял Амангельды. Карачун спешился, предложил сойти с коней остальным.

— Салям, Амангельды-ага! — приветствовал он следопыта.

— Алейкум салям! — отозвался тот.— Смотрю, начальник, почему ваш ишак один домой пошел. Сюда от заставы кроме ишака трое на лошадях ехали, обратно — один ишак.

— Правильно сказал, яш-улы,— согласился Карачун.— Пограничники Шевченко, Чумак и дорожный мастер Бочаров на заставу не вернулись, а ишак с тюком контрабанды пришел. Людей надо искать.

Амангельды с достоинством кивнул головой. Во всей стати стройного и моложавого туркмена, в его проницательном взгляде было столько уверенности и спокойствия, что он невольно вызывал уважение.

Яков подошел к прославленному следопыту, сдержанно поздоровался. Он тоже увидел на тропе след

ишака. Но мало ли ишаков бродит в горах? Откуда Амангельды знает, что именно этот ишак с заставы и что пошел он домой один?

— Ты присмотрись к Амангельды,— догадавшись, о чем думает Яков, вполголоса сказал Карачун.— Он еще мальчишкой у бая был чопаном, семьдесят два верблюда не только по кличкам, каждого по следу знал.

Амангельды легко поднялся в седло, направил лошадь по тропе вдоль ущелья. На седловине четко вырисовался силуэт Аликпера, подзывавшего всех к себе.

Вслед за Амангельды и Карачуном подъехал к Аликперу и Яков, увидел пограничника, неуверенной походкой спускавшегося по тропе.

— Чумак! — воскликнул Карачун.— Что он, пьяный, что ли? А где Шевченко, где Бочаров?

Начальник заставы пришпорил коня, рысью пустил его вниз с седловины. Яков и остальные двинулись за ним.

Когда подъехали к остановившемуся у скалы Чумаку, увидели, что руки у пограничника в ссадинах, на стриженой, рассеченной чем-то голове запеклась кровь, а сам он едва стоит.

— Где Шевченко и Бочаров? Где винтовка? — сурово спросил Карачун.

— Товарищ начальник заставы...— начал было докладывать Чумак, но потом беспомощно опустил руки.— В общем, судите меня... Винтовку за кордон унесли...

— Шевченко и Бочаров где?

— Охотятся... Я не знаю, где они...

Пока неповоротливый Дзюба, исполнявший обязанности санитара, перевязывал Чумака, тот коротко рассказал обо всем, что произошло:

— Доехали мы шажком до зеленого отщелка. Ишак на поводу сзади шел. Смотрим, нет ли на карнизах козлов? У первого родника слышим: «шорк, шорк». Два человека вышли с контрабандой, без оружия. Мы их задержали...

Чумак замолчал, перевел дух. Маленькая голова его на массивном туловище послушно поворачивалась под руками бинтовавшего его Дзюбы. Чумак болезненно морщился. Карачун осуждающе смотрел на него. Еще бы: контрабандисты пограничника побили! Винтовку унесли! ЧП! Позор на весь отряд!

— Дальше,— тоном, не обещавшим ничего хорошего, сказал Карачун.

— А дальше командир Шевченко говорит: «То шаромыжники, оружия у них нет. Давай, Чумак, нам продукты, привяжи на ишака торбы с контрабандой, отконвоируй задержанных на заставу, а утречком вернешься». Мы и пошли. Ишак с торбами впереди, нарушители — за ним, я с винтовкой сзади. Ишак возьми и оступись. Нога у него между камнями попала, он — брык на бок. Нарушители к нему, а поднять вроде не могут. Я говорю: «Эх вы, шаромыги, ишака не поднимете». Ну вот... Только наклонился, а они меня камнем по голове... Ишаку, видать, ножом спину поранили, когда сумки срывали... Вырвался он, убежал... А винтовку унесли. Товарищ командир, что мне-то теперь будет?..

— Ладно,— сказал Карачун,— разберемся. Товарищ Дзюба, передайте своего коня Чумаку, сами с Шаповалом останетесь у перекрестка троп на случай, если контрабандисты вздумают прорываться в город. Вы, Чумак,— на заставу. Скажете Галиеву, чтобы на попутной машине отправил вас в госпиталь. Остальным — в преследование. Амангельды-ага, Аликперджан, Яков Григорьевич, прошу помочь.

Яков окинул взглядом горы. На склонах — никого, кругом тихо. Но теперь эта тишина не могла его обмануть. Вчера — один контрабандист, сегодня — двое, а завтра — целая банда пойдет! Подсознательно тревожила мысль об Ольге, но то, в чем он принимал сейчас участие, было чрезвычайно важным, важнее всего остального. И Яков, немного отставший от пограничников, пришпорил коня.

— Не задерживайся, Яша! — крикнул ему Карачун.— Надо проработать след. Придется взбираться на Асульму. А там кручи такие, того и гляди вниз полетишь.

К удивлению Якова, ни Карачун, ни Амангельды не стали идти шаг за шагом по следу, как сделал бы он сам. Рысью выскочив на сопку, они посовещались о чем-то и направили коней в сторону границы. Проехали с километр глубоким ущельем по узкой каменистой тропе и только в долине, куда выходило сразу несколько отщелков, спешились. Под каменной глыбой виднелась зеленеющая на общем буром фоне трава. Здесь был родник, к которому Яков приходил еще с отцом, когда тот брал его заготовлять сухую арчу. У родника, на влажной и рыхлой земле,— отпечаток чарыка. Амангельды и Карачун снова вскочили в седла, пустили лошадей галопом в сторону границы. Яков ни на шаг не отставал от них.

Все круче подъем. Кони устали. Из-под их копыт с шумом летят камни. Всадники снова спешились, повели коней в поводу. Наконец вышли к плато. Тропа, теряясь в траве, тянулась теперь вдоль границы. Ехавший впереди Амангельды время от времени слезал с коня, внимательно осматривал землю. По каким-то едва уловимым, одному ему известным признакам он отыскивал след там, где, казалось бы, вообще ничего нельзя было рассмотреть. Яков наблюдал за ним с та-

ким же ревнивым чувством, с каким следил за гарцевавшим на коне Аликпером.

Справа от тропы — каменные плиты, похожие на сдвинутые вместе накаты блиндажей. Скалы поросли в расщелинах жесткой и сухой, шелестевшей на ветру травой. За скалами, далеко внизу раскинулась широкая долина с небольшими квадратами полей на склонах гор, с извивающейся по ущельям и кое-где появляющейся на перевалах серой лентой дороги. Жаркое марево струилось над нагретыми камнями, воздух текучий, но видимость была отличная. Казалось, до ближайшего перевала рукой подать. На самом деле Яков знал, что до рыжих, выгоревших на солнце гор, поднимавшихся за долиной, десятки верст.

Знакомые с детства карнизы, по которым даже горные козлы проходят с трудом, уступами опоясывали склон горы. Здесь была уже сопредельная территория, земля соседнего государства. Впервые Яков был так близко от линии границы. А сколько раз нарушали ее контрабандисты! Одни для того, чтобы продать бурдючок коурмы и утащить к себе мешок спичек — «сделать оборот» по мелочи; другие с оружием в руках пробивали путь к сотням тысяч рублей, несли опий.

— Яша, пригнись-ка, у нас так по границе не ходят,— донесся голос Карачуна.

Тут только Яков заметил, что и начальник заставы, и Амангельды лежат, распластавшись за камнями. Аликпер, оставив коня в лощине, как кошка карабкается по выступу скалы, нависшей над пропастью.

Яков неторопливо спустился с каменного карниза, козырьком выдававшегося над сопредельной территорией, зашел с тыла, лег рядом с Амангельды.

— Покрасовался? — не отрываясь от бинокля, сказал Карачун.— Наверняка с двадцати точек засекли.

Днем и ночью наблюдают. Был у нас один такой «храбрый» старшина: с первого выстрела сняли...

Яков смутился. В самом деле, могут подумать, что хочет отличиться, нарочно лезет под пули. Он невольно поежился, будто физически ощутил на себе взгляды оттуда, из-за кордона. Вопросительно посмотрел на Амангельды, на озабоченного Карачуна. Начальник заставы сдвинул фуражку назад, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— Придется писать донесение. Снова прорыв. Ушли и винтовку унесли. Что должен делать начальник заставы? Повеситься на поганой арче? Не имею права: некому будет командовать заставой. Мне вот как вооруженная, боевая бригада содействия нужна! Было бы у меня достаточно людей, никуда б нарушители не ушли...

Карачун тяжело вздохнул, снова припал к биноклю, внимательно осматривая горы за кордоном.

Кайманов не понимал, почему и Карачун и Амангельды так уверенно говорят, что контрабандисты ушли. Оба прорабатывали след совсем не так, как сделал бы это он, Яков. Они выбирали какое-то, известное только им, направление и пересекали его в нескольких местах.

— Амангельды-ага,— спросил Яков по-туркменски,— объясни, как следы читаешь? Ведь на камнях совсем ничего не видно!

— И на камнях видно,— отозвался Амангельды.— Ветер дует — пыль навевает. Человек пройдет — пыль топчет, мелкими камешками по камню чирк-чирк, черточки делает. По сухой траве идешь, на солнце — ничего не видно, а оглянешься — сзади след тянется. Плохо, когда солнце вверху, тогда не видно, а когда за горы садится, все видно. Где паутинку сорвал, где камешек сдвинул. Кто может видеть, все поймет...

Яков посмотрел на тропу, по которой они только что прошли. Едва заметная полоса тянулась по сухой траве под лучами низкого солнца, пропадала в зеленых травах, волнующихся в распадке. Может быть, ему лишь показалось, что он видит след? Сумеет ли он постичь эту науку? Будет ли полезным на границе? Научится ли стрелять, как Аликпер, читать следы, как Амангельды?

— Вон он, наш главный враг,— продолжая смотреть в бинокль за линию границы, сказал Карачун.

Яков вопросительно посмотрел на него. Без бинокля он видел на сопредельной земле только несколько человеческих фигур, ползающих по разделенному на квадраты склону горы.

— Мак полют,— пояснил Карачун.— На таком клочке посеет дехканин пшеницу, козлы и бараны все съедят и вытопчут. Мак посеет — за опий в десять раз больше пшеницы купит. А что этим опием тысячу людей отравит — наплевать. Выгодно, и все тут. Среди баев не найдешь ни одного, чтобы опий курил. А беднота, шаромыги почти все курят. Баю выгодно терьяк в долг давать. Конец года подходит, он говорит дехканину: «Ты мне еще за терьяк должен».

Карачун замолк, с видимым сожалением рассматривая в бинокль ползающих по маковому полю дехкан. Небольшого роста, плотный и быстрый, с загорелым, худощавым лицом, он был бы похож на туркмена, если бы не яркие синие глаза, такие же синие, как бездонное небо его Украины, да не мягкий южный говор, который остается у человека на всю жизнь, если он родился на Киевщине или Полтавщине.

— Сидели бы у себя и курили, сколько влезет,— продолжал Карачун,— а то всю продукцию к нам прут. Там у них целая технология разработана. Куда ни повернись — притоны. Выгодно! У нас продают

одну палочку за сто тридцать рублей! Терьякеш, тот и жену с детьми отдаст, только бы покурить! — Карачун плюнул с досадой: — Вот он где у нас, этот терьяк,— хлопнул он себя ладонью по шее.— Вся зараза в нем. Сколько людей погубил, сколько еще погубит, пока выведем...

Где-то неподалеку грохнул выстрел, раскатисто отдался в ущелье. Карачун насторожился, ящерицей скользнул в лощину, где стояли привязанные к арче кони. Спустя минуту послышался дробный цокот копыт. На гребне каменистой сопки мелькнул темный силуэт всадника, пригнувшегося к шее лошади, скрылся за горой. Снова гулко прокатился выстрел.

— Когда зовут, надо идти,— сказал Амангельды.

Они тоже вскочили на коней, рысью пронеслись по дну ущелья вслед за начальником заставы. Поднявшись на сопку, осторожно выглянули. Впереди — широкая лощина, по склонам которой темнеют арчи. Из-за любой группы деревьев, из-за каждого камня, спрятавшегося в траве, можно ждать пулю. Но Карачун был спокоен, даже приподнялся на стременах, всматриваясь вдаль. Яков на всякий случай положил винтовку поперек седла.

— Вон они, голубчики,— протянув руку вперед, произнес Карачун.— Уже с трофеем...

Яков увидел пограничника в буденовке, с ним человека в рубахе и легкой кепке. Они тащили подвязанного за спутанные ноги к жерди горного козла.

— Нашлись Бочаров и Шевченко,— сказал Карачун.— Выходит, у них все в порядке. Поедем теперь к дождь-яме. Есть тут у нас такое место. Нажарим шашлык, посмотрим, что Светлана с собой дала.

Яков промолчал, но Карачун догадался, о чем он подумал: как можно говорить о шашлыке, когда только что контрабандисты избили камнями солдата,

унесли с собой его винтовку и, может быть, до сих пор скрываются в горах!

Начальник заставы улыбнулся.

— Раз уж мы тут помаячили,— сказал он,— можно быть уверенным: до ночи, а то и до утра никто не придет, так что шашлык съесть успеем.

Амангельды, сославшись на неотложные дела, распрощался со всеми и уехал. Остальные направились к дождь-яме.

...Смолистая арча разгорелась жарким пламенем. К небу столбом взвились искры. Яков подложил в костер несколько палок горного клена. Для приготовления хорошего шашлыка требовалось нажечь углей из деревьев лиственных пород. Яков наблюдал, как, морщась и отворачиваясь от дыма, колдовали над приготовлением шашлыка командир отделения Шевченко, Бочаров и Аликпер. Запах жареного мяса щекотал ноздри, разносился далеко вокруг. Начальник заставы, отойдя от костра, стоял, определяя, куда дует ветер, смотрел на верхушки разбросанных между скалами темных арч, осматривал склоны гор в бинокль. Метрах в двухстах блестело красноватыми отсветами зари озеро. Но это было не озеро, а всего лишь дождь-яма, впадина на вершине плато, в которой после дождя скопилась вода.

Вечерние горы отражались в багряной поверхности дождь-ямы. Замерла темно-зеленая трава вокруг столь желанной здесь воды. Лучшего места для отдыха не придумаешь: деревья дают тень, а вода — самое дорогое в горах — вот она, рядом: свежая, чистая, бери сколько хочешь. Да и видимость во все стороны на много верст, никто не подойдет незамеченным, не застанет врасплох.

Карачун вернулся к костру, принялся помогать Аликперу нанизывать на шампуры кусочки мяса. Жи-

листый, длинный и медлительный Шевченко, изредка бросая взгляд на Якова, увлеченно рассказывал:

— Я аж до цього року по тым скаженным кручам з молытвою йиздыв. Зализу на коняку, ухватюсь за шияку тай и думаю: пронесы ж ты мэнэ, господи, пушиночкою по тым кручам, не дай загынуты молодой жизни. Як шо, гэпнусь з переляку, так тикэ з конякой, бо як клещук за грыву дэржусь. Помолюсь, зажмурюсь и пускаю коня: хай идэ, куды хочэ, вин найкраще знае!..

По легкой усмешке, блуждавшей на тонком горбоносом лице Аликпера, Яков понял, что он уже не первый раз слышит рассказ Шевченко.

— Раз поихалы з начальником на Асульму,— продолжал пограничник.— Скалы там стиной стоять, аж до самого нэба. Козла або архара и то туды не загонышь. Ну, думаю про начальника: брешешь, на ту стинку не пийдэмо. А оцей турок,— ткнул он шампуром в сторону Аликпера,— на самисенькой кручи, як та муха, идэ, ще й писни спивае. Ой, мамуся риднэнька, так шо ж то за людына: йидэ, ще й спивае!..

Шевченко и Аликпер смеются. Багровый свет зари ложится бликами на их медные лица, окрашивает багряными отблесками белки глаз, белые зубы.

Якова безотчетно тревожат отблески заката. Он понимает: говорит Шевченко о бесстрашии Аликпера для него. Но Яков почему-то не может сосредоточиться на рассказе. Из груды дров он выбирает самый толстый сук и легко, с хрустом ломает его, подбрасывает в огонь. Силой природа его не обидела. Но что он может показать, кроме силы, этим умелым людям?

— Кончай разговоры! — скомандовал Карачун.— Давайте, хлопцы, за работу! Делай, как я!

Он выхватил из костра шампур с зажарившимися, аппетитно пахнувшими кусочками мяса, развернул

сверток с пирогами, уложенными Светланой в вещмешок.

Теперь Яков почувствовал, что проголодался. Никогда, казалось, не ел он такого вкусного шашлыка, таких пирогов... Шевельнулась мысль об Ольге, оставленной им среди незнакомых людей. Но там — Барат. Он лучше родного брата позаботится о ней.

Замерли вечерние горы. В нескольких шагах от костра мирно паслись кони. Багровый закат кровавой лужей разлился по зеркальной поверхности дождь-ямы.

Глава 5
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

— Ну, яш-улы,— по-курдски уважительно обратился к Кайманову начальник заставы,— расскажи о себе: где жил, почему решил на границу вернуться?

Что мог рассказать Яков? Все эти трудные годы, проведенные в Лепсинске, не очень-то просто вспоминать. Но рассказать о себе, конечно, надо.

— После расстрела беляками отца поехали мы в Лепсинск,— начал он.— Устроились на квартиру к церковному сторожу. Мать стирала белье на богатеев. Я тоже стал подрабатывать. То у одного казака на хлеб подшибешь, то у другого: дров там наколешь, воды натаскаешь. Начали кое-как обживаться на новом месте. И вот заявляется к нам в сторожку казак Дауганского казачьего поста Кандыба. Сволочь из сволочей. А, говорит, большевистские выродки, и здесь вы объявились? На нем батянины сапоги и брюки...

Кайманов замолчал, вновь и вновь переживая подробности минувших событий. Наглая пьяная рожа казака, с обкуренными желтыми усами лезла в глаза. «Шо смотришь? — слышит Яков хриплый голос Кан-

дыбы.— Признал, говоришь? Ну и хрен с тобой, что признал. Батьку твоего пришили и тебя пришьем!» С тем и ушел.

Якову неожиданно повезло. Богатый казак с соседней улицы сам пришел нанимать его вскопать огород. Назначил такую плату, что отказался бы только дурак. Ему почему-то приспичило все сделать в один день:

— Хоть до полночи копай, а закончи сегодня.

К концу дня даже фонарь «летучая мышь» на треногу подвесил. Сам несколько раз приходил смотреть, как идет дело, треногу переставлял. Да и уж очень ласков был с работником. Прежде за лепсинскими казаками такого не замечалось.

— Больше не могу, завтра докончу,— взмолился Яков.— Мозоли полопались, красная юшка течет.

— А уговор? — вкрадчиво напомнил хозяин.— Вскопаешь — сразу расчет. Не вскопаешь — копейки не дам.

И Яшка, чуть не плача от усталости, вскопал тот проклятый огород. Домой бежал, спотыкался, едва не падал. Предчувствие беды томило его. Возле сторожки чуть не столкнулся с пьяным Кандыбой. Отворачиваясь от ветра, тот закуривал. Огонек спички выхватил из темноты лихо закрученный ус, жмурившийся глаз. Ослепленный светом спички, Кандыба прошел мимо, не заметив Яшку. Донеслась пьяная брань. Адресовалась она «проклятым большевикам». Казак грозил кому-то расправой. Яков опрометью бросился домой. Мать долго не открывала. Только когда Яшка поклялся, что с ним никого нет, впустила. Едва переступил порог, закрыла дверь на засов, обняла сына, словно искала защиты.

— Яшенька... погубит он нас... Кандыба проклятый... В дверь ломился...

В комнате все разбросано, на кровати и табуретке узлы с пожитками. Яков бросился к печке, достал из-под половицы заряженный самопал, метнулся к двери. Мать еле успела схватить его за рубаху:

— Не пущу! Убьет!

Яшка молча рванулся, выскочил за дверь.

Догнал Кандыбу у околицы. Долго шел за ним, не решаясь что-либо предпринять. Крупная дрожь сотрясала все тело. Несколько раз поднимал он самопал, но стрелять в спину не мог.

Впереди — хутор. Яшка понял: Кандыба идет именно туда. Еще немного — и будет поздно. Тогда Яков поднял камень и бросил в спину Кандыбе.

Тот выругался, обернулся.

Светила яркая луна, но Яшка не различил выражения его лица. Видел только настороженно пригнувшуюся фигуру.

— Кто?

Яшка вышел на середину дороги, поднял самопал. Кандыба, видно, не узнал его.

— Молись богу, бандит,— торжественно сказал Яшка, все оттягивая момент, когда надо будет стрелять.

Кандыба не стал молиться. Мгновенно отскочил в сторону, вскинул руку с наганом. Грохнул выстрел. Пуля просвистела где-то совсем рядом. Пьяный Кандыба промахнулся.

В тот же миг нажал на спусковой крючок своего самопала Яшка...

Так и не узнали тогда, кто вогнал Кандыбе в живот самодельную картечь. Нашли его раздетым в полуверсте от хутора. Только и установили, что стреляли из самопала. Мало ли в те годы было самопалов! Кандыбу отвезли на тачанке в лазарет. Не приходя в сознание, он умер.

Всю ночь, как живого человека, оплакивали Яшка и мать снятые с бандита отцовы брюки и сапоги. А потом все закопали в церковном саду, будто во второй раз простились с дорогим человеком. Сами в тот же день перебрались на другую окраину Лепсинска. Церковному сторожу сказали, что уезжают совсем.

О случае с Кандыбой Яков не стал рассказывать Карачуну. Горе свое они несли с матерью вдвоем. Годы прошли, горе осталось, гнев остался, ненависть осталась.

Шли через Лепсинск части белогвардейских генералов Дутова, Щербакова, подходили анненковцы. Заикнись кто тогда, что в домишке на окраине живет семья большевика, в два счета на сук бы вздернули...

...— А потом поселился рядом с нами белогвардейский полковник,— устремив неподвижный взгляд в догоравший костер, продолжал Яков.— Занял в доме комнату. Сам хоть и при усах, бакенбардах и лицом тоже чистый, а на беляка не похож. Через два дома от нас офицеры стояли. Там каждый день пьянка, а у полковника тихо... И побыл-то недолго, всего две недели, а в памяти на всю жизнь остался.

Лицо полковника показалось Яшке знакомым, но он так и не мог вспомнить, где видел его прежде. Френч у полковника самый настоящий, из дорогого сукна. И погоны настоящие. Повесит, бывало, он френч на стул, сам выйдет куда-нибудь, а Яшка подойдет и нюхает: здорово духами и дорогим табаком пахнет. Хорошо им по соседству с тем полковником было: то сахару даст, то солдатскую гимнастерку подарит, чтобы мать Яшке перешила. А однажды пришел и сказал: «Пойдем-ка, Яша, со мной!» Мать успокоил: долго, мол, не задержу. Пришли они с Яшкой в богатый дом. Там офицеры в карты резались. Подсел к ним и полковник, какие-то непонятные Яшке разговоры вел, где,

какие части, куда идут, с кем воюют. «Ну,— говорит,— Яша, бью по банку на твое счастье». Ударил — и выиграл. Матери дома половину выигрыша отвалил. То-то они с матерью удивились! Уж стали бояться за полковника, как бы не случилось чего. А о деньгах молчок, никому ни слова. По копеечке тратили.

Как-то мать попросила Яшку сходить на прежнюю квартиру за чапельником. Яшка вышел за дверь, пробрался обратно к дому и затаился под открытым по случаю летней духоты окном.

Из комнаты доносилось только шуршание бумаги, легкие шаги матери. Но вот полковник заговорил:

— Замечаю, не ласкова ты к сыну, Глафира. Парню и без того тяжело, а ты с ним, как с чужим.

— Жизнь у нас трудная,— нехотя отозвалась мать.— Отца-то нет. В его гибели и Яшка виноват.

— Гибель Григория — случай. Такое могло произойти в любой момент. Нельзя эдакую тяжесть на мальчишку валить.

Яшка замер. Он не верил своим ушам. Сердце сильно билось, дыхание перехватило. Да кто же он, этот «полковник»? Почему с матерью говорит на равных? Почему пришел постояльцем именно в этот дом?

Несмотря на обиду, что старшие не приняли его в свою тайну, Яшка все же кое-что понял. Понял прежде всего, что их сосед по квартире вовсе никакой не полковник, что мать хорошо его знает и что ей известно, зачем он приехал в Лепсинск. И еще понял Яшка: сосед их знал отца.

Подумал Яшка и решил: раз «полковник» не настоящий, под беляков подкапывается, то он, Яков Кайманов, сам будет ему верой и правдой служить, помогать во всех делах, оберегать от жандармов. Придут анненковцы арестовывать его, Яшка самому атаману заряд картечи в рожу влепит, нисколько не побоится.

Но ему не пришлось «показывать себя». Вскоре нажали красные, вышибли Анненкова из Лепсинска, а «полковник», теперь уже без бакенбард и усов, вышел на трибуну в знакомой железнодорожной форме и начал свою речь волнующим новым словом: «Товарищи!..» Как же раньше Яков не узнал его! Это же Лозовой! Старый друг отца Василий Фомич Лозовой! Наверное, потому не угадал, что прежде только в сумерки да ночью его видел.

Пробился к нему Яшка после митинга, обиду свою высказал: почему Василий Фомич не открылся ему? А Лозовой ответил: «Нельзя было, Яша, открываться, поручение выполнял. Мы с тобой и так друг на друга не в обиде, прожили неплохо».

...— Трудно тогда жилось. Если бы не Василий Фомич, хоть с голоду умирай... Он нам в ту пору три полосатых чувала муки прислал.

Не стал Яков рассказывать начальнику заставы и о памятной встрече Лозового с Флегонтом Мордовцевым.

Яков хорошо помнил, как отправлялся со станции воинский эшелон. Уезжал на фронт красногвардейский полк, комиссаром которого только что был назначен Лозовой. Народу собралось полным-полно. Духовая музыка играла. Яшка тоже пришел на станцию вместе с матерью — радостный оттого, что прогнали беляков, грустный потому, что уезжал близкий человек. Он изо всех сил тянул шею, чтобы в сутолоке хоть еще раз увидеть «своего» комиссара. Смотрел Яшка во все стороны, а больше всего на паровоз: почему-то был уверен, что комиссар должен быть обязательно на паровозе. Лозовой сам подошел к ним. Обнял на прощание и по-русски трижды расцеловал мать, а потом Яшку. Минуту спустя Яшка почувствовал на себе чей-то взгляд и оглянулся. Поодаль стоял Флегонт

Мордовцев и такими лютыми глазами следил за комиссаром, что даже далеко не трусливому Яшке стало страшно. Мордовцев сразу изменил выражение лица и помахал ему рукой, как доброму знакомому. Однако не успел скрыть своей ненависти к комиссару. «Василий Фомич, погляди, Флегонт-то съесть тебя готов»,— сказал Яшка. Лозовой ответить не успел: его окликнули, потащили куда-то к теплушкам, в которых уезжали красноармейцы.

— С Василием Фомичом обязательно встретишься,— проговорил Карачун.— Он у нас комиссар, на заставах каждую неделю бывает. Ну а с тобой-то что дальше было?

— Дальше?.. А дальше, когда белых выгнали, стали мы снаряды возить... Снарядов после них осталось — прорва! Для сбора их мобилизовали всех мужиков из Лепсинска, Учерала, Талды-Кургана. За обещанную десятину земли и я таскал их вместо богатого казака Семибратова. Потом на мельнице работал. В двадцать четвертом мотался с продотрядами. Зимой брусья тесал: три бруса для хозяев, четвертый — для себя. На хлеб и картошку менял. Был и переводчиком у изыскателей на Турксибе. Озеро Балхаш они исследовали. Один раз чуть не утонул там. Был потом сапожником. Ну а как женился, в родные места потянуло, вот и приехал...

— Да, парень, хватил ты горячего до слез по самые ноздри,— заметил в раздумье Карачун.— Закалку добрую получил... Ну что ж, посидели у костра, пора и честь знать. Воры в наших краях ночью ходят. Ловить их надо тоже ночью. Шевченко, Аликпер, Бочаров! Пойдете на развилку к трем отщелкам, на стык с участком заставы Пертусу. Нам с тобой, Яша, вон на той сопке перекресток тропинок охранять.

Кайманову не хотелось уходить от костра: слиш-

ком захватили его воспоминания. После прогулки верхом да сытной еды неплохо было бы выспаться. Но людей у Федора нет, каждый пограничник на счету. Поэтому даже такой неопытный человек, как он, может пригодиться. Нельзя к тому же упускать случай: кто ему лучше расскажет о пограничной службе, как не начальник заставы. Карачун хочет его старшим бригады содействия назначить. Шутка ли сказать!

— Пошли, товарищи! — скомандовал Федор.— Ночь хоть и длинная, а на место прибыть каждой группе надо своевременно.

Притушив тлеющие угли и подтянув подпруги у пасшихся тут же лошадей, Аликпер, Шевченко и Бочаров поднялись в седла, двинулись по тропе, спускавшейся в ущелье. Силуэты их растаяли в густевшем сумраке. Из ущелья долго доносился цокот копыт. Яков и Карачун остались одни.

Кайманов поудобнее перехватил винтовку. Оружие с детства волновало его. Отец брал Яшку с собой на охоту, учил стрелять. Он и сам любил поохотиться на горных курочек или диких козлов. Стрелял хорошо, без промаху. Но контрабандисты с винтовками и терьяком — не курочки и не козлы. Здесь уж кто кого. Смогут ли они вдвоем с Федором задержать банду, если придется принять бой?

— Я тебя учить не хочу, сам знаешь: границу охранять — не шашлык жарить,— как бы отвечая на его раздумья, проговорил Карачун.— Думай за врага, как бы ты действовал на его месте. Контрабандисты не только спасают терьяк, но и свои жизни. Им хитрее нас с тобой надо быть. Главное, не давай опомниться, захватывай инициативу и на ту сторону не пускай.

Они поднялись по тропинке на сопку, выбрали место для «секрета» немного ниже гребня, чтобы не маячить на фоне звездного неба. Карачун захватил с собой

шинель, Яков — ватную куртку. Нагретые солнцем камни отдавали тепло, но к утру — Яков знал это по опыту — будет холодно.

Расположившись так, чтобы в случае чего можно было стрелять и вдоль ущелья, и вдоль тропы, оба стали «слушать» границу.

Зубчатая тень гор ломаной линией отделяла от земли ночное небо. От этой густой черноты, казалось, ярче горели на небе россыпи звезд. Прислушиваясь к шорохам и звукам ночи, Яков поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, отыскивал знакомые созвездия. Вот она, Большая Медведица. Ручкой ковша повернута вверх, значит, времени не больше двенадцати.

В наступившей темноте Кайманов с нараставшим беспокойством вглядывался в маячившие на склоне тени, похожие на людей. Он давно бы поднял тревогу. Удерживало то, что на эти же тени смотрел Карачун и будто не замечал их. Наконец Яков не выдержал, коснулся его руки, кивнул в сторону склона, спросил:

— Что это?

— Гули-кон,— шепотом ответил Федор.— Вроде нашего иван-чая. Эти метелки я и сам несколько раз за людей принимал.

«Тьфу ты, пропасть! — досадуя на себя, с облегчением подумал Яков.— Как я не узнал гули-кон — телячий цветок? Его метелки в темноте и в самом деле можно принять за идущих по косогору людей».

Яков посмотрел на Федора Карачуна: не смеется ли он над ним? Но тот, казалось, не обратил на его ошибку никакого внимания. Вытащив из кармана две катушки ниток и спичечную коробку, Карачун принялся что-то мастерить.

— Наблюдай, Яша,— сказал он.— Сейчас «систему» налажу, ни один контрабандист не пройдет, обязательно заденет.

Начальник заставы надел катушку на карандаш и пошел вниз по склону поперек ущелья, распуская и в то же время туго натягивая нитку. Кайманов видел, что он пересек едва заметную тропу, потом скрылся в темноте. Через несколько минут Карачун вернулся, размотал еще одну катушку, нитку протянул через тропу. Затем положил перед собой спичечную коробку, сделал из спичек «сторожки», которые при малейшем натяжении протянутых поперек ущелья и через тропу ниток щелкали по коробке.

— Техника хоть и простая, зато безотказная,— пояснил Карачун.— Иной раз лежишь у тропы, своей руки не видишь. Нарушитель в пяти шагах от тебя пройдет — не заметишь. А «систему» наладишь, совсем иное дело: «сторожок» по коробке щелк! Ага, есть! Нитку нащупаешь: куда отклонилась? Если от тебя, значит, к границе кто-то прошел, а к тебе — в тыл...

Протянутая через тропу нитка могла натянуться в любую минуту, извещая об опасности. Кайманов почему-то был уверен, что контрабандисты обязательно придут.

— Ты, Яша, бери все на заметку. Бригадой содействия будешь командовать, пригодится,— шепотом продолжал Карачун.— Обнаружишь след, первое дело — сигнал на заставу. Голубя пошлешь или два выстрела, а трудно будет — гранату взорвешь, когда группа большая и с оружием. Уж гранату-то на заставе услышат. Днем мы для связи костры зажигаем: два костра — если помощь нужна, три — когда дело серьезное. А чтобы побольше дыма было, полынь подкладываем. Иногда для дубляжа специальный наряд на какой-нибудь гребень высылаем. Увидят бойцы сигнал такого спецнаряда, тоже зажигают костер, потом на коней — и галопом к границе. Самое главное — установить давность следа. Для того ты и должен каж-

дую мелочь примечать. Ночью погода равномерной не бывает: то ветерок потянет, то стихнет. Обязательно примечаешь, в какое время и с какой стороны ветер дул. Во второй половине ночи проведешь по прикладу ладонью, а она будто тормозится. Значит, уже села влажная пудра вроде росы — скоро рассвет. Если все эти мелочи помнишь и учитываешь, то, когда след увидишь, картина для тебя сразу становится ясной. Как только разобрался, куда нарушитель путь держит, тут уж не зевай, не мешкай, потому что каждая секунда дорога...

— У тебя все больно просто выходит...— начал было Яков, но не договорил. Карачун, насторожившись, молча взял его за руку.

Яков замер. Начальник заставы снял затвор карабина с предохранителя, пригнулся у камня, всматриваясь в темноту. Кайманов невольно повторил его движение. Слух улавливал едва различимый шорох песчинок, тонкий посвист ветра в сухой траве. Вдруг совершенно ясно донеслось шарканье подошв по камням. Припав к скале и весь напрягшись, Яков направил винтовку в сторону доносившихся звуков, едва не нажал без команды на спусковой крючок.

Снова все стихло. На темном небосводе сияли звезды. Черной зубчатой тенью замерли силуэты гор. Спустя несколько минут — Яков увидел это совершенно отчетливо — над гребнем сопки появились две головы. Снова почувствовал предостерегающее прикосновение начальника заставы.

— Оставайся на месте, раньше меня огонь не открывай,— прошептал Карачун и проворно скользнул в темноту.

У Якова до предела напряглись нервы. Он лежал, прижавшись к плитняку, и ясно видел, как, помаячив на фоне звездного неба, сначала одна голова, затем дру-

гая исчезли. Вскоре опять послышалось шарканье подошв по камням.

Надо же так! Только что заняли позицию, и вот они, контрабандисты, как по заказу! Стрелять или не стрелять? А что, если не заденут систему? Куда девался Карачун?..

Из ущелья донесся дикий рев, ударил по нервам. Яков вздрогнул, еще крепче стиснул винтовку. В первую минуту не мог сообразить, что это такое. Рев повторился. В нем звучало разочарование и злоба. Тут же послышался шорох посыпавшихся с откоса камней, дробный цокот козьих копыт.

Теперь Яков понял: ревел упустивший добычу леопард. Встреча с таким хозяином ночи не из приятных. Однако леопард — охотник, а не бандит, он не вооружен маузером или винтовкой. Но почему горные козлы, к которым подкрадывался леопард, не услышали шагов контрабандистов? А ведь слух у них куда лучше, чем у Якова и Карачуна. Может быть, не было никаких голов над гребнем сопки?

Но вот опять донеслось шарканье подошв по камням, и Яков совершенно ясно увидел головы в круглых чеплашках из верблюжьей шерсти.

Где же Карачун? Сколько контрабандистов? Двое или больше? Стрелять или не стрелять? Стоит пошевелиться, сам получишь пулю. «Шарапхан на звук в темноте без промаха бьет»,— вспомнил он. И еще: Федор сказал, что бы ни было, первым не стрелять. До боли напрягая глаза, Кайманов смотрел в сторону сопки. Ему показалось, что голов стало больше.

Неожиданно совсем рядом послышался голос Карачуна. Начальник заставы пытался зажечь спичку и негромко клял кого-то до седьмого колена.

— Яша, иди-ка сюда,— нисколько не прячась, позвал он.

Яков поднялся, чувствуя, как исчезает скованность и напряжение, словно огромная тяжесть свалилась с плеч, подошел к начальнику заставы.

— Черепахи, сволочи! — продолжая чиркать спичками, сказал Карачун.— Сколько раз обманывали: шуршат панцирями по камням, ну точно кто идет. Вон отступают форсированным маршем.

При вспышке спички Кайманов увидел, как проворно уходили к расщелине в скале две большие черепахи, похожие на перевернутые миски. Он с детства знал, что в горах водятся крупные черепахи, но никогда бы раньше не поверил, что они могут своим шорохом ввести в заблуждение даже опытного пограничника.

— Смотри сюда,— снова зажигая спичку, сказал Карачун и приблизил огонек к самой земле.— Вот это курочки ковырялись, а это — черепашьи следы: когда по плитняку идут, от мелких камешков черточки остаются.

— А можно ли нам сейчас так вот спичками? — спросил Кайманов.

— Сейчас можно. Слыхал, как леопард заревел? Это он с досады, что добычу упустил. Разозлился и поднял рев. А потом камешки посыпались. В лощине — фырк-фырк, и снова тишина. Когда козлы людей испугаются, долго бегут. Один раз фыркнут, и пошел, и пошел... Гуськом выстраиваются, уматывают за несколько километров. А от зверя шарахнутся шагов на пятьдесят, и опять спокойно, будто ничего не произошло, щиплют траву. Слышишь, нет-нет да и покатится камешек, значит, пасутся, человека поблизости нет.

Яков прислушался. Ночные горы были полны каких-то неясных звуков, разобраться в которых не просто. Но звук скатывавшихся время от времени по от-

косу камешков он ясно слышал. Прав, стало быть, Федор: архары где-то рядом. Ветер дует от них на Якова и Карачуна, потому и не боятся.

— Козлы и горные бараны,— продолжал Федор,— золотые наши помощники: тому, кто понимает, все расскажут. А возьми курочек. На ночлег соберутся кучкой и спят. Подойдет зверь, они — «фррр», и нет их. А человека услышат, не только «фррр», но и переговариваться начнут: «тиу-тиу-тиу». По перелету курочек или поведению горных козлов и направление нетрудно определить. На тебя бегут или летят, если ты лицом к сопредельной стороне сидишь, значит, контрабандисты от границы топают. От тебя — значит, за кордон дуют.

Яков мысленно представил себе укрытые темнотой ночи откосы и ущелья на участке заставы. Горсточка пограничников — по два в наряде — рассредоточена в этих горах на огромном пространстве. Карачун распустил поперек одному ему известной тропы катушку ниток, а пройди нарушитель на двести метров левее или правее, «система» не сработает, окажется бесполезной. Как же хорошо надо знать тропы и ущелья, чтобы в нужном месте поставить заслон, не дать пройти врагу! Как внимательно надо изучить повадки птиц и животных, чтобы понимать, о чем они рассказывают!

Яков слушал ночь, старался разобраться в ее многочисленных приглушенных звуках, отыскивал в небе звезды, о которых рассказывал ему еще отец, ловил каждое дыхание ветра. Как-то так получилось, что он не доехал еще до дому, оставил на полдороге жену и вот лежит здесь, на склоне горы, «слушает» границу! Ольга, конечно, беспокоится о нем. Хорош муж! Завез на край света и пропал. Но Ольга поймет. Все, что он узнал и увидел сегодня, что услышал от начальника

заставы, очень важно. Без этого не выйдешь на охрану границы.

Научиться стрелять, как Аликпер, читать следы, как Амангельды, понимать ночную жизнь гор, как понимает ее начальник заставы,— это не только интересно, но и необходимо. Ведь его Карачуну сам Василий Фомич Лозовой рекомендовал.

Потянуло предрассветным ветерком. Яков плотнее закутался в ватную фуфайку, подвернул ее полы под себя. Коленям было жестко и холодно. Он переменил положение, лег на бок. Надел шинель и начальник заставы.

Густая синева ночи стала редеть. Где-то рядом ухнул филин. Ему отозвался сыч. Донесся шум осыпающихся камней. Ночные хозяева уступали свои владения дневным жителям гор.

Задумавшись, Яков перебирал в памяти все, что с ним было в детстве, и на какую-то минуту представил: будто пришел к роднику на охоту и ждет, когда прилетят на рассвете к водопою курочки или придут горные козлы. Собственно, сейчас он тоже на охоте. Разница лишь в том, что выслеживать приходится совсем иную «дичь», отлично владеющую огнестрельным оружием.

Звезды гасли одна за другой. Начинало светать. Яков с облегчением вздохнул. Он не любил кромешную тьму. Вдруг перестрелка?! Не узнаешь, откуда пуля прилетит. С рассветом же меньше вероятности, что контрабандисты нарушат границу.

Сумрак сползал со склонов гор. Навстречу утру волнами поднимался легкий туман. Над вершинами гор собирались дождевые тучи. Яков провел ладонью по прикладу винтовки, как учил Карачун. Руку словно что-то притормозило. Значит, уже выпала роса. Предутренняя синева сползала по склонам гор все дальше. Все отчетливее прорисовывается на гребне сопки то

место, где ночью возились черепахи. Теперь там нет ничего таинственного — обыкновенные камни, обыкновенный плитняк. Небо на востоке стало как бы отделяться от гор. За скалистыми вершинами разливалась заря.

Якова охватило дремотное состояние. Нервы будто сами собой ослабли, напряжение исчезло. Вместе с темнотой отошли ночные тревоги. Настало утро. Заря охватывала уже полнеба...

Гулко отдаваясь в горах, словно бичом стеганул тишину раскатистый выстрел. Вслед за ним ударил залп. Яков вздрогнул, не сразу сообразил, что бы это могло быть. Но, увидев начальника заставы, уже бегущего к лошадям, бросился вслед.

— Дорогу с Даугана к границе знаешь? — спросил на бегу Карачун.

— Знаю.

— Там под Юштою выход за кордон. Вчера в районе Белуджи вооруженная банда столкнулась с погранпарядом заставы Пертусу, ушла в горы. На ее поиск выехали и вышли новые группы пограничников. Командует ими Бассаргин. Комендатура выслала резерв под командованием Павловского. Мы тоже помогали пертусинцам перекрывать окрестные тропы, чтобы не выпустить бандитов за рубеж. Видно, пертусинцы банду обнаружили. Наша задача помочь им.

Одним движением подтянув подпругу и взнуздав коня, ловкий и быстрый Карачун вскочил в седло, галопом помчался на выстрелы. Яков немного замешкался, отстал от начальника заставы, но натренированный в горах конь так рванулся с места вперед, что скоро догнал скакавшего во весь опор Федора.

Снова ударил залп. Гулко отражаясь от склонов гор, все усиливалась трескотня винтовочных выстрелов. Поднявшись на сопку, Карачун слетел с седла,

словно его ветром сдуло. Махнул Якову, хлопнул своего коня по крупу ладонью, отсылая его вниз. Так же быстро спешился и Кайманов, взбежал на седловину, метрах в трехстах от себя увидел пробиравшихся по склону Аликпера и двух пограничников. Ближе спускался с косогора какой-то командир, вероятно, Бассаргин — начальник заставы Пертусу. Винтовку он держал в левой руке, правая свисала безжизненной плетью.

— Надо живьем брать, Аликпер! Живьем! — услышал Яков голос этого командира.— Заходи с тыла!

Аликпер и два пограничника, прячась за выступами камней, приближались к небольшой пещерке на склоне, из которой — теперь это было отчетливо видно — высовывался ствол штуцера [1], вырывалось пламя выстрелов. В одном из пограничников Кайманов узнал высокого и жилистого Шевченко, того самого, с которым они вчера вечером жарили шашлык. Низко пригнувшись, он побежал в сторону засевшего в камнях бандита. Послышался голос Бассаргина: «Шевченко! Куда?.. Назад!» Но поздно. Шевченко вдруг поднялся во весь рост, неестественно выгнулся и рухнул навзничь.

Аликпер зигзагами бежал между валунами к занятой бандитами пещере. Яков и Карачун огромными прыжками бросились со склона вниз, чтобы отрезать нарушителям путь отхода. Яков снова увидел Аликпера, когда тот взмахнул рукой. Взметнулся столб огня, гулко ухнул взрыв гранаты. Почти одновременно из камней стеганул выстрел.

— Ложись, Яша! — крикнул Федор. Пуля просвистела у самой головы Кайманова, с визгом ударилась в щебень.

---

[1] Штуцер — нарезное охотничье ружье.

К валуну, за которым укрылись Кайманов и Карачун, подполз незнакомый Якову пограничник, доложил:

— Товарищ командир, убило Шевченку и Бочарова. Трех бандюков мы постреляли. Четвертый из щели лупит, головы не поднять...

— Зайти сверху! — приказал Карачун.— Может, там второй выход из гаваха. Взять бандита живым.

«Попробуй возьми его живым, когда бьет без промаха»,— подумал Яков. Глаза его остро схватывали все детали боя. Подсознательно он старался держаться рядом с Карачуном, повторяя его движения и действия. Но существенно повлиять на исход перестрелки им уже не пришлось. Все решил Аликпер. Подобравшись сбоку метров на тридцать к засевшему в пещере бандиту, он тщательно прицелился и выстрелил. В тот же миг торчавший из-за камней ствол штуцера словно сломался пополам: пуля Аликпера разворотила его. Бандит тут же был схвачен пограничниками.

Яков и Карачун подбежали к тому месту, где лежали на шинели трупы красноармейца Шевченко и бригадира ремонтников Бочарова. Бочарову разрывной пулей снесло полчерепа. Кто-то прикрыл размозженную голову фуражкой, под которой угадывалась страшная пустота. Глаза закрыты, лицо залито кровью. На груди у лежавшего рядом Шевченко багровело кровавое пятно.

Яков почувствовал, что у него темнеет в глазах. Страшным усилием воли он преодолел слабость и, потрясенный всем случившимся, неотрывно смотрел на мертвенно бледное лицо Шевченко, на его черные брови, страдальчески сдвинутые так, как будто в последнюю минуту он силился что-то сказать, но не сказал.

Еще вчера Шевченко и Бочаров смеялись, радовались жизни. Сегодня их нет.

Чья-то тень упала на убитых. Яков поднял голову и увидел Аликпера. Горбоносое, хищное лицо его было мокрым от слез. Широкие плечи курда, не знавшего страха, сотрясались от рыданий. Опустившись на колени, Аликпер оплакивал погибших товарищей.

Бассаргин развернул здоровой рукой плащ, прикрыл им тела убитых.

— Старшим здесь Павловский был — заместитель начальника резервной заставы,— обращаясь прежде всего к Карачуну, проговорил он.— На такое дело надо бы опытного командира назначить, а послали Павловского. Он прибыл сюда с опозданием, к тому же не трезвый...

Вдруг с губ Бассаргина сорвалось какое-то невнятное восклицание, его лицо побелело, глаза расширились... Яков оглянулся. Обвязав ноги захваченного бандита веревкой, Аликпер подтягивал его головой вниз на сук одиноко стоявшей арчи. Из сложенного под арчой хвороста уже поднимался сизый дымок.

— Аликпер, что ты делаешь? Сейчас же прекратить! — крикнул Бассаргин.

Но Аликпер словно взбесился. Прыгнув вперед, схватил лежавшую тут же винтовку, заслонил собой костер, щелкнул затвором:

— Не подходи! Подойдешь — убью! Пускай горит!

— Отобрать оружие! — скомандовал Павловский.

— Отставить! — тут же оборвал его Бассаргин.— Вы, Павловский, и без того в ответе за жизнь людей. Хотите, чтобы еще друг друга постреляли?

Яков понимал: как-то надо остановить Аликпера. Но как? В первого, кто сунется к костру, Аликпер всадит пулю.

Языки пламени уже лизали потрескивавшие дрова, все смелее поднимался вверх дымок. Повисший на веревке вниз головой бандит со связанными за спиной

руками и кляпом во рту делал неимоверные усилия, чтобы освободиться от веревки. Тюбетейка слетела с его головы. Еще минута — вспыхнут волосы.

— Аликпер, слушай меня! — выйдя вперед, крикнул Карачун.— Мы не палачи. Бандит еще должен сказать, кто его послал. Был бы жив Шевченко, он бы тебе это не простил!

Несколько секунд Аликпер с дикой решимостью смотрел на Карачуна, потом отвернулся, сел, поджав под себя ноги, уткнувшись лбом в торчавшую дулом к небу винтовку.

Пограничники быстро развязали пленного. Яков увидел такое злобное, налитое кровью лицо, что усомнился, правильно ли сделали, что помешали Аликперу расправиться с бандитом.

Все пережитое потрясло его. Где-то глубоко внутри начиналась противная дрожь, руки слушались плохо, в горле комом встала тягучая слюна.

— Дзюба! Организуйте обратную проработку следа. Кайманов и Шаповал, конвоируйте задержанного на заставу,— приказал Карачун.

Приказание словно подстегнуло Якова, заставило взять себя в руки. Пограничники уже ладили носилки, чтобы нести до заставы погибших товарищей. Тучи, задевавшие за вершины гор, пролились коротким дождем, освежившим воздух и людей. Тяжелые капли свисали со стеблей травы, словно сама природа оплакивала погибших. Последнее, что бросилось Якову в глаза на этом месте, были следы щегольских сапог Павловского с широкими каблуками и очень узким носком. Яков невольно подумал: «Какие странные следы, будто клинья...»

...Когда Кайманов вернулся в бригаду ремонтников, солнце уже село. Расседлав коня, Яков повел его в поводу, отыскивая глазами палатку, в которой могла

быть Ольга. Одна из палаток, побольше и поновее других, из выгоревшей, но еще не слишком заплатанной парусины, стояла поодаль, у самой промывины с бежавшим по дну ручейком. «Видно, тут»,— решил Яков. Спутав коню передние ноги, он отпустил его к водопою, обдумывая, как начать разговор с Ольгой. Яков поднялся по галечному откосу бывшего русла потока, обошел палатку, отыскал вход.

У входа на камне сидел Барат, выставив лезвием вперед блестевший в отсветах зари полуметровый нож. Но грозная поза Барата была не опасной: намаявшись за день в карьере, он безмятежно спал.

Кайманов осторожно толкнул друга. Тот вскочил как на пружинах, дико вращая глазами. Узнав Якова, обрадованно воскликнул:

— А-а... Ёшка! Вернулся?

Тот взял его за рукав, отвел в сторону:

— Ну как тут?

— А,— махнул рукой Барат.— Днем работаю, вечером твоя жиннета-джанам стерегу.

— Так вот и стережешь с бичаком в руках?

Барат важно кивнул.

— Ну и ну...— Яков развел руками.

— Что ты, Ёшка? Почему сердишься? — с недоумением спросил Барат.

— Да ведь физиономия у тебя!.. И без ножа, посмотришь, до смерти икать будешь.

— Ай, дугры, Ёшка, правильно, пусть боится,— с достоинством сказал Барат.— Не будет бояться — убежит, а сейчас сидит, как курочка на гнезде.

Барат широко ухмыльнулся: мужчина должен на всех нагонять страх. А если его даже баджи не боится, какой же он мужчина!

— Ничего ты, Ёшка, не знаешь,— сказал он.— К Оле-ханум плохой человек приходил, плохие слова

говорил. Хотела она уезжать, коня, тележку просила, я не дал.

— Кто приходил? Какие слова? — Яков не на шутку встревожился. Кто мог прийти к Ольге, если они только что приехали?

— Ничего не знаю. Рамазан-сынок обед привозил, сказал, какой-то человек у Оли был. Никто больше не видел. Рамазан его не узнал, очень быстро человек ушел.

— Но ты хоть успокоил ее?

Барат не очень уверенно кивнул головой.

— Как успокоил?

— Ай, Ёшка, что ты пристал! Сказал ей, иди в свой хонье, она и пошла.

— И вот так бичак держал?

— Зачем так? Бичак на поясе был.

— Без бичака тоже ладно,— сказал расстроенный Яков.— Она же только приехала, никого не знает, всех боится. А ты ее в палатку загоняешь, по ночам с бичаком сидишь, выйти не даешь...

— Выйти можно,— рассудительно возразил Барат.— Только сразу обратно заходи.

Яков с безнадежным видом махнул рукой.

— Эх, Барат, Барат, келле [1] у тебя не работает,— постучал он себя пальцем по лбу.

— У тебя, Ёшка, келле не работает,— возмутился Барат.— Бросил жиннета-джанам, сам уехал. Что молодой баджи думать будет?

— Ты прав, Барат,— согласился Яков, не зная, как ему говорить с Ольгой.

— Иди, яш-улы, сам говори с ней, я больше не могу,— сказал, отдуваясь, удовлетворенный признанием Якова Барат.

---

[1] Келле — голова.

Яков откинул полотно палатки. Ольга, одетая, как одеваются в дорогу, стояла у входа. Она слышала весь разговор, но, ни слова не понимая по-курдски, не знала, о чем идет речь.

— Оля! — позвал Яков.

Она сделала движение навстречу ему, но тут же опустила руки. Обведенные темными кругами глаза ее не могли скрыть тоски и тревоги.

У Якова сжалось сердце. Он подошел к жене, привлек ее к себе, заметив, что Ольга сначала отстранилась от него, а потом припала к его груди и затряслась в прорвавшемся вдруг безудержном плаче.

— Ну что ты? Что ты? — пытался он ее успокоить, осторожно поглаживая по голове рукой, не отмытой еще от острого, с деготьком запаха поводьев. Ему хотелось увидеть ее глаза. Но Ольга еще крепче обхватила его шею, пряча лицо на груди, всхлипывая и вздыхая.

— Дымом-то как прокурился весь...

— С дороги я, Оля,— словно извиняясь, сказал Яков.— Небось пылью и пóтом, как от коня, разит.

Ольга подняла заплаканное лицо:

— Хуже, если бы от тебя духами пахло.

Яков отстранил от себя жену, заглянул ей в лицо:

— Оля, скажи, кто приходил к тебе и что сказал?

— Откуда я знаю, Яша, кто он. Говорит, из поселка. Подошел и сказал: «Начальник по горам кочахчи ловит, а твой Ёшка у Светланы сидит... Уезжай лучше». Сказал и ушел.

— Но ты-то веришь, что был я не у Светланы, а на границе с начальником заставы?

Он не стал говорить, что был свидетелем боя пограничников с бандитами — боялся еще больше разволновать жену.

— Верю, Яша, только не уезжай больше.

Так вот какие слова говорил о нем «плохой человек». Кому-то с первого дня Яков помешал. Кому? Кто этот человек? И как быстро успел. Яков с Федором — на границу, он — сюда. Расчет точный: узнает Ольга «новость», сразу уедет, Яков — за ней. Вот и не будет на Даугане Якова Кайманова — сына расстрелянного беляками большевика.

У входа в палатку показалась улыбающаяся физиономия Барата, который, из любопытства конечно, слушал разговор Якова с Ольгой.

— Оля, покажи место, где стоял этот человек.

— Я не помню, Яша,— начала было Ольга, но потом подвела Якова к погасшему кострищу, по обе стороны которого торчали колья с рогатульками, такими же, какими в детстве Яков и Барат ловили змей.

— Я обед готовила, а он подошел, вот здесь,— показала она в сторону промытой потоком ложбины.

Яков покачал головой: вся земля вокруг костра истоптана приходившими обедать рабочими, но в стороне, где начинался спуск к журчавшему по руслу ручью, он увидел ясно отпечатавшийся след на еще влажном после дождя, нанесенном сюда потоком песке. Тот ли это след или не тот? Друг или враг оставил его? Ни Яков, ни Барат не знали. Но на всякий случай Яков тщательно изучил, запомнил его. Небольшая трещинка на пятке — шрам от лопнувшей кожи чарыка, стоптанный, повернутый несколько внутрь носок.

Яков перешел через промывину, увидел еще несколько следов, но не мог определить: те ли это следы или совсем другие. Был бы здесь Амангельды или хотя бы Федор Карачун, они бы определили.

В детстве Яков и сам занимался следопытством. Но тогда следопытство его было игрой. Теперь, видно, придется изучать это дело всерьез.

Он вымылся в ручье, вошел в палатку, лег на кошму, где Ольга приготовила постель. Надо было все тщательно обдумать. Кому-то не понравился его приезд на Дауган, и он обязан найти этого человека. Но что это за человек? Где он таится?

Несмотря на усталость, Яков долго не мог уснуть. Перед глазами стояла выжженная солнцем котловина, перебегающие по ней пограничники, ящерицей скользнувший между камнями Аликпер. Наплывая на эту картину, все заслоняло багровое пятно на гимнастерке Шевченко, страшная пустота под фуражкой Бочарова.

Ему все слышался негромкий голос Карачуна, заглушавший тяжкие рыдания Аликпера, оплакивавшего своих погибших друзей, приехавших сюда из далекой России и Украины.

Будет ли он, Яков, таким же смелым и отважным, как Карачун, как Аликпер? Или не выдержит, спасует перед врагами?

Нет, не спасует! Не тот закал...

Глава 6

В БРИГАДЕ

Дорога, поблескивая на солнце каменной чешуей, уползает в горы: то взбирается на склоны, то ныряет в темные, сумрачные ущелья.

Идут по ней караваны верблюдов, грохочут коваными ободами фургоны, передвигаются вдоль обочин, как волнующийся живой палас [1], отары овец.

Но не только руку дружбы подает этой дорогой одно государство другому. По той же дороге всего несколько дней назад пограничники и жители поселков Дауган и

---

[1] Палас — ковер.

Пертусу проводили в последний путь людей, погибших от руки бандита.

В горах часто гремят выстрелы, свистят пули, слышны топот ног, предсмертные хрипы и стоны раненых. От этого не уйдешь, не залезешь в гавах, не спрячешь голову под крыло. Это — жизнь, которая окружает Якова и долго еще будет окружать, пока пограничники не поймают последнего контрабандиста, последнего шпиона, не уничтожат последнюю пособническую базу.

Но поскольку дорога построена для торговли и добрых отношений с соседним государством, она всегда должна быть в порядке. Начнут ли таять снега, хлынет ли в горах ливень, вырвутся ли из ущелий селевые потоки — ремонтники начеку! Днем под палящим солнцем, ночью при луне, в любую непогоду они будут возить гравий, засыпать промоины, подрывать аммоналом скалы, тесать камень, класть подпорные стены, исправлять булыжное покрытие. Ни на один день не должно останавливаться движение. Дорога — не только великий путь из одной страны в другую, не только река, по которой текут грузы. Дорога вместе с тем — постоянное место работы многих сотен людей, она дает им хлеб и кров.

С детства Яков относился к дороге, как к живому существу, присматривался к приемам работы опытного каменотеса — отца. Ущелье Сия-Зал, куда не попадает солнце, всегда причиняло отцу много беспокойства. Именно отсюда после каждого ливня несся главный поток, размывавший дорожное полотно...

Нагребая гравий, Яков с удивлением смотрел на огромные ноздреватые валуны, миллионы лет назад источенные морской водой. На откосах ущелий он угадывал то отпечаток гигантского пальца, то руки, а то и целой человеческой фигуры.

Когда-то здесь, на месте гор, было морское дно. Страшные подземные силы с громом и пламенем вздыбили дно из пучины к небу, и море отступило, обнажив словно изрытые оспой подводные скалы.

Работая неподалеку от Якова, Барат насыпал совком-лопатой гравий в телегу. Кайманов с удовольствием окинул взглядом его крепкую фигуру, туго обтянутые синими домоткаными штанами икры, выгоревшую на солнце рубаху неопределенного цвета, линялый платок на голове. На поясе у Барата, в кожаных ножнах, неизменный нож-бичак с самодельной роговой ручкой.

— Барат,— позвал Яков.— Зачем Моисееву лапу целовал? Смотри, какая гора! Иди и целуй ее сколько хочешь!

Барат сердито что-то пробормотал, глянул на друга. От ругательства воздержался, чтобы не осквернять себя пустым богохульством.

— Эй, Барат! — продолжая долбить киркой гравий, снова крикнул Яков.— Почему молчишь? Я тебе дело говорю: иди целуй место, где Муса Пей Гамбар сидел!

— Ай, Ёшка, плохие слова говоришь! — сердито поблескивая глазами, огрызнулся Барат.— Никуда не пойду.

Яков знал, что, пожалуй, только ему Барат разрешает так шутить. Будь на месте Кайманова кто другой, уже давно были бы пущены в ход кулаки. Истинный мусульманин редко кому прощает шутки, если они касаются его веры. Но своему другу Барат прощал и это.

— Еще покойная мать говорила,— разогнув спину, убежденно сказал он,— много оспы было на нашей земле. Люди умирали, а у оставшихся живыми лица были, как эти камни. Святой Муса сказал: пусть камни по-

кроются оспой, а люди живут и лица их будут чистыми. С тех пор в горах открылся родник Ове-Хури с целебной водой, а камни стали такими, какими ты их видишь.

— Были бы чистыми твои люди, если бы не доктор да не Али-ага,— сказал Яков.

— Доктор тоже хорошо,— миролюбиво согласился Барат.— Но Муса Пей Гамбар лучше: сразу всех спас!

Спорить Барату явно не хотелось. Но он знал, от Якова так просто не отделаешься.

Бросив на телегу с гравием кирку и лопату, разобрав вожжи и направив лошадь к видневшейся в конце долины дороге, Яков спросил:

— А ты, правда, ничего не боишься?

— Я — курд! Курды ничего не боятся!

— А к роднику Ове-Хури ночью, наверное, побоишься пойти?

Барат с явным презрением посмотрел на Якова. Тот уже пожалел, что зашел слишком далеко. У родника Ове-Хури они видели следы леопарда и даже беспощадного хозяина гор — барса. К воде ползут и гюрзы и кобры. В темноте наткнуться на какую-нибудь ядовитую гадину проще простого, но Барат только улыбнулся:

— Спорим на козла? Пойду и оставлю там свой бичак.

Яков почесал затылок. Он знал: Барат умрет, а пойдет к роднику и оставит там свой нож. Придется ему, Якову, отправляться на охоту и тащить для всей бригады архара или козла. С тех пор, как ему выдали на заставе настоящую винтовку, в бригаде его считают первым добытчиком мяса.

— Ладно! — согласился Яков.— А испугаешься, тебе идти за архаром.

Они ударили по рукам. Об условиях спора рассказали работавшим на дороге товарищам. Теперь уже все были заинтересованы в том, чтобы Барат пошел к Ове-Хури. Но кобры и барсы — не главная опасность, которая подстерегала любого, кто осмелится ночью бродить по горам. Что, если Барата встретят контрабандисты? Кажется, подтрунивая над другом, Яков зашел слишком далеко.

Послышался дробный стук копыт: из-за поворота дороги выехал Карачун. В седле, на красивом скакуне, он казался еще худощавее и стройнее, особенно рядом со следовавшим за ним могучим и неповоротливым Дзюбой. К седлу Дзюбы приторочены три английские десятизарядные винтовки, аккуратно завернутые в брезент.

— Салям! — спешившись, приветствовал Карачун рабочих по-туркменски: в бригаде только один Яков русский, остальные — туркмены, таджики, курды.

После обычных приветствий и расспросов: как дела? как чувствуют себя жены и дети? — Карачун сел в тени палатки. Тут же, кто прямо на траве, кто на камнях, уселись и рабочие. Пошла по рукам пачка папирос, привезенная начальником заставы. Запахло табачным дымком.

Яков уже догадался, зачем приехал Карачун: будет вручать винтовки. А каждый получивший нарезное оружие становится хозяином гор. Правда, патроны на заставе выдаются строго по счету.

Прежде чем обратиться к рабочим с речью, Федор снял фуражку, пригладил волосы, откашлялся.

— Государство доверило нам охрану границы,— начал он,— но силами одних только пограничников с такой задачей справиться трудно. Вот мы и решили обратиться к вам за помощью. Вижу, среди вас нет ни одного терьякеша...

— Ай, зачем терьякеш? Терьяк — плохо! Не надо терьяк! — послышались голоса.

— Терьяк не только губит наших людей, но и подрывает экономику нашего государства,— продолжал Карачун.— А забрасывают его к нам носчики баев, помощники агентов империалистических разведок. И вот получается... К примеру, заключили мы договор с соседями на покупку десяти тысяч тонн хлопка. За хлопок должны платить сахарным песком. Правильная торговля?

— Правильная,— раздались голоса.

— Кочахчи банками несут к нам терьяк, отравляют народ, уносят советскую валюту. Вместо того чтобы платить за наш сахар хлопком или шерстью, баи, засылающие к нам контрабандные группы, расплачиваются у нас же взятыми за опий деньгами. Одна банка терьяку стоит сто пятьдесят тысяч рублей. А сколько таких банок забрасывают к нам по всей границе? Какие это огромные убытки нашему государству! Но убытки еще не самое главное. Сами знаете, если уж хлебнул терьякеш этой заразы, то и жену, и детей, и родину — все продаст! Ему лишь бы покурить. Раз покурил, два покурил, сегодня он не работник, завтра, смотришь, его завербовали, шпионом сделали. Такой за терьяк любую государственную тайну выдаст!..

Видно, не первый раз выступал перед ремонтниками Карачун. Все, даже слабо владевшие русским языком, прекрасно понимали его.

— Я полагаю,— продолжал он,— что в вашей бригаде каждый достоин боевого оружия, а значит, и доверия. Давайте же вместе охранять священные рубежи! Не пропустим ни одногс нарушителя границы. Чтобы не с голыми руками встречать врагов, вот винтовки, которые доверяет вам Родина. Вы сами решайте, за кем их закрепить, кого выбрать старшим, потому что преж-

ний руководитель Балакеши, как я слыхал, в бригаде больше работать не будет.

— Ай, зачем думать! — первым отозвался Барат.— Ёшка старший, раз Балакеши председателем теперь в ТОЗе. Винтовки надо дать Мамеду, Асахану Савалану, Нафтали Набиеву — лучшим охотникам. Большой шашлык кушать будем!

— Но, но! — забеспокоился Карачун.— Если все патроны на козлов да архаров переведете, чем будете бандитов встречать? Учтите, ни одного выстрела зря. Стрелял, отчитайся, в кого стрелял и зачем. Вы теперь — боевая единица. Дисциплина должна быть строгая. Ты, Яков Григорьевич, теперь за всех в ответе.

Карачун раздал английские винтовки, когда-то отобранные у контрабандистов, Нафтали, Мамеду и Савалану. У Якова уже была русская трехлинейная, о достоинствах и безотказности которой рассказывал ему еще отец.

Новое назначение одновременно тревожило и радовало Кайманова. Шутка сказать, командир бригады содействия! Кроме четырех винтовок есть хорошее ружье у Балакеши. Да и берданка Якова не списана со счета. Шесть стволов — сила! Но радость сменилась беспокойством: командир должен быть самым знающим и умелым. Его слово — закон. И не потому, что он называется командиром, а потому, что командир смелее, умнее и опытнее остальных. Он — пример для всех. А какой пример Яков, если в двух шагах от палатки не мог следы прочитать?

С завистью вспомнил он немыслимо точную стрельбу Аликпера — первого помощника начальника заставы Пертусу, тоже командира бригады содействия, решил обязательно повидаться со следопытом Амангельды. Далеко еще Якову до Аликпера и Амангельды. А без их знаний и умения не выполнишь самого пустя-

кового задания. Вооруженные контрабандисты — не горные козлы. «Шарапхан из своего маузера в темноте на звук без промаха бьет»,— вспомнил он слова Карачуна.

Еще бы не бить, когда каждая банка опия сто пятьдесят тысяч рублей стоит! Носчиков у таких главарей, как Шарапхан, иной раз больше десятка. Посчитай, сколько это денег стоит! К тому же еще за спиной Шарапхана Таги Мусабек-бай — хозяин. Говорят, кроме Шарапхана у Мусабека главарями Чары Ильяс, Джафархан, Атагок, Анна́... Всего лишь неделя, как приехал сюда Кайманов, но узнал уже десяток имен бандитов. «Да, Ёшка,— мысленно назвал он себя на курдский лад,— нелегкое дело свалилось на тебя. Будешь теперь отвечать за каждого контрабандиста. А попробуй уследи, если они через границу толпами прут».

— Вы получили боевое оружие,— сказал Карачун.— Но главное не в этом. Винтовка нужна, когда перед вами явный враг. Гораздо опасней — скрытый. У нас тут, на границе, уже есть товарищества по совместной обработке земли, создаются первые колхозы. Враги распускают о них нелепые слухи, и кое-кто верит этим слухам. Есть семьи, которые даже собираются уходить за кордон. Помимо меткой стрельбы по врагам мы должны учиться попадать словом в душу человека.

Пограничник обязан знать каждого, кто живет в пограничной зоне, чем дышит, что думает, какое у него настроение; должен помогать людям разбираться в обстановке, не оставлять никого в трудное время, а когда надо — потребовать ответа.

С некоторой торжественностью произнеся эти слова, Карачун сел в общий круг. Начался непринужденный разговор, из которого Яков понял, что Федор не первый раз приходит к рабочим, что в сенокос и жатву погра-

ничники помогали недавно организованному товариществу, председателем которого стал Балакеши, и что уже не однажды рабочие-ремонтники участвовали в поисках на границе.

Карачун и Дзюба, попрощавшись, уехали, а Яков долго еще раздумывал о том, как ему организовать работу бригады содействия. После обеда он возил с Баратом гравий, то и дело поглядывая на своих товарищей.

Солнце, опускаясь к зубчатым вершинам гор, в упор освещало бурые их склоны, людей, цепочкой растянувшихся вдоль израненной ручьями и потоками дороги, лошадь и телегу, раскинутый неподалеку палаточный городок. Теперь это не только ремонтная бригада, но и боевая единица. Днем люди бригады закрывают бреши и промоины в дороге, ночью должны с оружием в руках закрывать бреши на горных тропах.

Насыпая гравий в телегу и подвозя его к промоинам, Кайманов прислушивался к разговорам. Балакеши, выравнивая полотно дороги, рассказывал о самых известных в этих краях контрабандистах. Все его слушали, временами прерывая рассказ возгласами и репликами.

— Кто такой Чары Ильяс, Балакеши? — сгружая гравий, спросил Яков. Он все еще никак не мог привыкнуть к имени председателя товарищества по совместной обработке земли: «болла» — ребенок, «кеши» — человек. Выходит, «Человек-ребенок». В переводе — бессмыслица. Но ему известно было, что у туркмен и азербайджанцев иной раз встречаются совсем неожиданные имена. Например, родился ребенок утром, дают ему имя Гюньдогды — «Солнце взошло», родился зимой — Карягды, то есть «Шел снег». А, например, Амангельды по-туркменски значит «Счастливо пришел»: ждали ребенка, благополучно родился, назвали Амангельды.

Услышав, что Кайманов не знает, кто такой Чары Ильяс, Балакеши в изумлении поднял кверху густую,

черную, подбритую на челюстях угловатой скобкой бороду, зачмокал губами, укоризненно покачал головой.

— Ай, Ёшка, все тебе о нем расскажу. Чары Ильяс за терьяк луну с неба достанет, в ухо верблюда влезет. Второй год через границу ходит, никто не может поймать. Нет человека, который поймал бы Чары Ильяса.

— Если поймать не могут, как знают, что ходит? — резонно возразил Яков.

— Люди знают,— уклончиво ответил Балакеши.— Носчики-терьякеши говорят: «Был Чары Ильяс». Сам он никогда не попадается.

— Ты его видел?

— Как не видел. До того, как Чары Ильяс за кордон убежал, видел. В ауле Гиями. Баем был. Только баи редко терьяк курят, а Чары Ильяс курит. Ростом мал, худой, силы нет, здоровья нет, а поймать никто не может — шибко хитрый. Соберет носчиков и пускает через границу по два, по три. Ага, прошли. Тогда сам идет. Задержат двух-трех, ведут на заставу, он за их спиной проскочит. Прорыв сделает через Мер-Ков или у Ходжа. Здесь его и ждут. А он полмесяца по пескам бродит, обратно у Карагача выйдет. Сколько пограничников ни ставь — как ручей в песок. Был Чары Ильяс, и нет его. Уж и люди его видели, и след найдут, а схватить не могут. След так запутает, ничего не поймешь. Халат на пиджак сменит, женскую одежду наденет, пройдет.

— Ай, Балакеши, сказки говоришь,— усомнился Яков.— Как так нельзя поймать? Пограничники ловят, вы ловите — и никто не может?

Балакеши поднялся, обвел всех взглядом, как бы приглашая бригаду в свидетели. Все приостановили работу.

— Ты видел, Ёшка, большого Степана, что с Федором приезжал?

— Дзюбу, что ли?

— Правильно, Дзюбу,— подтвердил Балакеши,— второй год служит. Знает, как командир Лутков в наряде стоял...

— Ты тоже знаешь, вот и расскажи,— сказал Яков.

— И расскажу...— согласился Балакеши.— Лутков сверхсрочно служил. Палец ему в рот не клади! Ждали Чары Ильяса. Во всех нарядах главными командиры были. Лутков тоже главным в своем секрете сидел.

— Ну и что?

— Они сидят, да? — узкие глаза Балакеши округлились.— Полночи сидят, да? Под утро слышат шорох и стук камней: бежит кто-то по тропе, пыхтит. Лутков кричит: «Дур!» Смотрят, терьякеш. Маленький, худой, так запыхался, едва дух переводит. «Тише, тише,— говорит,— дай попить, бегу к начальнику. Семь человек видел, сюда идут, сам Чары Ильяс их ведет!» Ну, Лутков видит, последний замухрыш перед ним, а сказал все правильно: ждали они группу в семь человек, самого Чары Ильяса с ними. Дал он терьякешу попить. Как же, помощник, друг пограничников, выследил вооруженную группу! Сам своим людям команду отдает: «Позицию занимай!» Терьякешу говорит: «Дуй по этой тропе прямо на заставу». Тот и дунул. Узнали потом, сам Чары Ильяс был, обошел наряд, свою группу в обход к городу вывел. Ему-то и надо было узнать: есть ли тут пограничники. Утром по следам пошли, все поняли. Так тот Лутков волосы на себе рвал, две недели по горам да пескам за Чары Ильясом гонялся. Где там, разве найдешь! В кобру, в зям-зяма обернется, а уйдет. После уже шаромыги сказали: за сто верст отсюда обратно переходил. Все равно перешел.

— Ну а что с тем Лутковым было?

— Не знаю, Ёшка. Нет его больше на заставе. Говорят, уволился или куда-то перевели его.

Яков понимал, что в рассказе Балакеши правда переплетается с легендой, но, оказывается, его противник здесь не только Шарапхан.

— А кто тут еще знаменитый кочахчи? — осторожно спросил он.

— Ай, Ёшка! Мало ли кочахчи! По горам табунами бегают. Мусабек за кордоном целый полк носчиков держит. Главарей его все знают: Чары Ильяс, Джафархан, Шарапхан, Анна́, Атагок. Да мало ли кто! Пойди перелови их!

Яков исподволь присматривался к хитроватому, с широким приплюснутым носом Балакеши, которому словно в детстве еще примяли переносицу да так и оставили на всю жизнь. Умные, насмешливые глаза председателя ТОЗа словно испытывали его. Некоторых из бригады, может, и задело, что молодого Кайманова, только вернувшегося в родные края и еще не узнавшего толком, кто такие настоящие контрабандисты, Карачун утвердил старшим бригады. Тот же Балакеши, может, просто испытывает его: каков он, их новый командир?

— Шарапхан тоже такой, как Чары Ильяс? — спросил Яков.

— Ай, Ёшка! Шарапхан совсем не такой! — воскликнул Балакеши.

Если Барат, Мамед, Савалан и тот же Аликпер были ровесниками Якова, не знали многих старших односельчан, то Балакеши очень хорошо были известны богатые жители окрестных селений, баи, их прихвостни, бежавшие за кордон, как только победила Советская власть.

— Чары Ильяс — сын кобры и шакала, маленький, худой, хитрый, — продолжал Балакеши. — Шарапхан совсем другой! Горный барс Шарапхан! Ростом — во! Плечи — во! Глаза — во! Нос крючком, как у беркута!

Барс и тот милей Шарапхана. Сын быка и леопарда Шарапхан! Никого не боится, напролом прет. Собирает двенадцать — пятнадцать носчиков и идет. Знает, что пограничников в наряде всегда не больше двух-трех. На заставах людей мало. Как начнет стрелять, сминает наряд — и пошел. Лови его! Шарапхан появился — в горах война! Терьяку несет на миллион. Узнает Федор, что Шарапхан идет,— всю заставу поднимает в ружье! А он ударит в одном месте, рассеет своих — и поди ищи его. В другом месте уходит. Ну два-три носчика попадутся, сам Шарапхан никогда! Обязательно уйдет.

— А эти, Атагок, Анна́, какие?

— Ай, Ёшка, будешь кочахчи ловить, сам увидишь какие. Поймаешь и посмотришь,— задирая кверху черную скобку бороды и обнажая в улыбке белые зубы, отозвался Балакеши. Яков подумал, что с такой физиономией, как у Балакеши, можно стать главарем любой группы контрабандистов.

— Ай, Балакеши,— вмешался Барат.— Зачем говоришь: «Поймаешь»? Вместе будем ловить! Один Ёшка, один Балакеши, один Барат никого не поймают. Все вместе поймаем!

— Поймаем, Барат, поймаем,— согласился Балакеши.— Завтра начнем ловить. Шарапхана — в один карман, Чары Ильяса — в другой. Только, Барат, хоть и любишь ты шашлык, не ходи сегодня к роднику Ове-Хури: там Чары Ильяс с Шарапханом шашлык будут жарить, в кости играть. Проиграешь бичак, чем будешь в зубах ковырять?

Глаза Барата сверкнули гневом, но он сдержался, ответил спокойно:

— Не могу, дорогой. Так люблю шашлык, бичак не пожалею. Пойду хоть с Шарапханом поем. У нас не поешь скоро: жди, пока Балакеши или Ёшка из новой винтовки козла убьют.

Дружный хохот заглушил его слова. Нужно было что-то предпринять, чтобы эти пока еще добродушные препирательства не переросли в ссору. Товарищи Якова по бригаде, люди прямые и суровые, не терпели бахвальства. Надо было как-то обратить все в шутку.

— Ай, Барат,— с веселой беззаботностью проговорил Кайманов.— Пойдешь играть в кости с Шарапханом, передавай привет. Скажи, Ёшка на границу пришел, старый долг хочет вернуть.

— Скажу, Ёшка, скажу. Увижу Шарапхана, сам за тебя долг верну.

До самого ужина продолжались разговоры о контрабандистах, знаменитых главарях носчиков, о хозяине кочахчи Таги Мусабек-бае. Яков чувствовал, не зря его товарищи смакуют эти истории. Все, о чем говорилось, было их жизнью: тропы контрабандистов проходят не где-нибудь, а здесь, в этих горах, по соседству с местом работы. И еще одно подметил он. Видно, в самом деле хитрый Балакеши испытывал его. Требовалось как-то ответить на незлобивые подшучивания старого бригадира. Он прикидывал в уме, что бы такое предпринять, но ничего не мог придумать. И вдруг придумал, наблюдая, как в карьере у склона горы подрывник бригады Савалан закладывает в шпуры заряды аммонала, время от времени кричит, чтоб не подходили, поджигает шнур и убегает в укрытие. Раздается взрыв, летят камни. Снова появляется Савалан, начинает долбить гору, закладывает очередной заряд. Как раз то, что нужно.

— Эй, Барат,— позвал Яков друга и шепотом, так, чтобы никто, кроме него, не услышал, попросил: — Пойди в палатку, возьми и припрячь немного аммонала, кусочек шнура. Вечером комедь будем делать.

— Ай, Ёшка, ай, молодец! — обрадовался Барат и с таинственным видом отправился выполнять поручение.

Улучив момент, Яков подошел к Ольге:

— За ужином недалеко от палатки будет взрыв, не пугайся!

— Целый день взрывы, Яша. Чего ж ночью-то взрывать?

— Надо, Оля...

Наступил вечер. Хорошо после работы умыться родниковой водой, плотно поужинать. И не какую-нибудь бурду есть, а настоящий вкусный суп и не менее вкусную кашу, приготовленные хозяйкой. Ольга хорошо готовит. С шутками и прибаутками рабочие усаживались вокруг костра. Яков подмигнул Барату, обратился к председателю ТОЗа:

— Эй, Балакеши, я все думаю, как кочахчи ходят по горам и нас не боятся? Мы ведь можем их поймать! А? Как думаешь? Теперь ведь у нас и винтовки есть.

Узкие глазки Балакеши засверкали любопытством: неужели и правда разговорами запугали Ёшку?

— Как им бояться? — ответил он неопределенно.— Бойся не бойся, а идти надо. Не захочет кто идти, Таги Мусабек-бай заставит.

— А скажи, Балакеши, бывало так, что кочахчи на рабочих нападали?

Яков делал вид, что откровенно трусит.

Балакеши смотрел на него с удивлением, а тощий Савалан — подрывник бригады — даже есть перестал: что, мол, такое с Ёшкой?

— Ай, Ёшка,— с оттенком едва скрываемого презрения сказал Балакеши.— Русские говорят: «Ворона куста боится». Я не думаю, что ты такой!

— Кочахчи, наверное, могут и бомбу бросить? — продолжал Яков.

По его знаку сидевший поодаль Барат незаметно поджег шнур.

— Какую бомбу? Кочахчи костер увидят, сами бегут куда глаза глядят.

За палатками всплеснулось пламя. Рвануло так, что в ушах зазвенело. В ручей посыпались камни. Один из них на излете ударил Якова в спину. «Перестарался чертов Барат».

— В ружье! — громко крикнул Кайманов.

Все вскочили. Савалан, Мамед, Нафтали схватили винтовки.

— Ёшка,— испуганно произнес Балакеши,— бомба вот так мимо меня пролетела! Там надо искать!

— Без команды не стрелять! — крикнул Яков.

Первым не выдержал Барат. Повалился на землю и принялся хохотать так, что даже Ольга, все-таки испугавшаяся взрыва, стала улыбаться.

— Охо-хо-хо-хо! — не выдержал и Яков. За ним, поняв, в чем дело, захохотали Савалан и Мамед.

— Что смеетесь? Говорю, бомба летела...— начал было Балакеши, но, увидев обрывок шнура в руках Барата, махнул рукой: — Ай, Ёшка, лучше уж пускай надо мной смеются, чем я скажу, что ты трус...

— Не скажешь, Балакеши, никогда не скажешь. Я хочу друзьям в глаза прямо смотреть.

Оживленные и веселые рабочие вернулись на свои места у костра.

Глава 7

СНОВА НАРУШИТЕЛИ

После ужина Барат, что-то напевая вполголоса, подтянул ремешки чарыков, плотнее запахнул куртку, подпоясался и, заткнув за пояс бичак, направился в сторону ущелья, поднимавшегося к роднику Ове-Хури. Все сидевшие у костра переглянулись.

Кайманов был доволен, что Барат так просто после всех страшных рассказов и взрыва за палаткой отправился к роднику. Спор есть спор. Иного он и не ожидал от своего друга. Придется теперь ему, Якову, добывать горного козла на шашлык. Но кто знает, что может случиться с Баратом ночью? В горах, как и в песках, вода — главное благо. Любая группа контрабандистов, зная, где расположен родник, может зайти туда напиться. А что может сделать один Барат со своим бичаком? Яков молча поднялся и, перекинув через плечо ремень винтовки, подмигнул оставшимся у костра:

— Тс-ссс... Сейчас еще одну комедь устрою. Не ходите за мной...

Он осторожно пошел за Баратом, стараясь не сдвинуть камень, не наступить на сучок. Свет костра некоторое время сопровождал его слабыми отблесками. Вскоре все поглотила темнота. Лишь постепенно глаза стали привыкать к мраку. При свете звезд и только еще поднимавшейся из-за гор луны Яков вышел на тропинку. Он слышал голос негромко напевавшего и уверенно шагавшего по камням Барата. Самый дорогой друг Кайманова не боялся ни змей, ни барсов, ни леопардов, легкой походкой поднимался все выше и выше по распадку. До Якова доносился шум осыпавшихся под ногами Барата камней, шорох веток. На миг почудилось шипение потревоженной змеи — и снова все стихло... Неожиданно просвистел сыч, ухнул филин, всплеснулся и упал хватающий за душу вой шакала. Ему ответил откуда-то издалека оборвавшийся на высокой ноте тоскливый плач. Яков невольно остановился и прислушался. Но выли, кажется, настоящие звери, хотя свист сыча показался подозрительным: так могли перекликаться и контрабандисты. Барат, по-видимому, не обратил на это никакого внимания и продолжал

идти вперед. Вскоре темной стеной подступили заросли кустарника.

Ориентируясь по голосу Барата, Кайманов стал осторожно пробираться сквозь кусты, зная, что, если и была здесь какая-нибудь живность, кобры или даже сам хозяин гор — барс, Барат спугнул ночных хищников. Правда, за барсом и леопардом водится привычка пропускать по своему следу человека, делать круг и нападать сзади. Раздвигая стволом винтовки кусты, Яков безошибочно определял по едва различимым в темноте очертаниям скал — далеко ли до гаваха. Впереди показалась открытая каменистая прогалина; черной пастью под нависшей глыбой зиял вход в гавах, где в ливень спасались они с Ольгой. «Бедная Ольга,— неожиданно тепло подумал о ней Яков,— лежит, наверное, в темноте и думает о своем непутевом муже». Вот и опять он куда-то ушел на ночь глядя.

На площадке у самого гаваха Яков спрятался в кустах, прислушался: что там делает Барат? Перед глазами возникла недавняя жуткая картина: багровое пятно на груди Шевченко, разбитый череп Бочарова. Может быть, сейчас кто-то уже целится в Барата или в самого Якова?

Но все тихо. Доносится лишь негромкое бульканье воды, царапанье черпаком по камням.

Наконец от пещеры отделилась тень. Все так же негромко напевая, Барат прошел мимо. Не заметив, что за ним следят, стал спускаться к заросшему кустами ущелью.

«Беспечный Барат, как ребенок,— с неудовольствием подумал Яков.— Хорошо, что не боится, плохо, что неосторожен!»

Кайманов поднялся к роднику, присел на корточки и, заслоняя собой свет, чиркнул спичкой. Неверный, колеблющийся огонек осветил часть свода, кристально

чистую, прозрачную лужицу воды с шевелившимися на дне песчинками от бьющих снизу струй. У родника лежал нож Барата. Спор есть спор. Свой драгоценный бичак Барат положил у самой воды, рассчитывая, что до утра никто его не возьмет.

Яков прислушался. По отщелку, как по трубе, доносились сюда, к роднику, шорох осыпающихся под ногами Барата камней и его негромкая песня. Снова неподалеку ухнул филин, откуда-то из-за ближайшей горы послышался плач шакала.

С детства привыкший к горам, Яков не чувствовал страха. Но в нем до предела была напряжена каждая жилка. Все время не оставляло ощущение опасности. Ночь вокруг полна неясными шумами, шорохами и вскриками, будто хозяева темноты недовольны вторжением в их владения: люди заняли место у драгоценной воды, подойти к которой многие звери могли только ночью.

«Смелый Барат,— снова подумал Кайманов.— К роднику он хоть с ножом шел, а возвращается совсем безоружным и не боится. Вон как поет...»

Он забрал нож друга и стал спускаться по отщелку, стараясь идти так, чтоб Барат не заметил его, не услышал его шагов.

Когда Яков подошел к лагерю, костер едва тлел, в палатках было тихо. Все спали, умаявшись за день на тяжелой работе. Успел уже уснуть и Барат. Осторожно поставив затвор винтовки на предохранитель и положив нож Барата у костра, Яков снял сапоги и, взяв винтовку за цевье, вполз в отведенную ему с женой палатку. Слышалось ровное дыхание спящей Ольги. А сквозь полотно, нависшее над головой, по-прежнему пробивались неясные звуки ночи. Кто там сейчас, на горных карнизах? Только ли черепахи, барсы да горные козлы? Или пробираются по тропам архаров воору-

женные контрабандисты? Видно, не ждут пограничники сегодня «гостей», иначе не пришлось бы ему отдыхать. Подложив руки под голову, Яков вскоре уснул...

*

— Ай, Барат! Как не совестно, Барат! Говорил: «Самый смелый!», «Ничего не боюсь!» Почему не пошел к Ове-Хури, не оставил там нож? Придется теперь тебе самому на охоту идти, шашлыка все хотят!

У заспанного Барата был такой изумленный вид, что Яков едва сдерживался. Обступившие их ремонтники откровенно гоготали.

— Слушай, Ёшка! Скажи, дорогой, неужели я во сне видел, что был у родника Ове-Хури? — вполне искренне спросил Барат.

— Во сне, Барат, во сне,— подтвердил Яков.

— Ай, какой светлый сон,— растерянно проронил Барат.— Совсем как настоящий...

Но ничего другого нельзя было сказать: главное доказательство — нож Барата лежал у костра.

— Нехорошо, Барат, нехорошо,— в один голос корили его Балакеши и Савалан.— Говорил, пойду к роднику, а сам так храпел, чуть палатку с кольев не сорвал.

— Неужели, Ёшка, я так спал? — снова спросил Барат. Впрочем, он знал за собой такой грех: на заставе Дзюба, в бригаде ремонтников Барат по этой части друг другу не уступали.

— Ой, Барат, ты так спал, все приходили смотреть, как ты спишь.

— Давай-ка, друг, отправляйся на охоту, посмотрим, как ты со своим бичаком добудешь козла. Хоть курочек налови.

В глазах Барата появилось недоверие: уж очень веселые физиономии у друзей.

— Ай, Балакеши, ты, наверное, шутишь! Ёшка, скажи, друг, ходил я к роднику или не ходил?

— Не могу, Барат, сказать. Зубы болят, так болят, никакие слова не выходят,— отозвался Яков.

— А-а, Ёшка! Ты тоже шутишь! Вон вода, что я из родника принес.— Он указал на керковый[1] куст, на одном из сучков которого был подвешен бурдючок с водой из родника Ове-Хури — «Водой Оспы». Барат все сделал так, как требовал обычай: набрав в роднике Ове-Хури воды, он, спускаясь по отщелку, не оглядывался назад, не думал о плохом, напевал веселые песни. Вернувшись в лагерь, не положил бурдюк на землю, а повесил на куст.

— Вот так я пришел,— словно проверяя себя, начал он вспоминать.— Вот так стоял. Вот так воду брал. Вот так воду нес...

Наклонившись вперед и упершись ладонью в бок, он показал, как нес воду. Друзья не выдержали, снова громко рассмеялись:

— Вот какой сон видел Барат, даже как воду нес!

— Ай-яй, Барат! Ну и Барат! Ох и хитрый Барат!

Но теперь Барата уже трудно было сбить с толку. Окончательно восстановив в памяти, что на самом деле ходил к роднику, он потребовал, чтобы Яков и Савалан пошли с ним проверить следы.

— Вот, смотри,— разрыхлил Барат землю киркой и ступил ногой. На мягком грунте ясно отпечатался след его чарыка. Носок следа вдавился глубже пятки, на подошве — ни рубца, ни морщинки.— А теперь пошли, Ёшка, пошли, Савалан, к роднику. Если там есть мои чарыки, Ёшка на охоту за бараном идет.

---

[1] Керковый — кленовый.

Днем путь оказался гораздо ближе, чем ночью: через каких-нибудь полчаса все трое подходили к гаваху. Зная, что на сыром грунте у воды Барат обязательно найдет свой след, Яков не торопился идти к роднику. Он сравнивал, как выглядел отщелок в темноте и как выглядит теперь, днем. Вспомнил о подозрительном свисте сыча и вое шакала.

У самого гаваха тропу, по которой продирались они с Баратом ночью через кустарник, пересекал карниз, уходивший за скалу справа. Случайно бросив взгляд на карниз, Яков заметил белые черточки на плитняке: следы. Такие черточки остаются, если под чарык или сапог попадают мелкие камешки. А может быть, это ему только кажется, что следы? Он еще раз внимательно оглядел карниз, но больше ничего не обнаружил.

— Эй, Ёшка, смотри! Здесь еще кроме нас с тобой кто-то был! — воскликнул Барат. Теперь он уже не сомневался, что положил у родника свой бичак, а Яков унес его.

Влажный грунт вокруг был истоптан свежими следами. Барат, наклонившись, пытался в них разобраться.

— Вот! — опять заговорил Барат.— Это я стоял, здесь вот бичак лежал, а это ты пришел и взял его. А это вот — один, два, три, четыре... Четыре кочахчи были здесь.

Кайманов и сам уже понял, что ночью в гавахе были контрабандисты. На хорошо освещенном месте, недалеко от входа в гавах, он увидел след того самого чарыка, со шрамом на пятке, стоптанным, повернутым внутрь носком, какой видел у палатки жены и на откосе русла селевого потока. Против этого следа ясно отпечатался след с характерным для кавалериста упором на наружную часть ступни. Больше вдавлена пят-

ка, меньше — носок, но отпечаток следа четкий. Значит, человек стоял долго на одном месте. Что здесь происходило? Почему человек в чарыках со шрамом на пятке опять оказался в районе лагеря ремонтников? Кто стоял рядом с ним в такой маленькой, почти женской обуви?

— Эх, Барат, какие мы с тобой дураки! — огорченно воскликнул Яков.— В детские игры играли, а у родника целый табун контрабандистов прошел. Не пойму только, откуда здесь следы женщины.

— Нет, яш-улы, это совсем не женщина,— серьезно произнес Барат.— Тут был немолодой, но сильный мужчина: ноги ставит крепко, только немного больше на пятку. В горах так не ходят. Наверное, на равнине живет.

Кайманов проклинал себя за беспечность. Он попытался вспомнить все, чему учил его Карачун, чтобы определить давность следа. Но оказалось, что ночью совсем не обратил внимания на необходимые приметы. Был ли ветер? В какое время дул? С какой стороны? Была ли роса с вечера или пала только к утру? Да если бы и запомнил, какое это могло иметь значение здесь, в гавахе?

Яков прошел по карнизу, снова увидел следы камешков, прочертивших едва заметные полоски по плитняку. Однако никак не мог определить, в какую сторону и когда прошли побывавшие здесь люди. Побежал на склон горы, по которому в щелях и впадинах дождевые потоки отложили ил и песок. В одном месте увидел ясный отпечаток следа человека, поднимавшегося в гору.

— Савалан! — обратился Яков к стоявшему неподалеку подрывнику.— Беги к палатке, пусть Балакеши сообщит на заставу: у родника Ове-Хури были контрабандисты. Мы с Баратом пойдем в преследование.

— Ай, ишак! Какой ишак! — принялся ругать себя Барат.— Шел, песни пел. Кочахчи еще на границе слыхали: Барат поет! Ай, как они смеялись над Баратом!

— Давай, Барат, давай скорей,— подгонял друга взбиравшийся вверх по склону Кайманов. «В преследовании,— вспомнил он слова Карачуна,— всегда думай за противника. Как бы ты поступил на его месте? Контрабандисты тоже хотят жить. Им надо быть хитрее нас с тобой...»

— Барат! Был бы я на месте кочахчи, я бы отсюда пошел к щели Кара-Зоу, пробрался бы к седловине Ак-Гядык, оттуда до границы рукой подать.

— Ладно, Ёшка, пошли как ты говоришь. Ты — начальник, ты лучше знаешь.

Направление, которое выбрал Яков, думая за контрабандистов, в нескольких километрах от границы пересекало пограничную дозорную тропу. План был прост: напрямик, достичь тропы, предупредить наряды, которые могли там оказаться, и постараться отыскать след маленького чарыка или чарыка с трещинкой на пятке, с носками, повернутыми внутрь.

— Давай, Барат, давай! Упустим кочахчи, Карачун ругать будет! Давай быстрей!..

— Ай, Ёшка, даю. Так даю, душа сейчас выскочит. Только архары да козлы так по горам дают.

Больше часа бежали они напрямик по каменистым склонам то в гору, то под гору. Нещадно палило солнце. В глазах у Якова стоял красный туман. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине. Сердце стучало гулко, ударами молота отдавалось в висках. Винтовку, хлопавшую сначала по спине, Яков держал теперь в руке. При его росте и силе винтовка — не помеха в беге. Тем не менее Барату, вооруженному лишь ножом, было легче. Ноги невысокого крепыша с детства были приспособлены к лазанию по горам и обладали такой силой,

что без всякого затруднения несли его на самый крутой склон.

Вот и последний подъем, тропа, по которой проезжают конные поганнаряды.

— Иди, Барат, направо, я — налево, смотри следы,— приказал Яков. Еще минут пять бежали они в разные стороны, отыскивая место, где тропу пересечет знакомый след.

Яков понял: пограничники здесь проезжали, но когда, установить не мог. То ли сегодня ночью, то ли раньше. На тропе были ясно видны отпечатки копыт. Слева по склону Яков заметил груду камней. Держа винтовку перед собой, он осторожно приблизился к ним. И хотя там никого не оказалось, нетрудно было догадаться, что совсем недавно за камнями кто-то сидел. Все говорило об этом: и сдвинутый булыжник, там, где, наверное, был локоть человека, и сухие стебли травы, оборванные, вероятно, носком чарыка, и примятый, увядший цветок гули-кона. Контрабандисты, видно, оставались здесь довольно долго уже после того, как проехал наряд. Яков наклонился и едва не крикнул, чтобы позвать Барата, увидев в тени на камне окурок папиросы, обгоревший до самого основания. Осторожно развернув его, отметил про себя, что там, где губы человека касались мундштука, бумага была еще влажной. Значит, нарушители были здесь десять — двадцать минут назад, не больше. В сторону границы прошли совсем недавно. Вскочив на камни, Кайманов махнул рукой Барату и устремился вверх по склону к гребню. Едва поднявшись на гребень, в полукилометре от себя увидел трех быстро шагавших нарушителей. Один из них был с винтовкой.

— Дур! — крикнул Яков.

Все трое оглянулись и, как по команде, побежали к границе.

Силы Якова иссякли. Он понял, что догнать контрабандистов не сможет. «Первый выстрел вверх»,— вспомнил он инструктаж начальника заставы. Выстрелил. Контрабандисты продолжали бежать. Яков распластался на камнях, пустил еще одну пулю поверх голов кочахчи.

Двое нарушителей уже пересекли линию границы. Третий резко повернулся, припал на колено, вскинул винтовку. Рядом с Яковом срикошетила о камни пуля. Целясь в нарушителя, Кайманов плавно нажал пальцем на спусковой крючок. Сразу же после выстрела увидел, как, взмахнув руками, контрабандист откинулся назад, выгнулся, словно выбирая, куда упасть, потом тяжело рухнул на землю, покатился под откос.

Несколько мгновений в ушах стояла звенящая тишина. Яков перевел дыхание, вытер кепкой потный лоб, тяжело поднялся сначала на одно колено, потом встал на ноги и так стоял, всматриваясь сквозь застилавший глаза багровый туман в то место, где только что были контрабандисты. Три выстрела... Два — предупредительных. Один — прицельный. И с первого прицельного — попадание. Его отличную стрельбу видел Барат. Значит, сегодня же эту новость узнает весь поселок. Но

узнают ее и жители какого-то аула там, за кордоном, за этим гребнем зубчатых скал.

Все замедляя шаги, Яков подошел к лежавшему недалеко от линии границы трупу контрабандиста. Всего несколько минут назад это был человек, который двигался, жил, стрелял в него. Имел ли он, Яков, право отнять у него жизнь? Да, имел! Он как бы снова увидел — в который уже раз! — маленькие дырочки на широкой груди отца — следы оборвавших его жизнь пуль, увидел расплывшееся красно-бурое пятно на гимнастерке пограничника Шевченко, жуткую пустоту под кепкой дорожного мастера Бочарова. Пуля за пулю, смерть за смерть! Священная земля осквернена врагом. Враг должен за это платить жизнью. Жизнями платили за неприкосновенность этой земли товарищи Якова. Но почему же до боли сжаты его челюсти? Почему тошнота подступает к горлу?

Яков очень хотел, чтобы убитый им нарушитель оказался крупным бандитом, может быть, даже Шарапханом, Чары Ильясом или каким-нибудь таким же приметным главарем. Но перед ним лежал труп обыкновенного носчика. Заплечная торба при падении съехала ему на шею, веревка, стягивавшая мешок, лопнула — из мешка высовывались блестевшие на солнце черным лаком галоши, угол свертка материи. Рядом — винтовка. Взгляд Якова задержался на драных, стянутых сыромятным ремнем чарыках убитого, на выгоревших, латанных-перелатанных домотканых штанах.

Едва справляясь с дрожью в руках, Яков закинул винтовку за спину, скрутил цигарку, жадно затянулся. После третьей затяжки почувствовал, как крепкий табак-горлодер ударил в голову, разлил по всему телу хмельную истому. Несколько минут он надсадно кашлял, думая, что не следовало бы курить после такого бега по горам.

Кайманов отвел взгляд от убитого. Вспомнил о Барате. Размахивая руками, прыгая через камни, тот бежал к нему напрямик. Чуткое ухо тут же уловило дробный цокот копыт. На дальнем перевале, километрах в полутора, со стороны заставы показались всадники.

Барат подбежал к Якову. Его лоснящееся от пота лицо светилось такой гордостью, таким удовлетворением, даже восторгом, будто он совершил невиданный подвиг, схватил самого опасного врага.

— Ай, Ёшка! Ай, молодец! — воскликнул он.— Никогда не видел такую стрельбу. Всем скажу: Ёшка на лету птице в глаз попадет. Настоящий начальник! Никто не скажет: Ёшка промазал!

— Да ведь шаромыга...

— Зачем так говоришь? — возмутился Барат.— Пусть шаромыга. Шаромыга тоже враг. Терьяк тащит. Людей травит.— Повернувшись лицом к границе, словно контрабандисты могли слышать его, Барат потряс кулаком над головой: — Зачем ходите? Работать не хотите? Терьяк носите? Нам — терьяк, вам — сармак[1]? Вот вам сармак,— показал он кукиш. Вся ненависть бедняка-труженика к богатеям и торгашам выплеснулась у Барата в этом жесте.

Подскакали пограничники. Впереди на буланой лошади — маленький и цепкий командир отделения Галиев, за ним на добром, широком коняке — массивный и неповоротливый Дзюба.

— Ликвидировали? — спешившись, крикнул Галиев.— Ну и ладно. Давайте под сопку. Нечего маячить. Недолго и пулю получить. Тут вам не чайхана. Дзюба, коней в укрытие! Давайте, товарищи, проработаем след, обыщем местность.

---

[1] Сармак — деньги.

Галиев вел себя так, будто ничего особенного не произошло. Посоветовав Якову укрыться за выступом скалы, он, не прячась и не пригибаясь, прошел быстрым шагом метров двести в одну, затем в другую сторону. Потом начал просматривать обратный след, чтобы установить — был ли кто здесь еще. Яков пошел за ним. Но ни следа маленьких, почти женских чарыков, ни следа хозяина чарыка со шрамом они не нашли.

Из-за поворота выехала группа всадников во главе с начальником заставы Карачуном. Отличался Карачун от Галиева, пожалуй, только тем, что у Федора из-под шапки виднелся пышный чуб, а Галиев, как и полагалось пограничнику срочной службы, был острижен под машинку.

— А, Яша! Первое боевое крещение? — сдержанно приветствовал Якова начальник заставы. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы оценить всю развернувшуюся перед ним картину.— Труп обыскать и зарыть, торбу с контрабандой — на заставу,— негромко распорядился он и снова обратился к Якову: — Сегодня доложу коменданту. За умелые действия объявляю благодарность.

— Какая там благодарность! — отмахнулся Яков.— Вгорячах стрелял, и сейчас не понимаю, как все вышло.

— Правильно стрелял,— сказал Карачун.— Ты вынужден был это делать, чтобы не допустить безнаказанного ухода нарушителя за кордон. Он тоже в тебя стрелял.

— Товарищ начальник заставы! Тут у камнях дуже богато грошей,— доложил Карачуну Дзюба и подал замотанную в тряпки пачку денег.

— Здорово придумано. Значит, и в том случае, если носчики попадутся и даже будут убиты, деньги все равно должны достаться хозяину. Мелкая контрабан-

да — галоши и ситец — для отвода глаз. А деньги наверняка получены за его величество терьяк. Значит, были здесь не простые носчики. Шли если не сами главари, то их ближайшие помощники. Тщательно обыщите всю местность вокруг тропы.

Яков глазам своим не верил: экая прорва денег! Аккуратные пачки тщательно перевязаны серым шпагатом, замотаны в темное старое тряпье. Карачун сложил их в перемётные сумы.

— Крупную партию терьяку переправили, сволочи,— озабоченно сказал он.— К кому он попал? Кто пособник? Где розничная сеть?.. Сегодня ты, Яша, большое дело сделал. Не меньше ста тысяч рублей для государства спас. Премия тебе обеспечена.

— Дай Ёшке патронов побольше,— вмешался Барат.— Очень быстро бежал кочахчи. Ёшка три раза стрелял. Дашь патроны, еще кочахчи убьем.

— Патронов дам,— пообещал Карачун.— Много пока не могу, но по две обоймы дам... Я ведь, Яша, так же вот, как ты сейчас, думаю иногда: приди эти шаромыги к тебе в дом — куском хлеба поделишься. Но здесь — граница, и они пришли к нам как враги. Вон сколько денег за кордон несли. Валюта!..

Яков молча смотрел на убитого контрабандиста, с которого пограничники стаскивали торбу, и старался убедить себя, что иначе поступить не мог. В сущности, все получилось так, как и должно было получиться... Все так же светит солнце, так же ветер покачивает цветы, шевелит у его ног листву редкого в природе кустарника гумитрагана, зеленым шаром укрепившегося в расщелине скалы. Он наклонился и отломил веточку. В надломе выступил молочный сок, который, как говорят сборщики гумитрагана, идет на очень дорогой авиационный клей. Якову показалось, что капли сока становятся алыми.

И все же одно дело стрелять в Кандыбу, принимавшего участие в расстреле отца, совсем другое — в незнакомых людей, которые ничего тебе плохого не сделали. Лично тебе — да! Но таким же, как ты, они приносят неизмеримое зло.

— Э-э, Ёшка! — уловив настроение друга, воскликнул Барат.— Ты совсем бабой стал. Мужчина должен быть — вот! — Он выхватил свой бичак.— Крепкий как сталь! Сердце у него должно быть — вот! — поднял кусок щебня.— Твердый как камень! Тогда — мужчина! Врага убил — пользу сделал! А ты собрание сам себе проводишь...

«Барат прав,— подумал Яков.— Какой может быть разговор! Пуля за пулю!» В душе он даже почувствовал гордость, что так метко стрелял. Втайне хотелось, чтобы сейчас здесь был Аликпер. Но вполне хватит и рассказов Барата. Уж в бригаде-то и в поселке он распишет, как Яков победил контрабандиста.

Яков искоса посмотрел на Барата. У того был самый счастливый вид. Ничуть не завидуя, он явно гордился другом. Выставив грудь, туго обтянутую старенькой, выгоревшей на солнце, торчавшей колом от высохшего пота рубахой, он с таким независимым видом отставил ногу и посматривал на Карачуна, будто на ноге был не залатанный чарык, а шитый золотом сафьяновый сапог.

Теплое чувство охватило Якова. «Сагбол[1] тебе, Барат, что для тебя Ёшка всегда хорош, всегда прав...»

Попрощавшись с пограничниками, Яков и Барат сели на лошадей, которых дал им Карачун, и отправились в обратный путь. Начальник заставы приказал Дзюбе передать Якову две полные обоймы патронов. Это же целое богатство!

---

[1] Сагбол — дословно «здоровым будь».

— Ай, Ёшка, большой сегодня день! — радостно воскликнул Барат, когда они отъехали.— Едем в ущелье Кара-Дамак, там всегда есть козлы! Привезем мяса и домой, и в бригаду.

Еще от отца Яков слыхал, что ущелье Кара-Дамак — «Черное горло» — отличное место для охоты. Барат прав: пять патронов при хорошей стрельбе — это три или четыре козла. Можно накормить мясом не только бригаду, которая продолжает работать, пока они с Баратом бегают за контрабандистами, но и семьи.

Глава 8

ПОДОЗРЕНИЕ

— Эй, Ёшка, ты совсем как мясник, будто в бою побывал,— окидывая Якова внимательным взглядом, проговорил Барат.

У Кайманова, свежевавшего только что подстреленного архара, руки по самые локти выпачканы кровью. Пятна крови на лице и шее: не заметил, как мазнул, отгоняя надоедливых мух.

— Ладно, Барат, в ауле Коре-Луджё отмоемся. Тут недалеко,— ответил Яков, упаковывая разделанную тушу архара в шкуру.

Наконец добыча охотников — около восьмидесяти килограммов отличного свежего мяса — приторочена к седлу. Теперь можно возвращаться домой.

За поворотом горной тропы показался аул. Барат придержал коня:

— Ёшка-джан, смотри, кто там в белом халате?

Возле одной из кибиток стояла Светлана и что-то втолковывала пожилой туркменке.

— Видно, лечит кого-нибудь? А? Как думаешь, Ёшка? — осведомился Барат.

— Наверное, лечит,— согласился Яков.

Ему вдруг захотелось чем-нибудь задеть самолюбие Светланы так же, как это сделала она в гавахе Ове-Хури.

Кайманов сознавал, что это непростительное для взрослого мужчины мальчишество, тем не менее высвободил ноги из стремени, лег на седло животом, будто тяжело раненный, запачканные кровью руки и голову свесил вниз.

— Ты что, Ёшка, на ходу спать лег, что ли? — удивился Барат.

— Сейчас комедь будем делать.— Яков подмигнул.— Езжай вперед и кричи: «Вох! Вох! Ай, бедный Ёшка! Пропал бедный Ёшка!»

Барат радостно захохотал: замечательную «комедь» придумал его друг.

Едва из-за небольшой тутовой рощицы показалась кибитка, возле которой стояла Светлана вместе с пожилой туркменкой, Барат принялся с такой искренностью и с таким усердием подвывать и вопить горестное «Вох!», что Якову самому себя стало жалко.

— Вох! — закатывая глаза, исступленно голосил Барат.— Ай, Ёшка-джан, ай, дорогой брат! Ав-ва-ва-ва-ва-а-а-а!..

«Перехватывает лишку!» — досадуя на чрезмерное усердие Барата, подумал Яков. Но, кажется, поверили. Яков услышал взволнованные голоса, торопливый топот ног. Да и как не поверить, когда человек с окровавленным лицом и руками лежит поперек седла.

Кто-то схватил лошадь под уздцы. Кайманов почувствовал, как его, тяжелого и громоздкого, стали приподнимать за плечи, стаскивать на землю.

Скорбь Барата в этот момент достигла наивысшего предела. Он уже не подвывал и не кричал «Вох!», а только всхлипывал и временами икал.

Якова уложили на землю. Сквозь прищуренные веки он увидел в частой сетке ресниц мелькнувший перед ним белый халат.

— Яша, да что же это?

Трясущимися руками Светлана расстегнула ему воротник рубашки.

Искренне жалея, что затеял всю эту историю, жалея Светлану и втайне радуясь вырвавшимся у нее словам, Яков открыл глаза и сел.

— Салям алейкум! — весело сказал он, считая, что Светлана сразу успокоится и посмеется над шуткой вместе с ними.

Барат птицей слетел с седла и захохотал во все горло, от удовольствия приплясывая вокруг Светланы.

Словно выстрел хлопнула пощечина, за ней другая.

— Безобразие!.. Взрослые люди! Дубины стоеросовые! Как не стыдно! — Светлана отчитывала их, гневно сверкая глазами.

Барат с неукротимой решимостью схватился за рукоять бичака: вся гордость мужчины, гордость курда поднялась в нем на дыбы. Вскочил на ноги и Яков. Но, едва взглянув друг на друга, оба поняли всю безнадежность своего положения: двое здоровенных мужчин, которым впору шеи быкам сворачивать, наступали на женщину. Разве могли они ответить ей тем же? Оба бросились ловить коней, спасаясь бесславным бегством. Спустя минуту Яков догнал уже скакавшего во весь опор Барата.

И дернула же их нелегкая так шутить! Одно дело в бригаде: хлопнешь ли приятеля по спине, придумаешь ли какую «комедь» — всем весело. А тут — женщина, да еще городская, да еще жена начальника заставы. Ай, как нехорошо!

— Это ты, Ёшка, во всем виноват. Зачем такую шутку придумал? Меня никто еще по морде не бил.

— Верно, Барат. Теперь еще и по другим аулам разнесут,— сквозь зубы процедил Яков.— А ты тоже хорош,— накинулся он на друга.— Если бы так не хохотал, ничего бы и не было.

— Где я хохотал? Я плачу! Не слезами, волчьими зубами плачу. Не могу я с бабой, женой Федора воевать!

— А здорово она тебя! — окинув взглядом пыхтевшего от уязвленного самолюбия Барата, сказал Яков. Сейчас он не мог простить Барату, что тот так веселился, когда первую пощечину Светлана отпустила ему.

— Тебя тоже здорово,— огрызнулся Барат.

Добрых полчаса ехали молча.

Там, где выбегавший из аула ручей снова пересекал дорогу, дали попить лошадям, умылись сами.

— Ёшка, скажи, дорогой,— трогая пальцами щеку, спросил Барат.— Что такое дубины сто... сто... Не могу, джанам, очень трудное слово она сказала...

— Стоеросовые? — подсказал Яков.

— Вот-вот,— подтвердил Барат.

— Спилишь арчу, ветки обрубишь, остается одно бревно. Это и есть дубина стоеросовая,— мрачно пояснил Яков.

— Ай, ай, Ёшка, плохо получается! — искренне огорчился Барат.— Выходит, мы с тобой все равно что дрова? А? Как думаешь?

— Дубины! — уточнил Яков.

Неожиданно ему все это показалось довольно смешным. Так, дуракам, и надо. Тоже «комедь» придумали! Получили по физиономиям и бежать! И Яков неожиданно громко захохотал, вспомнив, как мгновенно стал серьезным Барат, получив пощечину.

Барат с недоумением посмотрел на друга. На мгновение у него снова сузились в гневе глаза, но, видно

решив, что Ёшка смеется только потому, что ему стыдно, Барат промолчал.

Они выбрались к дороге на Дауган, откуда можно было попасть на заставу, чтобы, сдав коней, на попутной машине вернуться в бригаду.

Яков уже знал, в каком доме дадут ему квартиру. Решил заехать в поселок, посмотреть, чисто ли в комнатах, высохла ли побелка.

Каково же было его удивление, когда он увидел во дворе пару великолепных лошадей, запряженных в легкую коляску, а на пороге дома Ольгу, вытряхивавшую то ли коврик, то ли половик.

— Оля! Как ты сюда попала? Чьи это кони?..— начал было Яков, но замолчал. На крыльцо вышел сияющий, видно, в прекрасном настроении, Флегонт Мордовцев. Солнце отражалось в его блестевших как зеркало, начищенных сапогах, мягкими бликами ложилось на тщательно выбритое лицо, веселыми зайчиками играло в волосах. Весь он, от новых, хорошо отглаженных брюк до усов, сиял так, словно только что сошел с плаката рекламы, а не с двуколки, на которой трясся по пыльной дороге добрых сорок пять верст. Яков знал цену этой вальяжной, несколько фатоватой внешности Флегонта: за ней как бы постоянно прятался умный, все замечающий, все понимающий, сильный человек. Правда, сейчас и этот выхоленный, словно сошедший с картинки умник, перед которым с детства робел Яков, лучился довольством и радостью. Кайманов на какое-то время поверил в искренность чувств отчима. Флегонту никакие пути не в запрет: заготовитель сена и фуража для конторы «Гужтранспорт» имел доступ и в пограничную зону.

— Бригаду твою сюда перевели,— обняв Якова и по-родственному облобызавшись с ним, ответил он за

Ольгу.— Будете подпорные стенки здесь ставить. А я решил проведать вас. Доехал до щели Сия-Зал, смотрю, ремонтники палатки снимают. Раз такое дело, захватил Ольгу Ивановну с вещичками, и сюда!

— Спасибо, Флегонт Лукич! — сдержанно проговорил Яков.

Холеное лицо Мордовцева, пара прекрасных лошадей, аристократическая беговая коляска — все это было из того, забытого уже мира, словно сошло со страниц старого журнала, что еще мальчишкой видел Яков у таможенного досмотрщика Сваргина, у которого иногда брал книжки.

«Умный человек отчим, но страсть к лошадям и показному шику застлала ему глаза,— подумал он.— Видно, не понимает, что выглядит барином среди рабочих. Может, так бодрит Флегонта женитьба? Хочется выглядеть помоложе?..» Не только во внешнем облике, но и во внутреннем состоянии отчима было что-то непонятное. Почему он так сияет? Впрочем, может быть, ему, Якову, все это просто кажется?

— Ну, раз гость в доме, давай, хозяйка, праздничный обед! — обратился Кайманов к Ольге. Подойдя к заждавшемуся его Барату, он взял завернутый отдельно в листья и полотенце большой кусок мяса, сказал: — Поезжай, Барат, один. Видишь, какой гость у меня! Отвезешь мясо в бригаду, сдашь коней на заставу — и тогда уже возвращайся. Будем обедать! И вы с нами, Флегонт Лукич, отпразднуйте удачную охоту.

— Нет, нет,— заторопился Мордовцев.— Я ведь с самого утра здесь. И нагостился, и насчет сена с вашим Балакеши договор подписал, и кони отдохнули. Мы с Олей уже пообедали. Глафира Семеновна снеди мне с собой насовала целый короб! Поеду я, в город надо дотемна успеть. Все-таки погранзона...

— Как знаете. Жалко, что ехать вам надо, выпили бы, посидели,— с видимым сожалением сказал Яков. Он еще не знал, как держать себя с отчимом.

— Не раз еще выпьем. Скоро уж по-настоящему выпьем, за твоего сына или дочь. На такой праздник вместе с матерью приедем.

— Передавайте маме привет! — искренне попросил Яков. Вместе с тем что-то не нравилось ему в поведении Мордовцева, чувствовалась какая-то фальшь и в его словах, хотя видно было, что он действительно торопится.

— Прощевайте! — воскликнул Флегонт, еще раз по-родственному расцеловался с Ольгой и Яковом, лихо подкрутил ус и сел в коляску. Кони резво взяли с места и помчались размашистой рысью вдоль улицы.

Яков опустил глаза и почувствовал, как его мгновенно прошиб пот. Что за наваждение? На песке, там, где только что стоял, разговаривая с ним, Мордовцев, ясно отпечатался след маленьких, почти женских ног. Удивительно знакомый отпечаток. Точно такой же, какой видел он в гавахе Ове-Хури. Все сходится: и параллельный постав, и энергичный нажим на наружную часть ступни, и размер обуви. Только там был след чарыков, а здесь — хромовых сапог...

Задумчивый, погруженный в свои мысли, Яков вошел в квартиру. Ольга, тяжело ступая, ходила по комнате и даже не посмотрела на него. Руки ее бесцельно перебирали вещи, отбрасывали в сторону. Лицо, покрытое коричневыми пятнами, было мокрым от слез.

Чувствуя жалость к ней, досаду на себя, Яков молча выслушал ее справедливые упреки.

— Целые дни одна. Как приехали, полного дня тебя не видела. Почему дома не живешь?

Яков не прерывал ее. Милей и дороже Ольги нет для него женщины в мире. Вот такая она и мила ему —

расстроенная, домашняя. Мысль о том, что скоро у них будет сын (обязательно сын!), наполняла Якова огромной радостью. Он пропускал мимо ушей упреки Ольги и видел только ее встревоженные глаза. Скоро наступит день, когда появится на свет сын, и все в поселке услышат, какой горластый хозяин у них в доме. Яков окинул взглядом квартиру, к благоустройству которой сам он не приложил еще никакого труда. С удовольствием отметил, что Ольга уже успела во многом восполнить этот пробел: до белизны вымыла полы, накрыла скатертью стол, повесила на окна занавески: Яков улыбнулся: хорошо, уютно!

— Еще и смеешься! — возмутилась Ольга.— Я на сносях, а ты по горам бегаешь, за людьми охотишься... Какая-то баба подошла — волчонка, говорит, родишь. Твоему мужику, говорит, человека убить раз плюнуть...

Якова как громом ударила эта «новость». Что еще за баба? Откуда только узнала о бое на границе? Видно, работает какой-то вражина. Не тот ли самый, что в день приезда с Ольгой говорил?..

— Кто тебе всякой ерунды наплел? — спросил он.— Сама видишь, на охоте был. Смотри, какого жирного мяса привез.

Ольга продолжала глядеть на мужа недоверчиво, хотя в ее взгляде можно было прочитать желание верить ему.

— Зачем ты меня привез сюда? — всхлипывая, сказала она.— Думала, в палатке живем временно, в поселке будет лучше. А тут не слаще. Воды не хватает, какие-то кяризы пересохли. От солнца не знаешь куда деться...

Яков не понимал жену. Он здесь вырос, и ему казалось, что лучшего места, чем Дауган, во всем свете нет. Он привлек Ольгу к себе, осторожно обнял. Как утешить ее?! Пожила бы она летом на равнине, где и в са-

мом деле от жары спрятаться некуда, помянула бы добрым словом Дауган. А горный воздух, а охота! Не с пустыми же руками он сегодня пришел. Правда, воды мало. Кяризы засорились, и теперь воду хоть по норме раздавай. Но если взяться всем поселком, можно и кяризы расчистить, и камышовый родник откопать. Старики говорили: когда сюда пришел Куропаткин с войском, жители кошмами и песком забили родники. А раньше воды было вдоволь. Поискать хорошенько, поработать, снова достаточно воды будет...

Успокаивая Ольгу, Яков думал: «Кто же все время путается под ногами? Зачем приезжал отчим? Его или не его следы были в гавахе? А если его, с кем он там встречался? Кто мог так напугать Ольгу?»

В поселке или в ближайших аулах таился враг. Не прошло и двух суток, а в поселке уже узнали, что Яков убил контрабандиста. Пограничники не скажут: у них железный закон. Значит, когда стрелял, приметили из-за кордона, узнали его. Приметить нетрудно: другой такой каланчи во всем поселке не сыщешь. Да и лицом на отца похож. Тот, кто лично знал Григория Кайманова, не ошибется. У некоторых «бывших» и здесь родни достаточно. Припасенная для Якова пуля может прилететь не только из-за рубежа.

Ольга с тревогой смотрела на него. Она отлично научилась распознавать настроение мужа, как бы он ни хитрил.

— Охота тебе всякую ересь слушать,— улыбнулся Яков.— Завидуют бабы. У кого еще есть такой муж, как я? А? И сын такой же красивый да большой будет. Вот и злыдничают. Он поглядел на себя в висевшее между окнами в простенке зеркало, обрамленное чистым полотенцем.

В зеркале отразилось волевое, подсушенное солнцем, с широкими скулами и сильным подбородком лицо.

Резкий взгляд серых блестящих глаз и глубокий вырез ноздрей вислого с горбинкой носа дышали неукротимой энергией. Он знал, один его вид многим внушает страх, по меньшей мере, уважение. Но на этот раз Яков остался недоволен своей внешностью.

«Глаза выдают... как у пуганого зайца»,— подумал он, хотя на самом деле режущий взгляд его светло-серых, выделяющихся на темном лице глаз никак нельзя было сравнить с заячьим. Обычно люди не выдерживали его взгляда. Стоило ему на кого-либо пристально посмотреть, человек отводил взгляд в сторону. В детстве он не замечал за собой такого. Лишь недавно сделал это открытие.

Из зеркала смотрел на него человек, словно ожидающий нападения, но прежде всего нападающий сам: столько было в его взгляде готовности к борьбе.

«Э, да что это я! — рассердился на себя Яков.— Так не то что жену, самого себя напугать можно».

— Давай-ка, Ивановна, будем обед готовить, шашлык жарить!..

Вымыв руки, он принялся резать мясо на кусочки, вполголоса напевая, всем своим видом показывая, что приготовление шашлыка сейчас — самая главная задача. На самом деле Яков сознавал, что для него уже началась долгая и трудная игра, в которой проигравший заплатит жизнью. Готов ли он к борьбе? Пока нет. Хорошо стрелять — еще не все. Надо, чтобы голова работала. Только ли договориться о сене приезжал Мордовцев? С кем он встречался? Кому принадлежит след со шрамом на пятке? Пока что Яков не решил, говорить ли о своих подозрениях Карачуну. Но ведь следы у гаваха Ове-Хури и возле дома очень похожи: та же маленькая, почти женская, нога, хотя обувь и разная. Не передали ли носчики терьяк Флегонту? Яков мог поручиться, что в коляске у Мордовцева ничего не было.

Но кто знает, может, терьяк где-то спрятан и зря отпустили Флегонта? А мать!.. Если ошибка, мать не простит. Да и сам Флегонт теперь не чужой человек...

Чем больше раздумывал Яков, тем больше себя казнил. Хорошенькое дело: организовали бригаду содействия, спали в обнимку с винтовками, а контрабандисты чуть носы и уши им чарыками не отдавили. Но кто мог знать, что именно к этому роднику, расположенному за столько километров от линии границы, придут нарушители, чтобы встретиться с каким-то пособником? Обязан знать! На то он и старший бригады содействия. Его долг — проверить каждый родник, каждый подход к нему, не говоря уже об удобных подходах к границе!

Одно ясно: лазутчики врага есть и в поселке. Кто они?..

Глава 9

ПОДПОРНАЯ СТЕНКА

Не столько видимость бодрого настроения Якова, сколько само его присутствие дома успокоило Ольгу. Она с увлечением занялась приготовлением обеда. Достать такое мясо, кроме как на охоте, негде: у богатых купить дорого, а в товариществе каждая овца на учете, да и овец-то раз, два — и обчелся.

Ольга посылала Якова то за водой, то за дровами, заставила разрубить топором кости для супа, отнести в погреб присоленное мясо в кастрюле, сбегать к соседке Фатиме, жене Барата, за луком и кореньями. Яков весело выполнял приказы раскрасневшейся у плиты жены, казалось, забыл о своих тревогах.

Наконец вернулся Барат.

— Начальника заставы видел? — спросил Яков. «Если Карачун дома, поеду к нему, скажу о Флегонте»,— решил он.

— Нет Федора,— ответил Барат.— С границы не вернулся.

Томительное ожидание чего-то не покидало Кайманова. Он не боялся своих еще не узнанных врагов, но и не хотел оказаться застигнутым врасплох, отлично понимая, насколько необходима теперь для него постоянная, как говорят военные, «готовность номер один».

На следующее утро, еще до восхода солнца, Яков и Барат были уже в бригаде, на извилистом участке дороги, проходившей по крутым склонам в каких-нибудь полутора километрах от заставы.

Работу начали там, где дорога, взбираясь на гору, делала поворот к старым казачьим казармам. Надо было восстановить подпорную стенку, размытую недавними дождями.

Не простое дело работать на крутом склоне, тесать и подгонять один к другому камни, да так, чтобы после весенних ливней они не съехали снова под откос. Опираясь коленом о выступ камня, поставив другую ногу в ямку, специально выдолбленную киркой, Яков обтесывает кусок песчаника. Его правая рука движется автоматически, как рычаг машины, словно он целится в камень сначала локтем и лишь потом бьет по камню свободно зажатым в руке молотком. Удар — и от большой каменной глыбы отскакивает ненужный кусок. Сыплется щебень. Еще удар, еще и еще... и камень готов, плотно ложится на приготовленное для него место.

Рядом обтесывают куски песчаника Балакеши и Мамедов. Стенку они кладут так, чтобы каждый камень не просто занимал свое место, а крепко поддерживал другие камни, как звенья одной цепи. Стоит разорвать одно лишь звено — и нет самой цепи. Стоит вытащить

один камень из подпорной стенки, начнется ее разрушение. Стоит уйти одному рабочему из бригады — и бригада уже не та, надо заполнять образовавшуюся в ней брешь. Стоит одному пограничнику оказаться не на месте или допустить промах — и на границе неизбежен прорыв. Ни один камень нельзя вынуть из подпорной стенки: все они держат друг друга. Каждый из этих камней должен быть точно обтесан, соответствовать своему месту. С камнями — просто, с людьми — труднее. Яков знает большинство членов бригады чуть ли не с детства. А разве может он сказать, кто о чем думает, какими стали его друзья детства теперь, спустя двенадцать лет? Надо три пуда соли съесть, чтобы узнать, что у каждого на душе. Не один, видно, год придется гранить крепкие как скалы характеры. Только сомкнувшись друг с другом, поддерживая друг друга, станут они нерушимой подпорной стенкой, способной надежно оберегать не только дорогу, по которой идут и идут из страны в страну разные грузы, но и хранить как зеницу ока государственную границу.

Яков ритмично, с силой бьет по камню. Молоток опускается в точно намеченное место. В такт удару напрягается мускулистая шея, по ней сбегают ручейки пота. Взмокла спина, пропитана пóтом рубаха. Чистый горный воздух сам просится в легкие, свободно поднимающие широкую грудь. Прочной будет подпорная стенка, никакие осыпи и обвалы не разрушат ее. Ливни ли станут хлестать с гор, прыгая каскадами по склонам, снежные ли лавины обрушатся на нее зимой, ничто не снесет в пропасть ни единого камешка. Будет ли их бригада содействия такой же крепкой подпорной стенкой для заставы? Или найдется слабое звено, на котором оборвется цепь? Яков окидывает взглядом работающих на склоне ремонтников. Вот рассудительный Балакеши короткой лопаткой выравнивает «постель»

из песка, на которую сам же будет потом укладывать камни. Вот смешливый Мамед Мамедов, любитель сытно поесть и поспать. У него и вид этакого добродушного толстячка, не способного обидеть мухи. По дороге тащится телега со щебнем. Придерживает лошадь под уздцы, чтобы не соскользнула на крутом спуске, жилистый Савалан — молчаливый и суровый подрывник бригады, близкий друг Мамеда, самого молодого в бригаде рабочего. Ну а Барат — это Барат. Как всегда, он трудится рядом с Яковом, тешет и укладывает камни. Его почти квадратная голова повязана платком, шея блестит от пота. Руки у Барата короткие, сильные, отчего весь он кажется необычайно мощным, с прекрасно развитым торсом, могучими бицепсами. На Барата Яков может положиться, как на самого себя, и в работе и в бою. Жаль только, что он никак не хочет брать в руки винтовку...

Очень трудно завоевать авторитет у этих суровых и строгих людей. А без авторитета нет командира. Тем более, если командира не назначают, а выбирают. В работе он, пожалуй, никому не уступит. Смелости и решимости в бою тоже достаточно. Хватит ли смекалки и знаний?

— Кончай работу! — неожиданно скомандовал Барат и тут же пояснил: — Рамазан с обедом едет.

На дороге из-за дальнего склона горы показался серый ишачок с двумя плетеными корзинами по бокам. На ишаке — мальчик. Не спуская с него глаз, Барат радостно улыбался.

Рамазан Агахан Барат-оглы —

его старший сын, гордость отца. Он уже помощник: всей бригаде привозит обед. Берет в поселковом Совете ишака, объезжает семьи ремонтников, собирает узелки с едой, складывает в две корзины. И где бы ни работала бригада — за пять ли, десять километров, везет рабочим обед.

Задрав кверху голову, Барат определил, высоко ли солнце, с притворной строгостью укорил сына:

— Ай, Рамазан, поздно ты сегодня приехал! Наверное, опять где-нибудь скорпионов или зям-зямов ловил?

— Скажи спасибо, что не кобру или гюрзу,— вполголоса сказал Яков, понимая, что Барату просто хочется обратить внимание всех на сына.

— Ай, Ёшка,— тут же подхватил Барат.— За нас с тобой, говорили, царь отвечал, только на Дауган так ни разу и не приехал. Отцам нашим некогда было за нами смотреть. А теперь мы сами за своих детей отвечаем.

— Правильно, Барат, правильно,— поддержал его Балакеши.— Мы Рамазану расскажем, как его отец и Ёшка змей ловили, к доктору таскали...

Рабочие обступили Рамазана, разбирая узелки с едой. Преисполненный важности, он сидел на ослике и смотрел прямо перед собой, спокойно и неторопливо отвечая на приветствия. Великое дело авторитет: у Рамазана — свой, у Якова — свой. То, что Рамазан в семь лет уже работал, возил обед взрослым, вызывало у всех уважение. Никто и не помышлял с ним шутить или разговаривать, как с ребенком. То, что Яков догнал группу контрабандистов с крупной суммой денег и убил носчика, тоже сразу подняло его авторитет. Каждому свое.

На обед рабочие расположились тут же, у дороги, с наветренной стороны, чтобы поднимавшаяся от машин и фургонов пыль не портила аппетита.

Не доезжая до подпорной стенки, остановился крытый брезентом автомобиль. Из него вылез уже знакомый Якову толстый, как Пацюк из «Ночи перед рождеством» Гоголя, начальник дорожного управления Ромадан.

— Ай, алла! — увидев его, воскликнул Барат.— Смотри, какой день! Один гость — Рамазан, другой гость — Ромадан! Сразу два гостя!

— Не перепутай, Барат,— живо откликнулся Мамед Мамедов.— Что будет, если Ромадан начнет обед возить, а Рамазан раз в месяц на участок ездить?

— Ай, Мамед, ничего не будет. Рамазан вырастет, самый большой начальник будет. Каждый день станет на участок ездить. А Ромадану и тебе, Мамед, нельзя обед доверять: если вас двоих, как хуршуны [1], на ишака повесить, вы сами в себя все обеды сложите, обратно не отдадите.

Размешивая в котелке какое-то варево собственного приготовления, Барат запел неизвестно кем сочиненную песню про Мамеда:

Идет Мамед, несет обед, вай, вай!
Упал Мамед, разлил обед, вай, вай!
Не плачь, Мамед, купим обед, вай, вай!
Мамед плачет, вай, бедный Мамед, вай, вай!

По дружному хохоту рабочих нетрудно было догадаться, что Барат уже много раз исполнял эту немудреную песню.

Ромадан, поздоровавшись с ремонтниками и пожелав им приятного аппетита, спросил у Балакеши, как идут дела. Тот обстоятельно доложил. После этого начальник управления снял картуз, достал из объемистых карманов своего полотняного пиджака бутербро-

---

[1] Хуршуны, хурджуны — переметные сумы.

ды, сел рядом с Балакеши, поставил перед собой полбутылки водки.

— Специально подгадывал к вашему перерыву,— сказал он.— Думаю, с хлопцами куда веселее пообедать.

Барат подвинул Ромадану котелок с соусом. Так же, как не брал он в руки огнестрельного оружия, не пил Барат никогда и водки, потому что по мусульманскому закону водка— это «арам иш» — «поганое дело», но зато поесть любил. Вдобавок к тому, что привозил ему Рамазан, всегда у Барата что-нибудь варилось в котелке. Сегодня он приготовил на всю бригаду курдский соус, такой острый, что от него во рту словно огнем жгло.

— Садись, Петр Семенович, кушай соус,— пригласил он Ромадана.

Порция соуса досталась и Якову. Не отказался он и от чарки водки, предложенной Ромаданом.

— Замечательные здесь в горах травы,— отдуваясь, сказал начальник управления.— Закончите подпорную стенку делать, приступайте к заготовке сена. С райсоветом договоренность есть. Дам лошадей, две сенокосилки, конные грабли. Сена потребуется много...

— Вот это толково! — откликнулся Яков.

— А я что говорю,— подтвердил Ромадан.— Сена у нас на Асульме для всех хватит: и для райсовета, и для поссовета, и для ТОЗа, и для дорожного управления. Верно?

— Верно, начальник,— дружно отозвались рабочие.

Яков встал, посмотрел на изогнувшуюся вдоль склона дорогу, увидел, что из-за скалы показался знакомый возок с красным крестом на тенте. В возке рядом с Дзюбой сидела Светлана.

Заметили возок и остальные ремонтники. Стали оживленно перебрасываться шутками. Барат попытал-

ся было удрать, чтобы не попадаться Светлане на глаза. Он все еще переживал свой конфуз в ауле Коре-Луджё.

— Эй, Барат,— негромко сказал Яков.— Сиди! Заметят — хуже засмеют. Это ж народ!..— он кивнул в сторону Балакеши и Мамеда Мамедова.

Барат понял: деваться некуда. С новым рвением оба принялись за обед.

Возок остановился. Краем глаза Яков видел, как легко соскочила на дорогу Светлана. Уж кого-кого, а его и Барата она, наверное, еще издали увидела.

— Ай, Ёшка, пропали. Прямо сюда идет,— озираясь, проговорил Барат.

— Тебя не тронет. Мне больше достанется,— отозвался Яков.

— Почему так думаешь? — с надеждой спросил Барат.

— Моя идея. Ты, что ли, кровью барана мазался?..

— Правильно, Ёшка. Ты придумал, ты и отвечай.

— Салям, друзья, коп-коп салям! Приятного аппетита! Здравствуйте, Петр Семенович! — весело приветствовала Светлана рабочих и Ромадана.— Все здоровы? Больных нет?

Отвечали все разом:

— Какие больные?

— Зачем больные?

— Кто работает, тот не болеет!

— Как же нет больных? — возразила Светлана.— А вот смотрите, Барат Агахан и Яков Григорьевич, по-моему, нездоровы.

— Держись, Барат! — процедил Яков сквозь зубы.

— Держусь, Ёшка! Что ж ты,— добавил он испуганно,— говорил, меня не тронет, а она прямо ко мне идет.

Светлана действительно остановилась рядом с Баратом и спросила:

— Как вы себя чувствуете?

Ее карие глаза смотрели то на Якова, то на Барата и как будто говорили: «Ага! Попались, голубчики!»

— О, якши, коп якши,— поспешил заверить ее Барат.— Ничего нигде не болит, джанам!

— Где вам знать, Барат? — ласково возразила Светлана.— Разве вы доктор? Вам только кажется, что здоровы. На самом деле сразу видно — больны. Ай-яй-яй! Как солнце вам голову напекло! А это что такое?.. У вас что, зубы болят или пчела укусила? Почему щека распухла? Дайте я посмотрю...

— Светлана-джан! Сестра милая! — торопливо заговорил Барат.— Я здоров. Совсем здоров! И Ёшка здоров. Смотри, камень не терпит, такой мы здоровый!

— Светлана Николаевна,— зная вспыльчивый характер друга, пришел ему на выручку Яков.— Барат здоров. Не у него, а у меня с чего-то щека вспухла.

— Дорогой Яков Григорьевич,— тихо, чтобы слышал только Кайманов, ответила Светлана.— Когда мы с вами впервые встретились и вы спасли меня от смертельной опасности, я почему-то решила, что вы способны на гораздо большее, чем дурацкие шутки.

Из-за поворота дороги показалась огромная отара овец с двумя козлами впереди. Над отарой, клубясь, вздымалось облако пыли.

Кайманов и прежде знал о том, что закордонные пастухи-черводары [1] осенью пригоняют отары к нам, весной угоняют обратно. На этот счет существовало даже какое-то соглашение с правительством сопредельной страны. Своих пастбищ там не хватает. Горы у них выше, зимой покрываются снегом, черных земель нет. Приходится обращаться к соседям.

---

[1] Черводары — кочевники.

«Считай, целый день будут идти,— подумал Яков.— Еще две-три минуты — и пыльное облако приплывет сюда: тогда не то что говорить, дышать будет трудно».

— Поступали бы вы, Яков Григорьевич, учиться,— продолжала Светлана.— Времени свободного у вас, очевидно, избыток, иначе не стали бы тратить его на не очень умные развлечения.

Кайманов опустил было глаза, затем снова в упор посмотрел на Светлану. Задела она его за самое больное. Он уже почти оставил мысль об учебе, хотя все его образование — начальная школа, которую окончил здесь же, на Даугане, когда еще жив был отец. А как он мечтал в детстве о профессии дорожного техника!

— Пока вы учились, Светлана Николаевна,— ответил Яков,— я для богатых казаков бревна тесал, землю копал, огороды поливал, чтобы не умереть с голоду... Но это ничего. Вы мне преподали хороший урок.

Светлана покачала головой.

— Вы или меня хотите разжалобить, или себя стараетесь оправдать в собственных глазах,— сказала она.— Не надо. Это — позиция слабых, а вы сильный...

Яков возмутился: как она смеет учить его? Кто дал ей это право? Сказать легко: «Учись!» — а чему учиться, где взять денег, чтобы содержать семью, пока овладеешь новой профессией? Этого со счетов не сбросишь.

Высказать все это вслух не успел: послышался испуганный крик Барата:

— Светлана-ханум! Скорей! Начальнику плохо!

Яков оглянулся. Ромадан, зажимая рот, необычно резво для своей комплекции бежал за камни, в сторону от дороги.

— Что с ним? Что он ел?

— Соус... Я приготовил,— простодушно сказал Барат.— Самый лучший черепашка ловил, совсем, как курятина,— попробуй, ханум...

— Спасибо, Барат,— поспешно ответила Светлана и, сморщив нос, направилась к своему возку. Уже от самой дороги крикнула: — О вашем начальнике не беспокойтесь, ничего с ним не случится.

«И чего носом крутят? — неприязненно подумал Яков.— Черепаховый суп, говорят, даже во Франции самым вкусным считают».

Бегство Светланы избавило Кайманова от неприятной беседы. Но на душе было смутно: так прямо и резко никто еще с ним не говорил.

Облако пыли, поднятое отарой, дошло до стоянки ремонтников. Мимо сплошным живым потоком бежали грязно-серые овцы. Яков взял свой узелок с едой и поднялся по склону выше. Светлана сидела на облучке возка, еле видимого из-за пыли. Ни слезть с облучка, ни проехать вперед не было возможности. Приходилось глотать пыль.

Только спустя полчаса Дзюба тронул лошадь. Возок медленно двинулся вперед, скрылся за поворотом дороги в сплошном облаке пыли.

«Так ей и надо, образованной!» — мстительно подумал Яков.

Кто-то положил ему руку на плечо. Оглянулся: Барат.

— Зачем начальник от черепашки за камни побежал? — удивленно сказал он.— Смотри, даже Светлана-ханум ничего... Баба, а человек. А, Ёшка? Как думаешь?

— Эх, Барат, ничего ты не понимаешь!..

— Правильно, Ёшка,— сразу согласился Барат.— Баба есть баба. Набросает на тебя всяких слов, ходи почесывайся. А ты отряхнись — и опять такой. Пойдем, посмотришь, как я мостик шиповником оплел, шерсти целая охапка будет.

Яков отмахнулся от Барата. Мальчишками они бегали к старому мостику, перекинутому через ручей в глубоком ущелье, сплошь оплетали мостик по обеим сторонам колючим шиповником. Овцы, гуртом пробиваясь через мостик, оставляли на колючках целые пучки шерсти. Яшка и Барат собирали шерсть, относили домой. Мать каждый раз удивлялась: откуда такая добыча? И, кажется, не очень верила, что шерсть «по кустам насобирали». Однако ежегодно вязала из трофеев добрые носки и варежки на всю семью.

Мальчишкам заниматься таким делом еще куда ни шло, но сейчас разве пойдешь, особенно после разговора со Светланой?

— Не пойдем к мостику, Барат,— отказался Яков.

— Вон и Афанасьич едет, на нас смотрит, наверное, разговор будет.

По ту сторону дороги, отпустив поводья, неторопливо поднимался на коне по склону горы начальник заставы Карачун. За ним следом ехал знакомый уже Якову красноармеец Шаповал, ведя в поводу «заводного» коня. Кайманов не знал, откуда пошло выражение «заводной» конь, но, если приезжал всадник с оседланной лошадью без седока, испокон веков говорилось: «Приехал с заводным конем».

— Салям! — приблизившись к дороге, приветствовал рабочих Карачун.

Когда в потоке овец образовался небольшой просвет, он пересек дорогу, поднялся к Якову.

— Садись на коня, Яша, поедем выручать винтовку Чумака. Пригласил было я Аликпера, да он сейчас занят на досмотре. Так что остались мы без переводчика.

— А что досматривает Аликпер?

— Когда зарубежные скотоводы перегоняют к нам скот, на границе его пересчитывают, досматривают вещи чопанов,— пояснил Карачун.— Иногда на такую

— Наши погранки наряда вертаються,— сказал он.— Зараз контрабандисты не ходють. У них, як и у нас, косовица тай жнытво. А як похолодае, ночи осенью будуть довгими, от тоди и побегуть воны з терьяком.— Помолчал с минуту, спросил: — Болыть в тэбэ нога?

— Нет, Степа, не болит. Печет только. Пройдет...

Подъехали Галиев и Шаповал, соскочили с коней, поздоровались с собиравшимися полдничать косарями. Яков глядел на пограничников и думал: «Какое же благодатное время сенокос и уборка хлебов». На границе затишье. Карачун сумел даже выделить на период сенокоса трех красноармейцев в помощь Товариществу по совместной обработке земли. Обещал помочь и в уборке пшеницы. Прав Дзюба: терьякеши сейчас сами на уборке заняты. Им не до контрабанды. А глубокой осенью опять побегут. Тогда придется «базовцам» начальнику заставы помогать.

«После уборки надо обязательно съездить к Амангельды,— решил Яков,— поучиться у него читать следы. Без такой науки не обойтись...»

Между тем Галиев и Шаповал соорудили из плаща и двух длинных жердей конные носилки, уложили на них продолжавшего стонать Мамеда, подвесили носилки к седлам, осторожно повели лошадей вниз, к дороге. Светлана сердечно попрощалась со всеми, привычно вскочила на коня и в сопровождении Дзюбы поехала следом за успевшими уже скрыться на крутом повороте тропы Галиевым и Шаповалом.

Сизая туча теперь была совсем близко. За нею как бы нехотя скрылось солнце. Стало сумрачно. Полыхнула молния, озарила белым светом лощину, два стога в конце ее, столпившихся возле палатки людей. Глухо пророкотал гром. По полотну палатки застучали первые крупные капли.

Глава 10

АМАНГЕЛЬДЫ

Кайманов придержал коня, спе́шился, чтобы размять затекшие ноги. Прошло уже немало дней после сенокоса, закончилась уборка хлебов, а он все никак не мог выбрать время, чтобы поехать к следопыту. И вот наконец собрался.

Яков привык к горам и чаще всего не замечал их дикой красоты, а сейчас невольно залюбовался развернувшейся перед ним картиной. Ему не раз приходилось слышать о горе Мер-Ков. С близкого же расстояния он видел ее впервые. Вот она, совсем рядом, красноватой каменной глыбой возвышается над широкой долиной, где живет знаменитый следопыт Амангельды. Солнце, кажется, до предела накалило склоны горы, на которых не видно ни кустика, ни деревца. Словно кто-то гигантским топором обтесал глыбу базальта да и бросил тут, не доведя работу до конца. Со временем глыба вросла в землю и осталась здесь на века, удивительно похожая на горбатый панцирь черепахи. Неизвестный шутник окрестил мрачную гору русским словом «Морковка», хотя в переводе «Мер-Ков» — «Много змей», тех самых гюрз и кобр, с которыми у Якова с детства свои счеты. Впрочем, он знал, что на едва заметных снизу карнизах и тропах базальтового гиганта встречаются не только шипящие, смертельно-ядовитые змеи, но и твари пострашнее — вооруженные до зубов контрабандисты.

С противоположной стороны над долиной поднимался горный кряж Душак, получивший свое название от слов «ду» — «два» и «шак» — «рог». Устремив ввысь две каменистые вершины, маячившие в знойном мареве, Душак предупреждал каждого, кто пытался приблизиться к нему: «Граница!»

Внизу, почти посередине долины, Яков увидел десятка полтора глинобитных домиков с плоскими крышами, несколько кибиток. Вплотную к ним прижимались похожие на саманные кубики мазанки и другие хозяйственные постройки.

Это и был тот самый аул, где проживал со своим многочисленным семейством знаменитый следопыт Амангельды. Яков снова сел на коня, направляя его в сторону глинобитных домиков.

Отсюда, из этого аула, каждый день, а нередко и ночью Амангельды уходит в горы, к границе, чтобы проверить следы у подножий Душака и Мер-Ков. Здесь его личная контрольная тропа. В любую погоду, зимой и летом зорко следит он, чтобы ничья чужая нога не осквернила священную землю, чтобы по карнизам и горным тропам не пробрались к нам двуногие звери.

Какой-то пограничник, закончив службу, перед самым отъездом домой, вырубил на скале Мер-Ков знаменательную фразу: «Кто не был — тот побудет, кто побыл — не забудет!»

Амангельды ничего не пишет на скалах. Для него, как и для Якова, горы — родной дом. В гражданской одежде — халате и чарыках, в неизменной папахетельпеке, защищающей голову от палящих лучей солнца, несет он бессменную службу многие годы, с тех пор как получил право держать в руках винтовку. Каждый утес и карниз Душака, склоны горы Мер-Ков изучены им, как родное подворье. Знает он следы каждого человека, живущего близ границы. Безошибочно может определить, друг здесь прошел или враг.

Амангельды помнит следы не только людей, но и всех имеющихся в ближайших аулах и поселках животных: лошадей, коров, ишаков, даже баранов. Враг хитер: любой контрабандист, чтобы обмануть погра-

ничников, может привязать к своим чарыкам и копыта осла, и лапы барса. Поди тогда разберись в его следах...

Место, где давно уже поселилась семья Амангельды, было не такое голое, как представилось Якову поначалу. Горы протянули зеленую руку к жилищу бессменного часового границы. От подножия Мер-Ков до глинобитных домиков выстроились в ряд зеленые ивы и осокори, окруженные пышно разросшимися кустами ежевики и горного миндаля, скрывающими своей зеленью быстрый и полноводный арык.

Сколько нужно было затратить труда, чтобы под палящим солнцем прорыть русло арыка, насыпать дамбу, подвести воду к самому дому! Но арык, вот он: блестит под солнцем в зелени листвы, журча и переливаясь прохладными струями, манит к себе, несет жизнь, восстанавливает силы, спасает от зноя.

Тронув языком ссохшиеся губы, Яков, еще не доехав до аула Амангельды, соскочил с седла, подвел коня к арыку, опустился на руки и с наслаждением погрузил разгоряченное лицо в прохладную воду. Вода защекотала нос, крепко зажмуренные веки. Яков медленно втягивал губами студеную влагу, чувствуя, как поламывает зубы, как холодные комочки переливаются в горле.

Вода в арыке свежая и чистая. Не зря Амангельды еще с отцом и братьями много лет таскал землю для дамбы, обсаживал насыпь деревьями.

Подняв лицо и не вытирая капель, шлепавшихся в быстро бегущий ручей, Яков наблюдал, как стелются по течению похожие на зеленые волосы травянистые водоросли, как убегают под камни небольшие крабы. Откуда здесь, в горах, крабы? Еще в школе учитель говорил, что когда-то очень давно все эти приграничные земли были морским дном. Под напором страшных вулканических сил дно это вспучилось, превратилось в

гористую сушу. На поверхности оказались небольшие водоемы вместе с обитателями моря. Такие вот, как эти крабы, выжили, за много веков приспособились к новым условиям и сейчас встречаются в горных ручьях, больших родниках.

Яков некоторое время охотился за крабами, шарил у самого берега рукой под камнями, затем снова опустил лицо в арык, наслаждаясь свежестью и прохладой. Сполоснув лицо, вытер его рукавом рубахи, оглянулся. Только теперь он заметил, что его окружила целая ватага загорелых до черноты ребят: сыновей, дочерей или племянников следопыта.

Вслед за детьми вышел и сам Амангельды — худощавый, статный туркмен в белой рубахе навыпуск. Он был еще молод. Красивая осанка свидетельствовала о природной силе и ловкости.

— Коп-коп салям, Амангельды-ага! — приветствовал его Яков, назвав уважительно «дядей», хотя Амангельды был лишь на немного старше его.

— Алейкум-эссалям, дорогой гость,— услышал он в ответ. Пытливо всматриваясь в лицо Якова, Амангельды словно старался разгадать, зачем приехал молодой русский с Даугана. На этот незаданный вопрос надо было ответить.

— Салям тебе от начальника заставы Карачуна,— сказал Яков.— Балакеши, Савалан, Мамед, Нафтали, Барат большой привет тебе передают.

— Сагбол, сагбол,— приложив руку к груди, с достоинством наклонил голову Амангельды.

Яков выдержал весь ритуал приветствия.

— Проспорил я Барату архара, пришлось идти на охоту,— пояснил он.— Дай, думаю, заеду, посмотрю, как Амангельды живет.— И Яков рассказал, как разыграли Барата в бригаде, поспорив, что он не отнесет ночью нож к роднику, а Барат пошел и отнес.

— Ай, Барат, ай, Барат! — смеясь, покачал головой Амангельды.— Неужели так крепко спал? А почему он с тобой ко мне не пришел?

— На Асульму поехал, к вечеру будет здесь. Надо, говорит, проверить, какого ты архара убьешь. Наверное, думает, одному мне столько мяса не унести, помочь хочет.

— Есть бараны, есть,— закивал головой Амангельды, хотя по лицу его видно было, что он все-таки недоумевает: баранов и на Даугане сколько хочешь. Зачем же Якову и Барату потребовалось ехать на охоту?

По знаку главы семьи женщины разостлали на поставленном прямо над арыком широком помосте сначала кошму, потом ковер и чистую скатерть. Не успели Яков и Амангельды сбросить обувь и расположиться на ковре, поджав под себя ноги, как перед ними появились чашка с коурмой, горка чуреков и неизменный при встречах гостей зеленый геок-чай.

Кайманов хорошо знал обычаи туркмен, вместе с которыми вырос. Обычай запрещает, например, отламывать хлеб одной рукой, откусывать чурек зубами, следует отщипывать пальцами маленькие кусочки и отправлять их в рот.

Считается невежливым, если гость торопится объяснить главную цель прихода. Сначала надо узнать у хозяина, как его дела, как здоровье, в порядке ли хозяйство, ходил ли он на охоту и была ли она удачной? Только получив ответы на все предусмотренные ритуалом вопросы, можно переходить к главной теме беседы.

— Амангельды-ага, научи следы читать! — сказал наконец Яков.— Всю жизнь буду тебя благодарить.

Амангельды недоуменно развел руками:

— Как можно сразу научить следы читать? Всю жизнь надо учиться! Походи лет десять чопаном, сам научишься.

— Десять лет очень долго. Расскажи, как сам учился.

Амангельды снова пожал плечами. Обдумывая ответ, он налил в пиалы себе и Якову свежего чая, снял тельпек, под которым оказалась небольшая тюбетейка, глянул на Якова спокойными глазами, спросил:

— Почему пришел к Амангельды? Есть много других чопанов, лучше меня знают следы.

— Разве только чопаны следопыты? Я думаю, следы лучше знает охотник.

— Каждый чопан — охотник! — с гордостью произнес Амангельды.— Как тебе рассказать? — Он с сомнением покачал головой.— След видеть надо! Я мальчик был, когда первый раз след смотрел. У отца семь сыновей. Как прокормить? Отец пошел служить в туркменский полк джигитов. Ай, какой конь у отца был! Смелый был отец. Почту возил, бандитов ловил. На десять лет в джигиты пошел, зато с семьи налогов не брали. Из-за семьи и пошел.

Неторопливо рассказывая, Амангельды прихлебывал чай, время от времени поглядывал на Якова.

Большая семья была у отца. Жалованья не хватало. Дети, которые постарше, работали у бая Реза-Кули. Пять лет пас байских верблюдов и Амангельды. Получал за это миску шурпы [1] и кусок чурека в день.

Воспоминания зажгли в глазах следопыта живые огоньки.

---

[1] Шурпа — суп, похлебка.

— Ты спрашиваешь, как я учился читать следы? Первым моим учителем был Рамазан Сулейман. Он и сейчас у нас живет. Мы зовем его опе-Сулейман, по-русски папаша Сулейман. Сколько ему лет, не знаю, а за дровами сам ездит. Плохо видит, шагов за десять только и различает кое-что. К шее ишака колокольчик привяжет и едет. Как-то спросил я его: «Эй, опе-Сулейман, как найдешь ишака, когда он лежит и головой не трясет?» — «А я,— говорит,— пойду по следу, куда ишак пошел, смотрю: где он камень сбил, травку щипнул, где поскользнулся, так и найду» — «А как,— спрашиваю,— своих баранов находишь?» — «Надо келле работать,— отвечает опе-Сулейман.— У всех баранов совсем разный след. Мой баран, я его еще маленьким ягненком на руках таскал, знаю, какое у него копытце. У одного барашонка оно длиннее, у другого короче. Там, где копытце раздваивается, по-разному концы загнуты. На два шага впереди вижу и ладно. Увидел след, значит, барана своего найду».

Тогда было так,— продолжал Амангельды.— След не знаешь, бай работы не даст. Семьдесят два верблюда имел Реза-Кули. Всех помнить надо: и по кличке, и у кого какой след. Реза-Кули придет, возьмет восемь или десять верблюдов и уведет в пески, потом заставляет искать. По следам верблюдов экзамен принимал. Помню, уж с неделю я у него работал. Пропал один верблюд. Реза-Кули пришел, спрашивает: «Какого верблюда нет?» Думал я, думал... Вспомнил! Марли, говорю, нет: след широкий, на подушке правой ноги шрам, острым камнем разрезал. Реза-Кули похвалил: «Ай, молодец Амангельды, правильно сказал. Иди ищи Марли». Я пошел, а он вслед смотрит: найду или не найду? Километров шесть или семь прошел, смотрю, большой куст сёчён стоит. След прямо в куст упирается, а дальше ничего нет. Как под землю провалился.

Иду к баю. «Ай, яш-улы,— говорю,— верблюд под землю ушел. Нет Марли. След до сёчёна довел и в сёчён ушел. Сам я в сёчён боюсь идти, там змеи, а может быть, и яма». Реза-Кули смеется: «Пойдем,— говорит,— к кусту». Обошли мы кругом, а след за кустом дальше идет. У Марли чесотка была. Напер он на куст и прошел через него, чтоб ветками по бокам и под животом продрало, а куст поднялся и опять стоит. Когда нашли Марли, Реза-Кули говорит: «Правильно смотрел следы, Амангельды. Только следы смотреть мало. Келле думать надо. Представь себе, будто ты сам Марли. Как он своим келле думал, когда шел: «Ай,— думает Марли,— какой большой куст сёчён, пройду я через него, может, не так живот чесаться будет...» Я сам этого Марли горчичной мазью от чесотки мазал, а тут не догадался. О каждом верблюде Реза-Кули меня спрашивал. Не знай я следа, другого бы чопаном взял...

Амангельды скупо улыбнулся, наблюдая, с каким вниманием слушает его Яков. Куст сёчёна — простой случай. Верблюд — не человек, на обман не способен. Контрабандист — иное дело: постарается обмануть и запутать. Попробуй узнай, как он шел, о чем думал?

В стороне от беседовавших Амангельды и Кайманова, прямо на улице, женщина пекла в тандыре чуреки. Не первый раз Яков видел тандыр — печку, похожую на перевернутый вверх дном большой горшок, обмазанный глиной, с закопченной дырой наверху. И не тандыр заинтересовал его. Загляделся он на женщину-туркменку: уж очень ловко у нее все получалось! Сначала она развела в тандыре огонь и все подбрасывала туда веточки саксаула. Из закопченной дыры жаркими языками вырывалось пламя, освещало лоб и глаза женщины, нижнюю часть лица, закрытую цветистым платком, плечи и грудь.

— Моя жена Курбан Гуль,— перехватив взгляд Якова, представил ее Амангельды.

«Курбан Гуль» в переводе на русский означает «Красивый цветок». Яков не знал, подлинное ли это имя жены следопыта или прозвище, в котором он, с присущей туркменам красочной образностью, выразил свое отношение к супруге, однако спрашивать не стал.

Курбан Гуль между тем принесла к тандыру завернутую в чистое полотенце стопку больших продолговатых лепешек из круто замешенного теста, надела до самого плеча на правую руку холщовый рукав и, обрызгивая лепешки водой, стала укладывать их в горячий тандыр. Когда вся стопка была уложена, накрыла тандыр большим плоским камнем, ушла в кибитку.

— Сколько чуреков насчитал, яш-улы? — вежливо спросил Амангельды.

— Я не считал. Шесть или семь...

— Ай, яш-улы, яш-улы,— покачал головой следопыт.— Чурек не бандит, стрелять не будет, бандит — будет. Посмотрит Ёшка, контрабандисты идут, скажет себе: «Ай, как много кочахчи, наверное, шесть или семь. Надо их поймать!» Поймает шесть или семь. Ладно, скажет, хорошее дело сделал. Давай на заставу их поведу. А восьмой — бах из винтовки, и нет Ёшки. Зачем, скажет, меня не посчитал? Я здесь тоже был!

Глаза следопыта лукаво улыбались. Якова взяла досада: Амангельды учил его на самых простых примерах.

— Ну а сам-то ты, Амангельды-ага, скажешь, сколько было чуреков? — спросил он.

— Девять, Ёшка, девять. Курбан Гуль будет их из тандыра вынимать, сам посчитай. Теперь давай скажи, сколько человек сзади тебя носами сопят? Только не оборачивайся.

Яков замер. Сразу же самые разные звуки, сливавшиеся в один непрерывный шум, разделились на голоса. Кайманов услышал треск цикад, удары пестика о ступку, плеск падающей воды, далекий, донесшийся откуда-то крик осла и отвратный рев верблюда, а рядом за спиной — прерывистое сопение. Яков не выдержал, обернулся. Позади, на траве и земляной насыпи, протянувшейся вдоль арыка, сидели все встречавшие его чумазые и загорелые мальчики и девочки — сыновья, дочки, племянники и племянницы Амангельды.

— Ой, яш-улы, так нельзя! — сказал, покачав головой, следопыт.— Зачем посмотрел? Они все встречали тебя, когда ты из арыка пил. Тогда бы и посчитал, второй раз считать не надо. Скажешь, зачем огланов считать? Для памяти. По следу идешь, все помнить надо: что видел, что слышал, что щупал, нюхал, языком пробовал,— все годится.

— Почему у тебя арык так шумит, будто вода с горы падает? — спросил Яков.

— Молодец, Ёшка, ты тоже умеешь слушать,— одобрил Амангельды.— Мельница шумит... Еще когда отец из полка джигитов вернулся, начинали строить. Арык-то по насыпи течет. Четыре года землю для нее возили. Люди смеялись: «Ай, Аман Дурды, не получится мельница. Солнце арык высушит. Сколько воды надо, чтобы колесо вертеть!» Все-таки сделал отец мельницу. Мы все семь сыновей ему помогали. Самый маленький — Гусейн и тот в старом чарыке землю носил.

Поднявшись со своего места, Яков прошел в сопровождении Амангельды вдоль арыка в ту сторону, откуда доносился шум падающей воды. Только теперь он увидел, что арык проходит по искусственной насыпи, заросшей травой и кустарником, укрепленной корнями склонившихся над водой деревьев. За домом Амангельды насыпь круто обрывалась подобием цементирован-

ного шлюза с деревянными заслонками. Здесь воду можно было пустить либо по боковому руслу, откуда она уходила частью в ручей, частью в мелкие арыки и канавки, покрывавшие густой сетью молодой сад, либо по бетонированному лотку на лопасти мельничного колеса. Водяная мельница там, где каждая капля воды на вес золота! Было чему удивиться!

— Ёшка стоит и думает: ай, какой богатый мельник Амангельды. Надо его раскулачить,— с усмешкой заметил следопыт.— Только мельница еще при отце стала общей. Увидели все — сделал мельницу Аман Дурды, помогать стали. Арык общим стал, и мельница общая. Кому надо, тот и мелет зерно.

Они оба спустились с насыпи и, перешагивая через мелкие ручейки, обошли вокруг сада. Амангельды наклонился к земле, внимательно всматриваясь в след чарыка, ясно отпечатавшегося на тропинке.

— Ай, Ёшка, смотри, какой-то человек ходил. Зачем к Амангельды в гости не зашел?

Яков начал было внимательно рассматривать отпечаток следа, но быстро понял: подтрунивает над ним следопыт, испытать хочет.

— Сейчас я скажу, какой человек,— ответил он, всматриваясь в след.— Ростом выше среднего, худой, глаза черные, по горам бегает, как джейран, хитрый, как лиса. Сам молодой, а детей много — пять штук.

— Ай, молодец Ёшка, все правильно сказал,— смеясь, отозвался Амангельды.— Одно неправильно: пять огланов — мало. У отца семь было.

Яков почувствовал удовлетворение, что все-таки не попался на удочку следопыта.

— Ты, Ёшка, говоришь, давай учи след читать,— снова став серьезным, развел руками Амангельды.— Как учить? След увидел — смотри, куда ведет. С горы идет — каблуком пашет, на гору — носками упирается.

Глаза закрыл: в голове сразу Душак, Мер-Ков, все тропки, все карнизы. Куда пойдет? На Душаке узкий карниз, смотришь — нет. Бежишь узкий щель, сухой арык, там смотришь — тоже нет. Идешь мягкий склон, где осыпь. Ага! Есть! Значит, родник Шадн-Чишме ходил нарушитель, воду пил. Куда пойдет? Никуда не пойдет. Ночью пойдет...

Из объяснений Амангельды Яков понял: чтобы уметь читать следы, надо уметь правильно рассуждать, так, как учил Карачун, думать за противника, за нарушителя. Для этого требуется очень хорошо запоминать характер следа и так же хорошо знать местность. Если даже след потерян, его нетрудно обнаружить в другом месте, когда знаешь, куда может выйти нарушитель. Нет следа на узком карнизе, смотришь на склоне с мягкой осыпью, потом — снова бросок вперед. Для проверки прорезаешь направление на более узком участке. Тогда уж становится ясно, где еще искать нарушителя. Пограничники так и делают.

Но знать, куда пошел нарушитель, еще не все. Не менее важно знать, кто прошел и когда прошел. Тут уж требуется настоящее мастерство следопыта.

— След смотришь,— продолжал объяснять Амангельды,— сразу видно, какой человек: быстрый или дохлый, замухрыш, какой у него шаг, как ногу ставит. Смотришь, размер примерно сорок первый, значит, рост средний. Шаг сантиметров шестьдесят — семьдесят — значит, спокойный. А у другого размер обуви такой же, а шаги делает всего в полметра, ноги часто переставляет. Значит, верткий, быстрый человек. Рядом ногу поставишь, смотришь, кто больше проваливается. След неглубокий, порожнем шел, рост средний, сам человек худощавый. Разгильдяй, лодырь, ступни разворачивает в стороны. Энергичный человек ступни ставит ровно. Все по-разному ходят, Ёшка. Одни ставят ногу на пятку

и на ровном месте землю пашут. Другие упираются на носок. Спокойно идет человек, пальцами отталкивается нормально. Прибавит скорость — шаг длиннее. А замухрыши, терьякеши разные, идут нога за ногу, носки врозь, еле-еле плетутся.

Многое из того, что услышал Яков от Амангельды, он еще с детства знал от отца, охотников-курдов. Но никогда не думал, что следопытство — настоящая наука. А выходило, что здесь, у границы, без умения читать следы шагу не ступишь.

— Как тебя сразу научить следы читать, Ёшка? Сразу не научишь,— снова повторил Амангельды.— Сырое, мягкое место — отпечаток видно, а пойди Душак, там на двести — триста шагов кругом палас-ялчин лежит, плитняк, след совсем иной, его не сразу заметишь.

Крепкий как бетон палас-ялчин, что в переводе на русский означает «ковер без ворса», Яков уже видел там, где он принял панцири черепах за головы контрабандистов. На таком плитняке, как говорил начальник заставы Карачун, тоже можно найти след. Ветер нанесет на палас-ялчин мелкие камешки, пройдет по ним человек, остаются черточки в спичку длиной. У барса или леопарда лапа мягкая, на твердом отметины не остается. Если же горные козлы или архары на камнях побывали, догадаться нетрудно — от их копыт черные метки видны.

— А как на такыре следы смотришь, Амангельды-ага? — спросил Яков.

Такыр — солончаковая глина — крепок, что камень. На нем никаких камешков нет, только мелкие песчинки. Такыр в пустыне, в горах его почти нет, но как на нем след читать, тоже знать надо.

— Ай, Ёшка, такыр такой же след дает,— ответил Амангельды.— Там ямка осталась, там пупырышек от

солнца вздулся, там мурашка норку копал, песочек выбросил. Человек пройдет, что-нибудь да нарушит. На такыр пыль садится. Солнце всходит, низко стоит, и на этой пыли след видно. А по траве кто пройдет, по сухому пырею, желтый след остается, как от цветка гуличакар, корень которого наши женщины толкут, заваривают, красят шерсть в желтый цвет.

— Да...— с искренним удивлением протянул Яков.— Теперь вижу, большой ты следопыт, Амангельды-ага. След как по книге читаешь.

— Таких, как я, много. Ты их тоже знать должен. Бабá Мурадгельды, Бабá-Асан, Клыч, Аликпер — все следопыты...

Продолжая разговор, они вышли из зелени кустов на открытое место, откуда виден был тандыр.

Курбан Гуль как раз в это время вытаскивала из него свежеиспеченные, подрумяненные лепешки. Яков сосчитал: «...шесть, семь, восемь, девять. Точно!» Амангельды лукаво улыбнулся, посмотрел на гостя. Лицо прославленного следопыта вдруг оживилось. Он с интересом стал всматриваться в дальний конец долины, туда, где из-за горы Мер-Ков выбегала белесая полоса дороги.

— Ай, какой день сегодня, Ёшка! Смотри, еще один гость едет. Сам Барат Агахан Гуссейн-оглы.

Увидел и Яков своего друга, подъезжающего верхом на ишаке. Барат во все горло пел какую-то одному ему известную песню. Он, как видно, не собирался отказываться от честно выигранного архара. Теперь-то уж Якову в бригаду без добычи нельзя возвращаться: Барат не отстанет, пока не добьется своего.

— Салям, Амангельды-ага! Салям, Ёшка! — еще издали приветствовал их Барат, подняв короткопалую толстую руку над головой и подбоченившись так, будто под ним был настоящий ахалтекинский конь.

— Ай, Барат, как ты быстро приехал! Ты, наверное, за своим архаром на крыльях летел,— сказал Яков, отвечая на приветствие друга.

Рубаха на груди Барата расстегнута. Выпуклая сильная грудь, густо заросшая черной шерстью, обнажена. Пот в три ручья стекал из-под белого платка, покрывавшего голову. Но широкое, заросшее бородой лицо его с крепкими скулами и толстыми красными губами выражало безмятежное счастье. Ноздри короткого носа Барата хищно раздувались, будто уже чувствовали запах шашлыка. Соскочив с осла на землю, Барат с шумом втянул в себя воздух, затем с придыханием выпустил из могучей груди.

— Ай, Барат молодец! — похвалил он сам себя.— Знал, когда приехать! Чурек пахнет! Плов пахнет! Коурма пахнет! Геок-чай пахнет. Спасибо, Барат, не опоздал! Скажи, дорогой, много козлов настрелял? — обратился он к Якову.— Может, без меня на охоту ходил?

Если для Кайманова охота была только предлогом, чтобы приехать к Амангельды, то Барат твердо знал: без архара или горного козла отсюда не уедет.

— Все правильно,— согласился Амангельды.— Плов, коурма, чуреки, геок-чай — все есть. Шашлык завтра будет, когда козла убьем! Теперь пойдем обедать...

Все направились к поставленному над арыком топчану, на котором уже дымился в большой эмалированной миске душистый плов.

Барат ополоснул в арыке лицо и руки, вытер их своей чалмой и, сбросив с ног чарыки, полез на топчан.

До вечера продолжалась неторопливая беседа о разных случаях на охоте, о семьях, женах и детях, о недавно созданном в поселке ТОЗе, о баях и контрабандистах, обо всем, что занимает думы трудовых людей, живущих на границе.

— Давайте отдыхать будем,— предложил наконец Амангельды.— Завтра рано на охоту пойдем.

Солнце село. Голубоватые тени, высовываясь языками из ущелий, все выше поднимались по склонам Душака и Мер-Ков, подступая к вершинам. Два рога Душака и гребень красноватой глыбы Мер-Ков в последний раз вспыхнули отсветом вечерней зари и погасли. Сумерки сменились густой темнотой. Небо, еще казавшееся светлым на западе, уходя к зениту, становилось все темнее, глубже. Все ярче сияли, переливаясь и мерцая, крупные, опустившиеся к самым крышам звезды...

Барат и Яков легли спать на том же самом топчане, на котором недавно обедали, только перенесли его с арыка во двор, с трех сторон окруженный глинобитными постройками. Четвертая сторона оставлена свободной, чтобы доходила прохладная свежесть от арыка. Подложив руки под голову, Кайманов молча смотрел в звездное небо. Весь этот день его не покидало чувство чего-то близкого и родного. Амангельды старше его всего на восемь лет, а Якову все казалось, будто следопытству учит его отец. У Амангельды такая же, как и у отца, неторопливая манера вести беседу, такие же он находил убедительные слова, простые примеры.

Отец дружил в поселке с азербайджанцами, туркменами, курдами. У них есть чему поучиться, особенно смелости, сообразительности. Еще мальчишкой Яков однажды сказал Барату: «Не пойдем в горы, там барс». Барат ответил словами, которые слышал от взрослых: «Ты сам должен быть барс». Вспомнил Яков, как они в детстве вместе с Баратом ишаков пасли. Если в ночном Алешка Нырок или он, Яшка, к взрослым жались (боязно все-таки: ночь, зверья полно, змей, хоть за хвосты лови!), то Барат презрительно говорил: «Не бойся» — и шел туда, куда не каждый взрослый решался пойти.

Яков тоже привык к суровой жизни в горах, многому научился у своих друзей. Но, видно, еще не всему.

Сейчас он лежал и думал, как отблагодарить следопыта. Как заслужить его уважение? Долго еще им бок о бок охранять границу. Чем больше у пограничников таких помощников, как Амангельды, Аликпер, Бабá-Мурадгельды, Яков Кайманов, Барат, тем надежнее граница будет закрыта от врагов.

Барат, едва коснувшись головой подушки, сразу уснул. Со всех сторон, казалось, к самому топчану подступал назойливый треск цикад. Издали доносился прерывистый свист. Это вылетел на охоту сыч. Разрозненные звуки все полнее сливались в нестройный хор южной ночи.

От неумолчно журчащего арыка из-под зеленых ветвей, склонившихся над водой, тянуло прохладой. Яков полной грудью вдохнул живительную струю чистого воздуха и незаметно для себя стал проваливаться в мягкую, обволакивавшую темноту. Последнее, что он слышал, был негромкий разговор Амангельды с сыновьями и братьями: они советовались, куда лучше повести гостей, чтобы наверняка встретить архаров или козлов. «Увидишь дым на сопке Гядык — гони к нам трех ишаков...» — донесся голос Амангельды. Это он отдавал распоряжение своему старшему сыну Ших-Мамеду.

Глава 11

КОМИССАР ЛОЗОВОЙ

Над ущельем пластался белый туман, окутывая кусты ежевики и шиповника, разбросанные по склонам.

Солнце еще не взошло. Острый утренний холодок проникал под одежду. Яков с Амангельды внимательно

осматривали каменные карнизы. Ниже нависшего над котловиной покрывала тумана они видели лишь мелькавшие ноги Барата. Голова его то появлялась, то исчезала в белесых волнах. Казалось, что Барат пролез до пояса в призрачно-белый ковер-самолет и, перебирая ногами, парит в воздухе. Но вот пелена тумана осталась позади. Все трое осторожно поднялись на гребень скалы, окинули взором открывшиеся перед ними склоны соседней котловины.

«Козлы! Там!..» — вытянув руку, едва не вскрикнул Яков.

Амангельды и Барат тоже увидели пасшееся в дальнем конце котловины стадо. Неясные тени мелькали у темневшего справа отщелка.

Ровный предутренний ветерок тянул от стада к охотникам. Но стрелять все же далековато.

Яков высунул из-за камней влажный от росы ствол винтовки, передвинул на последние цифры прицельную планку.

Вдруг едва различимое вдали стадо испуганно шарахнулось в сторону, скрылось в отщелке. Издалека донесся залп, потом затрещали частые винтовочные выстрелы.

— Прорыв на стыке с заставой Пертусу,— сказал Амангельды, быстро поднявшись во весь рост.

Яков понял: охота кончилась, начинается пограничный поиск. Яков внимательно осмотрел винтовку, снова установил постоянный прицел.

Амангельды махнул рукой в сторону границы:

— Надо туда. Там есть котловина, где кочахчи могут оторваться от пограничников. Будем помогать.

Напрямик по склонам, почти не разбирая дороги, Яков и Барат бросились вслед за Амангельды. Потом, рассредоточившись, пошли медленнее. У куста шиповника, протянувшего ветви к самой тропе, Амангельды

поднял руку. Яков подошел ближе: за колючки зацепилось несколько шерстинок. Кто-то прошел здесь, и куст взял с него дань.

— Кочахчи! — проговорил Амангельды, указывая сначала на нижнюю, затем на верхнюю часть куста.— Похоже, в сторону границы идут.

Никем не тронутые капельки росы поблескивали лишь на нижних листьях, с верхних роса сбита. Прошли нарушители недавно. Осыпавшиеся капли еще не успели высохнуть на плитняке.

От куста Барат двинулся вперед по противоположному склону котловины, Яков — по дну, Амангельды осторожно поднялся на карниз, косо уходивший вверх, к гребню сопки.

Держа винтовку в положении «к бою», Кайманов пружинистым быстрым шагом вышел к открытому месту, где отщелок снова переходил в узкую, небольшую котловину, поросшую редкими кустами полыни. У одного из полынных кустов он издали заметил ясно отпечатавшиеся на мокром песке следы чарыков. Свистнул, подражая сычу. Бежавший по карнизу Амангельды оглянулся. Услыхал свист и Барат. Через несколько минут оба были возле Якова.

— Нарушителей двое,— уверенно сказал Амангельды.— Давай, Барат, к той вон высотке. Ты, Ёшка, со мной!

Не успели они пробежать и полсотни шагов, как увидели новые следы. Значит, контрабандистов не двое, а больше. Направляются к границе.

«Чир... чир... чир...» — донесся предостерегающий крик горных курочек.

Что это? Сигнал? Нет, на склоне мелькнули силуэты быстро убегавших и перепархивающих птиц. «Если курочки, убегая, кричат, их спугнул человек»,— вспомнил Яков слова Карачуна. «Могли испугаться и нас»,— по-

думал он. И все-таки курочки скорее всего испугались контрабандистов.

— Там родник,— указал Амангельды в сторону нагромождения голых камней.— Сядут кочахчи у родника, не выгонишь: стрелять хорошо, на три стороны видно...

— Пойду посмотрю,— сказал Барат, направляясь к роднику.

У Якова и Амангельды винтовки, у Барата — только бичак. Если контрабандисты успели засесть у родника, Барату придется туго. Яков решил подстраховать друга. Пробираясь к роднику по соседнему склону вслед за Баратом, он видел, как тот время от времени наклоняется к земле, вероятно, рассматривал следы. Яков уже хотел спуститься вниз, чтобы подойти ближе к нему, как вдруг из-за камней на Барата ринулись две тени. Один из нападавших оказался перед Баратом. Второй в нескольких шагах позади. Сверкнул нож. Барат ударил им ближайшего к нему бандита. Второй подскочил сзади.

Яков вскинул винтовку, поймал на мушку силуэт врага, нажал на спусковой крючок. Грохнул почему-то сдвоенный выстрел. Больно ожгло ухо. Тиу-у-у — пропела пуля. Моментально повернувшись, не целясь выстрелил еще раз в мелькнувшую позади тень. Тут же упал за камень, осмотрелся. Исчезли куда-то и Барат, и Амангельды.

Гур-ррр — донеслось от родника. С обратного склона сопки посыпался щебень. Кайманов метнулся туда, с вершины увидел четыре низко пригнувшиеся к земле, горбатые от заплечных мешков фигуры. Дотронулся рукой до горевшего огнем уха, почувствовал на ладони липкую кровь. Ярость охватила его. С поразительной ясностью улавливая каждое движение контрабандистов, вскинул винтовку, выстрелил еще в одного. В этот

момент увидел, что наперерез им торопится Амангельды.

— Ёшка, не надо стрелять! — послышался голос следопыта.— У кочахчи винтовок нет.

От родника к Якову шел Барат, зажимая правой рукой левое предплечье.

— Ай, Ёшка, молодец! — еще издали закричал он.— Сагбол тебе, вовремя успел!

В то время, когда Кайманов спасал от верной гибели Барата, его самого страховал Амангельды. Если бы не следопыт, не видел бы Яков теперь ни гор, ни утреннего неба, ни жестких полынных кустов у самых ног.

Но размышлять было некогда. Мгновенно вспомнились слова Амангельды: «А восьмой бух Ёшке в спину, и нет Ёшки...» Яков выскочил на самый верх отщелка: перед ним оказался еще один нарушитель.

Контрабандист торопился уйти к границе, но быстро бежать не мог. Ноги у него заплетались. Деваться ему некуда — впереди открытый склон, круто поднимавшийся вверх.

Яков прицелился, не думая, что сам стоит во весь рост на гребне сопки. Контрабандист оглянулся, поднял обе руки и, что-то крича, пошел на Якова.

— Ёшка-а!.. Кара-Куш, не стреляй! — донеслось издали.— Я — Каип Ияс! Не стреля-а-ай!..

Якова поразило, что контрабандист знает его по имени, да еще называет Кара-Куш — Черный Беркут. Откуда появился этот кочахчи? Почему шел не вместе со всей группой? Отстал? Может быть, там еще кто есть? Яков опустился за камни, следя за контрабандистом, подходившим с поднятыми руками вихляющей походкой, словно на ватных ногах.

Всего несколько секунд вспоминал, где прежде видел его, где слышал этот хрипловатый голос. В памяти всплыл первый день приезда на границу, когда они с

Ольгой, спасаясь от грозы, подъезжали к гаваху, а лошадь пугливо шарахнулась в сторону от сваленной в кювете сухой колючки. Так и есть. Тот самый шаромыга — Каип Ияс.

Яков опустил винтовку, вернулся к Барату, оторвал от своей рубахи лоскут, стал перевязывать другу рану, продолжая следить за Каип Иясом.

Радостное сознание, что жив и почти невредим, если не считать сильно болевшее ухо, все больше и больше охватывало Кайманова. Великое дело — уверенность в себе! То, что на Даугане он с третьего выстрела убил контрабандиста, могло быть случайностью. Сегодня совсем другое. Здесь он, спасая Барата, а позже — страхуя Амангельды, вел прицельный огонь. В таком бою, полном внезапностей, два выстрела и два попадания чего-нибудь да стоят. Сейчас он не испытывал тех переживаний, какие одолевали его в первый раз. Сегодня был настоящий бой. Мысль о том, что он спас от неминуемой гибели Барата, а сам был спасен страховавшим его Амангельды, наполняла его чувством благодарности к друзьям.

Перевязав рану Барату, Яков еще раз потрогал свое кровоточащее ухо. Вид у него, наверное был страшный: он заметил, как округлились глаза у подошедшего, наконец, оборванного, запыхавшегося, словно запаленная лошадь, терьякеша. И без того желтое от терьяка лицо Каип Ияса пожелтело еще больше.

— Я не стрелял, я с ними не ходил. Я один топал,— опасливо поглядывая на трупы бандитов, забормотал Каип Ияс.— Пройдут, думаю, они, и я пройду. Будут их ловить, убегу.

— Что ж не убежал?..

Каип Ияс беспомощно развел руками.

— Салям, Барат, салям, Амангельды,— заискивающе приветствовал он «базовцев», как называли на гра-

нице членов бригады содействия.— Клянусь аллахом, Каип-Ияс — честный человек. Терьяк — нету, ружье — нету, бичак — нету... Мало-мало рис носил.— Припухшие, слезящиеся глаза его смотрели испуганно и подобострастно.

— Салям-то салям, но веревочкой мы тебе руки спутаем, как и этим твоим дружкам,— сказал Амангельды, кивнув в сторону пятерых задержанных, в том числе двух раненых, которых сам только что приконвоировал.

Яков, подставляя Барату для перевязки свое обожженное пулей ухо, раздумывал о том, как опять попал к ним этот терьякеш. Только весной он задержал его со спичками, чуть ли не за сорок верст отсюда, и вот теперь, едва наступила осень, Каип Ияс снова притопал, как он говорит, со своей собственной, самой паршивой контрабандой. Видно, его даже на фильтрации не считают за контрабандиста и каждый раз отпускают домой.

— Тебе что, Каип Ияс, жить надоело? — сурово спросил Яков.— Зачем к нам ходишь?

— Ай, Кара-Куш-джан! — заметно обрадовавшись, что с ним разговаривают, воскликнул Каип Ияс.— Дома кушать нету, купить — нету. Огланжик на лавках сидят, кушать просят. Ай, бедные, бедные мои мальчики, бедные огланжик!..

— Почему сказал «Кара-Куш»? Кто тебя научил?

— Все кочахчи так говорят: «Ёшка Кара-Куш никого не пропустит, всех поймает. Кто через границу пойдет, никто не вернется. Кара-Куш на лету птичке в глаз попадает...»

Яков понимал, что это — лесть, но лесть отчасти справедливая. Тем не менее новость насторожила его. Если сами враги дали ему кличку Черный Беркут, держи ухо востро: в беркутов тоже стреляют, да еще

как. В то же время кличка ему понравилась. Кара-Куш! Черный Беркут! Ну что ж, неплохо звучит. Контрабандисты — не горные бараны...

У Каип Ияса, видно, все больше появлялась надежда, что и в этот раз все обойдется. Но взгляд Амангельды пугал его.

— А сам ты думаешь, вернешься домой? — спросил следопыт.

Каип Ияс задрожал, поняв, что с ним не шутят.

— Яш-улы! Амангельды-ага! — он упал на колени.— Кому нужен Каип Ияс? Только своим детям! Бай Мусабек душит, жандармы душат, солдаты душат. Зеленые фуражки поймают — отпустят. За это жандармы дома палками бьют! Все хотят, чтобы подох Каип Ияс, никто не хочет, чтобы он жил...

Яков и Барат обыскали остальных задержанных, перевязали двух раненых. Амангельды осмотрел трупы убитых, стащил в одно место торбы и оружие. Шаг за шагом исследовал всю местность. Вскоре вернулся с такими же замотанными в тряпки пачками денег, какие нашел Дзюба в первый день выхода Якова на границу. Значит, контрабандисты и этой группы возвращались после ходки с опием. Пока пограничники брали вооруженный заслон, они рассчитывали прорваться за кордон.

Амангельды подошел к Каип Иясу:

— Что в твоей торбе?

— Мало-мало рису, два бурдючка коурмы. Бедный Каип Ияс на базар бежал. Ай как плохо сделал, что бежал!

Мельком заглянув в торбу Каип Ияса, из которой высовывались бурдючки с коурмой, Амангельды неторопливо, будто прогуливаясь, направился в противоположную от границы сторону. Изредка он останавливался, что-то разглядывал на земле. Его серая куртка

некоторое время мелькала среди камней, потом исчезла.

— Ёшка, скажи, дорогой, что теперь делать будем? — спросил Барат.

— Ждать, охранять задержанных,— отозвался Яков.— Тут такая война была, небось все наряды на границе слыхали.

Барат с сожалением поцокал языком. Пропали архары, пропала охота. Он вовсе не собирался вступать в драку с контрабандистами, только и мечтал до отвала наесться под какой-нибудь тенистой арчой душистого и сочного шашлыка. Тяжело вздохнув, занялся работой: приволок трупы убитых бандитов в одно место, уложил рядом. Оставшиеся в живых хмуро наблюдали за каждым его движением.

Кайманов решил обратиться к ним с внушением.

— Это ведь ваши бывшие товарищи,— сказал он.— Не убегали бы, остались в живых. Увидел пограничника или «бэзсовца» — стой, не беги. Побежал — пеняй на себя.

— Ай, Кара-Куш,— льстиво проговорил Каип-Ияс.— Зеленой фуражки на тебе нет, гимнастерки и ремня нет. Одежда как у всех. Вот они и думали, что не «бэзсовец», а главарь какой-то другой группы хочет деньги отнять. Знали бы, что сам Кара-Куш их остановил, никто бы не побежал.

Каип Ияс явно старался отделить себя от остальных контрабандистов, и опять его лесть приятно пощекотала самолюбие Якова.

Гулко раздается эхо в горах. За десятки верст слышатся раскаты грома. Видно, так же быстро разносится весть и о людях. Тут все знают друг друга. Совсем недавно Яков на границе, а у него уже есть прозвище. Там, за кордоном, его называют не просто Яков Кайма-

нов, а Кара-Куш — Черный Беркут. Говорят, что он, как и Аликпер, на лету птичке в глаз попадает!

Что ж, Кара-Куш так Кара-Куш. Тонкий яд лести проник в душу Якова, и только гордость не позволяла ему спросить Каип Ияса, от кого тот узнал прозвище.

Каип Ияс с тревогой смотрел на кусты, за которыми скрылся Амангельды. Куда он пошел? Что ищет? Терьякеш вдруг воздел руки к небу, начал молиться, словно вверял свою судьбу аллаху.

— Вах!.. Вах!..— бормотал он.

Из-за камней вновь появился Амангельды с плоской прямоугольной торбой за плечами. Подойдя к Каип Иясу, снял торбу, развязал, извлек из нее жестяной прямоугольный бидон.

— Твой терьяк? — вскинул он глаза на еще больше пожелтевшего от страха Каип Ияса.

— Зачем мой, Амангельды-ага? Откуда у Каип Ияса терьяк?

Сидевший до того на камне Каип Ияс проворно опустился на колени, поворачивая испитое лицо то к Кайманову, то к Амангельды, запричитал, глотая от страха слова:

— Амангельды-ага! Ёшка-джан! Не стреляй! Все скажу. Таги Мусабек-бай убьет меня, жену убьет, пять маленьких мальчиков убьет... Его терьяк. Вах! Отстал от своего главаря бедный Каип Ияс! Не мог быстро бежать. Совсем пропал бедный Каип Ияс!..

— Разве ты не слыхал,— перебил его Амангельды,— как пограничники выбивали пыль из твоего главаря? Благодари аллаха, что от своей группы отстал, а то, смотри, и не было бы уже кочахчи Каип Ияса.

— Ай, Амангельды-ага, правильно говоришь,— согласился терьякеш. Только все равно не жить мне теперь: за терьяк Таги Мусабек-бай убьет.

— А зачем через границу ходишь?

— Как не пойдешь, яш-улы! Таги Мусабек прислал человека, тот говорит: «Есть работа, Каип Ияс. Приходи к роднику, разговор будет». Знаю, какая работа, какой разговор. А идти надо. Сам я много-много задолжал Мусабеку да еще долг отца не отработал.

— Терьяк меньше кури. За терьяк удавиться готов и к нам его таскаешь,— вмешался в разговор Барат.

— Ай, Барат-джан,— поднимаясь с колен и снова присаживаясь на камень, отозвался Каип Ияс.— Был у нас аул Мальон — скотинячий. Много скота был. Стал аул Калай зенон — аул женщин. Все мужчины по приказу Мусабека стали на границу ходить, мало кто возвращался. Люди говорят: «Советы — якши, ГПУ — яман»...

— Твой Таги Мусабек-бай яман, а не ГПУ,— осадил его Яков.— Зачем людей к нам с винтовками посылает?

— Ай, дугры, ай, правильно,— согласился Каип Ияс.— Только некуда нам деваться. Увидит Каип Ияс зеленый фуражка, без памяти бежит. Большой Ёшка Кара-Куш увидит, тоже бежит. А куда от Таги Мусабек-бая убежишь? Рядом живет, одному, другому, третьему скажет: «К роднику приходи». Все придут. Барашка зажарит, шашлык в горло не лезет. Знаем, чем будем платить за его шашлык. У Таги и винтовки и терьяк приготовлены. Каждому за ходку пятьдесят туманов. Хочешь, туманами бери, хочешь, баранами. Где еще бедному Каип Иясу баранов взять? Берешь терьяк, идешь. А он вслед: «Увидишь зеленую фуражку, убей! А скажешь, что терьяк Таги Мусабек дал, сам твою жену и мальчиков убью». Ай, бедный огланжик, ай, бедная жена,— снова запричитал Каип Ияс.— В доме ничего нет! Баджи один чурек на всех печет. Бросит в тандыр сухой травы, рубашку над тандыром трясет,

вошку жарит. Иди, Каип Йяс, идите, детки, кушайте шашлык из вошки... Не хотят огланжик шашлык из вошки. Дай, говорят, барашка, рису дай, молока дай, чурек дай. У того глазки болят, у другого ножки потрескались. Доктор говорит, яблоки надо кушать. Где взять яблоки? Поиграть к Таги Мусабеку в сад пойдут, палками гонит. Ай, мои детки, мои бедные детки! Ай, бедный Каип Ияс! Что теперь будешь делать, Каип Ияс?

Причитания контрабандиста были явно рассчитаны на то, чтобы разжалобить «базовцев». Но и Яков, и Амангельды, и Барат понимали: многое в словах Каип Ияса — горькая правда. Каип Ияс — враг. Пришел сюда с самой наивреднейшей контрабандой. Но сам он — бедняк из бедняков. Его не поставишь на одну доску с Таги Мусабеком. Да и остальные задержанные, видно, не богаче Каип Ияса.

— Скажи, Амангельды-ага,— отведя следопыта в сторону, спросил Яков,— как узнал, что Каип Ияс терьяк спрятал?

— Ай, Ёшка, Ёшка! — усмехнулся тот.— Зачем я тебе про следы говорил? След Каип Ияса в лощине в два раза глубже был, в грунт утопал. Значит, тяжело нес, пуда полтора-два, а в первой его торбе всякой ерунды и полпуда нет...

На видневшейся вдали седловине показались всадники. Размашистой рысью они спустились со склона, снова появились намного ближе. Яков насчитал девять человек. Даже отсюда видно — пограничники. В переднем всаднике нетрудно было узнать массивного начальника заставы Гаджи Челкашина. За ним ехал человек тоже в пограничной форме, неуловимо напомнивший Якову кого-то очень знакомого. Всматриваясь в этого конника, он вспомнил себя голоногим, загорелым мальчишкой на склоне Змеиной горы, залитую солнцем

долину Даугана, отца, неторопливо шагавшего рядом с упряжкой быков. Вспомнил могилу, окруженную людьми, и перед ней два гроба. Высокий и суровый мужчина, не стыдясь своих слез, плакал над трупом молодого доктора: «Веня, братишка...» А когда Яшка, напустив кобр и гюрз доктора на казаков, вернулся на кладбище, тот же мужчина сказал: «Будешь жить, никакой сволочи пощады не давай. Им и нам на одной земле места нет».

Вспомнил Яков и Лепсинск... Трудное время гражданской войны, когда только благодаря заботам «полковника» они с матерью удержались в жизни, не умерли с голоду. Пришли красные. «Полковник» вышел на трибуну, обратился к собравшимся с волнующим словом: «Товарищи!..»

Яков тряхнул головой, не веря себе: «Неужели Василий Фомич? Сейчас вот, после двенадцати лет разлуки, они снова встретятся здесь, в горах?..»

Отряд вымахнул на сопку. Высокий, немолодой уже кавалерист тоже увидел Якова. Узнал. Это действительно Василий Фомич Лозовой — старый друг отца, в прошлом подпольщик-революционер, а теперь, судя по четырем «шпалам» в петлицах, крупный начальник. Тот же прямой нос, сжатые губы, угрюмоватый взгляд из-под бровей. Увидев Якова, он улыбнулся, приветливо поднял руку.

Настороженным взглядом окинул склоны окрестных гор, неторопливо спустился с коня.

Яков негромко позвал:

— Василий Фомич!

Как ни был озабочен комиссар, глаза его потеплели.

— До чего же на батьку похож,— сказал он.— Ну, здравствуй, Яков Григорьевич! Видишь, на боевой работе и встретились.

Они крепко обнялись, не сразу отпустили друг друга.

— А я хотел специально за тобой посылать,— изучающе рассматривая Якова, сказал Лозовой.— Разберемся тут, что к чему, разговор будет.

Яков уступил место Амангельды — старшему бригады содействия на участке заставы Черкашина.

— Салям, Амангельды,— приветствовал его Черкашин, соскакивая с коня.— Большой вы шум наделали. Молодцы, что не упустили. Давай посмотрим, кого задержали.

Амангельды доложил: во время охоты обнаружили следы, пошли в преследование, в перестрелке двоих убили, четверых задержали с деньгами сразу, пятого немного позже — с опием.

— Те кочахчи, которые нас обстреляли, шли с деньгами. Значит, возвращались за кордон. А одного мы задержали с терьяком. Видно, он от границы шел с другой группой. Там, где прятался Каип Ияс, я новые следы нашел...

Докладывал Амангельды по-туркменски. Яков быстро переводил.

— Опять Каип Ияс? — воскликнул Черкашин.— Где он? Давайте его сюда.— Каип Ияс, подталкиваемый Баратом, медленно подошел.

— Салям! — на всякий случай приветствовал он начальников.

Черкашин едва кивнул в ответ, обернулся к Якову:

— Ты знаешь курдский, давай переводи. Спроси: кто был старший, как звать главаря?

— Мурад Курбан-оглы. Вот он,— с готовностью указал Каип Ияс на один из трупов и отвел в сторону глаза.

«Врет!» — подумал Яков. Он видел, как глаза Каип Ияса воровато бегали по сторонам.

Лозовой и Черкашин осмотрели следы, о которых говорил Амангельды, снова вернулись к задержанным.

— Спроси у Каип Ияса, где прошел Джафархан? — сказал Черкашин Якову. Тот перевел вопрос.

— Не знаю. Не был Джафархан. Никакой Джафархан не знаю. Нет Джафархан! — озираясь, как затравленный зверь, во весь голос завопил Каип Ияс.

— Все ясно,— сказал Черкашин.— Чего орешь-то? Я-то тебе не Джафархан, резать не буду. Что думаешь ты, Амангельды-ага? — спросил он следопыта.

— Две группы кочахчи было, начальник. Одна группа шла с терьяком, от которой отстал Каип Ияс. Ее задержали ваши пограничники. Другую удалось нам задержать. Эти шли уже с деньгами.

Черкашин внимательно слушал, время от времени утвердительно кивал головой.

— Товарищ полковой комиссар,— обратился он к Лозовому,— я тоже разделяю мнение нашего следопыта. Этот Каип Ияс — носчик из группы Джафархана, которую взяли наши пограничники. Он отстал от своих, а тут вторая группа возвращалась с деньгами, напоролась на Амангельды и его товарищей. Ну Каип Ияс испугался и спрятался. Я приказал еще раз обследовать местность. Какие будут ваши указания?

— Действуйте, Черкашин, по своему усмотрению,— отозвался Лозовой.— Человек вы опытный, помощники у вас тоже опытные. Выводы, очевидно, правильные. Обследуйте местность, перекройте на всякий случай подходы к границе, проверьте следы. Яша, скажи этому носчику, что главарь его взят.

— Шаромыга он. Падаль, а не человек. Терьякеш... Зачем ему говорить о главаре...

— Падаль, говоришь? — Лозовой пристально посмотрел на Якова, затем поднялся на сопку, некоторое время рассматривал все пространство, где происходила

стычка с контрабандистами.— Ну-ка, расскажи мне еще раз, как тут у вас было.

Яков добросовестно, по порядку повторил все, о чем уже докладывал Амангельды. Когда начал рассказывать о том, как были задержаны четверо невооруженных контрабандистов, одного из которых он ранил, комиссар остановил его:

— Стоп! Вот с этим делом давай разберемся.— Яков выжидающе замолчал, а комиссар продолжал: — Ты — защитник границы. Родина доверила тебе оружие. К нам напролом прут контрабандисты с опием. Мы их задерживаем, а если сопротивляются, уничтожаем. Все, казалось бы, правильно.

— Правильно,— согласился Яков, еще не понимая, куда клонит комиссар.

— А если будем бить всех без разбору, что нам люди скажут? Вот его,— Лозовой кивнул головой в сторону сидевшего у камней Каип Ияса,— бай посылает с опием и говорит: «Живым не сдавайся, все равно на границе убьют». Он верит баю. Вот и выходит правильно: убивают. И кто? Сын революционера-подпольщика Григория Кайманова.

— Не пойму я, Василий Фомич. Как же получается? — с искренним недоумением произнес Яков.— Сам я этого Каип Ияса из канавы выволок с целым мешком спичек и пограничникам сдал, а

он опять здесь, теперь уже с опием... В следующий раз, может, с винтовкой придет.

— Первый раз была бытовая контрабанда,— сказал Лозовой.— Вся эта братия проходит фильтрацию. Если не агент и не какой-нибудь Шарапхан — крупный главарь, а, как ты говоришь, шаромыга, носчик, отпускают его и через погранкомиссара на родину отправляют. В этом тоже есть смысл. Баи говорят: «Стреляй до последнего патрона. ГПУ ни одного кочахчи в живых не оставит». А он придет домой и расскажет, что ничего, мол, жив-здоров, только и урона, байскую контрабанду отняли. Кстати, знаешь, откуда словечко «шаромыга» пошло?

Яков пожал плечами.

— Очень просто. Гнали русские мужики войско Наполеона, обмороженных и оборванных французов. Вот и переделали их обращение «шер ами» — «милый друг» — в «шаромыг».

— Пока живу, без пощады буду бить всякую сволочь. Сами учили,— сказал Яков.

— Такая программа не шире прицельной планки твоей винтовки,— возразил комиссар.— На Асульме ты ведь еще одного носчика убил?

— Не убил бы, деньги б унесли за кордон. Сорок тысяч рублей. Он в меня тоже стрелял.

— А проворнее действовали бы со своим Баратом, отрезали бы контрабандистов от границы, взяли бы живьем.

«Когда только узнал?» — с неудовольствием подумал Яков. Не предполагал он, что вот так встретятся они с Василием Фомичом. Вслух сказал:

— Носчик, шаромыга — тоже враг. Оставь его в живых, снова через границу пойдет, терьяк понесет. Нашу валюту к себе волокут, миллионы рублей.

— Отпетых бандитов в пограничной полосе не так

уж много,— возразил Лозовой.— В борьбе тоже надо быть справедливым. Стоит ли убивать таких бедолаг, как этот Каип Ияс? Тем более, если он безоружный.

С этим Яков никак не мог согласиться. Разве плохо, если враги боятся его? Даже прозвище дали. Черный Беркут — неплохо звучит. Комиссар требует разбираться в людях. Что ж тут разбираться, если они через границу терьяк прут.

— О тех, кто с оружием идет, разговор иной,— продолжал комиссар.— По всей Средней Азии мы боремся с басмачами. У нас тут басмаческим отрядам развернуться трудно: горы. Зато крупный город рядом, базар, железнодорожный узел. Вот и выгодно баям да купцам гнать через границу опий. Под маркой контрабанды и вражеская разведка работает. Настраивает неустойчивых против Советской власти. На этих-то баев и главарей бандитов и должен быть направлен наш главный удар. Тут уж действительно надо быть беспощадным... Но может быть и другой случай...

Яков понимал, что комиссар прав во многом, но сдаваться не хотел.

— Какой другой случай, Василий Фомич? — переспросил он.— Чека на то и создали, чтобы бороться с контрреволюцией.

— Это-то верно... А что, Каип Ияс, по-твоему, тоже контрреволюционер?

Яков промолчал.

— Ты хоть газеты-то читаешь?

— Читаю... На почте или когда на заставу прихожу.

— А книги?

— Давно не читал. У меня семья. Ее кормить надо.

— «Чапаева» читал?

— Не читал. Говорят, интересно.

— Вот то-то, что «говорят». Мир, Яша, огромен.

И все, что происходит в нем, отражается на границе. Готовится война — жди гостей. А провокации? Где их больше всего? В пограничной зоне. Нет сейчас ни одного человека, кого не касалась бы политика. А у тебя все к одному сводится: увидел, догнал, убил... В погранвойсках есть неписаный закон,— продолжал комиссар.— Любого начальника обязывают быть политическим руководителем своих подчиненных. Правильный закон. А ты всю политику побоку и без разбора стреляешь.

Яков молчал, раздумывая, зачем приехал комиссар на границу. Не для того же, чтобы вместе с пограничниками гоняться за группой Джафархана, и не за тем, чтобы здесь, в горах, проводить с ним, Каймановым, политбеседу!

— Ладно,— сказал Яков.— Я назвал Каип Ияса падалью. Вы считаете, что я не прав, что он не падаль, а человек. Да вы посмотрите на него!

Василий Фомич обернулся.

Каип Ияс, которого пограничники заставили помогать им хоронить убитых контрабандистов, подтащил небольшой камень с таким видом, будто нес полтонны, вытер ладонью пот со лба, сунул руку за пазуху и, воровато оглядываясь, бросил в рот грязно-бурый комочек, похожий на скатанный в шарик мякиш черного хлеба. Прикрыв глаза, проглотил его, словно священнодействовал.

— Видите, терьяк жрет. За терьяк и отца родного, и жену, и детей продаст. А вы говорите — человек.

— Давай подойдем к нему,— предложил Лозовой.

Оба неторопливо направились к испуганно поглядывавшему на них Каип Иясу.

Но опий, кажется, уже начал действовать на терьякеша. Он расхрабрился и даже сам начал разговор с «большим начальником».

— Ай, яш-улы,— привычно произнес он, обращаясь к Лозовому.— Ёшка Кара-Куш — мой лучший друг. Второй раз встречаемся, второй раз Каип Ияс остается живой. Ай, алла, алла! Агахан убит, Клочкомбек убит, Фаратхан убит. Джафархана поймали.— Он перечислил еще с полдесятка имен.— А Каип Ияс живой. Два раза его ловил Ёшка Кара-Куш, а Каип Ияс все равно живой.

Комиссару почти не требовался переводчик. В этих местах он прожил много лет, поэтому сравнительно неплохо знал курдский язык.

— Хорош друг этот Каип Ияс,— сквозь зубы процедил Яков.— Подальше от таких друзей.

— Лучшие чувства надо уважать, Яша,— усмехнувшись, проговорил Лозовой.— Спроси-ка, если бы была у него земля, понес бы он к нам терьяк?

Яков перевел вопрос комиссара. Каип Ияс ответил, что никогда у него не было земли.

— А скажи, яш-улы Каип Ияс,— спросил Лозовой,— почему куришь? Кем бы ты был, если бы жизнь у тебя получше была?

Яков перевел и этот вопрос. Каип Ияс долго всматривался в спокойное лицо комиссара: не смеется ли над ним «большой начальник»? Но во взгляде русского увидел лишь искренний интерес к себе. Такое внимание польстило. Жалкий терьякеш даже приосанился, рассудительно ответил:

— Дед мой курил, отец курил и я курю. Жизнь тяжелая, нельзя не курить. Если бы не курил,— он тяжело вздохнул,— так бы научился на блюре играть, на всех бы свадьбах играл...— Вытащив откуда-то из-за отворота грязного халата знакомую Якову камышовую дудку, Каип Ияс выдул из нее несколько заунывных свистящих звуков. Вид его был жалок и смешон. Но Лозовой и Яков не смеялись.

— Вот тебе, Яша, и ответ,— повернувшись к Кайманову, сказал комиссар.— Влезь в его шкуру — и курить начнешь, и с терьяком через границу побежишь. Такая у него жизнь. Переведи ему. Пусть не ходит к нам больше, живет у себя. Скажи: большой начальник, мол, надеется, что не будет Каип Ияс заниматься контрабандой.

Яков перевел. Каип Ияс не сразу понял, оторопело замер, всматриваясь слезящимися глазами, с расширенными от опия зрачками в лицо комиссара. Что-то человеческое мелькнуло в его взгляде, показавшись на мгновение из-за привычной угодливости. Мелькнуло и пропало. На лице снова можно было прочесть только выражение хитрости и страха.

— А теперь он вернется к себе и будет всем говорить, что самого большого русского начальника обманул,— отходя вслед за комиссаром, сказал Яков.

— Так ведь никто не поверит,— возразил Лозовой.

— Товарищ полковой комиссар, разрешите доложить! — К ним подошел начальник заставы Черкашин.— Трупы захоронены, местность обследована. Обнаружены следы, которые требуют выяснения. Возможно, «базовцы» задержали лишь часть группы. Вызванные начальник заставы Пертусу Бассаргин и заместитель начальника резервной заставы Павловский ждут вас в условленном месте.

— Хорошо, Черкашин. Продолжайте нести службу. Кайманова я заберу с собой. Прошу дать ему коня. На всякий случай имейте в виду: я на стыке застав.

Яков хотел было сказать Василию Фомичу, что уже двое суток не был дома, что Ольга, вероятно, волнуется. Но, поразмыслив, решил: зря комиссар задерживать не станет.

Ему подвели коня. Уже в седле он некоторое время ждал, пока Лозовой отдавал какие-то распоряжения.

Но вот коновод комиссара, невысокого роста крепыш с круглым, как солнышко, лицом и золотистыми бровями, с очень подходившей ему фамилией — Светличный, подвел коня к Василию Фомичу.

Втроем они направились к стыку участков застав.

Ехали молча. Комиссар не мешал Якову думать. А того и на самом деле одолевали всякие противоречивые мысли и чувства.

Он освоил меткую стрельбу. Специально ездил к Амангельды, чтобы поучиться следопытству. Но комиссар говорит, этого мало.

Лозовой придержал коня, поехал рядом с Каймановым.

— Я ведь сюда совсем по другому делу приехал,— сказал он.— Когда вы тут бой начали, пришлось на помощь спешить.

— У вас там, на самой границе, тоже бой был. Небось похлеще нашего,— отозвался Яков.

— Да, пришлось повоевать и нам. Ты вот что, Яша, пока мы приедем на место, постарайся вспомнить все о том бое, в котором были убиты Шевченко и Бочаров. Только получше вспомни, все подробности...

Так вот зачем комиссар взял его с собой! Яков посмотрел на Лозового. Ну что ж, он готов помочь Василию Фомичу разобраться в этом деле! Тем более, что сам тогда был просто свидетелем и все видел.

Вот и гребень той высоты, у подножия которой все произошло. Навстречу им выехали Федор Карачун, Бассаргин и Павловский. Остановились, поздоровались. Василий Фомич прошел к месту в камнях, откуда стрелял из штуцера бандит. За ним последовали остальные.

— Вы займете позицию там, где находился Шевченко,— сказал комиссар Карачуну,— а вы, Бассар-

гин, там, где был Бочаров. Павловский и Кайманов пусть займут те места, на которых находились во время боя.

Карачун и Бассаргин легли за камни, как раз там, где Яков видел за несколько минут до гибели Шевченко и Бочарова.

— Эти позиции занимали Шевченко и Бочаров перед броском? — спросил комиссар.

— Точно, эти. А Павловский лежал вон там, в стороне,— ответил Яков. Оглянувшись, он увидел, как вспыхнуло неприязнью длинное с близко посаженными глазами лицо Павловского. На тонких губах заместителя начальника заставы появилась надменная улыбка.

— Не вижу необходимости в этой инсценировке, товарищ комиссар,— сказал он.— Операцией в последней ее стадии руководил начальник заставы Бассаргин, а не я. Зачем же делать из меня козла отпущения?

— Так, значит, не по вашей вине погибли два человека?

— Я не виноват в их гибели, товарищ комиссар.

— Положим, что так, товарищ Павловский. Но ответьте мне прямо и честно. Почему вы опоздали к месту расположения наряда? Струсили или еще по какой причине? Вы были пьяны. Почему скрыли это от своего начальника?

— Да, я был выпивши. Отмечал день рождения. Разве нельзя?.. Я уже говорил, на завершающей стадии боем руководил Бассаргин.

— Как вам не стыдно, Павловский! — резко бросил Бассаргин.— Ведь вы хорошо знаете, что я подъехал в самый последний момент, успел лишь крикнуть Шевченко и Бочарову, чтобы они повернули назад, но слишком поздно...

— Да, мне стыдно! — выкрикнул Павловский.— Мне давно стыдно, что со дня выпуска из училища меня держат на должности заместителя начальника резервной заставы... Может, из-за этого я тогда и выпил. Дайте мне самостоятельную работу, хотя бы небольшую заставу, тогда никому стыдно не будет.

— Странная у вас логика, Павловский,— сказал Лозовой.— Вы не справились с задачей, которая была поставлена перед вами, а жалуетесь на то, что вас не назначают на самостоятельную работу. Вам предъявлено обвинение, что вы несвоевременно прибыли к месту расположения наряда, были пьяны, во время боя видели, что Бочаров и Шевченко побежали прямо под пули, и не остановили их. Вы согласны с этим?

— Слушай, Павловский, ну чего ты темнишь? — не выдержал и Яков.— Все ведь видели...

— Я категорически возражаю против присутствия здесь посторонних,— не глядя на комиссара, проговорил Павловский.— Я буду жаловаться в Главное управление.

— Это я-то посторонний?! — начал было Яков, но комиссар жестом остановил его.

— Жаловаться, Павловский, вы, конечно, можете,— сказал Лозовой.— Разве в жалобе дело? Погибли люди. Из-за вашей беспечности. Буду откровенным: дело на вас передано в трибунал.

— Передавайте куда хотите, хоть самому господу богу,— зло сузив глаза, бросил Павловский.

— Вы наглец, Павловский,— с раздражением, едва сдерживая себя, проговорил комиссар.— Я отстраняю вас от должности. Товарищ Бассаргин, приказываю арестовать Павловского и препроводить в комендатуру.

— Вы еще пожалеете об этом! — сверкнув глазами, сказал Павловский.

Яков не верил своим ушам. Он даже не предполагал, что этот мальчишка Павловский может так разговаривать с комиссаром. Да еще с каким комиссаром! С самим Лозовым!

— Выполняйте приказ, товарищ Бассаргин,— повторил комиссар.— А вы сдайте оружие.

Павловский медленно, словно нарочито оттягивая время, расстегнул ремень, снял кобуру с наганом, передал начальнику заставы.

Несколько успокоившись, комиссар распорядился:

— Вы свободны, товарищ Карачун. Я с Каймановым остаюсь здесь до утра. С моим коноводом Светличным пришлете нам ужин, товарищ Бассаргин.

После того как начальники застав уехали, Лозовой некоторое время молчал, о чем-то задумавшись. Яков не мешал ему. Он был полностью на стороне комиссара, приказавшего арестовать Павловского, ждал, что скажет сам Василий Фомич.

— Ты извини меня, Яша, что не отпускаю домой. В трудную минуту хочется, чтобы кто-то близкий был рядом. Да и не договорили мы с тобой. Утром посмотрим, как свет здесь ложится. По-моему, солнце тогда светило прямо в глаза Шевченко и Бочарову. Они при всем желании не могли заметить бандита. А Павловский видел его и все же не предотвратил несчастья...

— Не пойму я, Василий Фомич, почему это Павловский какие-то из себя виртуозы строит. Ведь сопляк, а грозит.

— Виртуозы, говоришь? — переспросил Лозовой.— Именно «виртуозы строит»,— повторил он.— Хотя есть у этого слова другое, более благородное значение. Секрет, Яша, простой. У Павловского в Москве «рука», да такая, что любого начальника и меня, грешного, в порошок сотрет, если захочет. Потому он и хорохо-

рится. И все-таки пусть с меня голову снимут, а буду добиваться, чтобы его выгнали из войск. Таких нельзя допускать командовать людьми.

Светличный привез ужин. Яков и Лозовой молча поели, потом закурили.

— Пора нам с тобой в наряд идти, Яша,— сказал комиссар.— Честное слово, люблю ночью границу послушать. Вроде моложе становлюсь. В наряде времени достаточно, думается хорошо. А подумать нам с тобой есть о чем, есть что и вспомнить.

Они устроились среди камней на гребне сопки, откуда просматривались одновременно три направления. Не было, конечно, необходимости самому комиссару отряда оставаться в наряде, но Лозовой поступал сейчас, как отец, которому хотелось побыть рядом с сыном.

Слушая ночь, Яков думал о границе, протянувшейся на многие-многие версты. Может быть, именно сейчас где-то там, на равнине, ее пересекают банды басмачей. А здесь, в горах, она, словно червоточиной, изъедена сотнями троп контрабандистов. Какая же сила нужна, чтобы вести со всем этим борьбу!

Думал Яков и об Ольге, о сидевшем рядом комиссаре Лозовом. Думал о матери и отчиме.

Так прошла ночь.

Бурые склоны гор начали размываться снизу волнами тумана. Кисейные покрывала его потянулись из ущелий, клубясь от встречных движений воздуха. Сквозь молочные струи то проступала темная арча, похожая на согнувшуюся фигуру контрабандиста, то, словно чья-то огромная голова, высовывался камень, то показывался выступ скалы...

Синее небо становилось все светлее, переливаясь чистыми тонами. И вот уже бесшумное желтое пламя поднялось из-за гор. Белый огонек, как по светящемуся

шнуру, побежал по хребтам и седловинам, заглянул в ущелья и распадки, очертил горящей, переливающейся линией гребни остывших за ночь скал.

Где-то запел жаворонок. Тыц-тыц-тыц-тыц — явственно послышался цокот козьих копыт на каменистой тропе. Первые солнечные лучи отразились в мириадах капель росы на кустах и траве...

Отсветы зари алыми бликами легли на сухое, с резкими складками у рта лицо Василия Фомича. Теперь можно было встать, расправить затекшие после долгого сидения ноги.

Комиссар поднялся, повел плечами и, прежде чем тронуться в путь, с минуту постоял на гребне сопки.

— Жаль расставаться с такой красотой,— сказал он.— Надо как-нибудь приехать сюда поохотиться. Ружье-то у тебя есть?

— Винтовка надежнее. Козлы на ружейный выстрел не подпускают.

— А что же в гости меня не приглашаешь? Слыхал, с женой приехал, наследника ждешь...

Напоминание о жене несколько смутило Якова. Поди теперь докажи Ольге, что не мог вернуться вовремя. Ей сейчас самый уход нужен, а муж то на работе, то на границе. Вопрос комиссара застал его врасплох.

— Не успел пригласить,— краснея, проговорил он.

— Ладно. Совесть, вижу, есть.

Лозовой улыбнулся. В его спокойных, с затаенной грустинкой глазах, казалось, отразилась вся нестерпимая голубизна утреннего неба.

«Почему так долго он не мог заняться расследованием обстоятельств гибели Шевченко и Бочарова? — подумал Яков.— Кто-то мешал ему. Не иначе «рука», на которую надеется Павловский...»

Глава 12

ЗАПИСКА

Едва Яков вошел в комнату, сразу почувствовал: что-то случилось. Заплаканная Ольга, увидев его, отвернулась к окну. На столе — смятая бумажка, прижатая камнем. Яков подошел, снял камень, взял записку, написанную по-фарситски, с трудом разобрал лишь два слова «жена» и «нож», некоторое время молчал, не зная, что говорить Ольге.

— И чего плакать? — сказал он наконец.— Ведь письмо-то по-фарситски писано, а язык фарси знают только Балакеши да Али-ага. Балакеши и писал. Видно, в бригаду зовет: пора строить на зиму барак, начинать осенний ремонт дороги.

Он сам удивился, как ловко насочинял. Но Ольга все еще недоверчиво вздыхала.

— Пойдем к твоему Али-ага,— сказала она,— пусть прочитает. Ты ведь тоже должен знать, что тебе Балакеши написал.

Деваться некуда: пришлось идти.

По пути к бывшему конюху почтовой станции Рудометкиных, а теперь кучеру таможни, поселковому лекарю и костоправу Али-ага Яков рассказал Ольге о своей поездке к Амангельды. Конечно, он ни словом не обмолвился о стычке с контрабандистами. Вид у него был безмятежный, но на самом деле не давала покоя мысль: «Что в записке? Можно ли читать ее при Ольге?»

— Салям, яш-улы Али-ага,— входя в знакомую пристройку у таможни, приветствовал он старика.

— А-а! Ёшка! Оля-ханум! Заходите, гости дорогие, сейчас чай будем пить. Гюльджан, Гюльджан! — крикнул он, заглядывая в памятную каморку, где в свое время часто собирались на тайные сходки Лозовой и

отец Якова с друзьями.— Иди скорей, Гюльджан, смотри, какие гости к нам пришли!

Из каморки вышла девочка лет семи, поздоровалась. Блеснули любопытством черные, как сливы, глаза. Яков невольно залюбовался ими. Взглянув на старика, понял: в этой девочке вся жизнь старого Али.

— Приготовь чай, Гюльджан,— сказал Али-ага.— Большие гости у нас. Постели самый красивый ковер...

И хотя у Али-ага был всего-навсего один коврик, тот самый, какой Яков видел у него еще в детстве, он простил старику его невинное тщеславие.

— Внучка,— с гордостью сказал Али-ага.— Мать с отцом на Мургаб строить плотину поехали, внучку мне оставили.

На ковре, покрытом свежей салфеткой, уже стояли три чайника, три пиалы, между которыми хозяин торжественно поставил блюдце с сахаром.

— Ай, Ёшка-джан! — продолжал он.— Спасибо, что пришел, не забыл старого Али. Маленький оглан будет — какая радость! Кызымка — хорошо, оглан — два раза хорошо! Порадовал ты старого Али.

Ольге да и Якову не терпелось узнать, что в записке, но неприлично сразу говорить о деле, не спросив хозяина, как его здоровье, в полном ли порядке дела, хорошо ли чувствуют себя его родственники, близкие, знакомые. Когда поговорили обо всем обязательном, Яков достал из кармана записку.

— Ты ученый человек, Али-ага,— сказал он.— Прочитай, пожалуйста, что мне тут Балакеши написал? Наверное, зовет барак строить у щели Сия-Зал. Надо на-

чинать там осенний ремонт дороги.

Ольга сделала движение, будто хотела предупредить домыслы Якова, но уважение к старому Али не позволило ей вмешаться.

Али-ага прочитал записку. Лицо его стало непроницаемым. Спохватившись, вернул записку Якову, с улыбкой сказал:

— Забываю уже, о чем сказать надо. Наверное, старый стал. В этой записке Балакеши просит, чтобы ты скорей ехал к щели Сия-Зал. Там бригада строит барак на зиму, с того места начнете ремонт дороги.

Яков взял записку, с минуту разглядывал ее, затем спрятал в нагрудный карман толстовки, решив зайти после и расспросить старика, почему он сначала молчал, а потом слово в слово повторил то, что сказал он сам. Яков и Ольга посидели для приличия еще немного, поблагодарили за угощение, вышли. Следом за ними вышел и Али-ага. На дороге со стороны заставы показался санитарный возок. Лошадью правила Светлана. Увидев Каймановых у дома Али, она натянула вожжи, соскочила с облучка.

— Салям, яш-улы,— по обычаю обращаясь сначала к старшему, приветствовала их Светлана.— Здравствуйте, семья Каймановых. Как себя чувствует самый младший? Что скажет его мама? Пойдемте-ка в медпункт, у нас с вами есть о чем поговорить.

И Светлана, улыбнувшись мужчинам, оставив лошадь с возком на попечение старого Али, увела Ольгу к медпункту.

Али-ага подождал, пока обе женщины отошли достаточно далеко, затем негромко сказал:

— Ёшка-джан, в записке совсем не те слова, что я тебе прочитал. Давай письмо еще раз. Сам посмотришь.

Яков достал бумажку. Али-ага ткнул в строчки коричневым пальцем.

— Вот написано: «Красная собака ГПУ. Выйдешь еще в горы, повесим на первой арче». Тут еще разные плохие слова,— добавил костоправ.— Это, Ёшка, одних мужчин дело. Оле говорить нельзя.

— Спасибо, яш-улы!

Послание было не из приятных. Но оно не удивило Якова. Кто написал? Кайманов перебирал в памяти всех жителей поселка, однако ни на одном не мог остановиться. Что, если какой бандит прорвался через границу? Тогда почему он сразу не стрелял в Ольгу, не напал на нее с ножом? Значит, ему нужна не Ольга. Ему необходимо повлиять на него самого. Враг добивается, чтобы он вместе с семьей уехал с Даугана. Кому-то он мешает...

В памяти всплыл след чарыка со стоптанным носком, косым шрамом на пятке. Такой же след видел Яков в ауле Коре-Луджё. Он сказал об этом костоправу.

— Надо людей спросить,— ответил Али-ага.— Люди должны знать, кто в поселке был.

— Только не всех спрашивай. Поменьше шуму.

— Понимаю.

— Яш-улы,— понизил голос Яков.— Много ты сделал для меня добрых дел. Сделай еще одно. Пока я буду в бригаде, поживи у меня в доме, посмотри, дорогой, как пойдут дела у Оли. В случае чего пошли за Светланой.

Глаза старика гордо блеснули.

— Все сделаю, как велишь.

Якову и в самом деле надо было ехать к щели Сия-Зал, где уже собралась вся бригада, чтобы строить на зиму барак, начинать осенний ремонт дороги. Дома он еще застал Светлану, разговаривавшую с Ольгой за чашкой чая.

Он вымыл руки, сел за стол.

— Теперь уже скоро,— кивнув в сторону Ольги, сказала Светлана.— Так что, папаша, готовьтесь. Надо, чтобы кто-то постоянно был с вашей женой и, когда потребуется, мне сообщил.

— Я уже просил старика, Али-ага побудет у нас,— отозвался Яков.— Попрошу еще жену Барата Фатиме, когда придет время, Рамазана за вами послать.

Яков держался скованно, не знал, о чем говорить. Он по-прежнему, не переставая, думал, кто же все-таки написал записку?

— Вы чем-то расстроены, Яков Григорьевич? — спросила Светлана.

— Нет, ничего...

В это время Ольга вышла подогреть чайник. Светлана продолжала:

— Часто думаю о вас, Яков Григорьевич...

— Что ж вы обо мне думаете?

— Думаю, что живете вы вполсилы. Способностей у вас много, а как применить их, не знаете.

— Ну так вы, врач, подскажите.

— Я серьезно... Если захотите, многое сможете сделать в жизни. Хотела бы и я вам помочь, да не вправе. Слишком все это сложно.

— Ну и как же их раскрыть, эти мои способности? — спросил Яков.— Вроде я себя знаю...

— Вы знаете себя таким, какой вы есть. Ну... смелым... застенчивым... иногда бесшабашным... А хочется видеть вас по-настоящему значительным, одухотворенным.

— Каким, каким?

— Как вам это объяснить? Ну, духовно сильным, хорошо знающим цель своей жизни, великодушным, твердым, последовательным в поступках, словом, таким, каким вы можете стать. Все это в вас есть, но скрыто, а хочется, чтобы развилось. Если бы вы знали, как важно многим одно сознание того, что есть на свете сильные люди!

— Вы прямо-таки захвалили меня,— развел руками Яков.— Непонятны только мне эти ваши особенные требования.

— Не вас захвалила, а того, кого хотела бы в вас видеть,— сказала Светлана.— Пока что все у вас в зачатке: может развиться, может и умереть. Но не давайте погибнуть тому, что чувствуете в себе сильного, доброго.

Озадаченный таким странным разговором, Яков молчал. Вошла Ольга, быстро взглянула на него и Светлану. Та спокойно выдержала ее взгляд.

— Ругаю вашего мужа,— сказала она.— Ни себе, ни семье своей цены не знает. Не хочет учиться, чего-то добиваться... Не век же по горам с винтовкой бегать да камни тесать.

— А мне ничего больше и не надо,— неожиданно обиделся Яков.— Кто-то должен и камни тесать, и по горам за бандитами бегать.

— Я ведь просто так, свое мнение сказала,— поднимаясь и благодаря Ольгу за чай, проговорила Светлана.— У вас своя голова на плечах. Только можете вы сделать в сто раз больше, чем сейчас делаете.

Меняя тему разговора, она добавила:

— Пойду принимать ваших больных. Знаете, стали уже в медпункт по нескольку человек приходить.

Светлана ушла. Ольга с минуту молчала, затем, повернувшись к мужу, попросила:

— Покажи записку, Яша, что сегодня в окошко бросили, я еще раз на нее посмотрю.

Яков достал бумажку из кармана. Ольга взяла ее, спрятала за вырез платья, деловито произнесла:

— Балакеши написал, Балакеши и прочтет. Я еще узнаю, что это за Балакеши! То не была, не была твоя Светлана, а то явилась: утром записка, днем сама пожаловала...

Яков махнул рукой, решив, что разубеждать жену бесполезно. Он вспомнил, что Балакеши, кажется, не знает языка фарси. Выходит, во всем поселке мог прочитать записку один только Али-ага, а он ее уже прочитал.

Яков запряг коня, сказал жене, что будет наведываться, и отправился к щели Сия-Зал, в бригаду.

Смутное предчувствие, как тогда, у дождь-ямы, перед гибелью Бочарова и Шевченко, томило его.

Мерно шел конь. В знойном мареве застыли горы. Навстречу текла, петляя по склонам, зловеще молчаливая, серая, как чешуя гюрзы, дорога.

*

...Яков приладил к стенке одну из досок, которыми ремонтники обшивали барак, несколькими ударами молотка загнал гвоздь.

Самые опытные строители, члены бригады, во главе с Баратом помогали ему, другие уже начали ремонт дороги.

Со стремянки, на которой стоял Яков, хорошо виден участок, где Мамед Мамедов и Нафтали Набиев расчищали от колючек яндака кюветы. Вдоль сыпучих склонов ремонтники выкладывали каменную стенку в полметра высотой, чтобы предотвратить оползни. Группа подрывников во главе с Саваланом работала в карьере.

Оттуда то и дело доносились взрывы. К дороге одна за другой двигались телеги с камнем.

У Якова все не шел из головы последний разговор со Светланой. Что ей от него надо? Работать он умеет не хуже других, пуль не боится, люди его уважают. Чего же еще? А может, она права? От себя самого надо требовать гораздо больше? Светлана увидела в нем что-то такое, неизвестное даже ему самому.

Холодный ветерок бодрит, вызывает на щеках румянец. Работать легко и весело. Вся бригада после уборки урожая опять собралась вместе. Впереди зимний ремонт дороги, когда надо будет лишь засыпать гравием ямки да расчищать снег, если его будет много. Вот и все. Зато сколько зимних вечеров они проведут у печки, рассказывая друг другу страшные и забавные истории, обсуждая дела жителей поселка и товарищества!

Яков старался настроить себя на спокойный лад, но тревога не оставляла его. Что может сделать Али-ага, если в дом ворвутся бандиты? Не надо быть Шарапханом, обыкновенный шаромыга наделает беды.

Снова и снова перебирал Яков в памяти жителей соседних аулов, стараясь разгадать, кто написал записку. Но враг мог жить не обязательно в этих аулах. Кто он? Где его искать? С кем он связан?

После стычки с контрабандистами товарищи по бригаде стали обращаться к Якову с разными делами, хотя он оставался рядовым рабочим:

— Ёшка, скажи, дорогой, в какую сторону будем дверь открывать?

— Яш-улы, печка готова. Посмотри, хорошо ли Барат ее сделал?

Яков развел руками: Барат — лучший печник в поселке, зачем его проверять?

— Ёшка! — кричит от дороги Мамед Мамедов.—

Сколько нам арб гравия записали? Приедет десятник, смотри, чтобы он правильно считал...

Честные труженики, ненавидящие торгашей и контрабандистов, уважали людей за смелость и удаль. А ему, Якову, удали не занимать. Барат не пожалел слов, когда рассказывал о стычке с бандитами. Простреленное ухо Якова и ножевая рана на руке Барата говорили сами за себя.

Частый цокот конских копыт по дороге прервал размышления Якова. К бараку подъехал Карачун в сопровождении Дзюбы и Галиева. Начальник заставы, приветствуя рабочих, потряс над головой крепко стиснутыми руками. После обычных вопросов о здоровье и работе Карачун торжественно обратился ко всей бригаде:

— За отличное выполнение боевой задачи по охране государственной границы начальник пограничной части объявил благодарность рабочим-дорожникам Барату Агахану и Якову Кайманову. Оба они награждаются ценными подарками.

Дзюба развязал притороченный к седлу мешок и вытащил из него на всеобщее обозрение две пары совершенно новых яловых сапог. Это действительно были очень ценные подарки. Самодельные чарыки — удобная обувь, особенно летом, но разве могут они сравниться с настоящими армейскими, фабричной выделки яловыми сапогами!

— Ай якши. Бик якши! Шибко хорошо! — раздавались вокруг возгласы. Тяжелые руки грабарей и каменетесов похлопывали Якова и Барата по спинам, тянулись пощупать сапоги: добротна ли кожа, надежно ли пришиты ушки, хороши ли подошвы?

Награжденные растерянно улыбались. Им тоже хотелось пощупать обновы, но при других они стеснялись.

— Товарищи Кайманов и Барат Агахан! — продолжал Карачун.— Жизнь на границе обязывает даже на

мирной работе держать винтовку рядом с собой. Иногда приходится бросать и работу и дом, выполнять боевую задачу, ловить бандитов. Так вот, чтобы удобнее вам было бегать по нашим скалам и вылавливать всякую нечисть, которая каждый день лезет к нам из-за кордона, мы и дарим вам сапоги. Бери, Яков Григорьевич! Бери, Барат! Носите на здоровье!

Но на этом день сюрпризов для Якова не кончился. Не успели отъехать пограничники, как из-за поворота дороги показался скакавший наметом Рамазан. Круто осадив коня, он, не слезая с седла, крикнул:

— Ёшка, у тебя оглан родился! Али-ага сказал, чтобы ты скорей ехал домой!

Железные руки товарищей подняли Якова и трижды бросили в воздух. Громкое «ура» звоном отдалось в ушах.

Перед глазами мелькали веселые лица, появилась заросшая бородой лукавая физиономия Барата с сочными, красными губами.

— Ай Ёшка-джан! — воскликнул он.— Теперь никакой кочахчи не помешает архара убить. Все на охоту пойдем. Большой праздник делать будем.

Яков блаженно улыбался, растроганно говорил, пожимая руки друзьям:

— Мальчик... Сынок... Гриша... (То, что они назовут сына Григорием в честь отца, решено было давно.) Спасибо, братцы! Спасибо! Сагбол!..

И вдруг Якова поразила страшная мысль: «Записка!» Он физически ощутил, как подкрадывается к его дому враг: в грохоте выстрела тонет слабый крик ребенка, душу раздирает страшный вопль Ольги.

Ссадив Рамазана с коня, он тут же вскочил в седло и, как был без шапки, в рубахе с засученными рукавами, галопом помчался на Дауган...

Глава 13

СЫН

Виновник торжества лежал на руках у Ольги и безмятежно спал, не подозревая, что из-за него собрались под чинарами товарищи и друзья отца.

Слева от Ольги, за длинным столом, специально на этот случай сколоченным плотниками, сидел Яков. Справа были оставлены места для принимавшей роды Светланы, ее мужа — начальника заставы Федора Карачуна, и комиссара Лозового. Рядом с Яковом торжественно и чинно разместились приехавшие на Дауган ради такого праздника его мать и отчим Флегонт Мордовцев. Напротив занял место полный и добродушный начальник дорожного отдела Ромадан. На торжество по поводу рождения сына пришли почти все рабочие дорожной бригады.

Лозовой, Федор Карачун и Светлана запаздывали. Яков, и без того озабоченный, все время прислушивался: не едут ли гости с заставы?

В длинных узких жаровнях полыхали угли, сплошь заложенные сверху шампурами с мясом. Нанизанные на шампуры кусочки баранины, подрумяненные и сочные, истекали каплями жира. Над поселком стлался аромат шашлыка. В бригадном котле томился плов. На разостланных под чинарами кошмах, закрытых посередине холщовыми скатертями, сидели по-восточному товарищи Якова, дружно пили и ели, поднимая стаканы и чашки с терпким вином в честь рождения нового гражданина Даугана.

Обязанности и заботы хозяина спасали Якова от назойливых дум. Но они, эти думы, все же прорывались сквозь хлопоты и шумную бестолковщину праздника.

Когда Карачун привез ему и Барату в подарок новые сапоги, он не успел спросить у начальника заставы о

результатах проверки Флегонта. В том, что проверка была проведена, Яков не сомневался. Но и то, что Флегонт как ни в чем не бывало приехал к нему в гости, сидел сейчас на одном из самых почетных мест, тоже было явью. Значит, ничего не нашли. Значит, не его были те деньги, которые обнаружил Дзюба у контрабандистов. «Я уж совсем обалдел,— мысленно ругал себя Яков.— Мало ли что сошелся размер следа!» Его терзала совесть: наговорил на отчима лишнее. Как бы он ни относился к Флегонту, такие подозрения попахивали клеветой.

Яков старался отогнать эти думы и заботы, казавшиеся ему теперь не такими уж важными по сравнению с огромной радостью, свалившейся на него. Сын! У него есть сын! Гришатка! Маленький человечек, который, едва появился на свет, сразу стал главной персоной в доме. Но тревожные думы не оставляли Кайманова.

Размышляя и о радостном и о тревожном, он внимательно наблюдал за гостями. Сидевшие неподалеку от него Барат и толстый Мамед Мамедов горячо спорили: бросаются или не бросаются архары на рога, когда прыгают со скалы. Спорили до самозабвения. В переводе на русский язык это выглядело примерно так.

— Какой ты глупый, Барат! — вращая белками глаз, восклицал Мамед.— Большой архар, шесть пудов чистого мяса. Как он на рога прыгнет? Сразу шею сломает.

Барат улыбался и, не переставая с аппетитом поглощать плов, отвечал:

— Ай Мамед, почему Барат глупый? Я сам видел, как один архар на голове стоял. Увидел, Мамед на охоту пришел, встал на рога, говорит: «Мамед, Мамед, зачем драться полез, когда силы нет?»

Остроумие Барата вознаграждается дружным хохотом. Вместе со всеми от души смеется и Яков. Время от

времени он поворачивается к Ольге, задерживает взгляд на ее лице. Она не отвечает ему, как прежде, доверчивым взглядом, погруженная в какие-то свои мысли. После истории с запиской ее будто подменили: стала молчалива и задумчива. И вместе с тем, еще не оправившись от родов, Ольга сразу похорошела. Больше всего Якова удивляла появившаяся у нее новая, горделивая осанка. Она гордилась сыном, гордилась тем, что без нее новый член семьи не может обойтись и часа. Яков без рассуждения принял эту перемену в поведении жены.

Утомленная шумом, Ольга встала из-за стола, сказала, что пора кормить Гришатку, ушла в дом. Яков последовал за ней. Ему доставляло огромную радость наблюдать, как сын, жмуря глазенки, сосет грудь.

Ольга покормила Гришатку, положила в сколоченную Яковом люльку, прилегла на кровать и, подложив обе руки под щеку, неподвижным взглядом уставилась в окно. Яков сел рядом, обнял ее за талию. Она отвела его руку.

— Ты что, Оля? — Он почувствовал себя оскорбленным.

— Стану говорить, молоко пропадет. Иди лучше к гостям.

Он с искренним удивлением пожал плечами.

— О нас не думаешь,— сказала Ольга.— Записку мне без твоего Али-ага прочитали.

— Кто прочитал?

— Откуда я знаю! Все они на одно лицо. Вроде не дауганский. Зашел в овчарню, попросил напиться. Когда попил, я ему наудачу показала записку. Он и прочитал.

— А ты смогла бы показать мне этого человека?

— Не знаю. Может быть. По-моему, не из нашего поселка.

В первую минуту это известие ошеломило Якова. Он хотел уже отругать Ольгу, но, поразмыслив, решил, что ругать не стоит. То, что она узнала правду, может быть, к лучшему: по крайней мере, будет осторожнее.

— Прости меня, Оля. Не хотел тебя волновать,— искренне произнес он.— Но если бандит с винтовкой приходит в мой дом, что я должен делать?

— Твой дом тут,— Ольга обвела глазами стены комнаты,— а не там, в горах.

— Хорошо, Оля. Только и ты пойми, мне бы тоже хотелось плотничать, дорогу мостить, книжки читать, на охоту ходить. Так не дают, проклятые! Баи да главари бандитов не дают. Пока всю погань не выгоним, мирной жизни не будет! Главное — знать каждого человека по ту и по эту сторону кордона, знать, чем каждый дышит, о чем думает, пойдет или не пойдет через границу...

С удивлением отметил Яков, что говорит примерно теми словами, какими разговаривал с ним Лозовой.

— Делай, как знаешь,— сказала она.— Устала я. Устала всего бояться. Устала от того, что тебя никогда нет дома. Сына тебе родила. Может, теперь-то больше будешь с семьей...

— Правильно, Оля. Надо мне больше дома быть. Только не получается, работа такая. То дорога, то граница. Федор Карачун позовет — не откажешься. Но теперь обещаю: если уж только край, тогда пойду. У меня сын, ему и его мамке отец дома нужен.

Не отрываясь, Яков смотрел на спящего малыша. Улыбка сама трогала его губы. Ну куда он пойдет от своего Гришатки? Никуда не пойдет. Ольге тоже тяжело. Надо отпуск взять, по дому ей помочь. Пусть пока Балакеши бригадой содействия командует. Справится...

На крыльце послышались приглушенные голоса, шарканье сапог о коврик. В дверь постучали, и в ком-

нату вошли Светлана, Лозовой, Федор Карачун. Вслед за ними пограничники внесли два пакета, перевязанные голубыми лентами. В одном, как догадался Яков, детское приданое: пеленки, распашонки. В другом — питание для матери: консервы, шпик, масло. Еще два пограничника поставили на стол цветы, целую корзину инжира и яблок.

— А это от медицинской службы,— с улыбкой сказала Светлана и, открыв санитарную сумку, извлекла из нее белую клеенку, вату, детскую присыпку, вазелин, маленькую эмалированную ванночку, грушу-клизму, пачку марлевых косынок и другие, не очень понятные Якову предметы.

— Поздравляем вас с сыном, Оленька!

— Молодец Яша!

— Так держать!

Поднявшись с постели, Ольга, краснея от смущения, чинно поблагодарила за поздравления, радушно пригласила:

— Прошу к столу.

— Отдыхайте, отдыхайте,— замахали руками Федор и Лозовой.— Мы уж сами...

Светлана попросила мужчин удалиться, сама осталась с Ольгой, чтобы задать молодой мамаше некоторые интересующие ее вопросы.

Кайманов, Лозовой и Карачун вышли, остановились в зеленом туннеле из сомкнувшихся ветвей, шагах в тридцати от пирующих.

— Мы к тебе, Яша, не только с поздравлениями, но и по делу,— сказал Василий Фомич, положив на плечо Якову руку.— Рождение сына, конечно, большое событие. Не хотелось бы отрывать тебя сейчас от семьи. Но... Без твоей помощи не обойтись.

«Вот те на! Только что обещал Ольге недельки две побыть дома!»

— Люди пусть гуляют,— продолжал Лозовой,— а ты все-таки кое-кого предупреди. Тебе самому поручается действовать на очень важном направлении.

Кайманову хотелось спросить, почему обо всем этом говорит ему Василий Фомич, комиссар части, а не Федор Карачун, как обычно. Он вопросительно посмотрел на Лозового. Тот пояснил:

— В городе проходит партийная конференция, помешать которой, как задумано за кордоном, должна группа террористов. Сам понимаешь, чем это пахнет.

— В общем, Яша, темнить нечего,— добавил Карачун.— На одной из застав задержан нарушитель, который сказал, что на прорыв собирается идти сам Шарапхан. Мы должны собрать все силы, встретить его.

Яков почувствовал, что ему стало жарко. Террористы с Шарапханом во главе — это не контрабандисты с терьяком, не Каип Ияс с мешком спичек. Как сказать Ольге? После того, что обещал, уходить из дому невозможно. Не идти тоже нельзя.

— Василий Фомич,— обратился он к Лозовому.— О том, что мне сегодня нужно идти, скажи Ольге сам.

Яков рассказал историю с запиской.

— Да...— неопределенно протянул Карачун.

— Послушай, Федор. Мне, может, не все полагается знать... Но Мордовцев все-таки мой отчим. Нашли у него что-нибудь или нет? Я уж себя кляну, что сказал тебе тогда. Вроде бы зря... Сегодня он, как видишь, опять приехал в наш поселок. Или сумел выйти сухим из воды?

— Проверяем, Яша. Но проверить — не значит пойти и сделать обыск. На проверку требуется время. Если Мордовцев связан с контрабандистами, от него не одна еще ниточка протянется к сообщникам. Распутывать надо все до конца.

— Боюсь говорить, опять совесть заест,— признался Яков.— Но вот как хочешь: второй раз Флегонт на Даугане — и второй раз «обстановка». А задерживать вроде не за что. Может, просто совпадение, а я вот нутром чувствую: под шумок, пока будем Шарапхана ловить, придут к нему носчики-контрабандисты и терьяк принесут.

— За Мордовцевым, Яша, придется мне самому присмотреть. А ты все-таки свою бригаду содействия предупреди. Не всех, а по выбору. Если кто хватил на празднике лишнего, тех не надо. Алешке Нырку скажи, чтоб таких потом разбудил и на подсменку послал. Дело надо без шума делать. Какая-то сволочь здесь есть, через кого они связь держат.

— Точно, есть,— подтвердил Яков.— Я тебе уже говорил о следах возле нашей палатки и на дороге к аулу Коре-Луджё.

— Будем искать, смотреть, спрашивать. В наряд пойдешь с Дзюбой,— продолжал Карачун.— Знаю, что возражать будешь, скажешь, и медведь и увалень. Но сила его, в случае чего, может пригодиться.

— Да ведь убьют твоего Дзюбу,— с сожалением произнес Яков.— Пока он скажет свое «га», террористы в него десять пуль всадят.

— Никого другого, Яша, дать не могу, нет у меня людей. Сегодня все на границу идут.

— Мне бы с Галиевым...— попытался еще торговаться Яков, живо представив себе маленького, проворного и быстрого командира отделения.

— Ты не беспокойся, Яша. Кое-какой опыт у Дзюбы есть. Часто с собой беру. А Галиева не могу. Он старшим наряда идет на один из самых ответственных участков.

Яков бросил внимательный взгляд на Федора, подумал, что у этого, как и он сам, двадцатипятилетнего пар-

ня с голубыми, словно чистое небо, глазами и густым, выбивающимся из-под фуражки русым чубом забот куда больше, чем у него самого. На плечах Федора — застава. Людей не так много, а ответственности — с головой.

— Прошу к столу,— решив, что пора вспомнить и о своих обязанностях хозяина, пригласил Яков.

Дружными криками приветствий встретили гости появление комиссара и начальника заставы. Все наперебой звали к себе. Но Яков усадил их на самые почетные, заранее приготовленные места. При этом он заметил, как вспыхнуло и словно осветилось изнутри лицо матери.

— Глафира Семеновна! — воскликнул комиссар.— С утра торопился, чтобы по такому случаю чарку с тобой выпить. Прости, все дела за хвост держат.

— Что ж это за хвост такой у тебя, Василий Фомич? — с улыбкой спросила мать.— Больше десятка лет никак для меня часа не найдешь.

— Не хвост такой, Глафира Семеновна, а дела,— поправил ее Лозовой.

— Раньше ты не был таким смелым,— сказала мать.— Спасибо, хоть сейчас расхрабрился, когда бабкой стала.

Слушая пикировку Глафиры Семеновны и комиссара, Мордовцев молча покусывал ус. Ни тени улыбки не было на его лице. Но Кайманов видел: мать словно бы и не замечала его.

Все остается в человеке, что бы ни проходило через его жизнь. Яков смотрел на мать, на Лозового и понимал, что для них этот праздник по случаю рождения Гришатки не только праздник сам по себе, но и предлог снова пережить давно ушедшие, навсегда оставшиеся в памяти дни. Комиссар шутил с матерью и смеялся, но в его глазах таились грусть и задумчивость. Счастлив

ли он? Где его семья? Почему, если человек командир или комиссар, все видят в нем прежде всего начальника, когда он такой же человек, только думающий и чувствующий за себя и за других.

Многое увидел Яков в этой короткой и внешне обыкновенной встрече. Изредка он поворачивался к Мордовцеву, и его мороз подирал по коже от немигающего взгляда Флегонта, устремленного на комиссара.

Пришли и заняли свои места за столом Ольга со Светланой. При их появлении все встали.

Лозовой, держа в руке стакан с вином, торжественно произнес:

— Дорогие товарищи! От лица командования объявляю супруге Якова Григорьевича Ольге Ивановне благодарность за такого замечательного сына! Спасибо и вам, Светлана Николаевна, что не уронили чести нашей медицины. Позвольте поздравить вас всех с новым гражданином Советского Союза.

— Ай как сказал! Как хорошо сказал! Якши! Бик якши! — послышалось со всех сторон.

— А я,— поднялся со своего места начальник дорожного управления Ромадан,— в этот торжественный день сообщаю, что, поскольку Балакеши председателем колхоза избрали, вместо него мы решили назначить Якова Григорьевича старшим рабочим строительно-ремонтной бригады. Все согласны?

— Ай дугры! Ай правильно! Ай Ёшка, молодец! Большой человек Ёшка Кара-Куш!

Громче всех кричал распалившийся Барат.

— Скажи, дорогой, слово,— просил он.— Такое слово, чтобы не хуже, чем комиссар Василь-ага сказал!

Смутившийся Яков встал.

— Да чего ж говорить-то?..— сложив на груди свои большие, тяжелые руки, нерешительно произнес он. Стоять было неудобно. Яков поднес ладонь ко рту, глухо

откашлялся. Руки явно мешали; длинные и могучие, словно сплетенные из узлов и жил, всегда такие ловкие и спорые в работе или в обращении с винтовкой, они сейчас оказались не у дел. Яков привык работать руками, много думать головой, но выступать, говорить речь — это ему было явно не по нраву. Иное дело байки у костра, когда и «зальешь» чего-нибудь под общий разговор, и крепкое словцо пустишь. Бывает, так врежешь, в самую точку. А здесь надо выступать, произносить речь.

— Что говорить-то?..— повторил он.— Отец мой вырос в этом поселке. Многие знали его. Кровью наших отцов, наших товарищей полита эта земля. А за почет спасибо. Не оправдаю, можете меня... к стенке.

Для застольного тоста слова не очень подходили, вроде бы не к месту и не ко времени. Но у Якова гвоздем сидело в голове: «Сегодня ночью через границу идет Шарапхан». Слова, сказанные больше для себя, чем для гостей, были клятвой, клятвой себе, отцу, всем присутствующим здесь: отомстить! Может, ценой собственной жизни, но отомстить!

— Зачем же тебя, Яша, к стенке? — спросил отлично понявший его состояние Лозовой.— А кто будет нарушителей ловить?

— Ай яш-улы, почему к стенке? Кочахчи надо к стенке! — посыпалось со всех сторон, но видно было, что решительный тон Якова всем понравился. Он уже оправдал перед всеми право так говорить. Кара-Куш — Черный Беркут — такую кличку не просто заслужить.

— Хорошо сказал, Ёшка! Вай молодец! — одобрил его Барат.

— Так пожелаем ему,— предложил Лозовой,— быть таким, каким был его отец! Пожелаем вырастить хорошего сына!

Шум одобрения заглушил последние слова пожелания комиссара.

Яков подумал, что отец не стал бы говорить никаких речей. Сказал бы: «Сагбол» — и все. Спасибо, мол, будем вместе общее дело делать. «Тоже мне оратор нашелся! Речь закатил»,— казнил себя Яков. Но вокруг раздавались здравицы в честь его самого, в честь Ольги, Гришатки — самого маленького дауганца, безмятежно спавшего в комнате, знавшего из всего огромного мира пока только одно, самое для него важное: грудь матери.

Глава 14

ШАРАПХАН

Гости засиделись допоздна. Яков предупредил нескольких членов бригады содействия о предстоящем ночном поиске, наметил для каждого посты, позаботился о ночлеге для матери и Флегонта и с самым беспечным видом подошел к Ольге:

— Поеду на охоту, привезу мяса, боюсь, угощения на завтра не хватит.

Ольга пристально посмотрела на него, отвернулась, ничего не сказала. Яков молча постоял, снял с гвоздя винтовку, вышел. Вскоре был уже у дороги, где они должны были встретиться с Дзюбой.

Что он мог сказать Ольге? Ему бы очень хотелось посидеть дома, понянчить сынишку, но через границу шел Шарапхан. Яков должен был решить с ним давнишний спор там, в горах. Двоим им на одной земле места нет.

Дзюба подъехал с заводным конем, остановился у бетонного корыта. Яков молча поднялся в седло, направил коня в сторону границы. То, что Ольга не попроща-

лась с ним, отозвалось в душе острой обидой, но стоило вспомнить о сынишке, и обида сама собой исчезла.

Некоторое время Яков думал об Ольге, о Гришатке, о доме, о том, как будет растить и воспитывать сына. Потом стал размышлять о предстоящей операции: задача не легкая — надо на сравнительно небольшом участке контролировать как можно больше троп и ущелий. Кайманов посмотрел на своего напарника.

О том, что в городе проходит партийная конференция и что через границу собирается перейти группа террористов, Дзюба, конечно, знал. Карачун наверняка объявил об этом. Террористы — не кочахчи, которые стараются прошмыгнуть незаметно, на несколько человек запасаются одной винтовкой. Террористы вооружены до зубов. Да и сами они небось бандиты отпетые. Что он против них, особенно с таким старшим наряда, как Дзюба? Яков ругал себя, что согласился идти с ним в наряд. Правда, кулаки у Дзюбы что кувалды. Двинет бандита, тот и не опомнится. Но ведь кулаками драться не будешь...

«И куда таких неповоротливых на границу? — размышлял Кайманов.— Убьют, в первой же перестрелке убьют!»

Дзюба, не подозревая о раздумьях Якова, прочно сидел на спокойном, таком же неторопливом, как и сам он, коне.

Якова раздражал и этот обозный конь Дзюбы: лодырь, каких свет не видал. Он действительно так и норовил замедлить шаг, тянулся к пырею, поднимавшемуся у самой тропы, упирался в тропу ногами и крепко надувал живот, будто не человека на себе нес, а тянул в гору сорокаведерную бочку с водой. Якова так и подмывало стегануть Карего хворостиной.

— Степан! — окликнул он Дзюбу.

— Шо?

— Смотри, Карий твой на ходу хмыря давит. Заснет, кувыркнется с карниза, дров не соберешь.

— Идэ, тай идэ, тай нэхай соби идэ,— невозмутимо отозвался Дзюба.

— Как же «нехай идэ»,— задетый невозмутимостью напарника, проговорил Яков.— И ты ведь с ним полетишь.

— Ну так шо?

Сбитый с толку, Яков замолчал. «Ах ты, чувал шестипудовый,— подумал он.— Погоди, я тебя раскачаю».

— Слышь, Степан, ты куда собрался? Воду возить или за сеном?

— Та дэ ж воно зараз сино? — отозвался Дзюба.— Начальник казав якогось Шарапхана тремать.

— Ну и как ты его будешь тремать?

— Та як прыйдеться...

Яков не выдержал, выругался. Он представил себе, как старший наряда будет вести себя в бою. Шарапхан — барс, хищник, натренированный в ночных схватках, страшный своей решимостью и беспощадностью. Дзюба не успеет и повернуться, получит пулю в лоб. Вот уж дал Карачун напарника! В Якове все больше поднималась обида на Федора. Такое дело, а он послал этого увальня. Придется одному справляться, да еще и Дзюбу страховать. Лишь бы на след напасть, а там Дзюба пусть только поспевает. Он тяжело вздохнул и, чтобы отогнать тягостные раздумья, снова стал приставать к Дзюбе:

— А ты не боишься Шарапхана?

— Та ну!..

«Вот чертов хохол!» — все больше удивляясь, подумал Яков. Неожиданно развеселился и даже почувствовал симпатию к своему старшóму: пусть неуклюж, зато страха не знает. Оглянувшись кругом, подумал, что скоро будет Робергофская тропа, которая идет вдоль ли-

нии границы. Там уж не побеседуешь. Название за этой тропой сохранилось еще со времен генерала Куропаткина. Пограничники редко пользовались ею, потому что на всем протяжении она просматривалась с сопредельной территории. Нужны были новые, скрытые подходы к границе. Яков присматривался к окружающим ущельям и распадкам, размышлял, нельзя ли найти путь ближе и безопаснее...

Выехали в долину, откуда видна была уходившая в гору едва заметная тропа. По каменистым карнизам и осыпям шла она все выше и выше, пока не упиралась в, казалось бы, отвесную скалу. Долго, с трудом поднимались по ней то верхом, то ведя лошадей в поводу, держа направление на одинокую сухую арчу. Не доезжая арчи, спешились. Дзюба трижды просвистал сычом. От арчи донесся ответный свист. Оставили лошадей, скрытно подошли к месту расположения секрета, вполголоса обменялись паролями.

— Як у вас тут?

— Ждем...

— Мы вам водычки и продукту привезлы,— сказал Дзюба и передал Шаповалу вещевой мешок, четыре фляги воды.

С прежней осторожностью спустились к лошадям, снова двинулись к тропе. Если за ними наблюдали с той стороны, могли убедиться: наряд ушел!

Пофыркивают кони. Всадники слышат их шумное дыхание. Громко, слишком громко в сторожкой тишине раздается цокот копыт. За каждым камнем чудится притаившийся Шарапхан. Нестерпимо долго тянется время. Обошли сопку, выехали на центральную тропу, осторожно спустились в логовинку, черным клином врезавшуюся в склон горы. Там могли быть нарушители. Яков, придержав коня, настороженно прислушался. Тихо.

Становилось все темнее. В логовинке чернеет бесформенным пятном группа деревьев. Арчи. К ним привязали лошадей. В тени деревьев ничего не видно, хоть глаз выколи. Поодаль выгодная позиция для наблюдения на выходе котловины, клином поднимающейся по склону.

— Ховайсь тут,— приказал Дзюба,— а я на тропу пийду. Як що стрелять почнуть, бежи до мэнэ.

Все увереннее потягивает пронизывающий, забирающийся под гимнастерку ветерок. Дзюба надел шинель. Яков тоже отвязал притороченную к седлу фуфайку, надел ее, туго подпоясался. Осторожно прошел низинкой, облюбовал впадину, прикрытую с трех сторон природным бруствером, залег, стал ждать, прислушиваясь к каждому шороху.

Так прошла долгая, томительная ночь. Наконец на востоке звездное небо стало постепенно как бы отделяться от горизонта, точно кто-то сдвигал опрокинутую чашу, одну за другой гасил звезды, закрывал миллионы светящихся дырочек, крупных и совсем мелких, сливающихся в белесые, едва различимые полосы. Еще немного, и черный купол неба все быстрее и быстрее начнет бесшумно уходить за горизонт, уступая место сиянию дня.

Самое прекрасное время — раннее утро, вместе с тем самое опасное и тревожное.

Настороженный слух автоматически улавливал предутренние звуки. Запел жаворонок, над головой пронеслись стрижи. Яков достал кисет и клочок газеты, свернул самокрутку и только с наслаждением затянулся, как неожиданно где-то неподалеку застрекотала сорока. Донесся удаляющийся топот. Козлы покинули пастбище. Уходили, по всем признакам, от человека. Яков насторожился, затушил цигарку, сунул окурок в карман и даже помахал рукой перед лицом, чтобы разо-

гнать запах дыма. Снял с предохранителя затвор, стал ждать. Пока все тихо.

Дождавшись, когда станут видны следы на каменистом грунте, Дзюба и Яков осторожно прошли в ту сторону, откуда слышался топот козьего стада.

Спустя несколько минут без труда обнаружили следы коз, определили, в какую сторону они убежали, прошли шагов двести в противоположном направлении и наконец увидели то, что искали: кое-где на плитняке, а местами на щебенке остались следы прошедших здесь людей. Пробежали вперед, к небольшой низинке, куда дождевой водой натянуло полосами размытую почву и песок, увидели ясные отпечатки чарыков и сапог. Группа бандитов, по всем признакам, направлялась к городу.

Дзюба и Яков вернулись к затянутой песком впадинке, оттуда выскочили на ближайшую тропу.

Никаких признаков того, что здесь прошли нарушители, на тропе не было. Успех преследования решали считанные минуты. Кайманов мучительно думал, что предпринял бы сейчас Шарапхан? Очевидно, пойдет по тем местам, где невозможно догнать его верхом. Дзюба и Яков поднялись на гребень, за которым вдоль склона вился, повторяя изгибы горы, узкий карниз. Справа — пропасть, слева — стена. Пробежав по карнизу, снова обнаружили следы нескольких человек. Один след размером значительно больше остальных. Судя по глубине следа и ширине шага, человек, оставивший его, немалого роста и веса. Может быть, сам Шарапхан? Зеркало следа почти не припорошено. Нарушители прошли совсем недавно, каких-нибудь минут тридцать-сорок назад, не больше.

Написав записку, что идут в преследование, Дзюба положил ее в карман фуфайки Якова, фуфайку повесил на арчу. На земле, вдоль карниза, начертил стре-

лу — направление. Для большей наглядности поставил вешку из пучка полыни.

Бандиты могли выйти или в щель Кара-Тыкен, или к ущелью Баррозоу. К Кара-Тыкен можно проскочить верхом.

— По коням! — скомандовал Дзюба.

Через полчаса они въехали в щель Кара-Тыкен, но следов здесь не было. Значит, ущелье Баррозоу!

Ехать туда не меньше сорока минут, а всего разрыв будет около полутора часов. Судя по следам, группа Шарапхана шла пешком. Дзюба с Яковом на конях. Надо спешить. Догнать бандитов можно, если не идти шаг за шагом по следу, а делать броски вперед и прорезать направление. От ущелья Баррозоу открываются сразу три дороги. Там искать Шарапхана труднее. Надо опередить.

Приседая на задние ноги, кони скользят по осыпям. Тропа круто спадает вниз. Осеннее солнце стоит низко, в упор освещает горы.

Впереди показался знакомый выход в широкую котловину. На участке с мягким грунтом Яков снова увидел отпечатки чарыков. Соскочил с коня, внимательно осмотрел следы. По всем признакам, прошли шесть человек. Двое повернули влево, четверо, в том числе человек с непомерно большими ногами, по предположению Якова сам Шарапхан, направились прямо к дороге.

Дзюба и Кайманов, время от времени соскакивая с коней, срывали по два-три пучка полыни, ставили вешки — указатели для пограничников.

Шагов за сто от дороги следы исчезли. Яков пришпорил коня, проехал вперед. Ага, вот в чем дело! Вдоль булыжного покрытия на мягкой пыли — четкие отпечатки ступней босых ног. Бандиты разулись. Прошли трое: двое среднего роста, третий — выше среднего, видимо, сильный и энергичный. Пятки и подушки паль-

цев глубоко вдавились в дорожную пыль. На правой ступне, захватывая отпечаток большого пальца, тянется чуть заметная полоса, скорее всего шрам от давнего пореза. Ступают след в след, чтобы сбить пограничников с толку. Но все равно следы больших ступней со шрамом заметны, их не замаскируешь.

Но вот опять ничего нет: следы исчезли. Яков соскочил с коня. Дзюба, ехавший по склону метрах в пятидесяти от Кайманова, тоже спешился, стал внимательно осматривать почву. Следов не было. Что за наваждение! Не могли же нарушители подняться в воздух! Необходимо проверить заросли полыни, сплошь укрывавшие небольшую площадку, за которой начинался скалистый подъем. Ну конечно же, бандиты прошли здесь. Только теперь все трое были в резиновых галошах. Расчет простой. Шарапхан и его спутники сделали на дорогу отвод, стараясь запутать преследователей, а теперь снова движутся по направлению к городу.

Следы вели к урочищу Кара-Ёвшан. Яков знал, что в этих горных отщелках не бывают даже чабаны, потому что там нет ни воды, ни пищи. Но зато зарубежные черводары, скотоводы-кочевники, те самые, которых недавно пропускали через границу Карачун и Аликпер, в зимнее время иногда останавливаются тут на ночевку, отрывают небольшие пещеры с узкими входами. Некоторые самодельные пещеры устроены так, что из них просматривается, а следовательно, и простреливается вся долина. Как же брать Шарапхана? Ясно, что он решил дотемна отсидеться с группой в пещерах и только ночью идти в город.

— Ховайсь, Яшко! — крикнул вдруг Дзюба и, неожиданно быстро спрыгнув с коня, упал за бугорок, поднимавшийся, как лысая макушка, из зарослей полыни. Лениво, словно нехотя, улегся по команде и его

обозный конь. Яков инстинктивно повторил движение Дзюбы, отполз в сторону, огляделся. Лежал он на ровном, как блюдце, месте. Только кустики полыни прикрывали его, и то лишь со стороны дороги. Если подняться на склон, лучшей мишени не придумаешь — хоть стреляй, хоть пуговки на рубахе считай.

Немного приподняв голову, Яков увидел трех всадников, въезжавших на гребень горы. Что за всадники? Неужели террористы? Кажется, они. Видно, сели на заранее кем-то приведенных коней и уходят. Но конники вовсе не удалялись от дороги. Напротив, приближались к ней. Скрывшись из виду, они снова появились на седловине, четкими силуэтами вырисовываясь на фоне осеннего неба. Что-то знакомое почудилось Якову в облике одного из них. Хищные повадки, стремительные движения, лихая посадка джигита. Так это же Аликпер! Товарищ детства, руководитель бригады содействия с заставы Пертусу! Вместе с ним два красноармейца-пограничника. Значит, Яков и Дзюба на участке пертусинцев. Ясно, что и Бассаргин с пограничниками, и вся бригада содействия во главе с Аликпером извещены о террористах, тоже ищут Шарапхана. Но Шарапхан — личный враг семьи Каймановых. Яков должен поймать его сам. «Если вмешаются пограничники и Аликпер, все дело испортят. Уж Аликпер-то Шарапхана не упустит»,— думал Яков.

Осенний день короток. Солнце уже клонилось к западу. Но целый день погони нисколько не утомил Якова. Сил еще хватит, решимости тоже. Он знал себе цену, не боялся сразиться хоть с чертом, хоть с дьяволом, хоть с самим Шарапханом. Черный Беркут — не зря ему дали такое имя. Теперь Яков стреляет не хуже Аликпера. Он, Яков Кайманов, сам, своими руками должен уничтожить Шарапхана! Только он, и никто другой.

Теперь он уже с неприязнью смотрел на маячивших вдали всадников. Нечего было и думать, что пограничники не заметят их. Дзюба тоже понял, что это подкрепление. Сначала донеслось лязгание затвора, затем недоуменный голос Степана:

— Так то ж, мабудь, погранки з Аликпером!..

— Кричать-то им не будешь!

— Та воны и так нас побачилы,— обрадовался Дзюба, решив, очевидно, что «тремать» Шарапхана с группой Аликпера куда способнее, чем одним.

Яков думал иначе... Не поднимая головы, он надел на ствол винтовки кепку, приподнял над кустом полыни. Тишина. Со стороны пещер ни выстрела, ни звука. Наверное, бандиты ушли в глубь ущелья, выжидают. Приходилось рисковать. Группа Аликпера по хребту горы уже приближалась к пещерам.

Подняв коней, вскочив в седла, Дзюба и Яков тронулись словно бы в сторону, а на самом деле под прикрытие скал. Потом свернули и, стараясь не затоптать следы, рысью двинулись к пещерам почти по открытой местности. Охваченный одним стремлением — опередить Аликпера, самому расправиться с Шарапханом, Яков не думал об опасности.

Аликпер, появившись на ближайшей седловине, снял свой тельпак, помахал им над головой, указывая стволом винтовки в сторону пещер. Дзюба тоже снял буденовку и махнул ею, давая знать, что сигнал понят.

Через некоторое время обе группы приблизились с двух сторон к отщелку, заваленному каменными глыбами. Дальше ехать на лошадях невозможно. Соскочив на землю и спутав коней, Яков и Дзюба стали карабкаться по завалившим отщелок камням.

Там, где ливни нанесли ил и песок, даже на расстоянии видны были рубчатые следы новых галош. Подняв руку, Яков жестом указал появившемуся над обрывом

булавкой. Но Яков почти точно знал: Шарапхана там нет. Он непременно воспользовался заминкой в преследовании и, пока пограничники возились с задержанными контрабандистами, постарался выиграть время, чтобы уйти вперед. Ему вовсе нет нужды задерживаться. Конечно, наблюдая за отщелком и подходами к нему, за пещерой, где прятались сопровождавшие своего главаря контрабандисты, Шарапхан, в случае тревоги, мог стрелять. Мог и уйти. Как видно, он предпочел последнее. Но кто поручится, что сейчас он все-таки не прячется в камнях, не поджидает, пока Кара-Куш подойдет поближе? С близкого расстояния можно всадить пулю наверняка.

Кайманов не полез по склону в лоб, а решил зайти сбоку, чтобы проверить самое удобное, с его точки зрения, место, откуда Шарапхан мог держать под прицелом отщелок.

Быстро темнело. Это и хорошо и плохо. Хорошо потому, что теперь можно скрытно приблизиться к Шарапхану. И плохо, потому что в темноте можно пройти в двух шагах от врага и не заметить его.

Тяжело дыша, Яков все выше и выше поднимался в узком распадке с почти отвесными стенами, маскируясь за выступами скал. Горячий пот заливал лицо, щипал глаза. Рубаха прилипала к спине. Сердце гулкими ударами било в грудь. Кровь стучала в висках.

Еще усилие, еще рывок — и вот он, наконец, край площадки. Осторожно подняв сначала на стволе винтовки кепку и помахав ею, Яков подтянулся на руках, преодолевая последние сантиметры труднейшего подъема. На площадке пусто. Но у самого края карниза ясно отпечатался след огромного чарыка. Совсем свежий. Значит, он, Яков, один идет по горячему следу врага! Дзюба, оставшийся внизу с лошадьми, не может взобраться на отвесную скалу, принять участие в поединке.

Быстрей, Кара-Куш! Пусть нарушен пограничный закон — в преследование идти только вдвоем, пусть нет рядом старшего наряда. Он, Яков Кайманов, и один за двоих справится! На то он и Черный Беркут! В этих горах его прозвище что-нибудь да значит!

Не думая об опасности, слепо веря в удачу, Яков побежал по карнизу, протянувшемуся от площадки вдоль склона горы. Теперь-то он точно знал, что по этому карнизу шел и Шарапхан.

Где-то там, выше, в обход ущелью скачут пограничники и Аликпер. Внизу пробирается между обломками скал Дзюба. Но Шарапхан не пойдет там, где его могут догнать верховые. Расчет точный: он идет по самому неприступному карнизу, и за ним гонится он, Ёшка Кара-Куш. Впереди еще одна осыпь, и снова след. Зеркало его не запорошено ничем. Лишь свежий комочек земли отвалился от края, скатился туда, где отпечаталась пятка.

Внутри у Якова все собралось в комок. Час пришел! Пусть неравны их силы! Шарапхан отдыхал после перехода. Яков не отдыхал. Шарапхан ел и пил. Яков голоден. Все равно на стороне Якова право отомстить бандиту, убийце отца. Сегодня он никому не уступит этого права. Карниз едва виден, идти опасно, но еле заметные в темноте следы врага ведут Якова все вперед и вперед.

Вдруг он совершенно ясно увидел, что узкая полоска, по которой можно еще было идти, прерывается гладким каменистым склоном, круто уходящим вниз. Целых полметра, а то и больше совершенно голой скалы. Некуда поставить ногу. Зато дальше опять такой же постепенно расширяющийся карниз. Яков глянул вниз, откуда уже надвигалась на горы ночная темень, в одно мгновение решился. Прижимаясь грудью к скале, распластал руки, впился пальцами в малейшие трещины камня, повис над пропастью. Как долго он на-

щупывает вытянутой ногой точку опоры по ту сторону откоса! Осторожно перемещает центр тяжести с одной ноги на другую.

«Стреляй! Что ж не стреляешь?» — в исступлении думал он, полагая, что именно в этот, самый выгодный для врага момент должен прогреметь выстрел. Наконец-то он поставил вторую ступню, занесенную над пропастью рядом с первой.

Шарапхан не стрелял.

А что, если молодой нарушитель обманул и Шарапхана здесь нет? Этого не может быть. Яков ясно видел отпечатки огромных чарыков, малейшие отметины, оставленные пробежавшим по карнизу человеком.

Стало совсем темно. Карниз, по которому он теперь пробирался, уходил под уклон. Яков уже почти ничего не видел, лишь угадывал направление. Его стало охватывать отчаяние: неужели не удастся догнать врага?

Шарапхан не стрелял.

Впереди, на фоне звездного неба обозначился выступ скалы. И тут Яков увидел: от выступа отделилась тень, скрылась за поворотом.

Он! Всего в нескольких шагах! Глаза не могли обмануть. Яков видел промелькнувшего в темноте человека. Он подскочил к повороту, и вдруг тень оказалась перед ним. Яков изо всех сил ударил прямо в нее прикладом, но тут же с ужасом почувствовал, что удар попал в пустоту. То ли плащ, то ли халат запутался на голове. Тяжелая винтовка, не встретив препятствия, рванула вслед за собой и Якова. Потеряв равновесие, схватив вместо самого Шарапхана всего лишь его халат, брошенный как приманка, он полетел вниз.

Сознание страшной неудачи, непоправимой беды мгновенно вспыхнуло в мозгу. Он еще надеялся удержаться на склоне, схватиться за какой-нибудь кустик или выступ, но продолжал то катиться кубарем, то съез-

жать на спине, осыпая вокруг щебень, обдираясь о камни. Вдруг что-то словно молотом ударило по голове. Страшная боль пронизала все тело. Перед глазами вспыхнуло пламя, и он провалился в кромешную, зыбко покачивающуюся темноту.

Глава 15

МУХ ОРЛЫ НЕ ЛОВЯТ

Над головой — знакомый с детства дощатый скат крыши. В глинобитной стене — круглая черная дырка, словно кто ткнул туда палкой. Стена и угол крыши покачиваются. Багровая пелена застилает глаза. Тошнота подступает к горлу. Черная дырка двоится, и тогда кажется, что смотрят два пустых немигающих глаза.

«У-ху-ху-ху-ху...» — доносится крик горлинки. И снова: «У-ху-ху-ху-ху...»

Когда-то Яков был уже здесь, вдыхал запах сена, смотрел на эту глинобитную стену, на проникающие откуда-то красноватые отблески зари, слышал тревожный, таинственный крик. С трудом вспомнил: черная дырка — след штыря, на котором висела сбруя. Али-ага перенес сбрую вместе со штырем в пристройку.

...Медленно покачиваясь, черный глаз дула маузера приближается к лицу. Еще мгновение, из него вырвется пламя, тупо грохнет выстрел, все оборвется, наступит темнота. Услышит он или не услышит выстрел?

— Кончай, Шарапхан!..

— Батяня!..— Яков пытался крикнуть, но лишь глухо и протяжно застонал.

— Батяня!..

Какой страшный сон!..

Скрипнула дверь. Вошел Али-ага. Не поворачивая

головы, Яков увидел за его спиной Барата, Алешку Нырка, Балакеши и Савалана.

— Тихо, Ёшка, тихо. Хорошо, что живой. Немножко потерпи. Сейчас лечить будем, дорогой,— заговорил старый костоправ. И Яков с тягостным чувством вспомнил наконец все, что с ним случилось. Ему приходилось читать и видеть на картинках, как испанские тореадоры заманивают плащом разъяренных быков. Шарапхан не пожелал тратить на него пулю. Взмахнул халатом, и Яков очертя голову полетел в пропасть. Как смеется, как издевается сейчас Шарапхан, проучив его, Ёшку Кара-Куша, словно ослепленного яростью быка! Не только смеется, но и не считает серьезным противником, способным силе противопоставить силу, хитрости — хитрость, уму — ум. Понятно, почему не стрелял Шарапхан. Знал, свалиться с такой кручи и остаться живым — один случай из ста. Мертвые не говорят. А если и останется в живых, кто поверит, что Ёшка почти схватил Шарапхана. Смеяться будут: «Ай Ёшка, скажут, как испугался: куст за Шарапхана принял...»

— Ну, дорогой, теперь потерпи. Немножко больно будет,— сказал Али-ага.

Барат, Балакеши и Савалан обступили его с трех сторон, мешая друг другу. Скосив глаза, Яков увидел свою ногу, повернутую почему-то пяткой вперед. Бедро горело нестерпимой болью, словно его со всех сторон прокалывали шомполами. По знаку старого Али Барат и Савалан навалились Якову на грудь и живот, сам Али-ага с такой неожиданной силой потянул его за ногу, что Яков громко вскрикнул и потерял сознание.

Очнулся от холодной воды. Барат вылил ему на голову целый ковш, чтобы привести в чувство. С трудом раздвигая губы, Яков спросил:

— Шарапхана взяли?

— Ай Ёшка, какой Шарапхан? Тебе уже снится

Шарапхан. Никакого Шарапхана нет! — ответил за всех Барат.

«Ушел!.. Все-таки ушел!..»

Яков закрыл глаза: больше не хотелось ни думать, ни говорить. Горечь неудачи была страшнее самой сильной боли.

Его раздели, осторожно подстелив чистую простыню. Скосив глаза, он безучастно рассматривал свое тело, пятнистое, как шкура леопарда, сплошь покрытое ссадинами и кровоподтеками.

Али-ага отошел к двери, пригнулся к земляному полу, чтобы поджечь тряпку. Когда начал по старому, проверенному способу засыпать раны горячим пеплом, дверь неожиданно распахнулась и в сарай не вошла, а ворвалась бледная, решительная Светлана в сопровождении Дзюбы.

Не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, Яков закрыл глаза. Он слышал трудное, прерывистое дыхание Светланы. В наступившей тишине заплескалась вода (это Али-ага поливал ей на руки). Осторожные, мягкие прикосновения, совсем не похожие на ту экзекуцию, которую учинили ему друзья, вправляя вывих, вдруг размагнитили его. Присутствие Светланы сразу как бы ослабило его нервы, словно натянутые на колки. Он глубоко вздохнул и посмотрел ей в лицо.

Сдвинув брови, следя за секундной стрелкой часов, Светлана считала пульс. Достала шприц, сделала укол. Потом раскрыла

чемоданчик, принялась обрабатывать раны йодом и раствором марганца. От жгучей боли Яков едва опять не потерял сознание. Он поискал глазами среди присутствующих Ольгу. Ее не было. Наверное, побоялись сказать: кормящая мать, испугается, может пропасть молоко.

К запаху паленой тряпки прибавился запах йода.

— Какое варварство! — гневно отбрасывая недогоревшую тряпку, универсальное лечебное средство старого Али, сказала Светлана.

Яков улыбнулся. Вспомнил, как она отделала их с Баратом, когда он, вымазанный кровью архара, вздумал подшутить над нею.

Светлана с удивлением посмотрела на него: вы еще улыбаетесь?

Накладывая бинты, она отдавала одно за другим приказания старому Али, который старательно помогал, с любопытством следя за каждым ее движением. Как ни осторожно перевязывала Светлана, но врачевание расшевелило тысячи болей, которые свились вдруг в змеиный клубок и ожесточенно начали терзать Якова. Он снова впал в тяжелое забытье.

Очнувшись, словно сквозь сон увидел, как вошел начальник заставы Карачун, услышал его голос:

— Ему нужен рентген. Могут быть переломы, внутреннее кровоизлияние. Надо как-то отправлять в госпиталь.

— Нет гипса,— ответила Светлана.— Без гипса никуда не отправишь.

— Светлана-ханум! Разреши мне, лучше гипса сделаю,— тронув ее за рукав, предложил Али-ага.

Странные звуки долетали до слуха Якова. Он открыл глаза и увидел, что Али принес целое лукошко яиц, стал разбивать их над тазом острым, как бритва, полуметровым бичаком Барата.

Светлана настороженно следила за ним.

Карачун еще немного постоял и вышел. Яков заметил, что он задумчив, даже мрачен.

Старик Али обернул сухой тряпкой поврежденный тазобедренный сустав Якова, прибинтовал к ноге две дощечки, сверху в несколько слоев обмотал ногу широкой, как полотенце, вымоченной в битых яйцах мешковиной.

— Засохнет, лучше гипса будет,— сказал он, обращаясь к Светлане.

Возле двери, готовые выполнить любое приказание врача, стояли Барат и Дзюба. Глядя на грузного Степана, Яков догадался, что именно он разыскал его после падения в ту трагическую ночь и спас от смерти.

— Где моя винтовка? — еле шевеля губами, спросил Яков.

— Та цилехонька твоя винтовка! — обрадованно воскликнул Дзюба.— Трохи покарябана, як и хозяин, а стрилять стала ще найкраще.

«С чего это она стала «найкраще» стрелять? С того, что побило ее о камни?» — хотел спросить Яков, но не смог. С трудом произнес:

— Спасибо, Степа!

Неожиданно невозмутимый Дзюба, которого, казалось, и бомбой не прошибешь, часто заморгал и вышел за дверь.

— Позовите Олю!..— сказал Яков.

— Что ты, что ты, Ёшка! — дружно воскликнули в один голос Али-ага и Барат.— Сперва лечить надо, потом жене показать.

Морщась от боли, Яков с сомнением покачал головой. Значит, Дзюба и встретивший его Барат тайно привезли его в прошлую ночь и положили в сарае старого костоправа, чтобы никто не знал об этом, а главное — Ольга.

— Ай Ёшка,— сказал Барат,— почему печальный? Скажи, дорогой, кто в горах с карнизов не падал? Люди знают: на охоту ходил, за архаром бегал...

Яков не ответил. Слишком трудно ему было говорить.

Окончив перевязку, Светлана решительно выпроводила всех из помещения, оставила только Барата да старого Али, подошла к Якову, быстро наклонилась, поцеловала его в лоб. Яков закрыл глаза, чтобы подольше сохранить в памяти выражение ее лица. Когда снова открыл, Светланы рядом уже не было.

— Ай Ёшка! — воскликнул Барат.— Если сейчас остался живой, долго жить будешь. А если Светлана-ханум еще поцелует, совсем здоровым станешь!

Барату, видимо, хотелось еще что-то сказать, но Али-ага, по-стариковски ворча, вытолкал его за дверь. Где Барату понять, что между мужчиной и женщиной может быть настоящая, хорошая дружба.

— А теперь спи, Ёшка-джан, спи, дорогой,— сказал Али-ага.— Тебе много-много спать надо.

Утром Яков проснулся от нестерпимой боли. То, что еще вчера глухо ныло и только жаловалось в его большом и сильном теле, сегодня кричало во весь голос, застилало багровым туманом глаза, отдавалось в голове. Казалось, от макушки до кончиков пальцев не было у него ни одного живого нерва или мускула. Но удивительно, нога, которую до того, как вправил ее на место Али-ага, Яков видел повернутой пяткой вперед, сейчас досаждала, пожалуй, меньше всего. Слегка поведя рукой вдоль бедра, Яков ощутил на нем словно железный панцирь из ссохшейся мешковины, пропитанной яичным раствором. Никакой гипс не шел в сравнение со средством старого костоправа. Нога была в покое! К сожалению, не мог старик Али в такой же надежный панцирь спрятать душу Якова. Пройдет месяц, полгода,

год, несколько лет, а горечь неудачи все так же будет жечь его. Как глумится сейчас над ним Шарапхан!

Самонадеянный щенок! Отправился один на один схватиться с тигром. Если бы крикнул Аликперу, когда тот еще поднимался наверх, они обложили бы Шарапхана, как медведя в берлоге, и наверняка взяли бы его живым или мертвым. Если бы... Хорошо еще, что насевшая на хвост Шарапхану группа пограничников не дала бандиту пробиться в город. Но оторваться от преследователей он все-таки сумел. Ушел, как всегда позаботившись прежде всего о сохранении своей шкуры...

Дверь тихо скрипнула. На пороге остановилась Гюльджан — внучка старика Али. Яков видел, каким любопытством горят ее глаза, но девочка, напустив на себя строгость, подошла прямо к его изголовью, поднесла к губам раненого чашку с каким-то питьем. Яков почувствовал душистый запах меда.

— Пей, яш-улы. Али-ага сказал, чтобы ты все выпил.

Где достал Али-ага настоящий мед? Его даже в городских магазинах не всегда можно купить. Ничто так не восстанавливает силы и не помогает заживлению ран, как натуральный мед. Одним духом Яков выпил большую пиалу душистого напитка. Это его настолько утомило, что, откинувшись на подушку, он некоторое время лежал с закрытыми глазами, не в силах вытереть выступившую на лбу испарину.

Приятное тепло разлилось по всему телу. Как будто немного утихла боль. Гюльджан закрыла дверь, проворно взобравшись на ящик, прикрыла окно.

— Али-ага велел смотреть, чтобы, когда выпьешь мед, не было сквозняков,— сказала она.— Тебе очень больно, яш-улы?

— В самый раз.

— Я тебя буду лечить холодной тряпочкой,— ска-

зала Гюльджан и, усевшись в изголовье Якова, принялась вытирать ему влажным, чисто выстиранным рукавом старой рубахи Али-ага незабинтованную часть лица.

Прохладные прикосновения облегчали боль. Он прикрыл глаза. Не знавший, что такое болезнь или усталость, способный часами лазить по горам, сутками не сходить с седла, без отдыха от зари до зари ворочать и крушить кувалдой камни, он только сейчас понял, что самый тяжкий труд — вынужденное безделье. И в таком состоянии ему предстояло быть неопределенно долгое время.

Злой и мрачный, он перебирал в памяти все детали погони за Шарапханом, проклинал себя за самонадеянность и дурацкую лихость, бестолковую и никому, выходит, не нужную.

Прошло несколько дней после перевязки, прежде чем его перенесли домой, заранее подготовив к такому невеселому возвращению Ольгу. А еще через месяц Али-ага и верный Барат разрезали панцирь из мешковины, сковывавшей его ногу.

— Ай Ёшка, совсем болла стал,— невесело пошутил Али-ага.— Твой Гришатка скоро будет учиться ходить, и ты с ним тоже.

К удивлению Якова, Ольга не очень тяжело переживала то, что с ним случилось. Поохала, попричитала вначале и успокоилась. Услышав замечание старика Али, даже пошутила:

— Раньше у меня один ребеночек был, а теперь сразу два... Первый раз трудно учиться ходить, а во второй живо научится.

Яков и в самом деле чувствовал себя пока беспомощным, как ребенок.

Барат и Али-ага посидели еще немного, попили чаю, ушли.

Утомленный разговором с друзьями, Яков лежал молча, закрыв глаза. Ольга тоже молчала, хотя надо было поговорить о том, как жить дальше. Нагрянула зима, а в доме нет ни щепки дров, никаких запасов: Яков то дорогу строил, то за контрабандистами по горам бегал, а теперь — надолго не работник. Ольга поступила уборщицей в школу. Обстирывает всех, кого только можно в поселке. Но разве хватит одного ее заработка, чтобы прокормить семью? Яков все время думал об этом. Пособие по нетрудоспособности ему, конечно, дадут. Но все равно, превратиться из сильного добытчика в обузу, лежать без движения и смотреть, как бьется в нужде жена, выхаживая вместо одного сразу двух детей, большого и маленького, было невыносимо...

В сенях скрипнула дверь. Вошли сразу несколько человек, что-то тяжело опустили на пол. В щель под дверью потянуло струйкой морозного воздуха.

Ольга, накинув на голову пуховый платок, запахнула его на груди, вышла. В открывшуюся дверь Яков увидел носатую физиономию Барата, костлявую спину старика Али, по-детски тонкую фигуру Рамазана. Ольга что-то им сказала. Замахав на нее руками, все трое на цыпочках вышли на крыльцо.

— Яша, они замороженную тушу барана принесли,— вернувшись в комнату, сказала Ольга.

— Значит, теперь с мясом,— весело отозвался Яков.

— Но больше-то у нас ничего нет,— разведя руками и еще не зная, как отнестись к такому подарку, сказала Ольга.

— А вон, может, и рис едет? — глянув в окно, произнес Яков.

К дому подгонял нагруженного торбами ишака председатель ТОЗа Балакеши. Через несколько минут возле крыльца остановилась подвода с заставы, нагруженная

дровами. Сверху на дровах лежали два чем-то туго набитых мешка. Потом во двор въехала еще одна подвода с дровами, запряженная знакомой Якову лошадью из бригады дорожников.

— Оля, зови всех в дом! — воскликнул растроганный Яков. А когда в комнате столпились Дзюба, Балакеши, Савалан, Барат, Мамед, взволнованно сказал: — Братцы, да вы как сговорились! Что за праздник сегодня?

— Верно Ёшка! Ай как правильно! — воскликнул Балакеши.— Конечно, сговорились. Надо Ёшку выручать, думаем. Зима уже на горы белые шапки надела...

Барат вышел вперед, молча и торжественно расстелил у постели друга расшитую замысловатыми узорами кошму.

— А теперь, Ёшка-джан, отдыхай, поправляйся скорей,— сказал Али-ага, первым направляясь к двери. Вслед за ним на цыпочках вышли остальные.

Ольга, все еще растерянная от неожиданно свалившегося на них счастья, никак не могла прийти в себя.

— Когда мы приехали сюда,— призналась она,— глянула на твоего носатого Барата, подумала: разбойник здесь на разбойнике, как только жить будем? Оказалось, какие хорошие люди!..

— Ты у меня хорошая.— Яков привлек к себе жену. Он будто только сейчас увидел ее красные, распухшие от ежедневной стирки руки, взял их в свои побелевшие за время болезни ладони, стал целовать.

— Что ты, что ты, Яша,— смутилась Ольга.— Красные, как у гуся, а ты целуешь...

— Самые лучшие...

Обнявшись, они почти до наступления сумерек сидели у окна, смотрели, как сыплются и сыплются за стеклом с морозным шорохом сухие снежинки.

Долго и тяжело выздоравливал Яков после падения

с карниза. Прикованный болезнью к постели, день за днем тоскливо наблюдал он в окно, как заметало снегом дорогу, как снежные лавины время от времени низвергались с вершины Карахара.

Эта зима показалась ему нескончаемо длинной, хотя едва ли она отличалась от других, прожитых здесь. Наблюдая жизнь гор, Яков словно на себе ощущал тяжесть и леденящий холод снегов, радовался, когда горы сбрасывали с себя снежные покрывала, разрывали ледяные оковы. Но снова и снова налетала пурга, заметая распадки и вершины...

Только ранней весной начал Яков выходить из дому, кое-что делать на подворье. Прислушиваясь к свисту ветра, шуму дождя, шороху ветвей склонившегося над домом карагача, думал о том, с каким трудом давалось горам весеннее обновление, какие требовались силы, чтобы снова начиналась жизнь на израненных лавинами склонах.

Когда сбежали ручьи и под теплым мартовским солнцем зазеленела трава, начальник дорожного управления Ромадан, не раз навещавший Якова за время болезни, предложил ему работу — заведовать дровяным и фуражным складом.

После настоящего дела — ремонта и строительства дороги, перестрелок с контрабандистами, после всего того, что с первого дня возвращения на Дауган стало содержанием его жизни, надо было сидеть на складе, караулить дрова, выдавать рабочим лопаты и кирки, выписывать накладные на сено, заполнять ведомости... Ну какая это работа!

Не раз ловил он себя на том, что тоскующим взглядом окидывает склоны гор, с грустью смотрит в сторону границы. Продолжающееся недомогание пока не позволяло ему возвратиться в ремонтную бригаду и принимать участие в охране границы.

...Солнечный зайчик, отражаясь от небольшого зеркала, стоявшего на столе, переливался всеми цветами радуги, дрожал на стене.

Ольга хлопотала по хозяйству в кухне. Гришатка играл камешками во дворе. Яков стоял перед зеркалом и с шумом проводил бритвой по заросшему густой щетиной подбородку.

Каймановы ждали гостей: комиссара Лозового и начальника войск.

Побрившись, Яков некоторое время смотрел на свое отражение в зеркале, изучая похудевшее и даже постаревшее за последнее время лицо. В серых блестящих глазах с приподнятыми наружными уголками век появилось выражение угрюмого упорства. Суше и резче стали очертания прямого с горбинкой носа, волевого подбородка.

От напряжения знакомые черты стали как-то размываться, уходить в глубину. Остались лишь глаза — два черных неподвижных зрачка, как два дула маузера, две дырки от пуль на груди отца.

Говорят, все, что таится в памяти и думах, отражается в глазах. У него было достаточно времени, чтобы вспоминать и думать. Встречи с Лозовым, разговоры со Светланой, боевые дела на границе, работа в ремонтной бригаде — все это снова и снова возникало в его мозгу. Перед мысленным взором, как в кинематографе, пробегали маленькие человеческие фигурки, скакали всадники, вспыхивало бесшумное пламя выстрелов. Чаще же всего виделся узкий карниз, едва освещенный блеском звёзд, черная тень на фоне звездного неба. И тут же удар прикладом в пустоту, тугой ком воздуха, стиснувший дыхание, падение в бездну...

Это видение преследовало его и во сне. Снилось, что он гонится за Шарапханом и не может его догнать. Цель близка, кажется, что вот-вот он схватит вра-

га, но... дыхание останавливалось, Яков летел в пропасть.

«Да, яш-улы Кара-Куш,— подумал он о себе,— теперь ты что пуганый барс на звериной тропе — собственной тени боишься...»

Он убрал бритвенный прибор, прошел в кухню, чтобы сполоснуть лицо. Во дворе послышались мужские голоса. Через открытую в сени дверь Яков увидел поднимавшегося по ступенькам крыльца Лозового с Гришаткой на руках, рядом с ним коренастого военного в маскхалате, скрывавшем знаки различия на петлицах гимнастерки. Под навесом два коновода ставили в тень лошадей.

— Как жизнь? Как самочувствие? — опуская Гришатку на пол, здороваясь с Ольгой и Яковом, спросил Лозовой. Услышав в ответ, что жизнь идет нормально, а самочувствие хорошее, добавил: — Вот и прекрасно. И у нас то же самое. А если удастся, что задумали, то все будет отлично.

Яков счел невежливым спрашивать, что комиссар имеет в виду.

Василий Фомич был все такой же худой, с резкими складками вокруг рта, впалыми щеками, жилистой шеей. Он никогда и ничем не болел. Крепкий, как жгут, мог победить каждого, кто вздумал бы соревноваться с ним в ходьбе по горам.

— Познакомьтесь,— обратился он к начальнику войск.— Яков Григорьевич Кайманов, старший рабочий ремонтно-строительной бригады, он же бригадир «базовцев».

— Комбриг Емельянов Алексей Филиппович,— представился, пожимая Якову руку, начальник войск.

Крупное, грубоватое лицо, кустистые брови, проницательный взгляд маленьких медвежьих глаз выдавали в нем человека, привыкшего повелевать.

— Прошу в дом,— распахнул Яков дверь.— По нашему обычаю, прежде чем о деле говорить, надо чаю попить.

— И это неплохо,— отозвался комбриг.

Только после того как гости умылись с дороги и сели за стол, Лозовой объяснил цель приезда:

— Требуется, Яша, опытный егерь, знаток козьих троп. Алексей Филиппович в отпуске, решил поохотиться. Не хотелось бы, чтобы он скакал по скалам впустую.

— Ну так вот он, егерь,— ткнул себя в грудь Яков.

Лозовой покачал головой:

— Нет, Яша. Нам с тобой надо будет на Даугане побыть. Давай-ка еще кого-нибудь.

— Тогда Нафтали Набиева позову или Балакеши...

Он вышел на крыльцо, сказал Рамазану, чтобы тот пригласил Балакеши.

Спустя несколько минут пришел председатель колхоза вместе с Нафтали Набиевым. Еще полчаса потратили на то, чтобы наметить район охоты. Наконец комбриг, его коновод и Нафтали Набиев сели на коней.

Перед тем как отправиться в путь, Емельянов повернулся к комиссару, сказал:

— Я думаю, Василий Фомич, о нашем решении ты сам сообщишь Кайманову.

Лозовой молча кивнул головой. Охотники попрощались, тронули шенкелями лошадей.

Кайманов ждал, что скажет комиссар. У него было такое настороженное лицо, что Василий Фомич с усмешкой произнес:

— Ладно, давай в открытую, только прежде хочу узнать, чем занимаешься, как идут твои дела?

— Что дела! — махнул Яков рукой.— Сижу на складе, охраняю кирки и лопаты.

— Хорошенькое занятие,— все с той же усмешкой проговорил Лозовой.— Нет, Яша, так дело не пойдет. Назвался беркутом, летай по-орлиному. Мух орлы не ловят. Короче говоря, решили мы направить тебя на учебу в совпартшколу. По рапорту Карачуна сам комбриг ходатайство подписал, еще и посмотреть на тебя приехал. Секретарь райкома Ишин возражал, говорит, беспартийный ты, куда тебе в совпартшколу, все же уговорили...

— А как же семья, Василий Фомич, Ольга, Гришатка?

Предложение комиссара свалилось на Якова как снег на голову. Разговоры об учебе велись и раньше, но вообще, а тут, выходит, бери книжки и чуть ли не завтра садись за парту.

— Будешь получать государственную стипендию. Не один ты семейный. А лопаты и дрова без тебя найдется кому охранять...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОВЫЕ ТРОПЫ

Глава 1

НОВЫЕ ТРОПЫ

Три года, казалось, пролетели незаметно, в постоянной погоне за ускользающим временем. Лекции, вечера в библиотеке, подготовка к зачетам и экзаменам, выезды в далекие аулы и села на практику — все нанизывалось одно на другое.

Короткие наезды домой мелькали в сознании, как полустанки, мимо которых проносились вагоны поезда. Встречи и прощания с Ольгой, с Гришаткой еще больше подстегивали стремительный бег времени.

К концу второго года учебы Якова приняли в кандидаты, а перед самым выпуском — в члены партии.

И вот он снова на Даугане, в кругу своей семьи. К нему то и дело забегают близкие друзья. Они остались такими же, как и три года назад. Да и сам

он мало в чем изменился. Разве только стал немного старше, больше стал понимать в жизни, больше знать.

Иногда думал: «Были ли эти, промелькнувшие как один день, годы?» Да, были. Об этом свидетельствовали и чемодан с книгами, и привезенные из города конспекты лекций. Об этом говорило и то, что вот сидит он сейчас и пишет тезисы лекции об основах марксизма-ленинизма, которую должен сегодня вечером читать в клубе дауганцам.

Оказывается, не так просто подготовиться к лекции, составить план, заранее продумать все, о чем хочется сказать. Надеялся, поможет Карачун. Но он занят. Приходится все делать самому.

«Возьму старый конспект,— решил Яков.— Все равно лучше преподавателей не скажешь».

Уже надвигались сумерки, когда он поднялся из-за стола. Кажется, продумал все до мелочей. Расскажет об основах марксистской философии, немного коснется политэкономии, в общих чертах изложит суть диалектического и исторического материализма...

С замиранием сердца стал ждать часа, когда нужно будет идти в клуб, начинать лекцию.

Этот час настал.

После актового зала совпартшколы дауганский клуб показался совсем небольшим, непривычно тесным. Но в его зале сидели, стояли у стен и в проходах самые строгие экзаменаторы Якова, для которых он, собственно говоря, и учился.

Балакеши объявил:

— Сейчас Ёшка прочтет нам лекцию о марксизме-ленинизме. Прошу не курить. Сидеть тихо.

— Товарищи,— сказал Яков, устремив взгляд на сидевших в первом ряду Карачуна и Лозового,— краеугольным камнем марксистской философии является

материализм. Великий гений человечества, основоположник научного коммунизма Карл Маркс взял рациональное зерно философии Гегеля — его диалектику и соединил ее с истинным материализмом, с которым ни в какое сравнение не идет метафизический материализм Фейербаха...

Слушали его внимательно, затаив дыхание. Упади, казалось, иголка, и то будет слышно. Лишь Лозовой и Карачун время от времени о чем-то шептались.

Ободренный вниманием, Яков решил вкратце изложить содержание «Капитала» Маркса. И этот его экскурс в область экономических отношений дауганцы восприняли с присущей им стойкостью. Когда он заговорил об абсолютной и дифференциальной ренте, Балакеши, по-своему понявший суть дела, даже бросил реплику:

— Ай яш-улы, правильно сказал. Сколько навоза в землю положишь, такой и урожай получишь.

Из зала на него зашикали: так хотелось всем еще и еще слушать диковинные, малопонятные слова, которые без затруднения произносил Ёшка.

Лекция закончилась. Вопросов ни у кого не оказалось. Аплодировали Якову долго и дружно. Потом сразу все заторопились домой. Сославшись на неотложные дела, уехал и Карачун. В клубе остались лишь Лозовой да самые близкие друзья Якова.

— Ну как, Василий Фомич? — с беспокойством спросил Кайманов.

— Давай лучше спросим твоих земляков, Яша,— предложил комиссар.— Пусть скажут, кто из них что понял. Хотя бы вон Барата. Я видел, как он слушал, ни одного слова не пропустил.

Услыхав свое имя, Барат сам подошел к Кайманову и Лозовому.

— Ай Ёшка, хорошо говорил! — восторженно начал

он.— Барат сидел и думал: «Какой теперь умный Ёшка, сколько новых слов может сказать!»

— Ты лучше скажи, что ты понял,— ревниво перебил его Яков.

— Как что понял? Все понял! Ёшка прямо сказал, какой такой Гегéль украл у Маркса зерно... Ай Ёшка! — Барат доверительно взял друга за пуговицу.— Вот и Мамед и Савалан тоже спрашивали... Не сказал, дорогой, будут или не будут его судить?

— Ну что ты мелешь, Барат? Ты же все перепутал. Я сказал: «Маркс взял рациональное зерно философии Гегеля — его диалектику...»

В течение нескольких минут Кайманов разъяснял Барату основы марксистской философии, но его друг, обычно покладистый, на этот раз остался при своем мнении:

— Нет, Ёшка, хоть ты и ученый человек, а чего-то сам напутал. Режь меня, все равно не поверю: Маркс никогда чужого не возьмет...

Яков беспомощно развел руками: дескать, попробуй убеди такого. Молчавший до того и улыбавшийся одними глазами Лозовой решил помочь незадачливому лектору.

— Скажи, Барат,— спросил он,— когда ты еще на свет не родился, мог ты о чем-нибудь думать?

— Ай Василь-ага, как мог Барат думать? Пока я еще не родился, за меня мой опе[1] думал.

— Значит, сначала должен быть человек, а потом его мысль?

— Конечно, яш-улы. Смотри, как ты правильно сказал!

Барат пришел в восторг от такой простоты и ясности.

---

[1] Опе — отец.

и не выберут. И потом, Алешка Нырок вполне в поссовете справляется, за что ж его-то снимать?

— Алешка-то справляется, да уж очень неповоротлив,— возразил Балакеши.— А нам надо весь Дауган на ноги ставить. Правильно сказал Василь-ага. Надо тебя, Ёшка, председателем выбрать.

— Ладно,— подвел итог разговору Лозовой.— Отложим до общего собрания. А теперь расскажи, дорогой Балакеши, как дела в колхозе, что нового в поселке, как идет работа на дороге?

— Горы стоят, дела идут,— отозвался Балакеши.— В колхоз вошли уже все лошадные хозяева. Ремонтных рабочих на дороге в три раза больше стало: дорогу от самого города и до границы будем расширять. Машин стало больше, фургонов тоже.

— Хватит ли лошадей на пахоту? — спросил Лозовой.— В поселке я больше ишаков вижу.

— На ишаках, конечно, пахать не будешь,— согласился Балакеши.— Но на них можно возить дрова, сено. Для безлошадных членов колхоза тоже дел хватит: траву косить, сено копнить, дрова заготовлять, уголь жечь.

— Вот так, Яша,— возвращаясь к прежнему разговору, сказал Василий Фомич.— Сам видишь, какой нужен в поселке хороший организатор. Баи все активнее против колхозов идут, некоторых бедняков и середняков подбивают. Нам очень важно, чтобы во главе поселкового Совета стоял твердый, политически грамотный человек. Еще отец твой мечтал превратить долину Даугана в цветущий сад. Тебе по наследству и карты в руки.

— Воды у нас мало,— вставил Балакеши.— Чтобы вырос сад, надо много воды, тогда все зацветет.

— Надо чистить кяризы,— поддержал его Яков.— Давно их не чистили. Отец говорил: когда пришел Ку-

ропаткин, старики забили родники кошмами с песком. Найти бы те родники...

С думами о воде поднимались утром жители Дауганa, с думами о ней ложились спать. Еще отец учил Якова беречь воду.

— Пойдемте посмотрим ваши кяризы,— предложил комиссар.— Кажется, это и есть главное, с чего надо начинать.

Они прошли на площадку к бетонной колоде для водопоя. Сейчас там обступил колоду вернувшийся из ночного табун лошадей.

Солнце поднялось уже высоко над зубчатой вершиной Карахара. Его лучи оранжевыми пятнами ложились на спины и крупы лошадей. Лозовой рассматривал каменные плиты, которыми была обложена колода.

— Силен был Григорий Яковлевич,— покачав головой, сказал он и, окинув атлетическую фигуру Якова, добавил: — Есть в кого уродиться.

Все, что было связано с памятью отца, вызывало в Якове трепетное мальчишеское чувство: будто вот сейчас увидит он родного, большого, мужественного человека и робко остановится перед чем-то огромным и непонятным.

Он, взрослый и сильный мужчина, до сих пор не мог взять в толк, как справлялся с этими глыбами отец.

— Вспомнил сейчас, с батяней пахали,— сказал он.— Мне еще шести лет не было, а я уж научился по ярму Джейрану на спину влезать. Два быка у нас было: Джейран и Сокур Одноглазый. Джейрану дашь сена, он тебя еще и языком лизнет, а Сокур на один глаз не видел: только подойдешь, как фыркнет, все норовит рогом поддеть...

Каким светлым и по-детски беспечным казалось теперь ему то далекое время!

— Отец, бывало, наставит по одной линии камней и говорит: «Держи, сынок, в створе, чтоб первую борозду правильно проложить». Веду быков, обеими руками за налыгач держу, а они головами мотают, душу вытряхивают. Как мотанет головой, так и летишь. Руки мерзнут, сопли текут. Молчу, только носом шмыгаю. Отец на плуг налегает... Посмотрит на меня, улыбнется, а с самого пот в три ручья льет. Ну и я терплю, не признаюсь. А он ласково так скажет: «Потерпи, сынок, еще один гон пройдем, тогда отдыхать будем». Я и терплю. И один гон пройдем, и другой, и третий... Ладно, Джейран не подводил, все по борозде шел. Ну, а раз Джейран, то и Сокур за ним, и мне не так трудно...

— Почва у нас каменистая,— сказал Балакеши.— Трактор бы нам да трехкорпусный плуг. На быках много не напашешь.

— Трактор в дорожном управлении есть. Я видел,— глядя в лицо Лозовому, сказал Яков.— Нам бы хоть на пахоту!

— Еще не председатель, а уже трактор просишь.

— Трактор нам вот как нужен.— Яков провел себе ребром ладони по горлу.

— Станешь председателем поселкового Совета, тогда с кем полагается и о тракторе поговорим,— пообещал Лозовой.

О том, чтобы получить трактор для колхоза, стоило подумать. Кайманов видел, как в соседней долине, у самой линии границы, работал трактор. Перепахал земли столько, сколько всем лошадям поселка не перепахать. Дехкане за рубежом выстраивались на своих полях вдоль границы и, закрывшись руками от солнца, часами наблюдали за работой диковинной машины.

— Дали бы нам в Наркомземе или в дорожном управлении трактор, пошел бы председателем,— повторил Яков.— Если, конечно, выберут.

— А расплачиваться чем будете? — не то в шутку, не то всерьез спросил Лозовой.

— Расплатимся. Камень, гравий будем подвозить. Чем богаты, тем и рады.

— Летом сена в горах побольше накосим, продадим, деньги будут,— добавил Балакеши.

— Вот и договорились,— улыбнулся Лозовой.— Ну а поскольку вы прежде всего о воде заботитесь, пойдем сейчас к Алексею Ныркy, сочиним ходатайство в Совет Народных Комиссаров республики о выделении денег на очистку кяризов. Напишем, что большая часть грузов к соседям и обратно перебрасывается пока что гужтранспортом. Каждую весну и осень к нам из-за рубежа перегоняют скот, то на пастбища, то обратно. Поселку до зарезу нужна вода.

До поздней ночи сочиняли письмо в Совнарком. Писал Алексей Нырок под диктовку комиссара, то и дело обращавшегося за советами к Кайманову и Балакеши.

Глава 2

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Через несколько дней в поселке состоялось выборное собрание. Все произошло быстро и просто. Лозовой по поручению райкома партии и райисполкома зачитал список кандидатов в Совет. Первым в нем стояла фамилия Якова. Едва комиссар объявил: «Кайманов Яков Григорьевич...» — как все дружно зашумели: «Председателем его! Три года учился, пусть поработает! Ёшку председателем!..»

За Якова проголосовали единогласно. Так же дружно поднимали руки за других кандидатов, предложенных Лозовым.

Напряженный и торжественный, бледный от волнения Яков сидел в президиуме, сурово сдвинув брови, стараясь не смотреть на веселые физиономии подмигивавших ему из первых рядов Барата, Савалана, Нафтали, Мамеда. Барат рассказывал очередную веселую историю, громко смеялся, временами принимался хлопать в ладоши и кричать:

— Молодец Ёшка! Якши председатель!

Когда голосование закончилось, к обтянутой кумачом трибуне снова подошел Василий Фомич.

— Вы сейчас избрали поселковый Совет и председателя,— сказал он.— Но надо еще выбрать депутата городского Совета, потому что поселковый Совет Даугана подчиняется непосредственно городу. Какие будут предложения?

Барат первым крикнул:

— Ёшку!

— Правильно! Пусть Ёшка и в горсовете будет!

Собрание дружно поддержало предложение Барата. Председательствующий Балакеши проголосовал: ни одного против.

— А теперь,— сказал Лозовой,— давайте дадим новому поселковому Совету наказ.

Пожелания и предложения посыпались со всех сторон:

— Всем вступить в колхоз! Кто еще не вступил, уговорить!..

— На пахоту арендовать для колхоза трактор!..

— Мало воды. Пусть Совет займется кяризами.

— Надо строить школу!

— Сделать пруд и посадить сад!

Выходило, что Якову и членам Совета, в большинстве своем рабочим дорожной строительно-ремонтной бригады, надо браться за все сразу: добывать воду, создавать семенной фонд, пополнять поголовье скота...

К концу того же дня Яков созвал членов Совета на первое заседание, чтобы обсудить проект заявления в Совнарком республики о ссуде. Текст одобрили без возражений, после чего решили еще раз осмотреть кяризы.

Несмотря на то что каждый из новых представителей поселковой власти несколько раз в день проходил мимо протянувшихся вдоль дороги колодцев и с точностью знал, сколько воды в сутки может дать подземный ручей, обследовали кяризы тщательно. По узкой подземной галерее, соединяющей колодцы, журча бежит тонкой струйкой ручеек чистой, прохладной воды, впадает в бассейн. Но слишком малосильна эта струйка, чтобы поддерживать жизнь в долине. Членам Совета хотелось самим убедиться, где обвалился свод, где засорились родники, в какую сумму обойдется расчистка, удастся ли справиться с работой своими силами или придется обращаться за помощью к специалистам-мелиораторам.

За бетонной колодой, где дорога поднималась к Змеиной горе, они остановились у самого большого колодца. Яков наклонился над ним, потом стал спускаться вниз, опираясь ногами о выступы в стенах. Прыгнул на дно, смерил: ширина ручейка оказалась чуть пошире поясного армейского ремня. Вода для Даугана собиралась буквально по каплям!

«Привыкли мы называть эти ямы колодцами,— подумал Яков.— В настоящем колодце воду ведром можно черпать, а тут из ручейка даже чайную чашку сразу до краев не наполнишь».

— Ёшка, дорогой, почему так долго сидишь там? — послышался голос Балакеши.

Кайманов посмотрел вверх, увидал на фоне неба в трех-четырех метрах от себя голову Балакеши, крикнул в ответ:

— Не хочется вылезать. Очень тут хорошо, прохладно. Только воды совсем мало.

Выбравшись на поверхность, он предложил остальным поочередно спуститься в колодец, осмотреть галерею, по которой бежал узкий ручеек живительной влаги.

После осмотра собрались в тени под скалой, чтобы еще раз обсудить, все ли правильно написано в заявлении.

В представлении многих заявление, составленное комиссаром и Ёшкой, приобретало чуть ли не значение государственного закона. Члены Совета в большинстве своем были неграмотными. Даже Балакеши, председатель колхоза, подписывая документы, с трудом выводил свою фамилию. А Ёшка, смотри-ка, только выбрали председателем, сразу бумагу написал! Каждый был уверен, что такая бумага с печатью поможет очистить кяризы, добыть воду для поселка.

Не сразу Яков отвез заявление в город. Целую неделю добивался приезда из дорожного управления знакомого старичка мелиоратора, чтобы тот по всей форме составил смету.

В Совнаркоме республики Кайманова принял сам председатель Атагельдыев, наголо бритый туркмен, с черными проницательными глазами, одетый в светло-серый европейский костюм. Внимательно прочитал заявление, спросил:

— В какую сумму, вы думаете, обойдется ремонт ваших кяризов?

— Пятьдесят тысяч!

— Почему именно пятьдесят? Что вы понимаете в этом деле? Кем работаете?

— Работал на ремонте дауганского участка дороги. Три года учился в совпартшколе. Теперь председатель поселкового Совета,— с достоинством ответил

Яков.— Смета у нас составлена. По смете пятьдесят тысяч.

Атагельдыев окинул взглядом рослую фигуру дауганца, его тяжелые руки каменотеса, стал читать смету.

— Для нас вода — вот! — провел Яков ребром ладони по горлу.

Прямой и торжественный сидел он на стуле перед письменным столом и с напряжением следил за выражением лица председателя Совнаркома.

— Скот поить нечем. Поселок на магистрали стоит, можно сказать, для всех караванов вывеска Советской власти, а иной раз не только лошадям и верблюдам, даже и людям воды в обрез,— стал приводить он доводы односельчан.

— Между прочим, для нас вода тоже — вот! — сказал Атагельдыев и повторил жест Якова.— Почему бы вам не договориться о выполнении всех работ со специалистами мелиоративного управления?

— Это еще лучше,— просиял Яков, но внутренне насторожился: «Сколько запросят мелиораторы и чем платить? За здорово живешь никто работать не будет!»

Атагельдыев вызвал своего помощника:

— Товарищ Турумбетов, займитесь товарищем Каймановым.

Помощник председателя провел Якова в свой кабинет, внимательно выслушал и заверил, что не позже чем через неделю пришлет техника и кяризных мастеров.

— Рабочих у себя найдете,— сказал он в заключение.

Выходя из кабинета Турумбетова, Кайманов с радостным удовлетворением подумал: «Большая удача! Ай да Ёшка! Ай да председатель! В Совнаркоме не обманут! Если через неделю пришлют техника, считай, к лету Дауган будет с водой».

Но вода еще не все. Его уже волновали другие хозяйственные заботы: где, например, взять овцематок для колхоза, чтобы сразу удвоить, утроить овечье стадо? Ждать приплода от тех, что есть,— десять лет пройдет. А что, если... Раз уж такой удачный день... И он снова занял очередь на прием к Атагельдыеву.

Теперь он гораздо смелее, чем в первый раз, переступил порог кабинета председателя Совнаркома. Атагельдыев, едва увидев его, нетерпеливо спросил:

— Ну что там у вас? Не получается, что ли?

— Спасибо,— широко улыбнувшись, сказал Яков.— Все получается. Турумбетов обещал прислать техника и кяризных мастеров. Рабочих мы своих найдем, всем поселком будем работать.

— Ну так, значит, все в порядке, почему ко мне еще раз пришел?

— Товарищ председатель! Сидел я сейчас в вашей приемной и думал: вода будет, а кого мы той водой поить будем? Караваны? Это так. Но жители-то одной водой сыты не будут. У нас колхоз. Надо поднимать хозяйство, скот разводить. А денег на это нет. Вот я и решил еще раз к вам обратиться. Нам бы из соседних колхозов взаймы сотен пять овцематок и трех-четырех производителей получить. Через три года вернем долг, еще и с процентами.

Атагельдыев, прищурившись, минуты две молча смотрел на Якова, видно, что-то обдумывал. Потом спросил:

— Слушай, почему такой настойчивый? Сначала дай ему пятьдесят тысяч на кяризы. Потом дай пятьсот овцематок. После будешь электростанцию просить, Дом культуры...

— Электростанцию нам тоже бы надо. Поселок на границе стоит. Да это уж потом, не сразу.

— Ты мулла или отец у тебя был мулла? Все дай да дай! — уже горячась, воскликнул Атагельдыев.— Кяризы чистить деньги дадим, машины пришлем. Насчет овечек иди, дорогой, к наркому земледелия. Если председатель Совнаркома все будет решать, что останется наркому?

— Ладно,— помрачнев, сказал Яков,— пойду в Наркомзем.

— Не получится там, приходи еще,— крикнул вслед Атагельдыев.— Сделай сначала кяризы, потом насчет овечек думай.

В Наркомате земледелия его встретили не очень приветливо.

— Какой колхоз даст вам взаймы овцематок? — высказал сомнение замнаркома.— Мы не имеем права влиять на колхозы: они за свое добро сами отвечают.

— Я председатель и должен выполнить наказ своих избирателей,— с некоторым раздражением произнес Кайманов.— Не могу я уехать домой, не получив овец.

Заместитель наркома нахмурился:

— Слушай, откуда такой появился? Прямо нападение на нас сделал. Атагельдыев звонит, Турумбетов звонит, говорят, надо помогать! Знаем, что надо. А как помогать? Где мы тебе овечек возьмем? Ты думаешь, у нас один только Дауган, да? Больше нечем заниматься, да? За горло берешь, да?

— Вот что,— остановил его Яков.— Отказываетесь помогать, в Цека республики пойду. Должен я или не должен наказ народа выполнить?

Угроза как будто подействовала.

— Зачем в Цека? — уже мягче сказал замнаркома.— Сами будем думать. Оставляй заявление, посоветуемся. В некоторых колхозах есть лишние овечки. Может, кто и согласится дать взаймы года на три. Думаешь, легко будет уговорить?

— Так ведь это же долго ждать! — воскликнул Яков.— Когда еще с колхозами разговор будет!

— Вах! — не выдержал замнаркома.— А ты думал, прямо от моего стола овечек погонишь? Приходи, дорогой, недели через две, раньше ничего не выйдет. Будем обсуждать вопрос, советоваться с председателями колхозов.

В течение дня Яков не успел даже пообедать. Можно было бы зайти в гости к матери, но ему не хотелось ее навещать. За время его болезни мать несколько раз приезжала в поселок, правда, сразу же уезжала, ссылаясь на то, что Флегонт уехал на строительство Мургабской плотины, а у нее на руках большое хозяйство.

Пока учился, изредка сам к ней наезжал. Казалось бы, внимание друг другу оказывали. Но что-то все время стояло между ним и матерью...

Пообедал в столовой. Вышел за город, на попутной машине поехал домой.

В поселке попросил шофера остановить машину возле Совета. С удивлением увидел на стене новую вывеску: «Медпункт». Оказывается, пока он был в городе, Светлана перебралась со всем своим хозяйством в пустовавшую до того вторую половину дома, в котором размещался поселковый Совет.

Светлана вышла на крыльцо. Как давно они не виделись! Яков никак не мог припомнить, была ли она на его первой в жизни, злополучной лекции?

— Что же вы остановились, Яков Григорьевич, идите скорей сюда, рассказывайте, что вам удалось сделать?

— Кое-что удалось...— сдержанно ответил он.

— Да идите же! По-честному сказать, мы тут все истомились, вас дожидаючись: вода-то и медпункту, и поселку нужна.

Глаза Светланы сияли. И в них он видел себя, но не

того сумасбродного Яшку, каким был три года назад, а вернувшегося с учебы Якова Кайманова, каким она и хотела его когда-то видеть.

Он вошел в первую комнату, где разместился медпункт, сел на окрашенный белой краской табурет и, сначала сдержанно, а потом все больше увлекаясь, рассказал о результатах своего похода в республиканские учреждения. Даже показал в лицах, как кто говорил и как замнаркома земледелия в сердцах воскликнул: «Вах! Ты думал, прямо от моего стола овечек погонишь?»

— Так и сказал? — смеясь переспросила Светлана. Потом, взяв его за руку, повела по комнатам.— Вот здесь медпункт. Рядом родильное отделение на три койки. Правда, уютно?

— Мне нравится.

— Библиотеку переселили в вашу половину дома. Уж не обессудьте. Тесно здесь,— продолжала Светлана.

— Председателю, выходит, самую маленькую комнату оставили?

— Ничего, в тесноте — не в обиде, товарищ председатель,— ответила Светлана.— Поменьше будете в кабинете сидеть.

«Черт с ним, с кабинетом,— подумал Яков.— Не в кабинете дело. Заседания Совета можно и в клубе проводить».

— Это женщины поселка по своей инициативе такую красоту навели,— словно между прочим сказала Светлана.— Кстати, у них к вам просьба, Яков Григорьевич,— добавила она невинным голосом.— Очень просят прочитать лекцию о диалектическом материализме...

Приподнятое настроение у Якова сразу же исчезло. Видно, долго ему еще будет аукаться эта лекция.

«Все-таки была или не была Светлана тогда в клубе? Может, Федор рассказал? Наверное, хохотали до слез».

— Смеетесь, Светлана Николаевна? — посмотрев на нее исподлобья, спросил Яков.

— Нет, Яков Григорьевич, не смеюсь. От души радуюсь за вас...

Глава 3

ДЗЮБА

Вернувшись домой, Яков за чашкой чая стал рассказывать Ольге и собравшимся у него друзьям о том, чего удалось добиться в городе. Но не успел поведать и половины того, что хотел, как в комнату вбежал Карачун:

— Яша, только что прискакал младший наряда, говорит, на Асульме прорыв. У сопки с двумя арчами убит Дзюба. Выдели трех «базовцев», поедут со мной.

Кайманов стиснул зубы так, что под скулами вспухли желваки. Схватил со стены винтовку, коротко бросил:

— Савалан, Нафтали, Мамед! Бегом за оружием! Будем пешком напрямую подниматься к хребту.

— Ладно, коли так,— сказал Карачун.— Сейчас подойдет машина, подбросит вас ближе к Асульме.

Через несколько минут «базовцы» на грузовой автомашине мчались по проселку к грозным отрогам Асульмы, откуда начиналась трудная, едва намеченная тропа на верхнее плато.

Пограничники на лошадях, во главе с начальником заставы, размашистой рысью пошли в объезд, более дальним, но пригодным для конного марша путем.

Стоило Якову подумать, что Дзюба убит, у него по-

мимо воли выступали на глазах слезы. Подхваченные ветром, они тонкими струйками растекались к вискам. Он смахивал их тыльной стороной руки, с ожесточением сжимал винтовку.

Год назад, как успел узнать Яков, Дзюба закончил срочную службу. Тогда же решил остаться на границе сверхсрочником, стал командиром отделения. И вот теперь нет Дзюбы...

Машина рвется вперед по бездорожью, объезжает крутые склоны сопок, с воем преодолевает рытвины. Но вот и предел. Дальше ехать невозможно. Отсюда начинается подъем, преодолев который можно напрямую выйти к сопке с двумя арчами.

Трудна, почти неприступна тропа на Асульму, зато намного короче любой другой, а главное — позволяет скрытно подойти по ущельям к самой границе. Целый полк можно провести, и никто не заметит.

Яков надеялся вместе с «базовцами» раньше проскочить к границе. Но, как ни торопил он товарищей, на место прибыли почти одновременно с группой начальника заставы.

Условным свистом Карачун подозвал Кайманова к себе.

— Рассчитывал, Афанасич, раньше тебя быть, нога подвела,— признался Яков.

— И так ладно. Если б еще на конях можно было по той тропе подниматься, совсем было бы хорошо.

Указав пограничникам и «базовцам» пункты для наблюдений, начальник заставы, а вслед за ним и Яков по скрытому со стороны границы склону поднялись на гребень сопки. В первую минуту они не поверили своим глазам: метрах в пятидесяти от них сидел на камне Дзюба, положив ногу на ногу, что означало полное отсутствие какой бы то ни было опасности. В зубах у него торчала самокрутка в палец толщиной. Вид у коман-

дира отделения был такой, будто он спокойно отдыхал после трудов праведных. Поначалу у Якова даже мелькнула мысль, что это переодетый бандит, которого посадили, чтобы заманить пограничников на открытое место. Но это был все-таки Степан.

Карачун, приподнявшись, позвал:

— Дзюба!

— Га? — вскочив, откликнулся тот и побежал неуклюжей медвежьей рысцой навстречу командиру: — Товарищ начальник заставы! Наряд был обстрелян группой контрабандистов. Все нарушители задержаны, из них двое убиты, трое ранены. В бою пропал без вести младший наряда красноармеец Скрипченко. Шукав, шукав його,— переходя на украинский язык, добавил Дзюба,— нидэ нема. Може, вы бачилы?

— На заставе твой Скрипченко. С перепугу наговорил, что тебя убили. У лесорубов коня схватил, чуть не запалил.

— Ото бидный хлопэць,— неожиданно посочувствовал Дзюба.

— Он тебя в беде бросил, а ты — «бидный хлопэць». Судить его надо. Вернусь, передам дело в трибунал,— жестко сказал Карачун.

— Так за что ж судить? — снова переходя на русский язык, спросил Дзюба.— Человек, может, первый раз в такую страсть попал... Цила вийна...

На радостях Яков расцеловался с Дзюбой. Вид у командира отделения был прямо-таки боевой: пулей пробита буденовка, в полах шинели тоже четыре пробоины. Как удалось Дзюбе одному выдержать бой с группой вооруженных бандитов, понять было нелегко. Дружески обнял Дзюбу и Карачун, поблагодарил за службу.

Яков внимательно осмотрелся, оценивая обстановку. Неподалеку лежали два убитых нарушителя. Еще трое,

очевидно раненые, сидели за валуном со связанными руками. «Вай! Вай!» — доносилось оттуда.

— Местность обследовать. Трупы захоронить. Раненым оказать первую помощь,— распорядился Карачун.— Теперь рассказывайте подробнее,— обратился он к Дзюбе,— что тут у вас произошло?

— Та з кочахчами поскублысь, товарищ капитан,— равнодушно сообщил Дзюба.

«Ничего себе «поскублысь»,— подумал Яков.— Двое убитых, трое раненых».

— Как все произошло? — пряча улыбку, спросил Карачун.

— Звычайно...

— Обыкновенно, значит. А все-таки...

— Ну как? — Дзюба почесал затылок.— Младшего я, значит, проинструктировал, чтоб держался на пятьдесят метров. Идем, а по нас залпом. Я — за камень. Чую, стрельбы много, а рикошетов нема. Ну, думаю, младшого моего решетят. Як почав гатыть баньдюков, воны мэнэ побачилы, давай мэнэ гатыть. А шоб вам, думаю, повылазыло. Затаився, шоб думалы, шо вбылы. А як пишли до мэнэ, мабудь, за винтовкою, я их усих и постриляв, кого вбыв, кого раныв...

Дзюба рассказывал обстоятельно и неторопливо, но в глазах его и сейчас жила горячая напряженность боя.

«Ай да увалень, ай да медведь!» — с восхищением подумал Яков.

— Товарищ начальник, развязать не можем. Смотрите, чего тут Дзюба понакрутил,— доложил красноармеец Шаповал.

— Что такое?

Раненые контрабандисты, держа перед собой связанные руки, кричали: «Вай, вай!..» На первый взгляд казалось, что кричат и стонут они от ран. Яков подошел, чтобы спросить, в чем дело. Посмотрел, а у кон-

трабандистов от веревок руки почернели. Шаповал с трудом разрезал ножом узлы, затянутые Дзюбой.

— Кто ж так связывает! — сердито проговорил Карачун.

Дзюба виновато поморгал глазами:

— Та я хотив як найкраще, шоб никто не втик.

Кайманов жадно втягивал в себя острый запах порохового дыма, еще остававшийся в морозном воздухе, с каким-то понятным только одному ему чувством старожила смотрел на знакомые очертания сопок, распадков, на каменный сброс, как накат блиндажа нависший над сопредельной территорией.

Здесь, в горах, все явственнее чувствовалось приближение зимы. Дул пронизывающий ветер. Серое небо опустилось к самым вершинам скал. На темных, почти черных камнях оранжевыми заплатами горели прихваченные легким морозом багряные листья горного клена, похожие на отпечатки гусиных лап. Паутина, оставшаяся на сухой и жесткой траве, от инея казалась алюминиевой.

Только осиротевшие арчи по-прежнему напоминали о теплых днях, гордо протягивая к небу темно-зеленые щетки колючей хвои. Узловатые и жилистые, не подвластные никаким переменам, они стояли наперекор ветрам, как бессменные часовые гор.

Якову так захотелось пройтись по границе, оторваться хоть на один день от нахлынувших на него за последнее время забот, побыть вместе со своим старым другом Дзюбой среди родных гор, что он не выдержал и попросил Карачуна:

— Давай, Афанасич, мы проработаем обратный след этих бандитов, может, еще на какую группу наткнемся. Ночку на скрестке троп посидим. Утром на попутную машину — и домой.

— По границе соскучился?

— Есть такой грех.

— А нога как? Не подведет? В горах-то давно не был.

— Пора опять привыкать.

— Я хотел Шаповала с Дзюбой на обратную проработку следа послать. Но раз уж есть добровольцы...

— Пойдешь со мной, Степан? — спросил Яков.

— А то...— лаконично ответил Дзюба.

— Дзюба, вы старший наряда. Будете смотреть, нет ли по пути тайников,— сказал Карачун.— Дойдете до барака, решите сами. Если не будет необходимости прорабатывать след до самого города, утром возвращайтесь на заставу.

Широко раздувая ноздри, втягивая в себя морозный воздух, Яков шел по карнизу вслед за пробиравшимся впереди него между камнями Дзюбой. Кайманов старался не замечать боли в бедре, но это ему плохо удавалось. Боль чувствовалась все сильнее, то ли потому, что отвык ходить по горам, то ли натрудил бедро, когда штурмовал трудный подъем.

Припадая на ноющую тупой болью ногу, он несколько раз задевал и сбрасывал с карниза камни. Сразу же то в одном, то в другом месте начинал с шорохом «гуркотеть», как говорил Дзюба, ручеек щебенки.

Степан озабоченно оглядывался: не вздумал ли его друг еще раз падать с карниза, а Яков клял себя на чем свет стоит за неловкость.

Вышли к перевалу, оглядели развернувшееся перед ними пространство. До самого горизонта — горы с черными трещинами ущелий, утесы, оскалившие каменные зубы да еще едва заметные ленты троп, змеями извивающиеся по темно-бурым склонам. Пусто и безлюдно.

Вечерело. Стало хуже видно. Дзюба, держа винтовку наготове, ушел вперед. Яков двинулся за ним, стараясь

не показывать товарищу, что идти ему становится все труднее. Но вот наконец и скресток троп. Яков с облегчением вздохнул.

— Нога в тэбэ болыть?

— Как собака грызет,— признался Яков.— Больше трех лет минуло, а не проходит. Посидим, может, отойдет.

Они заняли удобное для засады и наблюдения место.

Дзюба извлек из кармана «технику» — несколько катушек ниток. Растянул нитки в разных направлениях поперек троп, свел концы за грудой камней.

— Зараз я на границі, як той паук,— сказал он.— Зачепыться муха, бежу дывытися, шо воно такэ.

— Сегодня мухи паука едва не съели,— заметил Яков.

— А то...— согласился Дзюба.

Устроившись неподалеку от Степана так, чтобы контролировать сразу две тропы, Кайманов плотнее закутался в ватную куртку, стал ждать. От настывших скал веяло холодом. Тихо. Только откуда-то из ущелья доносится волчий вой: то ли голодный вопль зверя, то ли условный сигнал подающего голос контрабандиста.

Ночью ветер усилился. Сначала он лишь посвистывал в сухих стеблях травы, потом разгулялся, стал пробирать до костей. Какая-то не видимая в темноте травина загудела на разные голоса, старательно и нудно, словно уже теперь предвещала время зимних буранов.

— Эко ветерок сифонит,— поеживаясь, пробормотал Яков. Он все старался устроиться поудобнее, не находя места больной, натруженной ноге. От холодных камней стал мерзнуть.

Раньше не раз приходилось ему так вот проводить ночи в горах, и ничего, а вот теперь этот вынужденный отдых оказался настоящей пыткой. «Слабеть, верно,

стал, отвык по горам бегать,— невесело подумал он.— И так нехорошо, и эдак неладно: сидеть хуже, чем идти, идти еще труднее... Пойдешь в потемках, чего доброго, опять с обрыва слетишь...»

Нудно и гнусаво посвистывала на ветру невидимая травина. Яков протянул руку, осторожно сломал вокруг себя несколько сухих стеблей, торчащих из расщелин. Словно в отместку, гудение под порывом ветра стало еще злораднее и громче.

— Чтоб тебя разорвало! — пробормотал Яков, решив больше не обращать внимания на гнусавый звук. Однако он никак не мог от него отделаться. Казалось, сама боль в бедре подавала голос.

Во всей вселенной только и остались сейчас опустившаяся на склоны гор холодная темнота, боль в бедре да этот ноющий звук.

Несколько успокоившись, Яков погрузился в то полудремотное состояние, когда все внутри замирает, остается один слух. Он чувствовал себя как в полусне, уже ни на что не реагируя: ни на боль в ноге, ни на холодные камни, ни на забирающийся под ватную фуфайку холодок. Только ни на минуту не прекращавший свою работу мозг автоматически отмечал каждый шорох, каждое движение воздуха.

Час за часом сидел он в таком сторожком оцепенении. Казалось, время остановилось и в то же время течет так полно и быстро, будто под покровом темноты проходит вечность — не задремать бы, не пропустить такого же чуткого врага, затаившегося в этих холодных, звенящих от студеного ветра скалах.

Яков не знал, сколько прошло времени, но по едва заметным признакам определил: скоро рассвет. Стало еще холоднее. Время от времени крупная дрожь сотрясала его тело, словно ветер забирался за воротник и пробегал по спине, как по настывшей осенней воде

полосами ряби. «Не хватает еще простуду схватить»,— подумал Яков, стараясь двигать лопатками, локтями, всем корпусом, чтобы хоть немного разогреться.

Но странное дело: как ни плохо он чувствовал себя, на душе было спокойно. Эта ночь возвращала Якову границу. Пусть он не совсем здоров. Но никто не снял с него, возглавлявшего теперь на Даугане гражданскую власть, обязанностей защитника границы. Никто не давал права забывать, что он остается для нарушителей грозным Черным Беркутом — Кара-Кушем, слава о котором разнеслась по всей округе. На границе нет места слабым. Только сильным по плечу суровые испытания. Лишь в борьбе возникает ощущение полета, такого же высокого, как полет горных орлов, за которыми еще в детстве наблюдал он часами.

Утро не принесло облегчения. Наоборот, после многих часов неподвижного сидения на холодных камнях все тело казалось скованным железными обручами. Якова то бил озноб, то бросало в жар. Немало времени потратил он только на то, чтобы подняться на ноги, распрямиться, сделать первый шаг. В довершение всего, с рассветом пошел снег, стал заметать и без того узкую, местами обледенелую тропу.

— Давай, Яшко, визьму я тебя на загорбок тай понесу,— предложил Дзюба.

— А контрабандисты

нападут, как будем отбиваться? Возьмешь меня за ноги и станешь махать?

— Так уж нема кому нападать,— не совсем уверенно ответил Дзюба.

— Найдутся...

«Да что, в самом деле, не инвалид же я,— подумал про себя Яков.— Дойду...»

Ему было важно именно сейчас, сегодня, пересилить себя, вновь почувствовать свое ловкое и неутомимое в походах тело сильным и здоровым, победить боль, острыми зубами вгрызавшуюся в бедро. Он срубил охотничьим ножом крепкую палку, с трудом протащил свою больную ногу несколько метров. Отдохнул. Снова двинулся вперед, опираясь на палку и широкое плечо Дзюбы, порой едва не вскрикивая от боли.

Так он ковылял бесконечно долго, потеряв счет времени, всей грудью хватая сухой, морозный воздух. Снег все не прекращался, переползая языками поземки через тропу, заметая следы.

Из-за порыжевшего бугра показалась наконец крыша барака ремонтников.

— Эй, Степан! — Яков хлопнул по плечу Дзюбу.— А ведь дошли мы с тобой, доковыляли. Затопим сейчас печку, погреемся чайком, смотришь, попутная машина подвернется.

— Не, Яшко, не будет машины,— возразил Дзюба.— Вчера по радио передавали: буран идет.

— Что ж ты не сказал, когда просились по следу идти?

— Так и в буран треба службу нести. Послал начальник, значит, надо.

Силы Якова были на исходе. Рубаха прилипла к спине. Но он ни о чем не жалел, не осуждал Дзюбу. В сущности, они уже пришли к бараку. Осталась еще одна сотня шагов, не больше.

Но тут случилось неожиданное: Яков поскользнулся и, чувствуя, как страшной болью выворачивает ногу, всей тяжестью грохнулся на снег. Дзюба сгреб его в охапку, кряхтя, взвалил на спину, вполголоса отпуская смачные выражения, одинаково звучавшие и на русском и на украинском языках, двинулся, как танк, на штурм барака.

— Ох Степан,— морщась от боли, едва проговорил Яков,— не везет тебе со мной. Второй раз ты меня, точно дите, на руках несешь.

— Я чувалы по пять пудов, как кошенят, тягал,— отозвался Дзюба.— Один под одну руку, второй под другую. А тебя одного визьмешь, очи вылазят.

Кайманов промолчал. В голове у него мутилось, перед глазами плыл красный горячий туман, тошнота подступала к горлу. Он не помнил, как Дзюба притащил его к бараку, как искал ключ и открывал дверь, потом, уложив его на нары, принялся растапливать печку. Очнулся лишь после того, как от накалившейся докрасна печки по всему бараку незримой волной заходило тепло. Его охватило ощущение дома и покоя, когда никуда не надо торопиться, ничего не надо делать, можно в полудреме лежать и слушать, как посвистывает за стеной холодный ветер, трещат и стреляют поленья в раскалившейся печке да громко и победно гудит огонь. Но вдруг словно кто-то толкнул его, и он даже попытался встать, разозлившись на себя, что поддался слабости, потерял контроль над своей волей. Завозившись на нарах, он едва не закричал от пронизавшей все тело мучительной боли.

— Ты чего, Яшко? — обернулся к нему Дзюба, уже разыскавший оставленные в бараке полплитки зеленого чая и хлеб.

— Ослаб я, Степа. Мокрый весь,— словно извиняясь, сказал Яков.— Надо бы рубаху посушить...

Дзюба принялся стаскивать с него телогрейку и промокшую толстовку вместе с нижней рубахой. Якова бил озноб. Раздев его донага, Дзюба накинул ему на плечи одеяло и обложил со всех сторон матрасами. Развесил одежду над печкой. Снял с плиты уже шипевшие на сковородке консервы. Поставил на огонь чайник с водой.

— На машину нема надии. Нэ будэ машины, пиду пишки. Треба тоби доктора, а то нехай хочь Али-ага прыйдэ.

— Не вздумай Светлане обо мне говорить,— предупредил Яков.— Утихнет буран, пусть подъедет Али-ага, а там, глядишь, и машины пойдут.

— Куды там у машину,— возразил Дзюба.— У тэбэ жар. Продмэ у дорози як, цуцыка.

Отрезав большой ломоть хлеба, он положил на него почти полбанки консервов, неторопливо поел, выпил кружку горячего чая.

— Ты тэж заправся, Яшко,— сказал он.— А то зовсим занедужаешь...— и, помолчав, добавил: — Ну, я пиду...

Он обмотал шею и голову вместо башлыка простыней, попрощался и вышел на улицу.

«Как бы не заблудился! Замерзнет еще»,— встревожился Яков. Долго прислушивался, не вернется ли Дзюба. За стенами барака с нарастающей силой выл ветер...

Яков сидел на нарах против печки и смотрел в огонь, стараясь ни о чем не думать, не шевелиться. Острая боль в бедре немного поутихла. Он поел, снова укутался в одеяло.

Вскоре надвинулись ранние сумерки. Не было еще, наверное, и четырех часов пополудни, а углы барака стали тонуть в притаившейся темноте, все ближе и ближе подступавшей к нарам. Под полом скреблись и

шуршали мыши. Яков посмотрел в окно. В не успевшие еще замерзнуть стекла молча бились снежные птицы, метались за стенами барака, цеплялись когтями, шуршали перьями, сталкивались и взмывали кверху, чтобы снова ринуться вниз до самой земли.

Подбросив в печку сучьев, прислушиваясь к завыванию ветра, Яков думал о том, что̀ теперь творится на обледенелых хребтах и карнизах, в продуваемых насквозь ущельях. Что карнизы! На асфальтовой дороге и то занесет снегом. Дойдет ли Дзюба до поселка? Сообщит ли старому Али? А если сообщит, решится ли старик приехать в такую пургу? Хоть и опытный он человек, но буран кого хочешь закружит. И вместе с тем Яков не сомневался, что Али-ага приедет. Машины не будет, на ишаке приедет, ишака не достанет, пешком пойдет. Только добрался бы, не замерз в пути...

Трудно зимой в горах, когда перед бурей засвищет ветер в вершинах, словно вздохнут сами горы. Разнесется такой вздох по скалистым кручам, и сразу, будто спущенная с цепи, вырвется изо всех ущелий пурга, начнет швырять в лицо пешему и конному заряды снега. Не то что дорогу, света не взвидишь. Только слышится сквозь шум и свист ветра тоскливый вой голодных волков да тяжкий грохот снежных обвалов. И снова с угрюмым завыванием налетают вихри снега на стены и крышу барака, будто во всей вселенной не существует больше никаких звуков.

Жарко пылает в печке огонь, но Яков никак не может справиться с охватившим его ознобом. Кутается в одеяло, пробует рукой все еще не просохшую, дымящуюся паром одежду. Временами ему кажется, будто он не в бараке, у ярко пылающей печки, а все еще там, на горных тропах, заметаемых языками поземки.

Холодно, жутко зимой в горах. Редкий смельчак рискнет пробираться в пургу по обледенелым карнизам.

Угрюмо стерегут дозорные тропы завьюженные скалы, звенящие на ветру... Чуть ли не каждую весну, когда сбегает снег ручьями со склонов, находят в ущельях и пропастях то замерзшего чопана, то труп контрабандиста.

Время движется медленно. С каждым часом Якова охватывает все большее беспокойство. Бандитов он не боится: самые отчаянные сейчас отсиживаются в гавахах. Если и сунется кто в барак, винтовка под рукой. Страшнее другое. Он прикован к этим проклятым нарам, не может сдвинуться с места, а там, на дороге, заметаемой бураном, наверное, все еще пробирается к заставе Дзюба. Он сильный и закаленный, на заставу придет, но что, если решится пойти сюда ночью старый Али-ага? Хоть бы Савалана или Барата взял с собой.

Озноб сменился жаром. Яков откинул одеяло. То ли во сне, то ли от высокой температуры стали наплывать видения из недавнего и далекого прошлого. Сознание мутилось. Трудно было отличить действительность от подступавших изо всех углов лиц и образов...

Вдруг ему показалось, что какой-то новый звук вторгся в непрерывный вой и свист ветра. Не то почудилось, не то на самом деле услышал он стук колес, фыркание лошади, удары копыт о каменистую дорогу. Барак стоял метрах в ста пятидесяти от асфальтированного шоссе. Значит, кто-то был совсем близко.

Звуки на минуту стихли, потом возникли снова, будто телега то въезжала в сугроб снега, то опять катилась по обледенелым камням.

За стенкой скрипел под чьими-то шагами снег. Яков поднялся, откинулся на матрас, который подложил ему под спину Дзюба, с удивлением отметил про себя, что за окном уже светает. Значит, прошло уже несколько часов, как он здесь, в бараке.

Дверь распахнулась, тут же захлопнулась. У порога остановилась закутанная до самых глаз женщина.

Яков подумал, что ему снова привиделось: над ним склонилась Светлана со снежинками, тающими на бровях и раскрасневшихся щеках.

Тревога, сострадание, даже на какой-то миг недоверие (кровью-то архара мазался?) — все это промелькнуло в ее темных с алыми отблесками от пламени печки глазах.

Яков боялся пошевелиться: казалось, стоит сделать движение, и Светлана исчезнет. Но она не исчезла, а подошла к раскалившейся печке и стала греть над ней озябшие руки, внимательно наблюдая за ним из-под темных, искрящихся капельками влаги бровей.

Огромная радость охватила Якова. Увидев, что Светлана направляется к нему, он закрыл глаза, благодарно улыбнулся, почувствовал, как холодная рука на мгновение прикоснулась к его пылающему лбу.

Не проронив ни слова, Светлана открыла чемоданчик и стала доставать какие-то свертки, а он лежал и счастливо улыбался, не зная, как благодарить судьбу, пославшую ему такое чудо.

— Здравствуйте, Светлана Николаевна,— негромко сказал Яков.

— Здравствуйте. Пока не вижу особых причин для веселья,— ответила она.

Но его уже не могли обмануть ни ее деловитость, ни подчеркнутая сухость. Она приехала, рискуя в такую непогоду замерзнуть. Она любит его! Разве он, гроза контрабандистов, бесстрашный Кара-Куш, не достоин ее любви? Сила и смелость нравятся женщинам. И того и другого ему не занимать. С кем она приехала? Почему никто не входит вслед за ней?

Яков послушно проглотил какую-то таблетку, так же послушно поворачивался и на спину, и вниз лицом,

когда Светлана, бледная и сосредоточенная, заметно волнуясь, выслушивала его. Ничто не ускользнуло от его внимания — ни ее бледность, ни волнение.

Зная, наверное от Дзюбы, что у Якова опять повреждено бедро, Светлана откинула одеяло. Он попытался прикрыться, но она решительно остановила его руку.

— Все-таки я медик,— сказала она, внимательно осматривая и ощупывая опухший сустав. Затем принялась накладывать тугую повязку. С удивлением спросила:

— И вы пришли сюда с такой ногой от перекрестка троп?

— Как видите, пришел...

Яков сжал ее небольшую, красивую, с округлым запястьем, тонкими пальцами руку.

— Света! — чувствуя, как все внутри сжалось в комок, а нервы напряглись до предела, позвал Яков.

— Что, Яша?

Он видел, как зарумянились ее щеки, приподнялся, попытался притянуть ее к себе.

Светлана не оттолкнула его, но и не приблизилась. Слегка отстранившись, посмотрела в глаза долгим, пытливым взглядом, от которого Якову стало вдруг не по себе.

— Спасибо, что приехала...

— Да, Яша...

В этом «да» он услышал: «Не могла не приехать, потому что ты дорог мне».

— Только должна сейчас же уехать,— словно отвечая на его мысли, сказала она.

— Почему? В такой буран? Никуда тебя не пущу!..

— Пустишь, Яша...

Ему показалось, что Светлана сделала движение, как будто хотела положить голову ему на грудь. Закрыв

на мгновение глаза, она еще больше отстранилась от него, с трудом проговорила:

— Заболел твой Гришатка... Ольга осталась с ним... Надо срочно возвращаться, боюсь, пневмония...

Якова словно кипятком обварило. Откинувшись назад, он закрыл глаза рукой и так лежал, оглушенный, не в силах собрать разбегающиеся мысли.

«Гришатка... Сын... Вот возмездие! За одну лишь попытку изменить семье — жестокая кара!»

Он снова рывком приподнялся на своем ложе, едва не вскрикнул от боли в бедре.

— Еду с тобой!..

— Зачем? Отец нужен семье здоровый. У самого вся грудь хрипит, нога никуда не годится. Выйти отсюда раньше чем через неделю нечего и думать.

Яков снова лег на нары, до подбородка натянул одеяло. «Да, семье нужен отец... здоровый...» Он чувствовал всем своим существом, что Светлане очень непросто было все это сказать, но она уже взяла себя в руки. Погрустневшая и осунувшаяся, стала собирать и укладывать в чемоданчик перевязочный материал, шприц, какие-то ампулы.

Распахнулась дверь, в облаке пара вошел в барак Дзюба.

Яков закрыл глаза: ни говорить сейчас, ни видеть кого-нибудь, даже Дзюбу, он не мог.

Но Степан есть Степан. Пройдя пешком в буран весь путь от барака до Даугана, он привез сюда Светлану и сейчас снова повезет ее обратно, потому что она очень нужна была ему, Якову, и еще больше нужна там, на Даугане: тяжело болен Гришатка... Теплое чувство к Степану Дзюбе возникло и пропало: все заслонила собой тревога о сыне.

— Ну як воно дило? — услышал он хрипловатый с мороза голос Дзюбы. По звукам понял, Степан подошел

к печке, греет над раскаленной конфоркой озябшие руки.

— Кажется, уснул,— бесстрастно ответила Светлана. — Положение серьезное, но не смертельное,— как показалось Якову, с горькой иронией к самой себе добавила она.

— Тоди пойихалы, бо витэр дмэ, аж у ушах свыстыть: з вечора буранята бураныли, а зараз, мабудь, бураний батько прыйшов...

Яков не пошевелился и тогда, когда Светлана, снова надев полушубок и закутавшись платком (все это, приоткрыв глаза, он наблюдал сквозь частую сетку ресниц), подошла к столу, прикрутила фитиль «летучей мыши» и, окинув взглядом барак, вышла. Вслед за ней, крякнув и повыше подняв воротник полушубка, вышел Дзюба.

Гулко ударила о косяк захлопнувшаяся дверь. В барак ворвалось облако пара. Яков услышал, как затарахтели по камням колеса. Сквозь свист и завывания ветра донесся цокот копыт по камням, но уже дальше.

Опираясь на палку, он кое-как дотащился до порога и, не обращая внимания на ворвавшийся в барак вихрь снега, распахнул дверь, крикнул в темноту:

— Светлана!.. Вернись!..

Слишком слабым оказался в завываниях бури его голос. Яков понял: даже если слышала, не вернется...

Чувство страшной пустоты и одиночества охватило его. Самое дорогое и близкое, что было в жизни, с кровью отрывалось от души. Хотелось бежать за возком, кричать, пока не поздно остановить, вернуть Светлану. Но ничего этого он не сделал, не мог сделать. По-прежнему стоял у распахнутой двери и неотрывно следил за удаляющимся возком, увозившим частицу его самого. От страшного напряжения в глазах вдруг потемнело. Ослепительно белый снег стал казаться зеленым, потом

черным, а удаляющийся возок — мертвенно-белым. Такими видел Яков в памятный сенокос освещенные молнией стога, когда вдруг полыхнуло над головой нестерпимым светом и словно выхватило из мрака скошенный луг, вспыхнувшие безжизненным белым светом камни, и — вдали, на фоне сизой грозовой тучи, два мертвенно-белых стога.

В тот же миг это непонятное, страшное видение исчезло, словно разрушенное громом, но навсегда осталось в памяти.

Так он стоял у открытой двери, пока не почувствовал, что совсем застыл. Когда снова посмотрел вдоль заснеженного шоссе, дорога была уже пустынной, только время от времени пробегал по ней ветер, заметая поземкой следы возка.

Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Яков с огромным усилием прикрыл за собой дверь и, все так же опираясь на палку, дотащился до нар, упал на свое ложе.

Очнулся от яркого дневного света, бившего прямо в глаза. Теперь он лежал на матрасе под одеялом. То ли нервная встряска минувшей ночи, то ли лекарства Светланы подействовали, но чувствовал он себя гораздо лучше.

В бараке прибрано и натоплено. Он поискал глазами, стараясь понять, кто все это сделал, надеясь втайне, что Светлана вернулась. Хотел подняться, посмотреть в окно, нет ли под навесом знакомого возка с красным крестом.

Открылась дверь, у порога остановился высокий туркмен в папахе-тельпеке, меховой безрукавке, чесанках из верблюжьей шерсти.

«Амангельды! Как он сюда попал? Где Светлана? Доехали ли они со Степаном до заставы? Что с Гришаткой?»

Амангельды молча что-то искал на полу, на нарах, осматривая каждую щелку. По бараку разнесся удушливый запах паленой тряпки.

— Ёшка,— не оборачиваясь, сказал Амангельды.— Сюда идет твоя жена Оля. Барат привез ее на попутной машине. Я все убрал, запах духов паленой тряпкой сменил. Оля не должна знать, что здесь ночью была Светлана-ханум.

«Все знает,— подумал Яков.— Притворяться спящим бессмысленно».

— Сагбол, Амангельды,— пробормотал он.— Скажи только, доехала ли Светлана до заставы?

— Дома твоя Светлана.— Амангельды помолчал.— Оле ничего не скажу, тебе скажу,— продолжал он.— Отнять жену у врага — хорошо. Отнять жену у друга — три раза плохо: плохо другу, плохо твоей жене, плохо твоим детям. Сам думай, я ухожу. Я не хочу видеть тебя врагом своего друга.

— В том-то и дело, дорогой Амангельды,— ответил Яков,— что никто ни у кого жену не отнимал...

Но сам-то Яков знал, что не останови его Светлана известием о болезни Гришатки, слова следопыта были бы справедливыми.

Амангельды хотел было что-то ответить, но не успел: послышались шаги, открылась дверь, в барак вошла Ольга.

Яков с каким-то новым для него чувством смотрел на нее: пока он тут был занят проблемами, любит или не любит его Светлана, Ольга, сама дожидаясь ее, боролась за жизнь Гришатки. Невольно он посмотрел на ее руки. Они казались теперь самыми обыкновенными, может быть немного крупными, но умелыми, главное, знакомыми и привычными, родными.

— Что стряслось-то? — подходя к нему, с тревогой спросила Ольга.— Ранен? Упал с карниза?

— Нет, Оля, не ранен,— сказал он.— И не упал... Оступился... Вроде ногу вдругоряд растянул или вывихнул да еще простыл немного. Скажи лучше, что с Гришаткой? Амангельды от кого-то слыхал, что сын у нас заболел, а что с ним, толком не сказали.

От внимания Якова не ускользнуло, как брезгливо поморщилась Ольга, почувствовав в бараке запах паленой тряпки. (Спасибо тебе, Амангельды, что и это догадался сделать: пахнет тряпкой, значит, лечили не по-ученому, по-местному.)

— Сейчас лучше. Светлана твоя два раза приходила, с вечера и перед утром. Во второй раз совсем закоченела: ночью ее еще к какому-то больному вызывали, как бы сама-то не свалилась...

Ольга подошла к Якову, сняла платок, приложила ухо к его груди. Он машинально стал гладить пушистые завитки волос на ее шее и за ушами. Она сначала притихла, потом отстранилась, посмотрела ему в лицо:

— В груди у тебя все свистит и хрипит. Что хоть болит-то?

— Пройдет. С кем Гришатку оставила?

— Попросила Фатиме за ним приглядеть. Светлана сказала, еще придет. Как ты-то будешь? Утром Амир Галиев приходил, сказал, что тебя Дзюба чуть не на себе приволок, а что с тобой, не сказал.

— Никто меня не волок, сам пришел,— самолюбиво сказал Яков, не в силах больше выдерживать тревожный взгляд Ольги.

Вошел Амангельды. На светлом фоне проема двери четко вырисовывалась его фигура.

«Что ж, дорогой Амангельды, ты во всем прав: отнять жену у друга или у врага — это, прежде всего, свою потерять...»

Откинувшись на подушки, Яков устало прикрыл глаза, негромко сказал:

— Спасибо, что приехала. Думал, побоишься бурана...

— Буран кончился. Дай хоть ногу-то посмотрю, может, растереть надо?

— Амангельды все уже сделал: бинтом ногу втугую затянул.

Ольга, кажется, поверила. Да и как не поверить? Сейчас только утро, а ночью был такой буран, что никто и носа не посмел бы высунуть.

— Как он только тебя нашел? Хороший человек, спасибо ему.

— Следопыт...

На душе у Якова было так скверно, что ему хотелось забыться, ничего не видеть и не чувствовать. Конечно, Ольга думает: «Откуда у Амангельды бинт? Что он, участковый врач или медицинская сестра? Походную аптечку бригада наверняка с собой унесла». Уж лучше бы отругала. Была бы причина обидеться...

Но жена казалась спокойной. Догадывается ли? Или по-прежнему верит ему? А Светлана? Любит ли он Светлану? Кого он любит: жену или Светлану, или ту и другую?

— Поезжай домой,— сказал Яков.— Ни о чем не тревожься. Мне лучше. День-другой отлежусь, тоже прикачу. Гришатку береги...

Ольга не ответила. Молча стала вытаскивать из вещевого мешка, с какими ходят через границу контрабандисты, домашнюю еду, чистое белье, простыни. Аккуратно разложила все на полке, прибитой так, чтобы до нее не добрались мыши. Стала собираться в обратный путь. Хозяйственные заботы и сборы, кажется, отвлекли ее внимание.

— Я поеду, Яша,— замотавшись платком и подпоясав полушубок, сказала она.— Боюсь за Гришатку.

— Поезжай... Ни о чем не тревожься,— повторил он больше для себя, чем для нее.

Ольга, задумчивая, словно в чем-то сомневающаяся, направилась к выходу. Навстречу ей, распахнув дверь, вошел Барат, держа в руках пару наспех сработанных, но крепких и надежных костылей. Скорее всего, он дострагивал их уже здесь, пока Ольга была в бараке.

— Бери, Ёшка, годятся и ходить, и по спине тебя охаживать, чтобы дома сидел, меньше по горам бегал.

— Сагбол, Барат, теперь я до самого Даугана доскачу.

Он и правда обрадовался такому подарку, удивляясь, когда только Барат успел сделать костыли.

Яков так устал за последние полтора часа, что, вытянувшись на топчане, долго лежал, не пытаясь ловить мелькавшие и куда-то уходившие обрывки чувств и мыслей. Что-то в нем рушилось, что-то рождалось новое. Он снова впал в оцепенение, такое же, как на перекрестке троп, где сидел, затаившись на холодных камнях, смотрел и слушал, стараясь не пропустить врага. Но там враг был привычный, осязаемый, видимый, а здесь... Кто он, этот враг? Как его рассмотреть, если он сидит где-то внутри и бороться приходится с самим собой?

Глава 4

ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ

Вернувшись на Дауган, Яков, едва передвигаясь на костылях, целые дни проводил в поселковом Совете.

До сенокоса и уборки сена оставалось еще достаточно времени, но начинать подготовку к лету надо заблаговременно. Сено — главный источник дохода колхоза,

и надо сделать все возможное, чтобы заготовить его как можно больше.

Богатейшие горные луга Асульмы с незапамятных времен дарили человеку прекрасные травы. Гравия в горах тоже хватало, но для дороги теперь его требовалось меньше. А после того, как вся дорога покроется асфальтом, он вообще будет почти не нужен. Значит, только в этом году можно заработать на гравии. В будущем такой возможности уже не представится.

Не оставляла Якова надежда и на то, что через Наркомзем республики удастся получить овцематок взаймы у колхозов. Это еще одна задача, решить которую совершенно необходимо.

Подсчитывая будущие доходы, советуясь с Балакеши и колхозниками, докладывая о планах развития экономики Даугана на заседаниях поселкового Совета, он зримо представлял себе тысячную отару овец, огромное стадо коров...

На работу приходил обычно с рассветом, чтобы в тишине, до появления посетителей, которых с каждым днем становилось все больше, подумать о делах и заботах предстоящего дня. В один из таких утренних часов он услышал блеяние овец, крики чопанов, лай собак. Прислушался. Что это? Откуда отара? На дворе зима, снег. В такое время пасти овец можно лишь на черных землях. Кто пригнал отару в горы? Может, ему все это кажется, потому что так много думает последнее время об овцах? Нет. Гортанные крики чопанов, хлопанье бича, дробный стук тысяч овечьих копыт, лай собак слышатся совершенно отчетливо.

Подхватив костыли, накинув на плечи фуфайку и надев шапку, он в два маха бросил свое сильное тело к двери, выскочил на крыльцо. Вдоль шоссе сплошной массой текла огромная овечья отара в сопровождении доброго десятка чопанов.

— Ай яш-улы! Салям, дорогой! Живой-здоровый? А говорили, совсем мало-мало помирал! — послышался звонкий голос.

Прищурившись и закрываясь рукой от яркого, слепящего света, исходившего, казалось, от самого снега, он узнал приветствовавшего его человека. На великолепном ахалтекинце гарцевал, лихо избоченясь, Аликпер Чары-оглы.

— Коп-коп салям, Аликпер! — искренне обрадовавшись, воскликнул Яков.— Смотри, какой ты богатый стал, тысячную отару ведешь! Надо тебя раскулачить. Как раз я думал, где мне для поселка овечек взять!

— Ай Ёшка, не меня надо раскулачить. Надо хозяина за ноги повесить! Смотри, как поздно отару к нам на черные земли ведет.

Яков живо вспомнил, что именно таким способом Аликпер пытался казнить бандита, убившего дорожного мастера Бочарова и пограничника Шевченко.

— Зачем его вешать, дорогой? Пусть живет,— возразил он, жадными глазами следя за овцами, идущими сплошным потоком, как волнующийся серый ковер. Овцы были грязными и обшарпанными. Но стадо, о каком мечтал Яков, вот оно — шло по заснеженной дороге мимо Даугана.

— Как зачем вешать? — спешиваясь и привязывая коня, воскликнул Аликпер.— Смотри, какие худые овечки: вошка совсем загрыз. Шерсть только на кошму годится. Мясо нет, жир нет, совсем плохо! Барашке плохо! Хозяину плохо! Одному Аликперу хорошо. На границе считать мало меньше надо.

— Послушай, дорогой,— спросил Яков,— а хозяин где? С отарой идет или у контрольно-пропускного пункта остался?

— С отарой идет. Всю дорогу «Ай-вай!» кричит.

Обратно к себе тоже нельзя возвращаться: там, в горах, давно все пастбища снегом замело.

— Веди сюда хозяина.

Высокий, высохший в походе курд Мухамед Байрам подъехал к поссовету, по приглашению Якова и Аликпера вошел в помещение. Глаза его блеснули радостью, когда он увидел на столе приготовленные Алексеем Нырком три пиалы и три небольших чайника.

— Чай — харашо,— сказал он по-русски.

Продать баранов Мухамед согласился неожиданно быстро (видно, падеж в отаре стал действительно угрожающим). В несколько минут он договорился с Яковом о продаже пятисот овцематок по очень дешевой цене, с условием, что колхоз заплатит за них товарами из кооператива.

Конечно, для заключения такой сделки необходимо было решение общего собрания колхозников или, по крайней мере, правления. Да и договариваться о покупке следовало вместе с Балакеши. Но Яков решил не терять времени, всю ответственность взять на себя, потом убедить колхозников, что поступил правильно. Когда еще выпадет случай купить овец по такой дешевой цене! Не беда, что они истощены и завшивлены, зато дешевые...

— Аликпер-джан,— обратился Яков к своему старому другу.— Ты помогаешь в таможне отары считать, скажи, дорогой, какими товарами можно заплатить за них хозяину?

— Сам знаешь, Ёшка,— пожав плечами, отозвался Аликпер.— Сахар, галоши, мануфактура... Зря ты это делаешь. Ведь подохнут овцы, до овчарен не доведешь.

Яков сделал вид, что не расслышал. Его утешало то, что в переводе на деньги каждая овца стоила три рубля, тогда как действительная стоимость овцематки, по меньшей мере, двенадцать рублей.

Аликпер с возмущением наблюдал, как на его глазах совершалась, казалось бы, самая немыслимая сделка. Не выдержал, незаметно кивнул другу, вслед за ним вышел из барака:

— Ай Ёшка! Ты совсем глупый стал. Зачем тебе пятьсот больных овец? Чем лечить, чем кормить будешь? Они ведь завтра же все сдохнут.

— Ничего, Аликпер, выходим. Вот этими руками выходим!

Отвечая Аликперу, он знал, что теперь ни за что не расстанется с так удачно купленными овцами.

— А платить чем будешь? Ты, наверное, бай, Ёшка! Пятьсот овцематок по три рубля — полторы тысячи! Откуда у колхоза такие деньги?

— В том-то и дело, Аликпер, нет у нас этих денег. С деньгами кто хочешь купит, а ты попробуй так выкрутись. Сейчас созовем общее собрание колхозников. Уверен, поддержат!

— Как можно без денег покупать? А чем ты их кормить будешь? Я знаю, в колхозе у вас нет ни сена, ни отрубей. Карачун с заставы много не даст — у самого норма. Сначала думай, дорогой, потом покупай!

— И кормить нечем,— согласился Яков,— а все равно овцы нужны. Люди сразу должны почувствовать разницу между единоличным и коллективным хозяйством. Одному купить сразу пять или десять овец не на что, а всем вместе пятьсот можно. Отправим в город бумагу, чтобы в дорожном управлении дали взаймы

ячменя. Весной гравием расплатимся... Пойдем к Мухамеду, дорогой, что же мы его одного оставили.

Теперь Яков уже боялся, как бы Мухамед Байрам не отказался от продажи овец. Конечно, в дорожном управлении могут не дать ячменя, а колхозники не согласятся платить за овец товарами из кооператива, взятыми в долг. Но иного выхода он не видел. Единственная надежда на сено. Богатый сенокос будущего года должен покрыть все расходы. Гравием колхоз расплатится за ячмень, сеном — за товары, которые возьмет оптом в кооперативе. Атагельдыев обещал пятьдесят тысяч на ремонт кяризов. Это огромные деньги. Удастся с помощью государства получить воду, и за то большое спасибо! А с овцами и со всем остальным надо самим управляться...

Окрыленный мечтами, Яков послал Алексея Нырка за Балакеши: надо было срочно созвать общее собрание колхозников.

Чабаны быстро отделили от отары пятьсот овцематок и несколько баранов. Истощенные и больные животные еле держались на ногах, жалобно блеяли.

Начали собираться колхозники. С тяжким недоумением смотрели они на едва передвигавшихся овец, которых чабаны уже загоняли во двор караван-сарая. Яков стоял тут же, опираясь на костыли, наблюдая за хмурыми лицами дауганцев.

— Ай Ёшка, зачем ты это сделал? — сказал, остановившись рядом, Балакеши.— Зачем у колхозников разрешение не спросил? Если бы кто другой таких овечек купил, я бы прокурору письмо написал.

Балакеши, разумеется, прав. Председатель поссовета явно превысил полномочия, не посоветовался с колхозниками. Но ведь нельзя было упускать случай. Попробуй купи еще где овец так дешево! Яков попытался отшутиться:

— Как ты, дорогой, письмо прокурору напишешь, если писать не умеешь? Одну свою фамилию поставишь, прокурор ничего не поймет.

Шутку встретили тягостным молчанием.

— Они заразные,— присмотревшись к овцам, сказал Балакеши.— Воши по ним, как кочахчи, отрядами ходят. Ты, наверное, за вошей отдельно платил?

— Ну что тебе воши? — уже с раздражением произнес Яков.— Разве ты из вошей будешь шашлык жарить? Ты овечек смотри! Через полгода их не узнаешь. Возьмем золу, горчичное масло, натрем шкуры, поставим тепляки, купать овечек будем, а поправятся — на свежий воздух пустим. Своя отара будет.

— Говоришь складно, да будет ли ладно,— в тон ему ответил Балакеши.

С сомнением цокали языками даже самые близкие друзья Якова, молча упрекая его в самоуправстве.

Яков начал отчаиваться:

— Савалан! Барат! Мамед! Что стоите? Давайте разбирайте по десятку!

— Что ты, Ёшка, как — разбирать? — воспротивился Барат.— Я теперь свою шубу три года не надену: чесаться буду.

— Тебе, Барат, шуба не нужна. В овчарнях будешь печки делать. А когда работаешь, без шубы тепло.

Он все еще пытался шутить, но его шутки не достигали цели. Чувствовалось, еще минута — и все потихоньку начнут расходиться.

— Прокурору все-таки надо написать,— раздался чей-то раздраженный голос.

Яков поискал глазами, кто это сказал. Увидел невысокого, ничем не примечательного туркмена, по имени Аббас-Кули. Чтобы не разжигать страстей, спокойно ответил:

— Пиши, Аббас-Кули. Это твое право. Только что

ты скажешь, когда овечки поправятся и у нас будет своя отара?

И опять никто не поддержал Кайманова. Положение становилось критическим.

Неожиданно вперед вышла Ольга, держа за руку Гришатку. Метнув в сторону мужа гордый взгляд, она подошла к овцам, держа в фартуке то ли овес, то ли ячмень. Певуче сказала:

— Чего смотреть-то на них!.. Овец не видели? А ну, сынок, подгони хворостинкой вон ту, с белой звездочкой, а теперь эту, черненькую...

Раскрыв фартук, она поднесла его к мордам ближайших овец и стала выходить из толпы. Голодные животные сначала насторожили уши и замерли, втягивая запах зерна, потом несмело потянулись за Ольгой.

— Кыць! Кыць! Кыць! — тут же раздался энергичный голос жены Барата — Фатиме. Она без лишних слов отбила от стада десяток овец и погнала к своему дому.

С удивлением Яков поглядел на Ольгу, встретил ее довольный и радостный взгляд. С какой сдержанной гордостью она выручила его в самую трудную минуту!

Вслед за Ольгой и Фатиме стали разбирать овец по домам и другие колхозники. Некоторые с явной неохотой, а у многих уже разгорелся хозяйский зуд. В самом деле, стоит хорошенько потрудиться, и через несколько месяцев у колхоза будет своя большая отара!

«Спасибо тебе, Оля, что выручила. Спасибо и тебе, дорогой Балакеши, что недолго обижался за ущемление твоих прав руководителя колхоза! Спасибо и вам, друзья, за доверие. Но доверие ли? Может, колхозники просто не хотят в глаза правду сказать, а за глаза кто-нибудь сообщит прокурору. Ладно, время покажет...»

Он искренне надеялся, что к весне на Даугане будет своя отара.

В конце декабря на Дауган приехали мелиораторы исследовать и ремонтировать кяризы.

Сухонький проворный старичок в телогрейке и треухе, тот самый, что составлял смету, бодрым шагом обошел всю трассу, заглянул, словно принюхиваясь, чуть ли не в каждый колодец, попросил председателя поссовета собрать рабочих.

Зимой и ранней весной, когда приостанавливается ремонт дороги, свободных от дел людей на Даугане хоть отбавляй. Правда, долбить землю зимой нелегко. Но ведь кяризы нужны всем. К тому же земля здесь промерзает совсем неглубоко — на каких-нибудь сорок — пятьдесят сантиметров. А в галереях вода не замерзает.

Послушать специалистов-мелиораторов в поселковом клубе собралась добрая половина жителей Даугана. Сам собой возник митинг. Надо было сказать собравшимся какие-то очень теплые, важные слова, чтобы дошли они до сердца каждого, кто будет работать на кяризах. После короткого доклада старичка мелиоратора на трибуну поднялся Яков.

— Друзья, товарищи дорогие! — взволнованно начал он.— Расчистим кяризы, не только скотину напоим, но и пруд сделаем, чтобы в жару искупаться можно было. Коровам тоже раздолье будет. Вернутся с пастбища, зайдут в воду, совсем другое настроение у них будет. А когда у коровы настроение хорошее, она и молока больше дает...

— Что ты, Ёшка, нас уговариваешь,— крикнул с места Барат.— Когда будет пруд, не только корова, я сам буду там целый день стоять и хвостом махать!

— Ты хоть три дня стой, от тебя молока не получишь! Потому и говорю про коров!

— Ой яш-улы, яш-улы! — воскликнул стоявший в стороне Аббас-Кули.— Кяризы — хорошо, а каким хво-

стом будем махать, когда к весне все овечки подохнут? Обещал, яш-улы, ячмень. Нет ячменя. Обещал овес. Где твой овес?

«Контра! Насчет овец прокурором пугал, теперь хочет митинг сорвать,— подумал Яков.— И ведь в самую точку попал, крыть нечем».

Что-то надо было ответить Аббасу-Кули. Молчание затягивалось.

— Ты овечек пока бородой своей покорми,— сказал Яков.— Она у тебя густая и длинная.

Громкий хохот заглушил его слова: борода у Аббаса-Кули — всего несколько десятков волосков, росших прямо из шеи. Это был, конечно, не ответ, но обстановка немного разрядилась. Потемнев от злости и бормоча ругательства, Аббас-Кули спрятался за спинами других: все-таки он побаивался Якова. А нужно ли, чтобы его боялись люди? Конечно, нужно. С детства он знал, что каждый прежде всего считается с силой. Раз у него власть, должна быть и сила. Победа даже над Аббасом-Кули была приятна. Но Аббас-Кули не думал сдаваться.

— Ты моей бородой не прикрывайся, лучше скажи, где ячмень возьмешь? — крикнул он снова откуда-то из задних рядов.

Яков не успел ответить. К открытой двери клуба на всем скаку подлетели незнакомый командир-пограничник с тремя «кубиками» в петлицах в сопровождении сверхсрочника Амира Галиева и еще одного красноармейца.

— Вы председатель поселкового Совета Кайманов? — спросил командир, подойдя к Якову. И, когда тот ответил утвердительно, представился: — Начальник заставы Дауган Логунов.

— А Карачун? — невольно вырвалось у Якова.

— Назначен комендантом.

— Как комендантом?

Логунов улыбнулся:

— Выходит, получил повышение. А я узнал о митинге, решил приехать познакомиться. Надеюсь, у нас будут такие же отношения, как у вас с Карачуном.

В ответ Яков промычал что-то неопределенное.

Почему Федор, уезжая, не зашел попрощаться? Значит, все знает? Или догадывается? А что, собственно, произошло? Светлана могла также поехать к любому другому больному. Впрочем, такой наблюдательный и умный человек, как Федор, догадается, что Яков для Светланы не просто любой другой больной. А где Светлана? Уехала ли она с мужем или осталась сдавать дела? В медпункте, с тех пор как Яков вернулся на работу, ее ни разу не было.

Продолжая раздумывать о Федоре и Светлане, Яков машинально отметил про себя, что новый начальник заставы Логунов чем-то очень похож на Федора, то ли жилистой, сухощавой фигурой, то ли слегка вздернутым носом и густыми бровями цвета пшеничной соломы. Так же, как и у Федора, обмундирование у Логунова тщательно подогнано и отутюжено. Новенькие ремень и портупея поскрипывали, блестя коричневым лаком. Зеркальным блеском сияли начищенные сапоги. Румяный, крепкий, быстрый в движениях, чисто выбритый, он, действительно, очень походил на Федора Карачуна. А может быть, это Якову только казалось?..

Логунов попросил разрешения выступить перед собравшимися в клубе дауганцами и перевести его речь.

— Давай! — махнул рукой Яков.

С минуту помолчав, ожидая, пока стихнет в зале шум, Логунов сказал:

— Я — новый начальник заставы. Знаю, что в поселке крепкая бригада содействия пограничникам. Знаю

по рассказам и председателя вашего поселкового Совета Якова Григорьевича Кайманова, обратившегося к нам с просьбой выделить для колхоза несколько пудов овса и ячменя. Сообщаю, что по ходатайству прежнего начальника заставы Федора Афанасьевича Карачуна командование разрешило выделить вам тонну зернофуража на откорм овец...

Яков, волнуясь и торжествуя, перевел эту фразу на курдский и азербайджанский языки. Гулом одобрения встретили дауганцы это сообщение.

— И еще одно дело,— продолжал Логунов.— Поскольку мы с вами соседи и вода нам так же нужна, как и вам, кяризы будем чистить вместе. Обещаю, что все свободные от нарядов пограничники до конца работ — ваши помощники.

Ну что ж, дружить так дружить! Якову не хотелось остаться в долгу перед новым начальником заставы, да и поселку было крайне необходимо то, что он задумал. Сейчас самое время высказать мысль, которая возникла у него еще тогда, когда он вместе с «базовцами» ходил выручать Дзюбу прямой дорогой на Асульму. Неприступны горы вокруг Даугана, но если человек приложит руки, то и скалы отступят, откроют прямой путь к горным пастбищам, раскинувшимся вдоль самой линии границы.

— Братцы! — поднялся Яков.— Мы с вами все друзья пограничников, а они — наши друзья и помощники во всех делах. Есть у меня еще одно предложение. Выполним его, одним ударом двух зайцев убьем. Надо сделать тропу там, где мы лезли напрямую, когда искали Дзюбу. Сделаем, будем скрытно и быстро, не слезая с коней, подниматься на Асульму. Ни один бандит не увидит, когда и куда пошли наши наряды. Тропа пересечет шесть, а то и все восемь самых ходовых троп контрабандистов. От самого Даугана пройдет по отщелкам

да сопкам, а там один крутой подъем и — вот она, Асульма!

Он перевел все, что сказал, на русский язык для Логунова. Тот сразу оценил предложение, оценил и то, насколько хорошо председатель поселкового Совета знает участок заставы.

Большинство нарушений происходит на левом фланге участка. Движение нарядов по линии границы до сих пор демаскировано. В некоторых местах маршрут проходит прямо по хребту. Приходится преодолевать тяжелые подъемы. Тропа, которую Яков предложил сделать проходимой для лошадей, сократит время движения нарядов на полтора — два часа. Прокладывать ее удобнее всего по южным карнизам, где снег и лед стаивают быстрее.

Зная теперь, о чем идет речь, Логунов внимательно наблюдал, как жители поселка воспримут предложение председателя.

— Это — один заяц, которого мы убьем,— продолжал Яков.— Сделаем тропу проходимой для ишаков и верблюдов, поставим в горах пресс, будем сено прессовать и с Асульмы тюками спускать. Вот вам второй заяц. А сено, сами знаете, главное наше богатство. Сеном и дровами только и отмахаемся от долгов. Что осенью не вывезем, заскирдуем, весной увезем. Весной овцы и коровы дадут приплод. Сена потребуется еще больше.

— Слушай, Ёшка. Все сделать не успеем. Ни тропы, ни сена не будет. Лето потратим на тропу, а когда сено косить, за овечками ходить, хлеб убирать? — Это сказал Асахан Савалан.

— Не беспокойся, Асахан. У ремонтников в запасе есть аммонал. Где надо, скалы будем аммоналом взрывать. Вручную тесать — гиблое дело. Тропу будем прокладывать не только всем поселком, пограничников позовем, дорожных рабочих уговорим...

— У меня нет с собой карты, Яков Григорьевич,— услышал он голос начальника заставы.— Вы наизусть все знаете, а я только привыкаю к участку. Может, съездим на заставу, посмотрим по карте, как лучше проложить тропу, о которой вы говорили. Если сделаем скрытый подход к границе и новая тропа пересечет тропы контрабандистов, весь участок возьмем вот так...— Он сжал некрупный, но крепкий, сухой и жилистый кулак.

Дождавшись попутной машины, они оба сели в кабину к шоферу и молча ехали до самой заставы.

В канцелярии Логунов развернул карту участка. Яков провел обкуренным, заскорузлым и обветренным пальцем линию, где должна была пройти новая тропа.

Глава 5

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

В конце февраля повсюду заискрились ручьи, на южных склонах гор появились бурые проплешины, легкий парок стал подниматься от талой земли. Снеговая вода наполнила впадины и канавы, зажурчала под осевшим, ноздреватым снегом. Внизу, на равнине, уже цвели сады. Весна, хоть и с опозданием, пришла и сюда, в горы, ревниво требуя к ответу всех, кто обязан был ее встретить.

В эти дни Якова невозможно было застать дома. То он допоздна засиживался в поселковом Совете, то отправлялся в город — в райком партии, горсовет, в дорожное управление, то ехал в соседние колхозы; решал множество срочных, самых срочных и экстренно срочных вопросов; добывал строительные материалы для детских яслей, ремонта школы; интересовался, готов

ли колхоз к пахоте и севу; торопил рабочих с ремонтом кяризов, со строительством дороги на Асульму.

Пока все складывалось, как было задумано. Ремонт кяризов закончили вовремя, теперь в поселке было вдоволь воды. Всем Дауганом и, по крайней мере, половиной бригад дорожников, с участием пограничников, проложили тропу на Асульму.

Так прошла весна, прошло лето. Наступили горячие дни уборки урожая.

Поднявшись до рассвета, Яков, хотя это и не входило в его прямые обязанности, решил проверить выход бригад в поле. На уборке урожая колхозники работали дружно, не считаясь со временем. К концу года каждому хотелось иметь побольше трудодней. Но не обходилось и без того, что кое-кто запаздывал с выходом в поле. Кайманов считал таких чуть ли не злейшими своими врагами.

Вот и сейчас, подходя к бывшему караван-сараю, где теперь размещалась конюшня и находился колхозный инвентарь, он увидел Аббаса-Кули, только что запрягавшего в трешпанку небольшого меринка, прозванного в колхозе Штымпом, то есть Малышом.

— Слушай, Аббас-Кули, у тебя совесть есть или нет?

— Что ты, Ёшка? Почему такой вопрос задаешь? — удивился Аббас-Кули.

— Все уже работают. Ты один лодырничаешь.

— Всего на пять минут опоздал...

— Раз вовремя не пришел, заворачивай оглобли. Давай, дорогой, отдыхай. Сам на колхозном собрании руку поднимал за то, чтобы опаздывающих не допускать до работы.

— Ай Ёшка! Кто снопы будет возить, если я не поеду?

— Найдутся возчики.

— Яш-улы, разреши мне ехать,— стал просить

Аббас-Кули.— Хорошо буду работать. Сам скажешь: ай как хорошо работает Аббас-Кули!

— Не могу, дорогой. Тебе разрешу, другому, третьему, что получится? Кто как захочет, так и будет работать, а хлеб пропадет, неубранным останется...

— Ты думаешь, Ёшка, я закон не знаю? — со злостью сказал Аббас-Кули.— Думаешь, я дурак? Что ты — председатель колхоза Балакеши, чтобы меня на работу не пускать? Мало тебе, что овечек, как хотел, покупал, теперь еще колхозниками командуешь!..

Такого отпора Яков не ожидал. Но отступать было поздно.

— Давай вожжи,— приказал он.— На общем собрании разберемся, кто лучше законы знает.

Бормоча ругательства, Аббас-Кули повернулся и быстро зашагал к своему дому.

Яков проводил его тяжелым взглядом. Пусть в чем-то превышает свои права, подменяет председателя колхоза, но без дисциплины ни одну работу не наладишь. А уборка — дело серьезное: день год кормит. Урожай хороший, убрать его надо без потерь, тогда можно и закрома наполнить, и колхозникам на трудодни выдать, и кое-что продать. Яков считал, что не кто иной, как он, председатель поселкового Совета, несет главную ответственность за своевременную уборку хлебов.

Сена колхоз заготовил тоже намного больше, чем в прошлом году. Половину его продал заготовителю конторы «Гужтранспорт» Флегонту Мордовцеву прямо в стогах: приезжай и вывози на своих подводах.

На отобранной у Аббаса-Кули трешпанке Кайманов решил съездить в поле. Направил коня низиной вдоль нового, только что наполнившегося водой из арыков пруда, к посеянному полосой по обе стороны дороги и вымахавшему выше человеческого роста подсолнечнику.

Когда подъехал к пажити, увидел отдыхавших в тени одинокой арчи колхозников, а с ними — Барата, рассказывавшего, как видно, что-то смешное.

«Ай Барат, Барат! — с укоризной подумал Яков.— Раньше скромным был. Теперь, как стал бригадиром, не может обходиться без внимания к себе. Ладно, что в портупее и с сумкой военной не расстается, каждый час перекуры устраивает, лясы точит».

Подойдя к отдыхавшим, он осуждающе посмотрел на своего друга. Особенно раздражал Якова нацепленный поверх вылинявшей, мокрой от пота рубахи Барата командирский ремень и наискось перечеркнувшая его мощный торс портупея.

— Хорошо, Ёшка, что приехал! — ничуть не смутившись, воскликнул Барат.— А у нас перекур. Понимаешь, такой жара — дышать нечем!

— Ай-яй, какая жара! — в тон ему ответил Яков.— Я, понимаешь, сон видел сегодня: стоит Барат, гладит свой живот, а жатка и косы сами косят. Полчаса косят, час косят, Барат все сказки рассказывает, а рожь осыпается...

— Ты, Ёшка, либо сам Насреддин, либо его брат. Очень правильно говоришь.

— Сам и есть Насреддин,— продолжал Яков.— Святой Муса встретил меня во сне и говорит: «Почему других штрафуешь, а Барата не трогаешь? Неправильно это. Надо и Барата за простой штрафовать».

— Меня?!. Штрафовать?! — Барат не верил своим ушам: нет, Ёшка не мог так сказать!

— А что же, с бригадира и начнем,— жестко произнес Кайманов.

Барат растерянно оглянулся: самый лучший друг позорил его перед колхозниками.

Наступила тишина. Все настороженно выжидали, что будет дальше.

— Давайте, братцы, работайте. Хлеб осыпается,— сказал Яков.— Сейчас и бригадира отпущу.

— Ты меня отпустишь? Ты мне что — милиционер? В тюрьму меня посадил?..

— Погоди!..

Тяжелым взглядом проводил Кайманов расходившихся по местам жнецов. Люди хмурились, покачивали головами. Кто-то сплюнул, кто-то присвистнул, донесся иронический смешок. Яков понимал, что поступает не так, как надо. Те самые друзья, с которыми он делил и горе и радость, сейчас не принимали его. «На большом ходу и сани заносит»,— сказала как-то Светлана. Якова явно заносило, и он это знал, но остановиться не мог, да и не хотел.

— Слушай,— потянул он Барата за портупею.— Ты бы это снял. Ни к чему ведь. В жару и работать неловко, да и люди смотрят.

В самом деле, на мокрой от пота, вылинявшей и выгоревшей рубахе, распахнутой чуть ли не до пупа, новенькая портупея и командирский ремень выглядели по меньшей мере нелепо. Но Барат страшно гордился ими: на заставе сам видел — широкий ремень и портупею носят только начальники. Разве напрасно он вынудил Федора Карачуна подарить ему этот ремень?

— Ты ишак, Ёшка! Совсем глупый, большой ишак! — дрожа от обиды и злости, воскликнул Барат.— У меня один ремень на груди, другой на животе, никому не мешают. А ты десять ремней на свое сердце надел, голову ремнями запутал. Людей не замечаешь! Улыбаться перестал.

— Эх Барат! Ничего ты не знаешь. Не потому я улыбаться перестал, что ремнями сердце запутал...

— Как не знаю? Ты что, думаешь, Барат слепой? У Барата глаз нет? Как уехала Светлана, Ёшка не то что беркутом, волком стал. Люди боятся. Увидят —

Ёшка идет, с дороги уходят. Только за то, что жизнь стала получше, и прощают тебя, а то давно бы из председателей полетел... Ты думаешь,— продолжал Барат,— зачем я перекур делаю, с бригадой смеюсь? За двоих смеюсь: за тебя и за себя. Пять минут смеемся, два часа работаем, песни поем. Все говорят: «Ай Барат, какой бригадир! С Баратом на работу как на праздник идем!» А ты штрафовать!

— Не твоего ума дело, какой я председатель. И не тебе меня с председателей снимать,— сквозь зубы процедил Яков.

Оскорбленный грубым ответом Якова, Барат с минуту зло вращал глазами, беззвучно двигал сочными, красными губами, подбирая самые крепкие слова, которыми можно было бы отплатить за обиду.

— Ты мне больше не друг! — выпалил он наконец, круто повернулся и, не оглядываясь, зашагал к жнецам.

Яков остался на месте. Несколько минут смотрел, как под темной от пота рубахой друга, словно жернова, двигались лопатки. Но он не остановил, не окликнул Барата.

Конечно, председатель поселкового Совета должен был разговаривать с бригадой иначе. Уж Барата нет необходимости подгонять. Да и жара стоит такая — дышать нечем. Сам Кайманов мог бы взять сейчас косу, встать впереди да и начать махать... Попробуй догони! Лучшей вязальщице за ним не угнаться.

Но он не взял косу, не стал в ряд с косцами, а, слегка ссутулившись, молча наблюдал за работой колхозников, уже не думая о том, как воспринимают они его поведение.

Так ничего не сказав, повернулся к трешпанке, закрепил вожжи петлей за конец оглобли, чтобы лошадь не ушла за ним в поселок, и, прихрамывая, напра-

вился пешком на Дауган. Никто не окликнул его, никто не сказал ему доброго слова.

Через полчаса он был уже в поселке. Зашел домой. Увидев его, из овчарни пришла Ольга. Добрая половина купленных у закордонного бая и выхоженных колхозниками овцематок дала приплод, и Ольга теперь ухаживала за ягнятами, которых в жару еще не выпускали на пастбище, оставляли под навесом в бывшем караван-сарае.

— К тебе с заставы приезжали, Яша,— сказала Ольга.— Вроде на охоту зовут. Думала не говорить, да уж ладно, поезжай, может, развеешься.

С того памятного дня, когда Дзюба в пургу притащил его больного в барак, Яков не был на границе. Сейчас неизвестно, на какую охоту приглашают его: может, на архаров, а может, и «обстановка». В любом случае, самое время отвлечься от дел, посидеть в седле...

Он усмехнулся:

— Раньше не отпускала, теперь сама отправляешь?

— Да ведь извелся весь,— с горечью сказала она.— И себя загнал, и людей в бараний рог крутишь. Кому такая гонка нужна? Жадность тебя, Яша, одолела. Все бы захапал.

— Не для себя, Оля, стараюсь.

— Радости от твоего старания никому нету.

«Да что они, сговорились, что ли?» — подумал Яков. Он еще раз пытливо взглянул на жену: измаялась она с ним, забота и печаль постоянно живут в ее глазах.

Молча вышел из дому, оседлал оставленную в конюшне «на всякий случай» лошадь и, закинув винтовку за спину, поднялся в седло, шагом, не торопясь, поехал на заставу.

Как все-таки изменилась его жизнь! Раньше он подмечал каждый камешек на тропе, видел и слышал жа-

воронков, горлинок, сизоворонок. Часто по утрам любовался красотой гор. А теперь в голове цифры, тонны сена, подводы с гравием, отчеты, заявления, сметы... Чего только нет в этой голове! Кажется, правда, себя и других в бараний рог крутит...

Подъезжая к заставе, он с каким-то новым чувством рассматривал знакомую с детства старую казачью казарму, каменные оборонительные укрепления в виде перевернутых вверх дном кастрюль с дырками-бойницами. По привычке подумал, что сейчас выйдет Федор Карачун, первый его наставник в пограничной науке, скажет: «Яша, ждем «гостей», посиди у скрестка тропок за Карахаром». С полуслова поймут друг друга. С Логуновым пока что не то. Парень он вроде неплохой, но в этих местах новенький...

Задумавшись, Яков не заметил, как подъехал к воротам.

— Дежурный! — увидев его, во весь голос закричал часовой, стоявший у ворот.

В тот же миг с крыльца казармы словно слетел коренастый, плотный, быстрый в движениях пограничник, знакомый Кайманову всем своим обликом и повадками.

— Товарищ председатель поселкового Совета,— приложив руку к козырьку, четко отрапортовал он.— Застава выполняет боевую задачу. Старший лейтенант Логунов ждет вас у сухой арчи на стыке с заставой Пертусу. Докладывает старшина сверхсрочной службы Галиев.

— Ты что кричишь на весь Дауган? — слезая с коня и здороваясь со старым другом, спросил Яков. На петлицах гимнастерки Галиева увидел по четыре треугольничка старшины, на рукаве — шеврон сверхсрочника. Синие диагоналевые брюки заправлены в хромовые сапоги.

— А Дзюба где? Что, у вас теперь два старшины? — спросил Яков.

— Никак нет,— отрапортовал Галиев.— Степан Дзюба уехал поступать в погранучилище.

— Так...— протянул Яков и, помолчав, с горечью добавил: — Даже проститься не зашел... Не за сто верст живем.

— Приказ был собраться в двадцать четыре часа. Когда ехали в поселок, заходил к тебе, но ты где-то в горах или в поле был.

«А Ольга не сказала, не хотела огорчать! Что ж, ничего не поделаешь: кто-то уезжает, кто-то приезжает, только сам-то застрял на одном месте».

— Ну, здравствуй еще раз, старшина Галиев,— он протянул руку.— Поздравляю тебя с новой должностью. Давай объясняй задачу.

— Задача простая: садись на коня и поскорее скачи на стык с участком Пертусу. Задержали там непонятного человека. Надо допросить его, в следах разобраться. Да еще комендант приказал: не успеешь на стык, поезжай в комендатуру.

— Какой комендант? Федор Афанасьевич, что ли?

— Он самый...

Яков задумался. Неспроста его приглашал Карачун. Этот в самую страду зря отрывать от дела не будет.

Догадываясь, что его ждут немалые испытания, он вскочил в седло, коротко сказал:

— Я поехал!

— Поезжай,— отозвался Галиев.— С тобой красноармеец Ложкин поедет, вон он у конюшни, коня седлает.

Минуту спустя Кайманова догнал молодой пограничник, назвавшийся красноармейцем Ложкиным. Оба зарысили по тропе, ведущей к стыку участков соседних застав...

С седловины Яков увидел у проселочной дороги две машины, рядом с ними — группу людей. Машины — новенькая легковая «эмка» и полуторка — принадлежали управлению погранвойск. Похоже было на то, что присутствовало большое начальство. Один из командиров издали заметил всадников, снял фуражку, помахал ею над головой. Яков узнал в нем Федора Карачуна.

Невольно придерживая рысистый бег коня, он стал обдумывать, как ему вести себя с Федором, но потом решил, что Федор не способен на подвох, вызвал его для дела.

Привычно осматривая местность, Кайманов заметил у обочины тропы след человека, прихваченный чуть сцементировавшейся корочкой, какая появляется после дождя. Немного дальше следы диких коз. Решил было, что стадо спугнули приехавшие командиры и оно находится где-нибудь неподалеку, но, присмотревшись, понял: следы старые. Их тоже чуть-чуть прихватило корочкой.

Спустились в низину, быстро проехали по ней и, обогнув сопку, оказались у того места, где стояли автомашины. Среди пограничников Яков заметил плотную фигуру начальника погранвойск, подумал: «Дело нешуточное: комбриг Емельянов зря не приедет».

Едва всадники приблизились, Карачун взял под козырек, доложил начальнику войск о прибытии следопыта, переводчика и руководителя бригады содействия, председателя поселкового Совета Даугана Кайманова.

— Что-то уж очень торжественно,— отвечая на рукопожатие комбрига, смущенно сказал Яков.

Нетрудно было догадаться, что речь пойдет не об охоте, как в первый его приезд на Дауган, а о чем-то действительно важном. Заговорил комбриг неожиданно спокойным и ровным голосом:

— Мы вас оторвали от срочных дел ввиду чрезвычайности обстоятельств. Для начала скажите свое мнение: что за след на обочине дороги?

Едва взглянув на след, Яков понял, что задача ему досталась довольно простая. Странно, почему не решил ее Карачун? Может, и решил, но хотел получить подтверждение? След успел покрыться тончайшей, едва заметной, плотно сцементировавшейся корочкой, точно такой же, как и козьи следы возле тропы, по которой ехал вместе с Ложкиным. С одной стороны тропы козы паслись спокойно, по другую вдруг стали делать огромные скачки. Скорее всего, именно этот человек их и спугнул.

Только очень опытный глаз мог заметить и тончайшую корочку, и обвалившиеся кое-где засохшие края следа, и едва заметную усадку грунта.

Чей след? Яков задумался, прошел шагов по сто сначала в одну, потом в другую сторону. Зрительная память у него была отличная. Он безошибочно мог узнать следы любого жителя Даугана и большинства старослужащих пограничников своей заставы. «У наших таких сапог нет». Стал вспоминать, что приходилось видеть на соседних заставах. Вдруг перед глазами отчетливо возникла картина. На плоском камне, прикрытые плащом, трупы погибших Шевченко и Бочарова. Немного в стороне Бассаргин и Павловский. Переминаясь с ноги на ногу, заместитель начальника резервной заставы с вызовом смотрит на Бассаргина. Через несколько месяцев снова та же котловина. Павловского отчитывает комиссар Лозовой. Потом приказывает Бассаргину доставить Павловского в комендатуру... Так это же его, Павловского, след! Еще тогда Яков обратил внимание на широкий каблук и очень узкий носок его сапога.

Еще раз пригляделся к отпечаткам следа: да, тот

же постав ноги, щеголеватый носок. «Но почему Павловский здесь?»

Павловский действительно был здесь, стоял рядом с Федором Карачуном, изредка обращался с какими-то вопросами к комбригу Емельянову. Вид у него невозмутимый, держался он независимо, говорил с комбригом чуть ли не на равных.

— След старый,— сказал Яков, обращаясь к начальнику войск.— В прошлую пятницу утром в этих местах, вон у того родника, охотился Павловский.

Все невольно обернулись к растерявшемуся от неожиданности Павловскому. Вывод, что Павловский охотился, Яков сделал скорее по догадке, но попал в точку. Начальник войск и комендант переглянулись.

— Так...— проговорил комбриг Емельянов.— Кажется, вы этого не отрицаете? — взглянул он на незадачливого охотника.

— Никак нет...— пробормотал ошарашенный Павловский.

— Вы тоже были здесь с ним? — Этот вопрос комбриг задал Якову.

— Вторую неделю не выхожу с Даугана. Хлеб убираем. Сейчас не до охоты...

Кустики бровей начальника войск сами собой полезли вверх. Он снова глянул на улыбавшегося Карачуна и только протянул: «М-да...»

— Вы можете заверить ваш вывод письменно, товарищ Кайманов? — спросил комбриг.

— Хоть печать поставлю...

Насчет печати было сказано, пожалуй, лишнее, но Емельянов не обратил на это внимания.

— Тогда объясните.

— В пятницу часов в семь утра накрапывал дождь,— медленно, словно раздумывая, начал Яков.— Следы после того, как высохли, прихватило корочкой.

Значит, человек прошел здесь перед самым дождем. Кто прошел? Мы в своей округе каждого знаем. Вот смотрите. Это старый след, а это свежие следы Павловского. А что он на охоте был, тоже просто. Вон в тех камнях родник. К нему на рассвете курочки прилетают. Там вон Павловский засидку делал. Стебельки ему мешали, он их сломал. Думал курочек пострелять — тут их всегда много, а из-за седловины в это время — козы. Начал дробь на картечь менять, щелкнул замком, чтоб патрон вытащить, спугнул коз. Лупанул в белый свет. Вот и все.

В подтверждение своих слов Яков отошел в сторону и на расстоянии десяти — пятнадцати шагов от засидки Павловского обнаружил потемневший картонный кружочек — пыж, каким закрывают дробь в гильзе, передал его Емельянову.

— Все-таки я не дробью, а картечью стрелял,— выпалил Павловский, чтобы хоть чем-нибудь уязвить Якова.

— Бывает, и картечью мажут...

Пограничники засмеялись. Но, едва возникнув, смех тут же оборвался: Емельянов не улыбнулся.

— Я отдавал распоряжение,— сказал он,— охотиться в пограничной зоне на любую дичь только с разрешения начальников отрядов. У вас было такое разрешение?

— Никак нет,— пробормотал Павловский.

— Комендант, сделайте выводы,— взглянув на Карачуна, коротко приказал комбриг.

Кайманов с усмешкой смотрел на Павловского, видел, что в его близко посаженных глазах мечутся молнии, а прямой, как равнобедренный треугольник, нос покраснел от злости. Но Яков нисколько не боялся ни молний Павловского, ни его злости. Еще ни один человек не мог выдержать его взгляда. Не выдержал его и

Павловский. Пустить в него пулю этот щеголеватый командир, пожалуй, может, но сломать волю своим взглядом — никогда. Безо всякого сожаления раскрыл Яков провинность лощеного выскочки. И поделом. Сейчас Кайманов думал о том, как избежал Павловский справедливого возмездия еще три года назад, когда послал на верную смерть Шевченко и Бочарова. Это было тем более непонятно, что «делом» Павловского занимался сам комиссар Лозовой.

— Будем считать, что со следом все выяснено,— сказал Емельянов.— Покажите Кайманову задержанного. Прошу в машину, Яков Григорьевич. Курдского у нас никто толком не знает. Аликпер уехал в город, вынуждены были вызвать вас,— добавил он уже в машине.

— Всегда готов выполнить вашу просьбу,— отозвался Яков.— Я ведь тоже на службе.

Через несколько минут подъехали к заставе Пертусу. Недалеко от казармы Яков увидел рослого нищего, одетого в страшное рубище. Он сидел чуть ли не посреди двора, прислонившись спиной к валуну, ужасающе грязный, с блуждающим взглядом.

Кайманов брезгливо поморщился: нищий, одетый в истлевшие лохмотья, густо усеянные вшами, то и дело дергал нечесаной, со спутавшимися волосами головой, протягивал покрытую струпьями руку.

— Не приходилось встречаться? — кивнув в его сторону, спросил Якова комбриг.— Присмотритесь, может, кто из главарей контрабандистов?

«Настоящий сумасшедший так далеко в глубь нашей территории не мог зайти,— подумал Яков.— Его обязательно перехватили бы где-нибудь пограничники или «базовцы».

Это соображение уже вызвало недоверие. Кайманов подошел ближе, в упор стал смотреть на нищего. Тот

встал и, не сводя с него бессмысленных глаз, сделал попытку приблизиться, шаркая по камням изодранными чарыками, вытянув вперед покрытую страшными струпьями руку. Якова чуть не стошнило: такие же струпья, словно короста, покрывали черные, словно чугунные, обросшие грязью ноги.

— Как зовут? — по-курдски спросил Кайманов.

Нищий не ответил, только сильнее затряс головой, задергал протянутой рукой. С близкого расстояния Яков увидел, что тело задержанного там, где не было струпьев, покрыто маленькими красными пятнышками.

— Не заразись, у него, наверное, сифилис,— донесся предостерегающий голос Карачуна.

Кайманов повторил свой вопрос на фарситском, туркменском и азербайджанском языках. Результат тот же: задержанный бессмысленно смотрел на него и молчал. «Кто он? Глухонемой или очень ловкий, хитро замаскировавшийся враг?» По опыту Яков знал: любой нарушитель не удержится, чтобы не ответить, услышав родную речь. Может быть, перед ним действительно сумасшедший и глухонемой, которому не только не доступно мыслить, но и не дано говорить?

По просьбе Якова из столовой принесли кусок хлеба. Кайманов протянул его нарушителю. Тот торопливо схватил хлеб, но есть стал медленно, как будто каждое движение челюстями причиняло

ему неудобство или боль. Он жевал хлеб, едва справляясь с этой, казалось бы, тоже непосильной для него работой.

Пауза затягивалась. Надо было искать какие-то другие пути для того, чтобы заставить нищего заговорить, чтобы убедиться, тот ли он, за кого выдает себя.

Снова и снова Яков вглядывался в безучастное ко всему лицо задержанного и никак не мог найти решение. Больше всего сбивало с толку то, что нищий даже не думал опускать перед ним глаз, неотрывно смотрел на него с преданностью бездомной собаки, нежданно-негаданно получившей хлеб.

Вдруг Кайманова осенила неожиданная догадка. Он увидел, как по грязной ключице нищего поползла жирная белая вошь, присосалась к коже. Тотчас на этом месте появилось свежее красное пятнышко, такое же, как сотни других, покрывавших тело задержанного. Радуясь своей догадке, Яков едва не рассмеялся. О добрый, старый кочахчи Каип Ияс, торговец коурмой, спекулянт спичками! По тебе тоже табунами ползают вши, но твое настоящее шаромыжье тело настолько привыкло к ним, что не краснеет от укусов! А этого «нищего», ломавшего перед всеми комедию, вошки беспокоят. Ой как беспокоят! Ни воля, ни выдержка, ни тренировка великолепного актера не подвели. Выдала благородная кожа, оказавшаяся слишком нежной для роли бродяги.

— Шпион,— проговорил Яков, обернувшись к комбригу.— Ко вшам не привык, запятнался весь. Прежде чем допрашивать, надо отмыть.

Ничто не дрогнуло в лице нищего, хотя Кайманову показалось, что на секунду в его глазах мелькнуло осмысленное выражение.

— Так и сделайте,— приказал комбриг коменданту.— Результаты допроса доложите мне лично. Вам, Яков Григорьевич, большая благодарность за помощь.

Как только начальник войск, попрощавшись со всеми, уехал, Федор Карачун распорядился:

— Товарищ Павловский, под вашу ответственность. Тряпье с задержанного снять, тщательно осмотреть. Вымыть «нищего» теплой водой, переодеть в чистое, доставить в комендатуру. Ты, Яша, поедешь со мной, будешь переводить.

Спустя полчаса они подъехали к дому, часть которого, состоявшая из двух комнат и небольшой кухни, была квартирой коменданта. Федор открыл дверь ключом, значит, Светланы дома не было. Яков вопросительно посмотрел на Карачуна, тот понял этот взгляд, ответил:

— Живу холостяком. Светлана уехала в Тулу к матери.

— Болеет мать-то?

— Вроде бы...

Разговор сам собою замер.

Сбросив гимнастерки и умывшись с дороги, оба сели за обед, уже принесенный поваром комендатуры.

— Как у вас кяризы? — неожиданно спросил Федор.— Воды хватает?

— С избытком...

— В общем, все твои дела в порядке, и сам ты — комар носу не подточит: политически развит, с общественными обязанностями справляешься, в быту морально устойчив?..

Федор вскинул на него глаза, Яков спокойно выдержал его взгляд. Карачун немного помолчал.

— Ну что ж, если все в порядке,— сказал он,— то вот какое дело. Посоветовались мы на днях в райкоме и решили рекомендовать тебя председателем участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. Учти, доверие большое, выбирать так первый раз в жизни будем!

— Дело серьезное,— неопределенно сказал Яков.

— А я что говорю, несерьезное, что ли?

Перечисляя фамилии тех, кого райком и райисполком рекомендовали в комиссию, Карачун назвал Павловского.

— А этого зачем? — спросил Яков.

— Сам напросился, да и командование рекомендует.

«Может, для того и выдвигают его в комиссию на общественное дело, чтобы научился людей ценить»,— подумал Яков. Вслух проговорил:

— Скажи мне, как эти выборы проводить? Боюсь, что-нибудь не так выйдет.

— Зайдешь в райком, там полный инструктаж дадут. А сейчас давай одеваться. Скоро приведут задержанного...

В комнату вошел высокий военный средних лет, худой и черный, со сросшимися над переносьем густыми бровями.

— Следователь Сарматский,— представился он, пожимая Якову руку.— Дежурный доложил, что задержанного вымыли и привели. Можно начинать допрос.

Все трое прошли в кабинет следователя. Конвоиры ввели задержанного. Теперь в этом надменном человеке с гладко зачесанными назад волосами, с умными проницательными глазами на бледном, еще не старом лице от «нищего» не осталось и следа. Струпьев и коросты на его руках как не бывало. Исчезло нервическое подергивание головы.

— Переводчик не нужен,— сказал он.— Я достаточно хорошо говорю по-русски.

— Тем лучше. Не будем вам мешать объясняться со следователем,— ответил Карачун.

Сарматский остался снимать допрос. Яков и Федор вышли. Остановившись на террасе, Карачун озабоченно сказал:

— Видал, какой фрукт? Раньше мы все шаромыг в комендатуру таскали, а теперь за два месяца уже третий такой гусь, и все говорят с немецким акцентом... Какие мы должны делать выводы?

Яков не ответил.

— В общем, смотреть надо в оба, Яша,— продолжал Карачун.— Настает тревожное время. Мы не можем, не имеем права оставаться такими, какими были. Сейчас, как никогда, нужна бдительность и еще раз бдительность.

Яков и на этот раз промолчал. Все было без слов ясно.

— Спасибо, что приехал,— прощаясь, поблагодарил его Федор.— Не знаю, как тебе, а мне бы хотелось почаще с тобой встречаться.

Возвращаясь в сопровождении Ложкина из комендатуры, Яков сделал большой крюк, чтобы попасть на новую тропу, названную его именем. Этой тропой, зигзагом прорезавшей склоны глубокого ущелья, теперь шли наряды пограничников на свои участки, а жители Даугана поднимались на Асульму косить травы, убирать сено.

Кайманов и Ложкин выехали на верхнее плато и остановились перед развороченными стогами, которые колхоз через Мордовцева продал конторе «Гужтранспорт». Добрая треть сена осталась невывезенной.

«Что это с Флегонтом? — невольно подумал Яков.— В своем хозяйстве копешки не оставит, а здесь возами

бросает. Надо сказать Балакеши, чтобы колхозников на Асульму прислал с верблюдами да ишаками. В колхозе каждая охапка сена пригодится. Нелегким трудом добывали его...»

Солнце уже клонилось к зубчатой вершине Карахара, заливало красноватым светом горы, обступившие поселок, белые домики которого гнездились в верхней части долины Даугана. Среди домиков — темные купы деревьев, словно замершие в теплых весенних лучах. Сверкают на солнце живые ниточки арыков, серебряной монетой поблескивает пруд.

Как он мал, этот поселок, по сравнению с городами! И все-таки это его, Якова, дом, родной дом односельчан, всех его друзей. Ничего он не пожалеет для того, чтобы сделать его еще краше, еще дороже сердцу каждого дауганца.

Глава 6
КАТАСТРОФА

Кончилось лето, за ним — осень. В конце ноября у берегов дауганского пруда появились сверкающие на солнце закрайки льда. С каждым днем они все дальше протягивали свои ледяные пальцы, оставляя все меньше открытой темной и студеной воды, напоминая Якову, как мало остается времени до выборов в Верховный Совет СССР. Первые приметы надвигавшейся зимы подгоняли его, заставляли который раз прикидывать, все ли сделано, все ли готово к торжественному дню.

На своего заместителя по участковой избирательной комиссии Павловского Яков не очень-то надеялся. Почти всю работу вел сам. Не раз заходил к рабочим-дорожникам. Их теперь стало без малого шестьсот че-

ловек. Новый инженер Гутьяр из немцев-колонистов гнал программу вовсю: тоже торопился сдать участок ко дню выборов.

Агитаторы в поселке и бригадах разъясняли Положение о выборах, рассказывали биографии кандидатов в депутаты, призывали голосовать за них. В Совет Союза был выдвинут Андрей Андреевич Андреев, в Совет Национальностей — начальник политотдела округа Антс Антос. Об этом каждого избирателя извещали развешанные всюду плакаты.

Барат по заданию Якова соорудил кабины для тайного голосования. Алексей Нырок написал выдержки из Конституции.

— Ваш участок можно считать образцовым,— сказал приехавший на Дауган секретарь райкома партии Ишин. Правда, он тут же добавил: — Гордиться-то вам особенно не следует: у вас таможня, застава, большой коллектив дорожников — рабочий класс. В аулах много труднее...

Чувство удовлетворения, радости и гордости все чаще приходило к Якову. Все спорилось в его руках, во всем был порядок.

Тем сильнее почувствовал он страшный своей неожиданностью удар, постигший его всего за несколько дней до выборов. А случилось это так.

В поселковом Совете раздался телефонный звонок. Яков снял трубку. Звонил секретарь райкома партии Ишин:

— Товарищ Кайманов? В двенадцать часов к вам приедет кандидат в Совет Национальностей для встречи с избирателями. Соберите народ.

Яков глянул на часы: десять утра. За два часа собрать со всей округи несколько сотен людей невозможно.

— Товарищ Ишин, люди все на работах, некоторые за десять и пятнадцать километров от поселка. Хотя бы с вечера предупредили...

— Где ваша оперативность?! — загремел было в трубке голос секретаря. Потом уже спокойнее: — Ну хорошо, даю два часа дополнительно. Повторяю: к четырнадцати ноль-ноль чтобы избиратели были собраны на встречу с кандидатом.

— Постараюсь сделать...

— Обязаны сделать! — оборвал его Ишин.

Кайманова удивила такая нервозность секретаря, но сам он особой тревоги не почувствовал: собрать народ к двум часам все-таки можно. Написал записку инженеру Гутьяру, чтобы тот прислал рабочих к двум часам дня в поселок. Отправил с запиской Рамазана. Сам поехал к начальнику таможни и на заставу Пертусу к Павловскому. К половине второго, когда он вернулся, у поселкового Совета собрались всего человек семьдесят-восемьдесят. Дорожных рабочих почему-то не было.

Недалеко от въезда в долину показался всадник, в котором, когда тот подъехал, Яков узнал Аббаса-Кули.

— Ёшка-джан! — не сходя с седла, крикнул гонец.— Инженер сказал: «Мне наплевать на ваше собрание! Надо дорогу строить!» Он сделал вот так!

Качнувшись всем корпусом вперед, Аббас размашисто, со смаком плюнул.

Якову стало жарко. Сорвать встречу с кандидатом значило не только не выполнить указание райкома, но и провалить все дело! Он перехватил растерянные взгляды Павловского, ближайших своих помощников Балакеши, Алексея Нырка.

Послышались голоса: «Едут! Едут!»

В долину Даугана, поднимая за собой пыль, которую ветер относил в сторону, въезжали две машины.

Через некоторое время они были уже у поселкового Совета.

Из первой машины вылез почерневший от забот, похожий на грача, секретарь райкома Ишин. Из другой машины вышел статный военный с двумя ромбами в петлицах. Приветливо улыбаясь, стал крепко пожимать руки собравшимся.

— Вы и есть Кайманов? — спросил он, подходя к Якову.

— Он самый...

— Мне о вас говорил комиссар Лозовой. Я — Антос, начальник политотдела округа, кандидат в депутаты по вашему участку.

Ишин, все больше хмурясь, спросил ледяным тоном:

— Товарищ Кайманов, сколько на вашем участке избирателей?

— Около тысячи человек.

— Точнее.

— Девятьсот шестьдесят два.

— Где же они?

— Инженер Гутьяр дорожных рабочих на встречу не пустил,— ответил за Якова Алешка Нырок.

— Я посылал человека с запиской к Гутьяру,— стал объяснять Яков.— От него приехал Аббас-Кули, сказал, не отпускает Гутьяр людей... По-моему, инженер — контра... Алексей, Балакеши, вы же все видели...

Балакеши и Нырок готовы были подтвердить каждое слово Якова, но Ишин не дал им говорить.

— Кто тут у вас Советская власть? — закричал он.— Иностранный специалист или Кайманов? Я спрашиваю, кто виноват в том, что почти шестьсот человек дорожных строителей не явились на встречу со своим кандидатом?

— Пятьсот сорок восемь,— поправил его Яков.— И потом, Гутьяр не иностранец, а советский гражданин.

Это замечание окончательно вывело Ишина из себя.

— Ах вот как! — воскликнул он.— Головотяп да еще и наглец? Так кто же виноват, что не явились избиратели?

Кайманов попытался найти в толпе Аббаса Кули, но тот словно сквозь землю провалился.

— Ну я, я виноват! Не досмотрел, не проверил,— значит, я виноват,— ответил Яков.

— Скажите мне, уважаемый,— окинув его уничтожающим взглядом, продолжал секретарь райкома.— Где портреты товарища Антоса, что я передал вам для избирательного участка?

— Все материалы мы вывесили в агитпункте.

— Я вас спрашиваю,— оборвал его Ишин,— передавал вам или не передавал товарищ Павловский портреты и биографию товарища Антоса?

— Так вот он сам Павловский, пусть скажет.

— Да, я еще позавчера вечером передал вам двенадцать портретов с биографией товарища Антоса,— не моргнув глазом, сказал Павловский.

Это была наглая ложь. Ни позавчера, ни вчера Павловский не был на Даугане.

— Что ж ты врешь? — невольно вырвалось у Кайманова. Но он тут же понял, что руганью никого не убедишь.— Я могу присягу дать, что Павловский не передавал мне портреты с биографией товарища Антоса. Последние два дня он вообще не был на Даугане.

— А я заявляю,— перебил его Павловский,— что передал и портреты и распоряжение райкома вывесить их немедленно. Думаю, это нетрудно установить,— сказал он, направляясь к крыльцу поселкового Совета. Вслед за ним пошли Ишин и Антос. Опередив их, Яков распахнул дверь в свой крошечный кабинет. Он был уверен, что там не может быть никаких портретов. Да

и прятать их негде. Вся обстановка — стол, два стула, шкаф с делами, два портрета на стенах.

Но Павловский знал, что делал. Заглянул сначала под стол, за портреты, затем на глазах у всех вытащил из-за шкафа свернутые в трубку бумаги, торжественно объявил:

— Вот они!

Наступила тишина. Хотя в комнату набилось полным-полно народу, но, казалось, упади на пол иголка, и то будет слышно. Все смотрели на Якова. А он, собрав все свое хладнокровие, быстро обдумывал, как доказать, что ни в чем не виновен, что Павловский по злому умыслу или халатности задержал у себя портреты и только сегодня пронес их украдкой в поссовет, сунул за шкаф.

— Ну что вы теперь скажете, Кайманов? — послышался в тишине голос Ишина.

— Скажу, что Павловский или подлец, или враг, а может, то и другое вместе. Он только сегодня утром принес сюда эти портреты.

— Это еще надо доказать! — оглянувшись на Ишина, выкрикнул Павловский. Его длинное лицо то краснело, то бледнело, но с каждой минутой он чувствовал себя все увереннее.

— Постараюсь,— не теряя самообладания, проговорил Яков.— А за этой сволочью смотрите в оба, иначе удерет.

— Еще неизвестно, кто сволочь! — огрызнулся Павловский.

В комнате снова наступило молчание. Всего несколько секунд искал Кайманов решение, чувствуя, что промедление смерти подобно. Вспомнил слова Амангельды: «На такыр пыль тоже садится, след все равно видно...» Вытащил из кармана чистый носовой платок.

— Что вы нам голову морочите, Кайманов? — взорвался Ишин.— Тут не цирк, чтобы фокусы показывать!

— Мне не до фокусов, товарищ секретарь. Я должен доказать, что этот рулон принесен в поселковый Совет только сегодня.

Он подошел к столу, взял в руки перекидной календарь, купленный им в городе еще в начале года на собственные деньги, стал внимательно рассматривать его, чувствуя, как присутствующие следят за каждым его движением.

Предположение оправдалось. Черная цифра и такие же черные буквы затянуты едва заметным слоем тончайшей пыли.

— Вчера вечером я перевернул этот листок,— сказал Кайманов.— За ночь и утро на календарь села пыль. То же должно быть и на рулоне с портретами. Но я уверен, что на нем нет пыли.

Он обвернул платком руку и провел по листку календаря. На платке, словно проявленные пылью, остались отпечатки пальцев. Потом перевернул платок чистой стороной и провел им по рулону. Платок остался чистым.

— Если бы рулон лежал здесь, на нем тоже осела бы пыль,— повторил Яков.— Значит, принесли его сегодня утром.

— Может быть, и так,— проговорил секретарь райкома.— Но не исключено, что не Павловский, а вы сами принесли сегодня утром эти материалы в поселковый Совет... Продержали их двое суток дома, потом принесли...

— Зачем бы я это делал? Только для того, чтобы вы их тут нашли? Неужели вам не ясно, что налицо подлог, и подлог этот сделал Павловский?

— За все это,— не слушая, продолжал Ишин,— вы

ответите на бюро райкома и еще там, где следует, гражданин Кайманов.

Круто повернувшись, он вышел из поссовета:

— Поехали, товарищ Антос!

Ни с кем не попрощавшись, сел в машину.

Тут же исчез куда-то и Павловский.

Две «эмки» резво взяли с места и быстро скрылись там, где дорога сворачивала к городу.

Несколько минут Яков молча смотрел им вслед, не веря тому, что произошло. Наконец очнулся:

— Где Аббас-Кули?

Кто-то ответил:

— Нет Аббаса-Кули, нигде не нашли.

На мгновение перед глазами Якова мелькнуло испуганное лицо Рамазана. Но при чем тут Рамазан, если от Гутьяра прискакал Аббас-Кули и при всех объявил о его отказе послать на встречу рабочих?

— Яш-улы...— начал было Рамазан, но Яков не стал его слушать.

Быстро пройдя к колхозной конюшне, он вывел коня, оседлал его и во весь опор поскакал туда, где, по его расчетам, должен находиться инженер с дорожными рабочими.

Ветер ударил в лицо, засвистел в ушах, унося назад к Даугану гулкие удары копыт.

За ним скакали еще два или три всадника, но он ни разу не обернулся: «Вперед! Скорей вперед! Схватить за горло виновника саботажа!»

Инженера он увидел возле кучи щебня. Сухопарый, как жердь, в синей ватной спецовке, с лицом черным, как у эфиопа, Гутьяр что-то объяснял Барату.

Осадив коня так, что тот взвился на дыбы, Яков соскочил на землю и, огромный, разъяренный, не замечая, как все, кто оказался поблизости, с удивлением и страхом смотрят на него, двинулся к инженеру. Схва-

тил его левой рукой за грудь, уловил яркую седину висков, странно сочетавшуюся с таким же серым цветом глаз, выделявшихся на загорелом лице. В глазах Гутьяра нет и тени испуга — лишь крайнее удивление. Яков уже занес кулак каменотеса, одного удара которого достаточно, чтобы раздробить лицо, но почувствовал, как кто-то всей тяжестью повис на руке.

— Ёшка, что делаешь? Савалан! Мамед! Скорей! Совсем с ума сошел!

Сквозь красноватый туман, застилавший глаза, Яков увидел Барата, Савалана и Мамеда, рванулся, но друзья крепко держали его — недаром они с утра до ночи ворочали камни.

— Тебе на кандидатов народа наплевать? — снова пытаясь вырваться, в бешенстве процедил Кайманов в лицо инженеру.— Тебе надо дорогу строить?

— Да, мне надо строить дорогу! При чем тут кандидаты?

— Сейчас узнаешь,— сказал Яков и так рванулся из рук державших его друзей, что едва не столкнул их всех троих лбами.

Побледневший, возмущенный до глубины души инженер смотрел на него в упор, явно не понимая, что за муха его укусила. Он все поправлял воротник рубахи, одергивал телогрейку.

— Где моя записка? — вне себя от ярости закричал Кайманов.

— Никакой записка я не получаль! За свой хулиганство вы ответит! Я буду подавайт суд! — выпалил инженер.

— Да, я отвечу! Я один за все отвечу! — все еще пытаясь освободить руки, воскликнул Яков.

— Яш-улы! Ёшка-ага! — послышался срывающийся мальчишеский голос.— Я виноват. Аббас Кули все сделал! Дай мне твою винтовку! Я убью его...

Вплотную подъехав к уже успевшей собраться толпе рабочих, Рамазан туго натянул поводья, конь заплясал на месте. Мальчик нетерпеливо повернул его в сторону поселка, решив, очевидно, разыскать Аббаса-Кули и без винтовки расправиться с провокатором.

— Стой! — крикнул Яков.— Говори, что сделал Аббас-Кули?

— Яш-улы! Я из поссовета выбежал, едет Аббас-Кули. Куда, спрашивает, Рамазан? Записку, говорю, инженеру везу, большое собрание будем делать, кандидата встречать. Ай, какое хорошее дело, говорит Аббас-Кули. Давай, дорогой, я записку сам отвезу, как раз туда еду! Яш-улы, я не хотел отдавать! Он сначала взял записку, потом слова говорил!

— Барат,— все еще не веря в невиновность инженера, спросил Яков,— скажи, был здесь Аббас-Кули?

— Что ты, Ёшка! Не было никакого Аббаса-Кули. Барат целый день от инженера не отходил. Эй, Рамазан! Стой! Куда ты, Рамазан?..

Барат выбежал на дорогу, чтобы остановить сына, но Рамазан уже скакал во весь опор по направлению к Даугану. Барат бросился к коню, на котором приехал Яков, карьером помчался вслед за сыном. В мгновенно наступившей тишине звонкий цокот копыт и подхватившее его эхо, дробясь и сливаясь, пропали вдали.

Постепенно приходя в себя, Кайманов исподлобья глянул на Гутьяра:

— Прости, инженер. Ошибка вышла. Выходит, и здесь я виноват...

Гутьяр возмущенно развел руками, но промолчал, увидев, как глубоко потрясен Яков.

— Ёшка, дорогой! Что случилось?

— Расскажи, что произошло? — послышалось сразу несколько голосов.

— Братцы! — в исступлении воскликнул Яков.— Я считал, у нас можно довериться каждому, но рядом затаились враги! Сегодня они взяли верх! Один председатель, одна бригада содействия ничего не значат. Против контры надо бороться всем! Только тогда мы ее вырвем, как яндак, с нашей земли..

— Надо Аббасу-Кули сделать суд!

— Всем поселком будем судить.

— Как бы ему Барат с Рамазаном не сделали суд...

Только сейчас Яков подумал, что Барат не только не остановит Рамазана, но и сам поможет ему учинить расправу над Аббасом-Кули. Обеспокоенный, он стал искать глазами своего коня. Выбежал на шоссе и там чуть не попал под райисполкомовскую «эмку», мчавшуюся из города к Даугану. Резко затормозив, машина остановилась, на дорогу выскочил шофер.

— Куда тебя дьявол несет? — закричал он, но, узнав Якова, переменил тон: — Яков Григорич! Я за вами. Садитесь.

Машина круто развернулась, помчалась в обратную сторону — к городу.

Заседание продолжалось всего несколько минут. Ре-

шением президиума райисполкома Кайманов был снят с работы, а к вечеру уже сдавал дела Алексею Нырку. Здесь присутствовал и Балакеши — член ревизионной комиссии.

Улучив момент, когда Нырок и Балакеши занялись проверкой документов, Яков вышел в соседнюю комнату, достал из ящика стола наган, взвел курок.

Он не думал сейчас ни об Ольге, ни о Светлане, ни о Гришатке. Страшная боль стиснула сердце. Хотелось разом со всем покончить, чтобы никто не видел его позора. Через оконное стекло увидел взбежавшую на дувал серую ящерицу, уставившуюся на него круглыми глазами. Кожа на ее шее пульсировала от частого дыхания. Яков повернулся так, чтобы не видеть пристального взгляда ящерицы, стал считать: «Раз, два...», готовый со счетом «три» нажать на спусковой крючок.

Сильный звон разбитого стекла заставил его инстинктивно повернуть голову. Грохнул выстрел. Наган со стуком упал. В глазах потемнело. Но, оседая на пол, Яков видел наган, повернувшийся на выпуклом барабане, как на оси. Он не почувствовал, что умирает. Зажал рукой рану, ощутил под пальцами кровь, уловил запах паленых волос. Очень знакомый человек в военной форме, заслонив на миг окно, бросился к нему, подхватил под руки. И это видел, понимал Яков, удивляясь, как можно что-то видеть, всадив в голову пулю.

Шоковое состояние стало постепенно проходить. Яков узнал Лозового. Откуда он? Как оказался здесь? Не очень уверенно спросил:

— Василий Фомич?..

— Я, дорогой, я. Как же ты так?

Окно высажено вместе с рамой. Пол усеян битым стеклом. На плоском дувале уже нет серой ящерицы, заставившей отвести взгляд. По дороге к поссовету бегут люди. Но Яков еще не понимает, куда и зачем они бегут.

— Как же ты так? Да разве можно! — повторил Лозовой.

Он смочил водой из графина платок, стал прикладывать его к голове Якова там, где кожу рассекла пуля.

В комнату, отчаянно ругаясь, вбежал Алексей Нырок, схватил валявшийся у порога наган, трясущимися руками стал выбивать из барабана патроны.

— Ты это брось! — орал Алексей.— Ишь чего вздумал! Сегодня же дам одну телеграмму Калинину, другую Сталину. Нет твоей вины! Пусть разбираются!

Толстое лицо Алешки раскраснелось, на лбу и висках блестела испарина.

— Оклемался? — снова смачивая платок и прикладывая его к ссадине на виске Кайманова, спросил Лозовой.— Вот была бы радость Шарапхану и всякой сволочи. Закатили бы они праздник для всех контрабандистов. А свои что сказали бы? Застрелился — значит, виноват. Вот тебе и председатель Совета...

Взяв из рук Лозового мокрый платок, Яков сам придержал его у виска. Слова Лозового его озадачили. Он привык, что к нему обращаются все запросто, по-домашнему, но ведь он не только Ёшка Кара-Куш, но и представитель Советской власти в поселке. «Ну нет,— подумал он,— рано мне в покойники. Не позволю всякой сволочи праздновать мою гибель».

— Что здесь произошло? — убедившись, что Яков окончательно пришел в себя, спросил Лозовой.— Мне Антос и двух слов не успел сказать, как я — в машину и сюда.

Яков коротко рассказал о ходе событий.

— Вот так и получается, Василий Фомич,— закончил он,— Павловскому все сходит с рук. Он и есть самая настоящая контра.

— Никакая он не контра. Просто присосавшийся к

армии негодяй. В общем, Яша, на бюро райкома вместе пойдем. Будем отбиваться.

Яков молча с благодарностью кивнул головой: такая поддержка могла стать решающей при разборе его дела.

— Алексей,— попросил он Нырка,— погляди в медпункте, чем кровь унять. Наган сюда давай.

— Наган не дам!

— Давай сюда! Патроны тоже. Не бойся, все прошло.

Лозовой молча слушал их препирательства. Наконец Алексей, кажется поверил, отдал наган, пошел в медпункт. Якову стало стыдно перед комиссаром за то, что случилось. Отводя глаза в сторону, решил шуткой загладить неловкость:

— Неаккуратно ты, Василий Фомич, окошко открыл. Эвон сколько стекол убирать.

— Всыпал бы я тебе, да боюсь, здоровый, сдачи дашь,— только и сказал комиссар.

Дверь распахнулась, вбежал Нырок с бинтами и йодом в руках.

— Яшка! Василь Фомич! Чего делается-то! Со всего поселка бегут. Кричат: «Ёшка застрелился!» — Он второпях упустил бинт, развернувшийся лентой до пола...

— Убери бинт,— сказал Яков.— Что ты мне его, на башку хочешь намотать? Нашел героя! Там, погляди, в медпункте пластырь был. Йодом помажь, пластырем заклей. Под фуражкой не видно будет.

Минуту спустя Алексей принес пластырь, передал Лозовому, уже смачивавшему рану йодом, сам выскочил на крыльцо, откуда донесся его крик: «Ну, чего напираете? Кто вам сказал? Никто не стрелялся!.. Брехня это...»

Лозовой едва успел наложить на рассеченную кожу пластырь и осторожно надеть на Якова фуражку, как

в коридоре послышалась возня, вслед за тем в комнату влетел Барат, тесня впереди себя Нырка.

— Покажи мне Ёшку, покажи Ёшку! — кричал он.— Ёшка! Живой! Совсем живой! А Фатиме прибежала, кричит: «Иди, Барат, скорей! Твой Ёшка сам в себя стрелял!..»

— Погоди,— остановил его Яков.— Где Аббас-Кули? Вы догнали его?

— Нет Абасса, Ёшка. Нигде не могли найти. Как в воду упал, в песок ушел. Я уж начальнику заставы сказал: «Смотри, начальник, уйдет Аббас-Кули за кордон!..»

Барат и огорчался, что не догнал Аббаса-Кули, и в то же время искренне радовался, тиская в объятиях своего друга. В комнату набилось полно народу, люди все прибывали, заполняя коридор, площадку перед поселковым Советом.

— Жив, что ли?..

— Говорят, жив...

— Пять раз стрелял, такой здоровый.

— Комиссар его спас...

— А ему все ништо, пуля не берет...

— С карниза падал и то ничего. Другой бы богу душу отдал...

— Надо в город!.. Ёшка не виноват!..

Толпа продолжала расти. Что-то надо было делать.

— Василий Фомич,— сказал Кайманов.— Я вылезу через окно, хоть покажусь, что живой.

Он быстро выбрался на задний двор, обошел вокруг поссовета. Не доходя до крыльца, остановился, поплотнее надвинул фуражку, чтобы не были видны ни ссадина, ни прикрывавший ее пластырь.

Неожиданно из-за угла налетела на него Ольга, бросилась на грудь, не сдерживая сотрясавших ее рыданий.

— Да что ты,— оторопело проговорил Яков.— Перед людьми-то не срами. Подумают, и правда чего.

— Яшенька-а-а! Живо-о-ой!.. Да как же ты о нас-то не поду-у-ма-ал!

— Замолчи!.. Чего плетешь?.. С чего ж мне не живым-то быть?

Он понял, что́ она пережила в эти минуты. Обнял жену, крепко прижал к груди.

— Люди сказали...

— Люди, люди! Сорока на хвосте принесла, а не люди. И так дел невпроворот, а ты — «люди»...

Кажется, Ольгу не очень-то убедила его грубоватая ласка. Она видела, на нем лица нет. Но, главное,— жив, только от переживаний не в себе. А как же не переживать? С работы-то сняли?

Кое-кто из бежавших к поссовету дауганцев заметил Якова и Ольгу. Увидели их и толпившиеся у крыльца. В этот момент словно из-под земли перед Яковым появился Гришатка, ревевший в голос и размазывавший слезы по лицу.

Сначала Яков никак не мог понять, что стряслось еще и с Гришаткой. Руки и ноги целы, на лице — ни царапины, следов укуса змеи или скорпиона нет.

— Ты что? Что такое? — подхватив сына на руки, стал допытываться он.

— На-а-а-чаль-ник ска-а-аза-ал, что мы-ы-ы... вра-а-ги на-ро-о-о-да... Ми-и-и-тька дра-аз-нит!

— Какой начальник?

— На по-о-о-чте... По те-ле-фо-ну!..

Яков и вышедший на крыльцо Лозовой переглянулись.

— Алексей, поди глянь, что там за начальник,— попросил Кайманов Нырка. Стараясь успокоить сына, негромко произнес: — Он, сынок, неправильно сказал. А Митька твой дурак. Какие же мы враги народа?..

Но Гришатка не умолкал. А Яков, успокаивая сына, думал: «Кто же еще мог звонить по телефону с почты? Ясно, Павловский. И этот негодяй назвал его врагом народа? Его, Якова Кайманова, сына погибшего от рук белоказаков революционера?»

Вся кровь, хлынувшая в лицо, отлила теперь куда-то к сердцу и давила его, точно железным обручем. Бледный, он стоял, высоко подняв голову, наблюдая сухими, сузившимися глазами за обступившими его, гомонившими и выкрикивавшими что-то дауганцами.

К площадке перед поселковым Советом один за другим подкатили четыре грузовика с дорожными рабочими. Толпа сразу увеличилась втрое. Дело принимало серьезный оборот. Яков заметил, как побледнел комиссар.

— Яша,— сказал он,— надо успокоить людей.

Из кузова последней машины выпрыгнули Мамед Мамедов, Савалан, Нафтали Набиев. Стали пробираться через толпу. У всех возбужденные лица, каменная пыль на рабочей одежде.

Увидев их, Барат громко предложил:

— У нас четыре машины, семьдесят лошадей. Надо всем ехать в город. Привезем тех начальников, что Ёшку снимали. Пусть поживут, как Ёшка живет.

— Погоди, Барат, что ты плетешь? — попытался урезонить его Яков, но Барат продолжал:

— Ты, Ёшка, молчи! Ты говорил уже много, теперь я скажу. Давайте всем поселком соберем деньги, пошлем человека в Москву! Пусть Москва разберется, правильно сняли Ёшку или неправильно!

В задних рядах появился Павловский. Он явно старался остаться незамеченным, прятался за спины других.

— Ёшка-джан! Друзья! — вслед за Баратом обратился к собравшимся Балакеши.— Мы сами выбирали

Ёшку председателем. Кто его, кроме нас, может снимать?

— Нельзя меня оставлять, Балакеши,— не сводя взгляда с Павловского, проговорил Яков.— Теперь я — враг народа.

— Какой враг народа? Ты — враг народа? Какой дурак это сказал?

— Товарищи! — Лозовой поднял руку.

Голоса смолкли, послышались реплики: «Тихо! Василь-ага будет говорить!»

— Яша, переводи, только точно, без комментариев,— попросил комиссар.— Выборы в Верховный Совет — дело большой политической важности,— продолжал он.— Любой наш промах в этом деле на руку врагу. Мы выбираем нашу Советскую власть, но мы и подчиняемся ей! Если районный Совет решил снять Кайманова с должности председателя поссовета, мы должны подчиниться. А правильно или неправильно снят Кайманов, это другое дело. У нас есть право обжаловать решение райисполкома вплоть до СНК, вплоть до Цека.

Яков точно перевел слова Лозового. Снова послышались протестующие голоса: не все соглашались с комиссаром. Но неожиданно его предложение поддержал Балакеши, только что кричавший: «Мы сами райисполком!»

— Пусть нам покажут бумагу, что Ёшка с председателей снят,— сказал он.— Тогда мы сами бумагу напишем!

— Как ты напишешь, Балакеши, когда не умеешь писать!..

— Василь-ага напишет. Он комиссар, он знает, как писать, мы все подпишем.

— Ай, дугры! Ай, правильно! Не уйдем отсюда, пока нам не покажут бумагу, что Ёшка по закону снят.

Яков вопросительно посмотрел на Лозового.

— Звони, Яша, в райисполком,— сказал тот.— Пусть привезут решение. Другого выхода нет.

Около трех часов не расходился народ, ожидая представителя райисполкома. Солнце уже клонилось к западу, когда в конце долины показалась легковая машина, тащившая за собой длинный хвост пыли.

Сидевшие вдоль арыков дауганцы поднялись со своих мест.

Машина остановилась возле поселкового Совета, из нее вышла женщина. Яков узнал ее. Это — Муртазова, заместитель председателя исполкома. Решительно поднявшись на крыльцо, она подняла над головой какую-то бумагу:

— Вот постановление о снятии с работы председателя поселкового Совета Кайманова. Вот подписи, вот печать.

Наступила мгновенная тишина.

— Давай смотреть бумагу! — крикнул Барат.

Выписка из решения была напечатана на форменном бланке. Внизу стояли подписи, круглая печать. Муртазова передала выписку Якову, тот Барату, Барат — Лозовому, с надеждой заглядывая ему в лицо: вдруг что не так. Но Лозовой передал выписку дальше. Бумага пошла по рукам.

Многие не умели читать, но, увидев форменный бланк, а главное, печать, молча передавали выписку соседям.

Толпа начала расходиться. Документ, весь измятый и залапанный пальцами, остался у Алешки Нырка.

Муртазова села в машину и уехала.

— Яш-улы! — обратился Барат к Лозовому.— Теперь давай письмо писать. Не будет письма, сами в город пойдем. Надо Ёшку выручать.

Лозовой что-то озабоченно обдумывал. Яков дога-

дался: писать ничего не надо — этим можно все испортить, поставить Василия Фомича под удар.

— Я сам напишу письмо Калинину, второе — Сталину,— сказал Яков.

По тому, как быстро обернулся к нему Лозовой, понял, решение правильное.

— Так и сделаем,— согласился комиссар.

В долину Даугана уже вползали сумерки, когда Яков в окружении самых верных друзей, с Гришаткой на руках, подходил к своему дому. У крыльца их встретили Павловский и два красноармейца с винтовками.

— Заместитель коменданта Павловский,— официально представился тот, кого Яков ненавидел всеми силами души.— За вами, гражданин Кайманов, числятся наган и винтовка. Прошу сдать.

Остановившись, Яков почувствовал, что от поднявшегося вновь гнева начинает задыхаться. Он опустил на крыльцо дома Гришатку, повернулся к Павловскому.

— А ты мне давал их, наган и винтовку?

— Я представляю коменданта участка. Не сдадите, силой возьмем.

— У меня силой?!

Метнувшись в комнату, схватил винтовку, рванул затвор:

— Слушай ты, гад! Если сейчас же не уберешься отсюда — четыре пули твои, пятая моя. Кто еще сунется,— обернулся он к сопровождавшим Павловского пограничникам,— поделимся...

Наступила тревожная тишина. Кайманов сейчас был готов на все. Это понимал и Павловский, и стоявшие рядом с ним молодые красноармейцы. Но после того, что было сказано, Павловскому тоже отступать нельзя. Он сам себя поставил в немыслимо трудное положение.

— Павловский, слушайте меня,— негромко произнес Лозовой.— По званию и положению я здесь стар-

ший и несу полную ответственность за все, что произойдет. Приказываю возвратиться в комендатуру, оставить решение вопроса о сдаче Каймановым оружия до возвращения Карачуна. Кайманов! — обернулся он к Якову.— Идите к себе...

Но Яков и не подумал уходить. Ожидая, что предпримет Павловский, он лишь взглянул на Лозового, увидел в его глазах и приказ и упрек за непослушание.

Наконец Кайманов молча опустил винтовку, взял за руку обомлевшего Гришатку и, кивнув насмерть перепуганной Ольге, неторопливо вошел в дом.

Павловский не посмел его даже остановить, даже окликнуть.

Глава 7

ПРАВДА ВОСТОРЖЕСТВУЕТ

— Ты мне, Оля, постели на сеновале у Али-ага,— попросил Яков.— Кто будет спрашивать, не говори, где я. Голова болит, может, на воздухе пройдет...

Ольга с тревогой посмотрела на него, не решаясь возражать, но и не соглашаясь.

— Ну что ты так смотришь? Говорю, ничего не было. Бабы набрехали, а ты веришь...

— Боюсь, как бы опять не набрехали,— призналась Ольга.

— Ну и пусть себе брешут,— он принужденно рассмеялся.— На то они и есть бабы. То, о чем ты думаешь, немужчинское дело. Пусть себе стреляются паразитские замухрыши разные, а нам оружие впереди себя держать надо.

Он обнял одной рукой жену, шутливо потряс ее за плечи. Ольга, кажется, поверила, вздохнув, ушла в дом.

Провести ночь на сеновале ему хотелось не только потому, что болела голова, что там пахло душистым сеном, обвевал свежий, холодный декабрьский ветерок. Надо было о многом подумать, разобраться в том, что произошло, найти, где же и когда он допустил в жизни ошибку.

Как получилось, что проходимец Павловский сумел убедить Ишина и Муртазову, назвав его, Якова, врагом народа?

Старый сеновал с детства был тем потаенным и дорогим сердцу уголком, куда после набегов на караваны приходил он еще мальчишкой прятать добычу — урюк и орехи. Памятен сеновал был и тем, что именно там собирались дорожники, друзья отца, чтобы рассказать о своих бедах Василию Фомичу.

Толкнув скрипучую, когда-то высокую, а теперь казавшуюся совсем низенькой дверь, Яков вошел в пахнувший ароматом сухих трав полумрак, некоторое время постоял у порога. Поднявшись на сено, лег навзничь, стал смотреть в потолок, перебирая в памяти события последних лет, мучительно думая, так ли он жил, как надо, так ли работал, все ли делал, чтобы оправдать те призывы к новой жизни, которые сам не раз повторял с крыльца поселкового Совета, обращаясь к дауганцам.

«У-ху-ху-ху-ху!» — донесся крик горлинки.

Глаза Якова стали влажными.

Точно такой же крик слышал он в тот страшный день, когда расстреляли отца. Этот крик доносился сюда и в то утро, когда Али-ага с Дзюбой, Баратом и Саваланом принесли его на сеновал, беспомощного, полуживого, с вывихнутой ногой.

«У-ху-ху-ху-ху...»

Голос горлинки, связанный с самыми глубокими потрясениями в жизни, остался памятным навсегда. Стоит

прокричать дикому голубю, и все, что было с самого детства, поднимается в душе, сжимает горло.

Скрипнула дверь. Он скосил глаза, увидел бочком пробиравшегося Гришатку.

— Батяня, ты здесь?

— Здесь, сынок...

Гришатка на четвереньках забрался к нему, лег рядом, притих. Положив руку на грудь отца, посопел немного, потом сказал:

— Батяня, я всегда с тобой буду. Ладно?

— Ладно, сынок. Сын всегда должен быть с отцом.

Снова скрипнула дверь. Вошла Ольга. Яков узнал ее по прерывистому дыханию, что всегда было признаком сильного волнения.

— Оля, ты? — спросил он, едва различая Ольгу в сумраке сеновала, зная наверняка, что сейчас она еле сдерживается, чтобы не заплакать навзрыд. Осторожно встал, подошел к ней, обнял вздрагивающие плечи: — Что стряслось-то?

— За начальника комендатуры который, красноармейца присылал...

— Ну и что?

Вместо ответа Ольга уткнулась ему в грудь, не сдерживая себя, затряслась в рыданиях.

— Да говори ты толком!

— Сказал...— пересилив себя, прошептала Ольга,— тебе завтра к двенадцати в город в НКВД.

— Так...

— Не ходи, Яша! Уйди в горы! Яшенька!.. Родной!.. Как же... Как же мы-то теперь будем?

— Ну ладно реветь-то,— грубовато сказал он.— Нечего мне бояться. Нет за мной вины.

Яков словно со стороны слушал свой глуховатый голос. Значит, Павловский продолжает мстить. Хочет добить насмерть. Небось все преподнесет так, будто он

один оказался бдительным. Если бы, дескать, не он, то Кайманов, чего доброго, свергнул бы на Дауганe Советскую власть. Выходит, свергнул бы сам себя. Ловко!

— Ладно, Оля, иди собери мне чего-нибудь в дорогу,— сказал он, прижал к себе жену, поцеловал в мокрые от слез глаза. Она на минуту притихла у него на груди. Еще с минуту всхлипывала и сморкалась в коридорчике, потом, тяжело вздохнув, вышла на улицу.

Сначала Яков и сам поверил в то, что сказал Ольге: дескать, нечего ему бояться вызова в НКВД — встречу с кандидатом в депутаты сорвал не он, а Павловский. Они же с комиссаром Лозовым все сделали, чтобы не разгорелись страсти. Потом Яков пришел к выводу, что дела его не так уж хороши. Где-где, а в НКВД понимают, что значит бесконтрольно жить в погранзоне. А он много раз один выходил на границу, сутками пропадал на охоте. Разве нельзя допустить, что ходил на явку? Зная четыре языка, в том числе курдский и фарситский, разве не мог он запросто разговаривать с вражескими разведчиками? Если ему предъявят такие обвинения, доказать невиновность будет очень трудно.

Он снова лег на сено, уложил рядом с собой Гришатку, стал обдумывать, что и как будет говорить следователю. На поселок опустилась ночь, окутав все густой темнотой.

...Звездное небо на востоке стало светлеть, когда Кайманов выехал на тропу, которая должна была вывести его к городу.

Он не спешил, не гнал коня, а ехал, опустив поводья, чутко прислушиваясь к тишине, внимательно всматриваясь в каждый камень, каждое дерево, выступавшее ему навстречу из сумрака.

Пропетляв по улицам города, он остановил коня у знакомого палисадника с разросшимися кустами персидской сирени, окружавшими невысокий глинобитный дом Лозового. Накинув повод на столбик калитки, с сильно бьющимся сердцем вошел во двор.

В первое мгновение не мог понять, что происходит: дверь раскрыта настежь, створки одного из окон распахнуты, на садовой дорожке листки бумаги.

Кайманов открыл дверь, вошел в комнату, освещенную бьющим прямо в окна красноватым утренним солнцем.

В середине комнаты — Лозовой, за столом — незнакомый военный с тремя кубиками в петлицах, в форме войск НКВД.

— Документы,— продолжая рыться в бумагах, быстро взглянув на Кайманова, сказал военный.

Яков посмотрел на Лозового: «Да что ж это такое?»

— У тебя просят документы, Яша,— спокойно сказал комиссар,— надо предъявить.

Кайманов расстегнул карман гимнастерки, положил на стол паспорт и удостоверение, выданное погранкомендатурой.

— Фамилия?

— Там написано. Комиссар меня знает,— все еще не веря в происходящее, по привычке ссылаясь на авторитет Лозового, сказал он.

— Вижу, что знает.

Солнечный луч, бивший в голову представителю НКВД, высвечивал на его макушке розоватую кожу. Против света Яков не очень хорошо видел его лицо, зато сам был отлично виден.

— Итак, фамилия?..

— Кайманов Яков Григорьевич, бывший председатель поселкового Совета Даугана.

— Зачем в город?

— Вызвали в НКВД.

— Значит, по адресу. Поедете вместе с комиссаром.

— Василий Фомич, как же так? — негромко спросил Яков. У него просто не укладывалось в голове: арестован комиссар гражданской войны, комиссар Лозовой, человек, делавший в этих местах революцию.

— Разберутся, Яша, правда восторжествует...

— Руки не связываю,— не поднимая головы, сказал оперативник.— Это единственное, что могу для вас сделать.

— Да, конечно,— коротко ответил Лозовой.

Оперативник был явно не в своей тарелке: с обыском не спешил, будто ему самому хотелось оттянуть время. Не обращая внимания на Якова и комиссара, встал, вышел в другую комнату.

— Василий Фомич, еще не поздно. Я их задержу. Конь у ворот. Скачите прямо к Амангельды. Он вас в горах так упрячет, никто не найдет,— едва слышно зашептал Яков, повернувшись спиной к стоявшему у двери конвоиру.

— Попыткой к бегству я как раз и докажу, что в чем-то виноват,— так же тихо ответил Лозовой.

— Да в чем вас обвиняют-то?

— По заявлению Павловского в организации антисоветского мятежа на Даугане.

— Это же неправда! — громко произнес Яков.— Вы не понимаете, кого берете! Это же комиссар Лозовой! Его каждый здесь знает! Он у нас революцию делал!

— Думаете, без вас не знаю? — сказал оперативник.— Я военный. У меня приказ. Не выполню, пойду под трибунал. И без того разрешаю больше, чем положено, потому что лично знаю Василия Фомича.

Растерянный, потрясенный, Яков отказывался понимать то, что слышал.

— Весь сыр-бор загорелся из-за меня! — воскликнул

он.— Меня, понимаете, меня, с председателей сняли!.. Я во всем виноват! А митинг сам собой вышел.

— Все это расскажете следователю,— так же сдержанно ответил оперативник.

— Василий Фомич! — Яков не мог вот так просто, без борьбы отдать Лозового. Скажи комиссар лишь слово, и он жизни не пожалеет, чтобы спасти его.

— Василий Фомич!

— Спокойнее, Яша.

Они крепко, по-братски обнялись.

— Не наделай беды, Яша. В таких делах голова должна быть холодной. Береги себя.

— Да вы никак надолго собрались.

— Надолго не собираюсь, но все может быть.

Оперативник теперь уже нетерпеливо прохаживался перед дверью: три шага в одну сторону, три в другую.

Лозовой снял с гвоздя фуражку, низко надвинул на лоб, коротко сказал:

— Пошли...

Всю дорогу до здания НКВД Яков обдумывал, что скажет в защиту комиссара, в свою собственную. Не может же быть, чтобы поверили доносу негодяя Павловского. Кайманов надеялся, что их вместе с Василием Фомичом вызовут на допрос к следователю, и там сразу все выяснится. Но едва они вошли в подъезд, комиссара сразу же увели. Его ждали.

— До свиданья, Яша. Ты ни в чем не виноват...

— До свиданья, Василий Фомич!..

«Сынок, ты ни в чем не виноват! Прощай, Глафира!» — как эхо прозвучали в ушах Якова слова отца.

Лозовой еще раз оглянулся, и Яков увидел его глубоко запавшие глаза. Страшная мысль поразила его: «Василий Фомич больше не вернется». Вернется ли он сам, Яков Кайманов? Может быть, для него тоже отрезан путь в родные горы? А как же Ольга? Гришатка?

Как все просто! Вместе вошли в вестибюль: один пожилой, другой молодой, обнялись, попрощались. Один под конвоем прошел по коридору, другой остался возле тумбочки. Попрощались и разошлись. С чем прощались?..

— Вы к кому? — спросил Якова все время наблюдавший за ним рослый старшина с наганом на поясе.

Яков назвал свою фамилию. Он ожидал увидеть в вестибюле команду вооруженных охранников, но все происходило до обидного просто.

— Оружие есть? Нож есть? — привычно спросил старшина и, когда Яков, вывернув карманы, ответил «нет», сказал: — Второй этаж, седьмая дверь направо.

Потрясенный обрушившимся на него горем, забыв, где он, Яков продолжал стоять возле тумбочки, не замечая удивленно посматривавшего на него старшину.

— Что, глухой или не понял? — сказал тот.— Второй этаж, седьмая дверь направо.

Кайманов подумал, что старшина тут ни при чем, отвернулся и, сильнее обычного прихрамывая, поднялся на второй этаж, читая по пути таблички с фамилиями.

Вот и дверь «его» кабинета. Постучал.

— Войдите...

За письменным столом — человек средних лет, в штатском. Следователь. Бледное утомленное лицо. Под глазами темные круги. Волосы гладко причесаны, смочены то ли водой, то ли бриолином, влажно блестят.

В углу, за отдельным столиком, очевидно, писарь. У входа — часовой с винтовкой.

— Садитесь,— предложил следователь.— Курите. Пододвинул пачку папирос.

С тридцатого года Яков не курил, но тут, волнуясь, взял папиросу, жадно затянулся.

Следователь читал какую-то бумагу, затем отложил ее в сторону, внимательно посмотрел на Кайманова.

— Что у вас произошло на Даугане?

— Народ посчитал, что меня неправильно сняли с председателей...

— Кто организовал собрание?

— А разве собрания всегда надо организовывать?

— Вопросы задаю я, вы — отвечаете. Кто организовал собрание?

— Товарищ следователь! Вы шьете дело комиссару Лозовому. Ничего у вас не выйдет. Вызывайте хоть весь поселок, все скажут: комиссар собрание не организовывал. За меня люди сами вступились. Если по чести: моей вины во всем этом деле тоже нет. Портреты Антоса с его биографией продержал у себя Павловский, а потом подкинул в поселковый Совет.

— Вы знаете, что будете отвечать за каждое слово, сказанное здесь?

— И отвечу. Как только выйду отсюда, о комиссаре Лозовом и о себе наркому обороны напишу. Вы не знаете, кого вы взяли.

— Кого арестовали, разберемся. Сейчас речь идет не о Лозовом, о вас. Если вам не все равно, сколько вы пробудете здесь, отвечайте на вопрос прямо. Кто организовал собрание на Даугане?

— Ну я организовал, я! — теряя терпение, воскликнул Яков.— Сдал дела, хотел пулю себе в лоб пустить, да комиссар вовремя подоспел. Народ сбежался, Василий Фомич повернул дело так, что все согласились дождаться представителя исполкома. Что еще надо?

— Хорошо. Теперь скажите, что бывает за вооруженное сопротивление власти?

— Какое еще сопротивление? Насчет Павловского?

— Значит, вы не отрицаете, что оказали вооруженное сопротивление заместителю коменданта Павловскому?

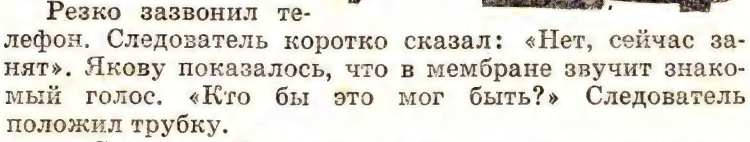
— Жалею, что не пристрелил! Это он все затеял.

Бдительность проявил! А из-за самого погибли Шевченко и Бочаров — пограничник и наш бригадир. Вот кого надо судить, а не меня и не комиссара.

— Значит, вы не отказываетесь, что угрожали Павловскому оружием и сейчас жалеете, что не застрелили его?

— Да, жалею,— в запальчивости подтвердил Яков.

— Этими словами вы подписываете себе приговор. Существует статья, касающаяся пограничной зоны...

Резко зазвонил телефон. Следователь коротко сказал: «Нет, сейчас занят». Якову показалось, что в мембране звучит знакомый голос. «Кто бы это мог быть?» Следователь положил трубку.

— Скажите, Кайманов, когда вы только приехали на Дауган, вы встречались с контрабандистом по имени Каип Ияс?

— Я задержал его и передал на погранзаставу.

Он отвечал не задумываясь, будто не верил, что допрос ведется всерьез.

— До того Каип Ияс всю ночь пребывал вместе с вами в одной пещере?

— Была же гроза, ливень!

— А не кажется ли вам странным, Кайманов, что тот же Каип Ияс вторично встретился в погранзоне с вами и Лозовым? Комиссар с ним беседовал? Верно?

— Черт знает что! — вырвалось у Якова.

— Значит, вы не отрицаете, Кайманов, что и во второй раз встречались с контрабандистом по имени Каип Ияс, что после стычки с нарушителями государственной границы комиссар Лозовой и вы вели с ним продолжительную беседу?

— Слушайте,— еле сдерживая себя, произнес Яков.— Каип Ияс — последний терьякеш, шаромыга. Это — падаль, не человек. Его не только на Дауганской заставе знают, но и начальник заставы Пертусу Черкашин знает и комендант Федор Афанасьевич Карачун...

Снова зазвонил телефон. Следователь с видимой досадой снял трубку, недовольно слушал чей-то взволнованный мужской голос. Яков перевел дух. Это была минутная передышка, маленькая возможность собраться с мыслями. Кто сочинил напраслину о мнимом шпионаже Каип Ияса? Кому потребовалось сделать его шпионом? Кто доложил все подробности вплоть до того, что комиссар Лозовой беседовал с ним? Надо же придумать: Каип Ияс — агент! Чушь какая-то! И вместе с тем в вопросах следователя была неумолимая логика.

Яков с ужасом подумал, что не сможет доказать

свою невиновность. Следователь уже внес в протокол допроса показание, что он угрожал Павловскому. Но это еще куда ни шло. А вот с Каип Иясом дело намного хуже. Обвинение нелепое, но его невозможно опровергнуть. Попробуй докажи, что Каип Ияс не шпион. Как ни крути, а Каип Ияс иностранец, нарушитель границы.

— Я уже сказал, что сейчас занят! — раздраженно говорил в трубку телефона следователь.

Обостренный слух Якова теперь совершенно отчетливо улавливал каждое слово, звучавшее в мембране. Человек на другом конце провода кричал во весь голос:

— Я настаиваю, чтобы вы меня приняли. Это по делу Кайманова. У меня разрешение начальника погранвойск и вашего начальника...

Теперь он понял, кто говорит, узнал голос Федора Карачуна.

— Хорошо,— перед тем как положить трубку, сказал следователь.— Вам будет заказан пропуск.

Встревоженный телефонным звонком Федора, боясь надеяться и в то же время надеясь на его помощь, Яков решил сам исправить то, что еще не успел окончательно испортить. Прежде всего не надо грубить: кроме неприятностей это ничего не даст.

— Товарищ следователь,— сказал он спокойно.— Я семь лет на границе. Сколько раз в нарядах бывал, участвовал в вооруженных столкновениях. Поверьте, Каип отъявленный терьякеш. За терьяк и отца родного, и детей вместе с женой продаст. На него и пулю тратить жалко. Ну какой из терьякеша агент?

— Неубедительно, Кайманов,— холодно прервал его следователь.— Вы сами знаете: чем опытнее агент, тем меньше он вызывает подозрений. Что касается вас, на сегодня хватит. Уведите арестованного...

От сдержанности Якова не осталось и следа:

— Тебе обязательно надо меня закопать? Да? А кого закапываешь? Вот этими руками Дауган поднимал, бандитов стрелял! Комиссар Лозовой революцию делал, а его в кутузку? Да какой ты следователь, когда людей не видишь?

— Не забывайтесь, Кайманов,— предупредил следователь и еще раз приказал часовому: — Увести арестованного!

Кайманов встал, тяжело шагая, пошатываясь от нервного напряжения, пошел к двери. Он понимал, что все испортил грубостью, но знал, если допрос повторится, будет вести себя так же.

Одно плохо — следователь не позволил встретиться с Карачуном.

А Федор уже шел навстречу по коридору. Лицо озабоченное и в то же время веселое:

— Яша! Буду ждать у подъезда, там моя машина! Приказ об освобождении! Вот он, сам главный подписал!

— Федя!.. Как же...— Конвоир не дал договорить, втолкнул в дверь с решеткой.

Теперь Яков не обратил на это внимания: пусть толкает! Главное — Федор здесь, принес приказ об освобождении! Как томительно тянется время. Яков настороженно прислушивался к шагам в коридоре, с нетерпением ждал, что вот-вот откроется дверь, и он будет свободен.

Дверь открылась. Послышался такой же, как у следователя, бесстрастный голос:

— Кайманов, выходите! — У порога стоял начальник конвойной команды. Возвратил паспорт, удостоверение погранзаставы, протянул какую-то бумажку, сказал: — Подписка о невыезде, распишитесь. Не забудьте свой сверток.

— Я свободен?

— Пока свободны. Потребуетесь, вызовем.

Как во сне, Яков расписался в какой-то книге, пошел по коридору. У подъезда остановился, еще не веря, что все позади и что он снова может вернуться к семье, к друзьям. А может, отпустили только для того, чтобы следить, где он бывает, с кем связан, да не похаживает ли к нему через границу какой-нибудь КаипИяс? Пусть следят. Бояться ему нечего. Он и сам бы сейчас готов был из-под земли достать Каип Ияса, чтобы тот помог снять все подозрения с Василия Фомича.

Из-за угла выехала машина, остановилась.

— Яша, сюда!

— Ай, Ёшка-джан, садись скорей!

Он не сразу рассмотрел на заднем сиденье улыбающиеся физиономии Барата и Алешки Нырка. Из вестибюля выбежал Федор Карачун, обнял Якова, открыл дверцу машины.

— Поехали,— скомандовал Карачун.

— Афанасич, мне надо на Дауган. Ольга поди извелась вся, и в поселке не знают, где я.

— Ольге уже передали, в поселке знают. Шофер дорожного управления Ваня Якушкин к вам поехал. Я ему наказал, чтобы всем, особенно жене, передал: Яков, мол, ни в чем не виноват, освобожден. У нас тут разговор будет долгий, так что не обессудь, немного задержу.

Машина выехала за город, помчалась к комендатуре.

— Не знаю, Афанасич, как тебя благодарить! Если бы не ты... Выручить бы теперь Василия Фомича.

— Чего там благодарить,— махнул рукой Карачун.— А в общем, скажи спасибо, что понравился комбригу Емельянову. Долго уговаривать его не пришлось... Да еще твой отчим помог.

— Как отчим? Он же на Мургабе.

— Прошел слух, собирается вернуться. Мамаша твоя ждет его. Но это разговор особый.

Известие, что возвращается отчим, озадачило Якова, хотя это был и не тот, главный вопрос, который сейчас его волновал.

— Где Павловский? — спросил он.— Надо во что бы то ни стало заставить этого гада сознаться в подлоге, в ложном доносе.

Карачун ответил:

— Нет Павловского. Нашкодил и удочки смотал.

— Так... Догадался, значит...

Как же теперь выручить комиссара? Надо было заставить Павловского самого опровергнуть донос. А теперь где его найдешь?

Только сейчас Яков по-настоящему понял, чем обязан своим друзьям — Федору Карачуну, Барату, Алешке Нырку. Они сделали почти невозможное, освободили его от неминуемого суда по самым серьезным политическим обвинениям.

Барат и Нырок на полпути вышли из машины, отправились домой, а Карачун с Яковом на холостяцкой квартире, принявшей без Светланы нежилой вид, почти до вечера просидели за составлением писем в ЦК, к наркому обороны, в которых неопровержимо, как им думалось, доказывали невиновность Василия Фомича.

— Органы обязаны проверить не только тех, на кого доносят, но и тех, кто пишет доносы,— будто убеждая Карачуна, сказал Яков.

— Что они обязаны, они и сами знают,— отозвался тот.— Для себя я решил, что бы ни было, как бы ни было — Родина у нас одна, партия одна. Их мы обязаны беречь и охранять.

Яков молчал, мучительно раздумывая о случившемся. Василий Фомич сказал, что справедливость восторжествует. Может быть. Но у Якова еще слишком

живо было в памяти впечатление от допроса, когда, казалось бы, самые пустяковые мелочи становились вдруг чуть ли не решающими обвинениями.

— Скажи, Федор, как мог повлиять на мое освобождение отчим? Ты что-то намекал в машине.

— Очень просто. Я еще раньше докладывал начальнику войск о твоих подозрениях в отношении Мордовцева. Он передал это комиссару внутренних дел республики. Ну все и завертелось. Откровенно говоря, нам самим показалось странным поведение твоего отчима. Когда ты едва не выследил его, он неожиданно уехал на строительство Мургабской плотины. Теперь, говорят, возвращается. Разоблачать Мордовцева тебе, никому другому. На том и с начальником войск, и в НКВД порешили.

— Какой может быть разговор! Все силы положу.

— Мы думали тебя призвать в армию и к себе забрать,— продолжал Карачун.— Нам очень нужен хороший переводчик, знающий курдский и фарситский. Но решили пока повременить. Не поймут люди: то чуть не арестовали, а то сразу в комендатуру. Тот же Мордовцев к тебе будет, как зверь, только против ветра заходить. А он не один терьяком балует. Последнее время под марку терьяка что-то уж больно густо всякой контры пошло. На одном фланге прорвутся шаромыги, на другом — тоже, а как заставы рассредоточишь, поднимешь в преследование, по центру бац, и пустят какого-нибудь туза, вроде того, что на вшах попался.

Яков позвонил в дорожное управление. Там ответили, что до утра ни одна машина на Дауган не пойдет. Надо было где-то устраиваться на ночлег.

— Ночуй у меня, места хватит,— предложил Карачун.

— Нет, Федя, надо с матерью повидаться. Редко бываю. Обидится, если не приду.

Завтра с утра Яков рассчитывал побывать в райисполкоме, чтобы взять официальную справку с прежнего места работы.

«Дело недолгое,— думал он,— возьму справку и на Дауган».

Спустя полчаса он уже торопился к матери. Все ускоряя шаги, подошел к дому с резными наличниками и жестяным петухом на трубе, толкнул калитку, вошел во двор, весь оплетенный виноградом, уже сбросившим пожухлые листья. Едва поднялся на знакомое крыльцо, мать вышла навстречу:

— Господи! Яшенька! Сынок! Слава тебе, царица небесная, услышала мои молитвы: свиделись в полном здравии!

Испытывая чувство щемящей радости, Яков молча прижал к груди заметно поседевшую голову матери. Будто снова вернулась та невозвратимая пора, когда он прибегал к ней и получал ее скупую, но тем более незаменимую ласку, снимавшую с него обиды и горести.

— Ну что вы, что вы, мама,— едва справляясь с волнением, проговорил он, чувствуя, что и у самого щекочет в носу.— Как вы-то, живы-здоровы?

— Бог миловал. Вот по тебе извелась вся. Не успела приехать, уж сороки на хвосте принесли: дескать, Яшку твоего с председателей турнули, в НКВД упекли. Давно тебе говорила, сынок, не связывайся с властью. Свое хозяйство — и власть и достаток. А теперь куда тебе податься? Ни кола, ни двора, ни государственной должности.

— Ладно, ладно, мама. Все наладится...— Ему не хотелось так вот, с порога вступать в споры с матерью.— Сам-то скоро придет?

— Ладно, так ладно,— согласилась мать.— Флегонт-то Лукич днями будет, дела сдает. Что ж это мы

на крыльце стоим? — спохватилась она.— А уж набедовался ты, сынок, в гроб и то краше кладут.

Такой отзывчивой и покладистой он уже давно не видел ее.

Мать быстро накрыла стол («научилась принимать гостей!»). Радушно угощая сына, то вздыхала, сложив руки на груди, то вытирала глаза уголком платка и все смотрела на него, радовалась встрече. И он ощутил вдруг давно забытое чувство дома, какое бывает только в детстве, когда все заботы кончаются там, где появляются взрослые.

«Если б все было так!» — Яков усмехнулся своим мыслям.

— Дай бог, чтоб тебе была удача в делах,— сказала мать.

— Все будет хорошо, мама,— отозвался он.— Руки-ноги целы, голова на месте, с остальным как-нибудь справимся.

— Дай бог, чтоб она всегда была на месте. Добрым людям теперь незнамо куда и податься. Хоть за кордон беги.

Он насторожился, но не подал виду, что обратил внимание на ее слова.

Уж не задумал ли Флегонт и правда через рубеж махнуть? Способен и на это.

— Что ж так, за кордон-то? — спросил Яков.— Живете вроде и здесь в достатке?

— Да что достаток. Время сам знаешь какое. Тряхнут — и все пропало. Справным людям нет прочности в жизни, не одного тебя могут в НКВД потянуть.

«Точно. Не зря Флегонт боится НКВД...»

Внезапное смещение с должности председателя как бы приблизило мать к Якову. Говорила она с ним сейчас доверительно, как с человеком, обиженным властью. Это ему не понравилось. Говорила слова не свои, а Фле-

гонта, которому эта власть никак не давала развернуться, несмотря на всю его оборотистость и хватку. Мечется Флегонт, мотается из одного места в другое, теперь уже и о загранице разговоры повел.

Одно дело схватить отчима за руку, поймать с поличным. Совсем иное — уследить, когда решит махнуть за кордон. Яков — на Даугане, Флегонт — здесь. Горы знает не хуже любого пограничника. Выберет подходящее время, шмыгнет на ту сторону — поминай, как звали. Но с ним уйдет и мать. Где ж ей остаться! Живет по заповеди: «Жена да убоится своего мужа».

Ощущение домашнего уюта исчезло. Он думал отдохнуть душой, встретившись с матерью, а тут новые огорчения. Перед ним не враг, которого надо опутать и взять хитростью, а мать, давшая ему жизнь. Как он будет плести против нее сеть, ловить вместе с Флегонтом? Но с другой стороны, нельзя допустить, чтобы она ушла за кордон. Он еще надеялся, что мать просто оговорилась, случайно начала разговор, но по опыту знал: у Флегонта каждое слово полной мерой весит. А может быть, все это не так уж и серьезно? Женщина в запальчивости иногда скажет такое, о чем по-настоящему и не думает...

— Постелите мне, мама. Намаялся за день, ко сну клонит,— попросил Яков.— Завтра еще справку получать и на Дауган добираться. Дома тоже небось заждались...

Мать постелила ему в горнице (без Флегонта чувствовала себя хозяйкой). В доме все стихло. Но он долго не мог уснуть.

Может, потому, что отвык спать на перине, а скорее всего оттого, что разные думы одолевали, набегая одна на другую.

Из-за нелепого случая сняли с должности. Уехала Светлана. Потерял самого близкого человека, долгие

годы заменявшего ему отца,— Василия Фомича. Сам чуть в тюрьму не угодил. Хорошо, что Федор выручил. Но сам он к Федору не может, не имеет права относиться по-прежнему: совесть мучает. Права Светлана, ничто человеку не проходит зря: палка о двух концах... Идут годы. Уж за тридцать перевалило. Что же осталось после стольких потерь? Осталась Ольга, остался Гришатка. Как они там теперь?..

Тревога за них, неожиданная мысль, что с ними может что-то случиться, вдруг охватила Якова, ему захотелось как можно скорее домой, на Дауган, утешить жену, обнять сынишку. Мало, слишком мало он уделял им внимания и времени! А ведь это тоже его жизнь! Может быть, он и вправду не так живет, не так ведет себя с людьми? Кто может сказать, как надо жить?

Невыспавшийся, с больной головой, отправился Яков утром в райисполком за справкой. Его приняла Муртазова. «Она все знает,— подумал Яков,— волынить не будет». Но он ошибся.

Муртазова повертела в руках его заявление, отложила в сторону, сказала:

— Как я буду подписывать справку, когда вы сняты по рекомендации секретаря райкома Ишина? Идите в райком, там получите справку.

Он отправился в райком.

— Не по адресу обращаетесь, товарищ Кайманов,— сухо сказал Ишин.— Сняты вы решением президиума исполкома, пусть исполком и разбирается с вами.

Яков вернулся в райисполком, занял очередь на прием к председателю Исмаилову. Дождался, прошел в кабинет, коротко изложил свою просьбу.

— Хорошо,— сказал Исмаилов.— Справку я дам.

Тут же набросал текст: «Яков Григорьевич Кайманов освобожден от должности председателя поселкового Совета Даугана по собственному желанию».

Яков возмутился.

— Я же не просил вас освобождать меня от работы! Зачем мне такая справка? Напишите все, как было...

— Как хочешь, дорогой,— ответил председатель.— Иной справки дать не могу.

Хлопнув дверью, Кайманов вышел на улицу. Ему до того надоело все то, что держало за душу бумажными цепями, оказавшимися прочнее железных, что захотелось плюнуть и уехать домой. Скорей на Дауган, где каждый знает его, каждый поможет! Там жена, сынишка, там верные друзья.

Но не только желание поскорее увидеть семью гнало его на Дауган. Жгло сердце письмо насчет Лозового, спрятанное в нагрудном кармане толстовки. К письму он взял у Карачуна два листа чистой бумаги для подписей. Был уверен: в поселке все до единого подпишутся под заявлениями о снятии с Лозового каких бы то ни было обвинений. В другом кармане лежало его собственное заявление в райисполком с просьбой выдать справку, где указывалась бы действительная причина, почему его сняли с работы. «Копию тоже пошлю в Москву»,— думал Яков.

В хлопотах незаметно прошел день. Пришлось Якову еще раз ночевать у матери. Утром, когда сели завтракать, к дому подъехал грузовик. В комнату вошли Барат и шофер дорожного управления Иван Якушкин.

— Яша! — поздоровавшись, сказал Якушкин.— Тебя в поселке ждут. Едем!

Наскоро позавтракав и распрощавшись с матерью, Яков, не задерживаясь, выехал вместе с друзьями в родной поселок.

Вот уже миновали барак ремонтников, мрачное ущелье Сия-Зал. Машина, надрывно гудя мотором, стала подниматься по дауганским вилюшкам. Асфальтовое полотно дороги, заметаемое вихрившимся снежком,

стремительно выбегало из-за борта кузова, уходило вдаль, сворачивая то вправо, то влево, исчезая на виражах. Яков сидел рядом с Баратом в будке кузова, запахнув полы ватной фуфайки, прислонившись спиной к кабине, смотрел на запорошенные снегом скалы. Стоило побыть под следствием и почувствовать опасность заключения, как глаза теперь уж совсем по-новому воспринимали окружающее.

Пофыркивая, мчится машина. Горный воздух пахнет снегом, выхлопными газами, немного пылью. Эти с детства знакомые запахи дороги чуть ли не до слез взволновали его. Последний поворот. Машина пошла быстрее. Вдруг Яков сорвался с места и, просунув руку в переднее окошко будки, забарабанил по крыше кабины.

Мимо борта кузова промелькнули две закутанные в шубейки и платки фигуры. Он скорее почувствовал, чем понял: Оля и Гришатка. Вышли за поселок на добрых три километра, чтобы встретить его.

Машина затормозила. Из кабины высунулся Ваня Якушкин.

— Своих не узнаешь? — крикнул ему Яков, спрыгнул, побежал навстречу жене и сыну, прижал их к себе.

— Яшенька, родной!

Таких сияющих глаз на залитом слезами лице жены он никогда еще не видел.

Гришатка с криком «Батяня!» повис у него на шее.

— Зачем так далеко?.. Ведь холодно. Дома бы встретили,— целуя мокрое от слез лицо жены и прижимая к себе Гришатку, спросил Яков.

— В доме народу полно, ждут тебя. По-родному и встретить не дадут.

Медленно, задним ходом подъезжала к ним машина. В кузове, размахивая руками от холода, отплясывал Барат.

— Эй, Ёшка! Оля-ханум! Совсем замерз! Зачем здесь целоваться, когда дома можно!

Взяв Гришатку на руки и бережно поддерживая Ольгу, Яков прошел к машине, помог им сесть в кабину, рядом с Ваней Якушкиным. Сам поднялся по колесу в кузов.

Машина резко взяла с места, через несколько минут на полном ходу влетела в поселок...

Семейные заботы свалились на Якова в самое трудное время года. У него и раньше бывало так: не замечал, как летит время. А теперь дел еще больше. Несколько недель после возвращения на Дауган пролетели, как один день.

Рождение дочери, которую назвали Катюшкой, лишь ненадолго отвлекло его внимание от поисков постоянной работы, от домашних нужд.

Однажды Яков снова зашел к председателю исполкома Исмаилову:

— Дадите вы, наконец, справку, с которой мог бы я поступить на работу? В суд подам, придется из своего кармана платить за вынужденный прогул.

— Послушай, дорогой,— возразил Исмаилов.— Как я напишу тебе такую справку? Твое дело еще не рассматривалось ни в исполкоме, ни в райкоме.

— Должен же я, наконец, работать, содержать семью, должен знать, за что меня сняли?

— Подожди, дорогой, придет время, все узнаешь. Пусть райком решит вопрос о тебе, тогда приходи. Любую работу дам, сейчас не могу.

Яков вышел, громко хлопнув дверью. В приемной встретил начальника дорожного управления Ромадана.

— Все по-старому? — пожимая руку, спросил тот.

— Справку не дают,— ответил Яков.— Исмаилов кивает на Ишина, Ишин на Исмаилова. Какой-то замкнутый круг.

Ромадан озабоченно потер лоб.

— Вот что друже,— сказал он.— Без справки оформить тебя в штат я не могу, сам разумеешь. Но слухай сюда... Наши рабочие собираются в горы на заготовку дров. Езжай с ними. Можешь своих дружков в бригаду забрать. Осень да зиму прокормишься, а там авось и прояснится.

Яков с радостью согласился. Заготавливать дрова — работа нелегкая, зато не надо будет обивать пороги учреждений. Хотя бы на время он может сбросить тяготы последних месяцев, снова уйти в родные горы...

Глава 8

КАИП ИЯС

Огромный пень старой сухой арчи, словно гигантский паук, впился в скалу побелевшими от солнца кривыми корнями.

Кайманов подошел, ударил обухом топора по высушенной до звона свилеватой древесине:

— Эй, Барат, Мамед! Савалан! — крикнул он.— Арчи пилить не будем, эвон пней сколько!..

Друзья молчали, лишь вопросительно посматривали то на него, то на могучий пень.

— Будем корчевать. Тут же прорва дров! Сухие, смолистые,— с каждого пня полмашины. Такие дрова кто хочешь возьмет.

— Ай, Ёшка,— как всегда первым отозвался Барат.— Если такие дрова в город привезем, богатыми людьми будем. Только кто эти пни корчевать будет? Барат не может, Савалан не может, Мамед тоже не может. Наверное, ты можешь?

Барат, конечно, прав. Выкорчевать такой пень, расколоть на дрова корни, перепутавшиеся у самого ком-

ля — дело не простое. Однако Яков, слушая возражения друга, улыбался.

— Почему смеешься, Ёшка? — вскипел Барат.— Смотри, дорогой! Мамед и Савалан так же думают, как я.

Толстый Мамед, оттопырив нижнюю губу, скептически причмокивал, как бы подтверждая этим свое безоговорочное согласие с Баратом. Скупой на слова Савалан молчал, но по его взгляду нетрудно было понять: знает, почему бригадир затеял такой разговор.

Перед уходом в горы Яков взял у коменданта Карачуна письменное разрешение подрывать аммоналом пни, прихватил с собой красноармейский вещмешок, битком набитый взрывчаткой.

— Начнем, Савалан? А вы, друзья,— сказал он Барату и Мамеду,— спрячьтесь пока вон в тот отщелок.

Под пень заложили взрывчатку. Яков поджег короткий шнур, вслед за Саваланом бросился в укрытие. Раздался взрыв, сверху полетели камни, дождем ударили по звонким промерзшим скалам. Пень был сорван с места и теперь лежал, перевернутый вверх корнями, подняв к небу скрюченные лапы, желтея на снегу расщепленной древесиной.

— Ай, Ёшка, ай, молодец! Смотри, какой хитрый! Зачем Барат будет работать, пусть аммонал работает.

— Нам с тобой тоже работы хватит,— вылезая из отщелка, проговорил Мамед.— Давай-ка бери топор, пошли греться.

Но Савалан остановил их, молча привязал заряд аммонала к самому переплетению корней. Минуту спустя снова раздался взрыв, пень разлетелся на куски. Пока Барат и Мамед разделывали его на дрова, Яков с Саваланом подорвали еще четыре пня.

Часа через два все подорванные пни были разделаны, дрова сложены в кучу. Их оставалось только свя-

зать и отвезти на ишаках и верблюдах вьюками по горным тропам вниз, к тому месту, куда могла подойти машина.

Дровосеки вдоволь наработались, когда в конце отщелка показался караван из семи ишаков и трех верблюдов. На переднем ишаке важно восседал Рамазан, подрядившийся заготавливать дрова вместе с отцом.

— Ай, как много вы нарубили дров! — удивился он.— Наверное, вам кто-нибудь помогал.

С удовольствием окинул взглядом большую гору дров и Кайманов. Для него жизнь как будто начиналась сначала. Опять он в бригаде со своими друзьями. Только и разница, что на дороге им приходилось камни ворочать, а здесь пни. А пней в горах столько, что на заготовке дров можно заработать даже больше, чем на строительстве дороги.

Но как ни убеждал он себя, что доволен своей жизнью и работой, тоска не проходила. Не хватало размаха, не хватало сотен людей, которые бы трудились рядом, как это было в поселке, не хватало наряда пограничников, с которым можно было бы уйти, как когда-то в наряд на границу.

До самого вечера работала бригада: Рамазан то с отцом, то с Мамедом отвозили вьюками вязанки смолистой арчи в долину. Яков с Саваланом продолжали подрывать пни.

Стало уже смеркаться, когда Яков, выбивавший ломом гнездо под очередным пнем, увидел то, что ему хотелось видеть.

По горной тропе вдоль склона отщелка поднимался пеший пограничный наряд. Впереди — старшина Галиев. Вслед за ним на предусмотренной уставом дистанции — красноармеец Ложкин.

— Салям! — приветствовал членов бригады Галиев.— Кто у вас тут начальник? Вы, товарищ Кайманов?

— Все начальники,— здороваясь, ответил Яков. «Обязательно тебе надо знать, кто тут начальник»,— подумал он.

— Удивляюсь, как это вам разрешил комендант пни взрывать,— продолжал Галиев.— На заставе не поймешь: то ли гранату рвут, то ли пень летит.

— Распоряжения начальства не обсуждают,— зная характер старшины, сказал Яков.

О работе заготовителей Карачун подумал. Район им отвел строго определенный. Пограничникам нетрудно было разобраться, что к чему.

— Ну так что, кончать нашу музыку или разрешите продолжать, товарищ старшина? — пряча усмешку, спросил Кайманов.

— Продолжайте,— важно ответил Галиев. Помолчав, добавил: — Начальник заставы старший лейтенант Логунов сказал, никто не снимал тебя с бригады содействия. Сегодня ждем «гостей». Пойдешь со мной в наряд к тропе Кайманова, в район скрестка трех отщелков. Время заступления двадцать два ноль-ноль.

«Значит, есть еще ко мне доверие,— подумал Яков.— Никакие Павловские не смогли его поколебать».

Не пропустил он мимо ушей и то, что новую тропу, проложенную на Асульму, старшина назвал его именем. «Тропа Кайманова», «Отщелок Якова», «Ёшкин пруд» — эти названия прочно вошли в быт Даугана.

— Ну что ж, Амир. Рабочий день у нас вроде кончен. Дом наш близко. Пойдем чайку попьем, обсохнем малость — да и в наряд.

«Домом» он назвал одну из старых пещер, в каких когда-то курды выжигали уголь из горного клена. Для того чтобы не ходить каждый день в морозы по обледенелым и заснеженным карнизам в поселок, лесорубы приспособили гавах под жилье. В дальнем конце закоп-

ченной пещеры устроили постели — там было много сена; у входа обложили камнями место для костра, дым от которого вытягивало, словно в трубу, в узкую щель, поднимавшуюся между скалами.

Барат и Мамед приготовили ужин: угостили пограничников, легли отдыхать. Вскоре заснули и Савалан с Рамазаном. Дневная усталость давала себя знать.

Немного отдохнув, Яков и Галиев в точно назначенное время ушли в наряд. Обычно сам возглавлявший «базовцев», Кайманов сейчас был согласен на роль младшего: не в том суть, кто начальник, главное — в доверии. Он здоров, полон сил, глаза зоркие, руки крепко держат винтовку, ему доверяют...

Стараясь не терять из виду шагавшего впереди старшину, Кайманов внимательно оглядывался по сторонам, изучая снежный покров. Временами поднимал голову, смотрел вверх, чтобы сориентироваться по ярким, мерцавшим в морозном воздухе звездам, спустившимся, казалось, к самым горным вершинам.

Снег чистый, на тропах никаких следов, только темнеют при свете звезд завьюженные буранами выступы скал, да какая-нибудь арча, застывшая в зимней спячке, протянет с откоса темную лапу, мазнет, словно невзначай, хвоей по лицу. И снова все тихо в колдовском морозном блеске, в мглистом сумраке зимней ночи.

Когда проверили весь отведенный для охраны участок, укрылись под навесом скалы в отщелке, стали ждать.

Ближе к утру погода переменилась. Из-за камня, закрывавшего вход в укрытие, высунулся белый язык поземки, подхваченный порывом ветра, ударил в лицо снежными иглами.

Наверху засвистел, завыл буран. Горы со стоном отозвались ему. И вот уже пошел он гулять по склонам и

распадкам, выдувая из ущелий тучи снега, заметая перевалы и тропы.

Подняв воротник куртки, Яков нахлобучил шапку, натянул на голову капюшон брезентового плаща. Галиев и лежавший поодаль Ложкин тоже подняли воротники шинелей, замотали подшлемники, застегнули под шеей буденовки. Разгоряченные вначале быстрой ходьбой, все трое сейчас отчаянно мерзли, не зная, куда деваться от пронизывающего ветра.

— Амир! — негромко позвал Яков.

— Что?

— Если бы ты был контрабандистом, что бы сейчас делал?

— Залез в какой гавах и, пока буран не кончится, не вылезал бы.

— Тогда зачем мы здесь сидим?

— Приказ! — жестко отчеканил Галиев.— Замерзнем, а не уйдем.

— Дурак ты, Амир,— беззлобно сказал Яков.— Какой тебе дали приказ: замерзнуть или бандитов поймать?

Вопрос озадачил Галиева. Он даже не нашелся, что ответить. Лишь немного помолчав, проговорил:

— Зачем ругаешься? Нам приказано сидеть здесь и ждать. Вот мы и сидим.

Ветер все яростнее бросал в лица снег, свистел и выл на разные голоса. Ложкина и Галиева почти совсем занесло. Увидеть их можно было не дальше, как на расстоянии двух шагов. Плотной шапкой прикрывал снег и Кайманова.

— А обморозимся и задачу не выполним, на это, значит, наплевать? Контрабандисты тоже не дураки, жить хотят. В такой буран ни одна собака на верхотуру не полезет. Я тут знаю один гавах. До рассвета можно переждать. Уляжется буран, проверим следы.

— Ладно, пошли,— сдался наконец Галиев.— Я тоже знаю тот гавах. Летом там был.

Пробираясь по снежным сугробам, скользя по обледенелым карнизам, все трое пошли к гаваху. Он был хорош прежде всего тем, что в нем можно разжечь костер за поворотом входа: снаружи не видно. Дрова там найдутся: пограничный закон строг — сжег топливо, набери вязанку хотя бы сучьев, оставь для того, кто придет после тебя.

Отряхнув снег и кое-как протиснувшись в узкий вход, они прошли в темноте до поворота и только теперь по-настоящему почувствовали, как устали и промерзли. Зажгли спичку. При колеблющемся свете увидели в углу сено, у самого поворота место для костра, в золе — черные от копоти камни, на которые можно было поставить котелок. Тут же — сложенные горкой дрова.

С трудом удерживая скрюченными, замерзшими пальцами спичку, Кайманов разжег костер. Пещера озарилась отсветами огня. Вскоре стало тепло. Сюда снег не залетал, только доносился свист и вой ветра.

Хотя и уверял Яков старшину, что никто не рискнет высунуть нос в такую погоду, все же беспокоился, как бы им не прозевать нарушителей.

Близился рассвет. Подбрасывая сучья в огонь, щурясь от едкого дыма, поднимавшегося к закопченному, пропадающему где-то вверху потолку, Яков сидел и прислушивался к тому, что творилось снаружи. Ветер как будто стихал. Но Ложкин, выходивший на разведку, доложил, что снег еще идет. Все трое от тепла разомлели, стали подремывать. И вдруг совершенно отчетливо услышали: кто-то снаружи сбивает палкой снег с обуви.

Галиев и Ложкин с винтовками в руках метнулись к повороту, заняли места у входа.

Минуту спустя в гавах вползли чуть ли не на четве-

реньках два занесенных снегом человека. Кайманов сбил с ног третьего, пробиравшегося вслед за ними, выскочил и втолкнул в пещеру еще одного.

— Ёшка? — послышались недоуменные голоса.

— Я, я, вот он я! — с издевкой ответил Яков и, держа винтовку наперевес, быстро пробежал по еще не занесенным следам пришедших: не остался ли кто-нибудь снаружи.

Убедившись, что никого больше нет, вернулся в пещеру.

Контрабандисты уже сидели у дальней стенки с поднятыми руками, охраняемые Ложкиным. В красноватых колеблющихся отсветах костра их заросшие черными бородами физиономии с блестящими белками глаз, с кое-где оставшейся коркой обледенелого снега могли внушить страх любому. Но жители Даугана и пограничники давно привыкли к воинственному виду нарушителей. В стороне лежали торбы с какой-то мелкой контрабандой. Перед Галиевым валялись брошенные прямо на пол бичаки. Винтовок у задержанных не было.

После обыска Галиев дал команду нарушителям раздеться. Замотанные в башлыки и платки контрабандисты стали стаскивать с себя верхнюю одежду. В глазах одного из них мелькнул то ли страх, то ли заискивание. Закутанный поверх войлочной шапки еще и шерстяным башлыком, на Кайманова смотрел старый знакомый, дважды уже попадавшийся ему на границе терьякеш Каип Ияс. Яков прикусил губу, чтобы не вскрикнуть: человек, которого он так искал, сам попался ему в руки. Он сразу узнал это сморщенное от терьяка лицо, текучий взгляд подернутых желтизной глаз, расслабленную спину, болтающиеся, как плети, руки. Мгновенно воскресла в памяти картина: дорога, возок, на возке Ольга, шарахнувшийся в сторону конь,

в канаве торчащий из-под кучи яндака стоптанный чарык.

— Салям, Каип Ияс! Коп-коп салям! — едва скрывая радость, поздоровался Яков.

Он ласкал взглядом Каип Ияса, как ласкает удав кролика, прежде чем его проглотить. Сама судьба сжалилась над Каймановым: ему в руки попал тот человек, который сразу мог отвести все обвинения от Лозового. Почему-то не меньше его обрадовался этой встрече и сам Каип Ияс.

— Ай, Ёшка-джан, ай, Кара-Куш! — воскликнул он, показывая в улыбке желтые зубы.— Эссалям алейкум брока чара! А я думал, Ёшка совсем помирал. Был Кара-Куш и...— он приставил указательный палец к виску.— Паф! Нет Кара-Куша.

Удивляясь такой осведомленности терьякеша, Яков промолчал. Он хотел было тут же вести Каип Ияса в город. Но до утра из наряда уходить нельзя. К тому же Каип Ияс в такую погоду не дойдет до шоссе. Да и вряд ли встретишь сейчас попутную машину. Приходилось дожидаться наступления дня.

— Почему же я, по-твоему, должен был помирать? — спросил он.

Каип Ияс подмигнул, расстегивая сшитую из верблюжьей кошмы куртку. Он пытался держаться браво, но видно было, жизнь совсем согнула его. Выглядел он по меньшей мере странно. Под верхней одеждой у него оказалась бывшая когда-то белой, а сейчас потерявшая первоначальный цвет визитка с накрахмаленной грудью, поверх визитки напялен фрак с обрезанными ножом фалдами.

— Ты чего вырядился, как пугало? — все больше удивляясь, спросил Кайманов.

Каип Ияс молча, с какой-то отрешенностью махнул рукой.

На других нарушителях из-под пиджаков тоже виднелись замусоленные, накрахмаленные рубашки, с высовывающимися из рукавов грязными манжетами.

— Вы что,— не скрывая охватившего его веселья, воскликнул Кайманов,— вроде не на границу, на бал собрались?

— Ай, Ёшка,— вздохнув, ответил за всех Каип Ияс.— Такой у нас теперь закон: приказано всем покупать одежду у Загар-раш — Черной чумы. Жандармы по аулам ездят, смотрят, чтобы мы одевались как европейцы. Раньше товары из Англии шли, теперь из Германии. Какая у нас в горах Германия? Женщинам приказано волосы подрезать, одеваться как в Лондоне или Берлине. Жандармы приедут в аул — женщины надевают белые кофточки, черные юбки, уехали — опять в своем ходят. А у меня теперь и халата нет. Мусабек за ходку заплатил рубахой и фраком. Надеть больше нечего. Нам говорят: «Так надо, культура!» Мы тоже торговые люди, понимаем, сколько стоит культура. Старые товары из Германии надо сбывать. Теперь хоть ты последний чопан, ходи в шляпе...

Каип Ияс говорил доверительно, как бы считая Кайманова за своего, надеясь, что Галиев и Ложкин его не понимают. Раньше Каип Ияс боялся Якова, теперь явно доверял ему. Почему?

Придвинув к себе торбы контрабандистов, Кайманов одну за другой развязал их, передал Галиеву.

В торбе — связки дешевых, так называемых «цилиндровых» часов, всякая мелочь вроде зажигалок, галош. Никакой особой ценности контрабанда не представляла. Тем не менее контрабандисты с напряженным вниманием следили за отобранным у них имуществом.

— Ай, Ёшка,— не выдержал Каип Ияс.— Мы же все знаем. Ты теперь не начальник. Меня Таги Мусабек душит, тебя Советская власть за горло взяла. По-

чему опять на границу пришел? Почему товар забираешь?

— Ах ты терьякеш поганый! — задохнувшись от гнева, проговорил Яков.— Советскую власть со своим Мусабеком равняешь? Молись своему аллаху, сволочь!..

Он рванул затвор винтовки. Каип Ияс упал на колени.

— Кайманов, отставить! — крикнул Галиев, уловивший основную суть разговора.

Сразу вспомнилось: «Аликпер, что ты делаешь? Мы — не палачи. Шевченко сам тебе этого не простит».

— Ты прав, Амир,— поставив затвор на предохранитель, сказал Яков.— Но этого гада я еще проучу... Рассказывай, что у вас за Черная чума? Утаишь хоть слово, пеняй на себя.

— Все расскажу. Не надо пенять. Ничего у Каип Ияса не осталось: жена помирал, детишки помирал. Один Каип Ияс остался. Ничего не утаю. Вай, аллах! Все требуют денег. А где их взять? Вошь закусает, лезешь почесаться, жандарм думает, денег даю. А где они у меня, эти деньги?

— О Черной чуме давай,— напомнил Яков. Он все дословно переводил Галиеву.

— Скажу, яш-улы, скажу, лечельник,— продолжал Каип Ияс.— Раньше мы сами стригли баранов, шерсть возили в свой город. Теперь приезжает Загар-раш, спрашивает: «Где на границе пасете овечек?» Мусабек покажет. Загар-раш надевает наш халат, берет бинокль, едет, будто шерсть покупать. Сам смотрит в бинокль на гору, гору рисует, смотрит на дорогу, дорогу рисует. Оставил Черная чума Мусабеку деньги, говорит, скоро приеду за шерстью. Мусабек уехал, а когда вернулся, через три дня караван пришел. Я сам помогал тюки снимать. В них — терьяк и винтовки. Раньше Мусабек за каждую ходку через границу деньгами или баранами

платил, теперь одеждой с длинными хвостами, рубашками с твердым воротником.

— Ты давай в сторону не уводи,— прикрикнул на него Яков.

Поняв, что пограничникам не нужна его жизнь, а нужны сведения о Черной чуме, Каип Ияс заметно приободрился.

— Давно ты, Ёшка, не был в горах, если не знаешь Черную чуму,— сказал он.— Раз в год к Таги Мусабеку приезжает машина, красивая, как вишневый сок. Черная чума купит миндаль или урюк и уезжает. А теперь приедет, наденет черные очки (потому и зовем черной чумой), котелок из пробки на голову и каждый день ходит на сопку, откуда на десять верст в обе стороны граница видна... Неделю назад Мусабек барашка зарезал. Мальчик двор подметает. Ага, думаю, значит гость будет. Мальчика спрашиваю: «Зачем метешь?» Большой человек, говорит, из Европы приедет, фрукты и орехи будет покупать. Два дня назад Мусабек моего друга позвал: «Ну-ка пойди вон там. Через границу перейдешь и назад. Схватят тебя, значит, порядочным людям в этом месте ходить нельзя».

Такой прием был известен и раньше. Контрабандисты порой часами изучали зоны, где проходили пограничные наряды. Но прежде нарушители заботились лишь о том, как переправить опий, сейчас Черную чуму больше интересовала сама граница...

Через отверстие гаваха уже пробивался свет зимнего утра, когда Амир Галиев связал задержанным руки и положил всех лицом вниз, оставил Ложкина охранять их, а сам вместе с Яковом отправился проверить, нет ли свежих следов на снегу. Кружили около часа, ничего не обнаружили.

На Якове взмокла рубаха. Он снял плащ, шел теперь в одной ватной телогрейке. Пар валил и от ма-

ленького Галиева. Где Кайманову снегу было по пояс, Галиеву — чуть ли не до шеи. Но вот и пробитая тропа, в конце которой виден закоптившийся от дыма снег вокруг входа в пещеру. Не заходя туда, немного отдохнули. Галиев приказал Ложкину выводить задержанных.

— Ай, лечельник! Ай, Ёшка-джан, не могу идти! — взмолился показавшийся из гаваха первым Каип Ияс.— Дай хоть кусочек терьячку, тогда пойду. Так не дойду.

В тусклом свете зимнего утра, когда в природе только и остаются две краски — черная и белая, сливающиеся в один серый тон, лицо Каип Ияса, высосанное опием, казалось землистым. Перед пограничниками было жалкое подобие человека, доведенного до последней стадии падения.

— Ай, Кара-Куш, дай кусочек терьячку,— глотая слюну, просил он.— Все внутри горит. Был терьяк, потерял, когда к гаваху бежал. Без терьяка умрет прямо здесь Каип Ияс.

«До хорошей жизни ты дошел,— подумал Кайманов о себе,— если тебя даже Каип Ияс не боится». Но настоящего зла к этому несчастному терьякешу, доведенного Мусабеком до крайней нищеты, у него не было.

Каип Ияс весь трясся. Его измученный опием организм властно требовал наркотика. Раз пришло время покурить или хотя бы проглотить терьяку, тут уж хоть умри, а подавай. Иначе Каип Ияса с места не сдвинешь.

Кайманов подозвал Галиева.

— Слышь, Амир, вам от малярки акрихин дают. Не завалялся ли где в кармане?

— Почему завалялся? — самолюбиво возразил старшина.— У Амира Галиева ничего не валяется, все

на месте лежит.— Он протянул на ладони маленькую желтую таблетку.

— Вот и здорово! Терьяк — самая что ни на есть горечь, значит, горечью его и надо заменить,— проговорил Яков, доставая из кармана оставшийся от завтрака ломоть черного хлеба. Отщипнул мякиш и стал разминать его, смешивая с золой и акрихином. Вскоре получился темно-бурый комочек величиной с крупную горошину. Яков завернул его в бумажку, сунул в карман. Потом для виду стал прощаться с пограничниками.

Каип Ияс увидел, что единственный, по его мнению, человек, у которого мог быть терьяк, сейчас уйдет, и тогда он ни за какие деньги не получит наркотика.

— Яш-улы! Джан Кара-Куш! — взмолился он снова.— Дай хоть кусочек. Не дашь, умру, до заставы не дойду.

— Для тебя, Каип Ияс, и терьяка жалко,— как бы нехотя отозвался Кайманов.— Да уж ладно, где-то у меня был кусочек.

Он неторопливо стал шарить по карманам, разжигая жадность Каип Ияса, потом, решив, что тот готов проглотить все что угодно, достал бумажку с заготовленным зельем.

— Пожалуй, тут тебе много будет?

— Что ты, Ёшка! Мало! — воскликнул Каип Ияс и, не в силах превозмочь охватившую его страсть, выхватил из рук Якова, мгновенно проглотил темный комочек. Причмокнув, сказал: — Коп сагбол тебе, Кара-Куш! Теперь у Каип Ияса что хочешь проси, все сделаю. Выручил, дорогой!

Ложкин и Галиев, когда Яков перевел им слова терьякеша, откровенно захохотали. Каип Иясу Кайманов сказал:

— От тебя мне нужно только одно. Будешь разговаривать с большим начальником, говори правду.

— О чем большой начальник будет говорить с бедным кочахчи? — сразу же струсил Каип Ияс.— Я давно знаю, как говорить, чтобы начальник отпустил.— Он закатил глаза и тут же, очевидно, решив прорепетировать, заголосил: — Вох! Вох! Ай, лечельник! Ай, совсем пропал бедный Каип Ияс. Кушать нету, одеться нету. Мало-мало яичек, коурма на базар таскал, детишки дома сидят, болеют, плачут, совсем мало-мало помирал бедный Каип Ияс...

— Все ты врешь, Каип Ияс. Не верю я ни одному твоему слову,— не очень строго произнес Яков. Он задумался: «Разве можно доверить судьбу Лозового терьякешу, способному дать любые показания? Следователь нажмет, он тут же признает, будто Лозовой — самый главный шпион. Что прикажут, то и призна́ет. Ему ведь все равно, под какими показаниями палец приложить, лишь бы отпустили скорей... Как быть?.. Каип Ияса-то теперь тоже никуда не денешь? Задержали, обязаны доставить на заставу, потом на комендатуру. Карачун может помочь. Его надо просить идти к следователю НКВД вместе с Каип Иясом, а самому проситься переводчиком».

— Слушай, Каип Ияс,— сказал он.— Помнишь, когда второй раз тебя поймали, был на границе очень большой начальник. Если он узнает, что ты соврал, больше тебе не жить. Помнишь, что он тебе сказал?

— Ай, Ёшка! Разве Каип Ияс может все помнить? Каип Ияс не помнит, где вчера терьяк курил, а ты хочешь, чтоб слова начальника помнил.

— Он тебе сказал: «Иди домой и не приходи к нам больше». Вспомнил теперь?

— Яш-улы, совсем пустая у меня голова, ничего не помню.

— Зато я помню. Меня ты знаешь. Вот столько соврешь, под землей найду. Уж тогда пеняй на себя.

Каип Ияс с искренней растерянностью развел руками:

— Понял, Ёшка, понял,— сказал он.— Конечно, понял! Большой начальник далеко, Кара-Куш — совсем близко. Кара-Куш птичке в глаз на лету попадает. Винтовка у него — самая длинная, руки еще длиннее. Как не понять?

— Правильно понял.

Кажется, Каип Ияс всерьез поверил, что его угостили настоящим опием. Выглядел он сейчас бодрым и даже бравым: без труда напялил на спину свою торбу, готовясь в нелегкий путь.

— Помогло, значит? — спросил с помощью Якова наблюдавший за ними Галиев.

— Совсем помогло! — сверкая глазами и выпячивая грудь, заверил его Каип Ияс.

— Вот и ладно. Тогда, шагом марш...

Пошли по тропе гуськом. Впереди Ложкин, за ним четверо задержанных, потом Галиев. Кайманов шел несколько поодаль, позади всех. В середине группы шагал Каип Ияс, то и дело скользя по обледенелым камням, падал и тут же поднимался на ноги.

«Последний шаромыга, а все же человек»,— подумал Яков, стараясь убедить себя, что на допросе Каип Ияс скажет правду о Лозовом.

Измученные бессонной ночью и долгим переходом по снежной целине, пограничники доставили наконец контрабандистов на заставу. Логунов тут же позвонил в комендатуру.

— Немедленно доставить задержанных ко мне. Высылаю машину,— приказал Карачун.

На машине, которую вскоре прислал Карачун, отправился в комендатуру и Яков.

— Надо, Афанасич, скорей к следователю...

— Знаю, Яша,— ответил тот.— По правилам я должен был бы тебя в баню отправить, но времени в обрез. Так что переодевайся в сухое, завтракай, пока я созвонюсь со следователем. Вместе с тобою к нему пойдем.

То, что следователь был у себя и согласился немедленно принять их, казалось добрым предзнаменованием. Пропуска уже заготовлены. Вслед за Каип Иясом и сопровождавшим его пограничником Кайманов и Карачун поднялись по знакомой лестнице на второй этаж. Дежурный проводил их до самой двери кабинета. Следователем оказался тот самый капитан с одутловатым лицом, который когда-то допрашивал самого Якова.

— Каип Ияс! — коротко представил Кайманов контрабандиста. Он хотел тут же попросить, чтобы следователь разрешил ему быть на допросе, но капитан, обращаясь больше к коменданту, чем к нему, сказал:

— Я думаю, своим присутствием на допросе вы будете оказывать давление на подследственного. Нам же надо установить истину. До свидания. Давайте подпишу пропуска.

«Железный аршин ты, а не человек!» — мысленно выругался Яков.

— Честь имею,— сказал Карачун.— Кайманова я мог бы рекомендовать как переводчика, отлично знающего язык.

— Переводчик у нас есть. К тому же Кайманов не беспристрастен при этом допросе.

И снова профессиональный, ощупывающий, недоверчивый взгляд.

Ничего не оставалось, как уйти. Тревога не покидала Якова и по дороге в комендатуру, и тогда, когда

он, распрощавшись с Карачуном, сел в кабину попутной машины, поехал к себе на Дауган.

Каип Ияс остался один на один со следователем. Что он скажет о Лозовом, о самом Якове? Федор обещал еще раз помочь, но возможности его исчерпаны.

Все же Якова утешало то, что живой человек, который мог снять с комиссара все обвинения, найден и доставлен по адресу. Если есть справедливость, Лозовой уже завтра должен быть освобожден. Главное свойство человека — надеяться на лучшее. Кайманов надеялся...

По пути к дому Яков окончательно успокоился. В сущности, не так плохо все складывается: сам он на свободе, заготовка дров дает хороший заработок, в семье с рождением дочери все стало прочнее и спокойнее. Последнее время только с Ольгой, Катюшкой и Гришаткой находил он душевный покой.

Снова перед ним родной Дауган. Заснеженная улица. Крыльцо с несколотым льдом на ступеньках. Войдя в сени, Яков опустил на пол вещевой мешок, подхватил выскочившего навстречу Гришатку, поднял его к потолку.

— Папа приехал! Батяня приехал! — радостно закричал Гришатка.

— Ну-ка, сын, давай смотреть, что у меня в мешке.

— Нам с Катюшей привез?

— Пока что одному тебе. Катюшка еще маленькая.

Получив кулек с конфетами, Гришатка куда-то исчез, а Яков разделся, прошел из кухни в комнату. Увидев, что Ольга кормит грудью Катюшку, осторожно присел у самой двери, потеплевшим взглядом стал наблюдать за деловито почмокивающей дочкой. Катюшка улыбалась, следя за Яковом круглыми серыми глазенками и непроизвольно водя по груди матери толстенькой, словно перевязанной в запястье ручкой.

Ради этого домашнего тепла стоило неделями пропадать в горах, жить в пещерах, в стужу и снегопад корчевать пни, а когда позовут, идти на защиту границы! Дети, семья — это и есть самый надежный якорь в жизни.

Он поискал глазами Гришатку. Тот сидел под столом, из-под которого одна за другой появились шесть конфетных бумажек. Из мужской солидарности отец решил не выдавать сына, но бумажки заметила и Ольга.

— Гришатка, ты что же это делаешь?.. Смотри, Яша, сколько он конфет съел! У него же зубы заболят...

— Сынок,— позвал Яков.— Вылезай-ка, брат. Ты что ж это, залез под стол и тайком, значит, конфеты ешь?

— Я не тайком,— сказал Гришатка,— я выглядывал...

Яков покачал головой и отошел к окну, чтобы не рассмеяться при сыне. Ольга возмутилась:

— Ну какой ты отец? За бандитами гоняешься, а с собственным сыном справиться не можешь.

Яков обнял жену.

Катюшка потянулась, удачно схватила отца за нос и, одержав такую победу, радостно загукала.

Счастливо улыбаясь, Яков сел рядом с Ольгой на койку, поцеловал ее за ухом, там, где всегда любил целовать, перебирая легкие, как пух, завитки волос.

— Спасибо, Оля, за детишек.

Ольга вздохнула.

— Устала я одна, Яша. Ты ведь в своем доме — гость. То председательствовал, теперь пни корчуешь. Чуть что — бежишь бандитов ловить. Детишки без отца растут.

— Ничего, Оля... Зато смотри, какую силищу денег привез. Если и дальше так пойдет, к весне в городе пол-

дома купим. Там уж Ваня Якушкин присмотрел... Дрова наши ходом идут. Сухие, смолистые, только давай. Заготовляем их тоннами.

— Скорей бы, Яша. Хочется пожить по-человечески. Гришатке скоро в школу. Не все же время на границе сидеть. За твою удаль того и гляди кто-нибудь в окно стрельнет...

— До весны осталось всего ничего. Цыган говорит: декабрь, январь, а тоди и май... Весной, может, и переедем.

Он наклонился и еще раз поцеловал жену, стараясь скрыть от нее досаду.

Ольга давно мечтала купить половину глинобитной хибары, которую можно было бы назвать домом, «пожить как люди»: по утрам провожать мужа на работу, в конце дня — встречать; устроить сына в школу, растить дочку. Не раз говорила, что неплохо бы завести кур и гусей, держать где-нибудь в закутке поросенка. Таким, наверное, и представлялось ей семейное счастье.

Ему же всего этого мало. Ему нужны горы, Дауган, граница, хотя до́роги для него и дом, и дети, и сама Ольга.

По-своему жена права. От такого мужа, как он, в хозяйстве толку мало, в супружестве мало радости. И все же семья у него есть, ребята хорошие, жена — он знал это — любит его...

— Спасибо тебе, Оля, что ты такая,— с нежностью проговорил он, удерживая вспыхнувшую от непривычной ласки жену.

Радостные глаза дочки, счастливые — жены, серьезные — сына Гришатки, выглядывавшего из-под стола, он будто видел перед собой и в темноте, когда ложился спать, когда шепотом вел долгую беседу с Ольгой о будущем переезде в город.

Глава 9
НЕВИНОВЕН

Ожидая, пока Барат, Мамед и Савалан погрузят на ишаков и верблюдов очередную партию дров, Кайманов и Рамазан отдыхали у входа в гавах, греясь под весенним солнцем, затем спустились с караваном в долину, сдали дрова возчикам.

Март выдался теплым. Цветущие вишни, инжир и миндаль белой и розовой пеной опоясывали склоны гор. Всюду на горных плато и в долинах расстилался зеленый ковер трав.

Из-за поворота отщелка, по дну которого извивалась дорога, появилась машина знакомого шофера «Дорстроя» Вани Якушкина. По тому, как он, выскочив из машины, молча стал помогать забрасывать дрова в кузов, нетрудно было понять, что и в этот раз не привез никаких новых известий.

— С домом, Яша, все в порядке,— сказал Якушкин.— Остался ремонт по мелочи. Давай думай, когда переезжать будешь.

— Надо скорей, пока деньги не разошлись,— сдержанно ответил Кайманов.

За время работы в горах Яков похудел, его лицо осунулось, но, прокаленное солнцем и морозом, с режущим взглядом серых блестящих глаз, оно дышало силой и здоровьем. Мускулы его были словно скрученные из веревок. Казалось, попади ему сейчас под руку любой пень, он выкорчует его руками безо всякой взрывчатки. Не просто было жить зиму в горах, не каждый бы такое выдержал, но и награда немалая: теперь у него в городе есть свой дом. Хотя он и невелик, но все же свой, своя крыша над головой. В городе Яков может поступить в авторемонтные мастерские. Через год, смотришь, получит специальность. Ольга найдет

себе работу, как на Даугане, хотя бы уборщицей в школе. И пойдет день за днем тихая, спокойная жизнь.

Но чем он больше думал об этом, тем становился мрачнее. Никакая тихая жизнь в городе не заменит ему то, что пережил он здесь, на границе. Как можно закопаться в тишину, когда столько еще неустроенного, столько таится вокруг всякой сволочи, которую нужно, словно вцепившиеся в горы пни, с корнями вырывать из расщелин, чтобы расчистить землю для молодых и здоровых ростков. С томительным чувством Яков ждал дня, когда переезд в город окончательно изменит его жизнь.

День этот наступил. Все произошло обыкновенно и просто. Яков и Ольга свернули пожитки, переехали в город, поселились в своем «доме», состоявшем из одной комнаты и кухни. Настало и то утро, когда Ольга, довольная, что наконец-то муж остепенился, стал таким, как все, завернула ему завтрак в газету, обняла, поцеловала, желая удачи на новом месте, и он зашагал со своим новым соседом Ваней Якушкиным к гаражу, откуда должен был идти в авторемонтные мастерские.

Когда он председательствовал на Даугане, жить на скромное жалованье было трудновато. Из-за постоянной занятости прирабатывать не удавалось. Только изредка вырывался на охоту, чтобы убить козла или архара, заготовить впрок мяса. Но он ни на что не жаловался: жизнь была значительной, полной событий. Сейчас у них есть собственный дом, даже какие-то сбережения на черный день, а жизнь сузилась до «пятачка», до забот лишь о том, что купить на базаре да куда пойти в воскресный день. С горечью раздумывал он о нанесенной ему незаслуженной обиде.

— Не дрейфь, Яша! Все равно когда-то надо сначала начинать,— по-своему истолковав молчание соседа, подбодрил его Якушкин.

В гараже Яков не задержался. Простившись с Якушкиным, уехавшим то ли вывозить оставшиеся в горах дрова, то ли гравий и песок для незаасфальтированных участков дороги, он отправился в авторемонтные мастерские. В низком и широком корпусе ремонтного цеха, где стояли разобранные автомашины, цементный пол был пропитан отработанным маслом, горячий воздух наполнен выхлопными газами. Все здесь — и гудящие станки, на которых растачивали блоки цилиндров, шлифовали шейки коленчатых валов, какие-то еще агрегаты, приспособления,— напоминало завод, требовало совсем других знаний и навыков, чем те, которыми до сих пор владел Кайманов.

Стараясь не показывать волнения, он вошел в маленькую конторку мастера — пожилого человека с лысой головой, одетого в синюю спецовку, распахнутую на волосатой груди, представился, сказал, что назначен учеником по ремонту и сборке машин. Мастер выписал наряд, в котором значилось, что Кайманов должен заменить заднюю рессору на грузовом автомобиле. Как ее заменять, с какой стороны подходить к машине, мастер не сказал, только посоветовал: «Толкнись к ребятам, они покажут...» К кому толкнешься, если нет знакомых? Был бы здесь Ваня Якушкин, он бы помог. Но его нет. Яков в нерешительности остановился возле машины, которая значилась в наряде.

— Сзади не подходи, брыкнет,— донесся откуда-то снизу веселый голос.

Нагнувшись, он увидел чьи-то торчащие из-под машины ноги, спросил:

— Ты это мне?

— Я говорю, осторожней: лягается. Не с той стороны подойдешь, так и влепит в лоб.

Скаля в улыбке белые зубы, ярко блестевшие на вымазанном лице, из-под машины вылез парень лет два-

дцати, в замасленном берете, в черной от мазута майке...

— Петр Шкарупа, автослесарь,— представился он.

Яков назвал себя, пожал протянутую руку, добродушно усмехнулся:

— А я пока что ученик... Покурим?..

— Что ж, это можно.

Они прошли в курилку, покурили, присматриваясь друг к другу.

— Может, давай вместе? — предложил Яков.— Силенка у меня есть. Твое дело сделаем, покажешь мне, как рессору менять.

— Заметано,— согласился Шкарупа.— Беги в инструменталку, бери ключи, съемник, домкрат. У меня тут с задним мостом волынка, вдвоем быстрей сделаем.

За полчаса они, поддомкратив кузов, поставили его на подпорки, выкатили задний мост, сняли дифференциал, промыли шестерни главной передачи. Яков делал все старательно, быстро и аккуратно, временами спрашивал, как называется та или другая деталь или с чем она соединяется, слегка подтрунивая над своим незнанием техники. Когда все поставили на место, сняли и заменили рессору. Натренированное внимание помогало Кайманову быстро запоминать каждую мелочь, подмечать порядок работы. Он с чувством зависти присматривался к приемам нового знакомого.

Спустя два месяца, когда Яков — уже автослесарь второго разряда — работал на прижигной станции, где шлифовали подшипники, в цех вошли двое в штатском, без спецовок, направились к нему, остановились за спиной.

— Вы Кайманов? — спросил один из них.

Он выключил станок, вытер ветошью руки, ответил:

— Да, я Кайманов.

— В шесть часов вечера будет заседать райисполком. Слушается ваш вопрос.

В первую минуту он не нашелся, что сказать, потом кивнул:

— Ладно, приду.

Яков столько пережил за последние месяцы, что теперь не очень-то верил в положительное решение «его вопроса». Однако в райисполком пришел часа за полтора до заседания.

Вот и знакомый зал, где он не раз бывал прежде, когда работал председателем поселкового Совета. За длинным столом, накрытым зеленым сукном, вместе с членами президиума райисполкома сидели председатели аулсоветов и колхозов. Все поглядывали на невысокого пожилого человека с небольшой бородкой, державшегося скромно, но независимо.

«Видно, представитель из Москвы»,— подумал Яков. Чтобы убедиться, спросил у сидевшей рядом Муртазовой:

— Кто это?

— Петров, из Москвы. Старый большевик.

По хмурому виду Муртазовой он понял, что ничего хорошего для себя ни она, ни Исмаилов от Петрова не ждали.

Исмаилов стал докладывать, по каким причинам Кайманов был снят с должности председателя, стараясь обвинить его во всех грехах. Яков молчал, встречая спокойный, сосредоточенный взгляд Петрова. Исмаилов особенно нажимал на то, будто бы только по халатности Кайманова дорожные рабочие не были своевременно оповещены о встрече с кандидатом в депутаты и что не кто другой, как Кайманов, задержал у себя материалы наглядной агитации о кандидате Антосе.

— Так вот он, живой человек,— кивнув в сторону Якова, проговорил Петров.— Пусть расскажет сам, как было дело. Мы послушаем, а потом сделаем выводы.

Говорил Яков минут тридцать. Рассказал о том, как вместе с ремонтными рабочими поднимал Дауган, как всем поселком добывали воду, косили сено, выхаживали скот, строили школу, ясли, медпункт, оборудовали и оформляли клуб. Напомнил, с какой радостью дауганцы готовились к выборам в Верховный Совет и как нарушил эту их радость Павловский.

— Что вы делали последнее время? Где работали? — спросил Петров.

— Зимой корчевал пни в горах. Теперь работаю в авторемонтной мастерской. На жизнь не жалуюсь, хотя чувствую себя выброшенным из прежней пограничной службы. Но со мной — легкий случай. Я на свободе, руки-ноги целы, есть семья, есть своя крыша над головой. Есть кому и рассудить, виноват или не виноват. А вот, если человек не виноват и неизвестно, где он, как тогда?

Он обвел взглядом всех, увидел, как наклонился к Петрову и стал что-то быстро говорить Исмаилов, а Петров, сняв очки и покусывая дужку оправы, слушал его, глядя на Якова из-под седых бровей.

— Насколько мне известно, комиссар Лозовой полностью реабилитирован и направлен за рубеж на ответственную работу,— обращаясь к Якову, сказал Петров.— А с вашим делом, думаю, все ясно. До заседания я беседовал со многими товарищами, побывал на Даугане, и вот какое у меня созрело предложение. Завтра председателю райисполкома надо поехать на Дауган, созвать общее собрание и публично извиниться перед жителями поселка, сообщить, что Кайманов ни в чем не виновен и восстанавливается на прежней работе. Вынужденный прогул Кайманову

оплатить за счет председателя исполкома Исмаилова и бывшего секретаря райкома Ишина. Есть у кого возражения? Нет? Принято.

На следующий день, когда собрались у здания райисполкома, Петров посадил Якова в машину рядом с собой и всю дорогу расспрашивал о его работе, о детстве, о Лозовом, начиная еще с тех времен, когда Яков мальчишкой охранял тайные сходки у Али-ага, расспросил о Лепсинске, о подпольной работе Василия Фомича в годы гражданской войны.

Яков с увлечением рассказывал о встречах с комиссаром и здесь, на Даугане после долгой разлуки, радуясь тому, что Василий Фомич не только на свободе, но и выполняет важную для государства работу, печалясь, что не скоро придется с ним свидеться.

За разговором время прошло быстро. Остались позади и дауганские вилюшки, по обе стороны дороги замелькали глинобитные домики родного поселка. Яков почувствовал, как учащенно забилось сердце. Его до сих пор не покидало ощущение, что в большом и пыльном городе, на плоской равнине живет он временно, что все это скоро кончится и он снова вернется домой — в родные горы.

Собравшиеся на сход жители поселка приветствовали Кайманова радостными возгласами:

— Ёшка-джан!

— Коп салям, дорогой Ёшка!

Он чувствовал себя неловко и в то же время радовался, что его так встречают. Смущаясь, махал рукой в ответ на приветствия, отыскивая глазами своих верных друзей Барата, Мамеда, Савалана, Балакеши.

Возле клуба увидел конных пограничников, начальника заставы Логунова и коменданта Федора Карачуна с красноармейцами-коноводами. Это было несколько неожиданно, и он даже немного растерялся.

— Ну вот, товарищ Исмаилов, по встрече видно, как работал Кайманов,— подходя к председателю райисполкома, сказал Петров.

Они поднялись на крыльцо поссовета, возле которого в торжественных случаях всегда собирались дауганцы.

Исмаилов обратился к собравшимся с краткой речью, смысл которой состоял в том, что, дескать, президиум райисполкома ошибся, незаслуженно обидел уважаемого человека и его избирателей и что Яков Григорьевич Кайманов может хоть сейчас вернуться на свою прежнюю должность.

— Слово предоставляется Кайманову,— объявил он в заключение.

— Дорогие товарищи,— сказал Яков.— Вы все знаете меня, я знаю вас. Я не думал, что меня так торжественно встретите. Спасибо за уважение...

Стоявший на крыльце вместе с приехавшими Алексей Нырок торжественно протянул ему печать поселкового Совета, громко сказал:

— При чем тут уважение? К себе домой, на свое место вернулся...

— Спасибо, братцы, за доверие,— останавливая жестом Нырка, продолжал Яков,— только председательствовать на Даугане мне больше не придется. Я работаю в ремонтных мастерских. С места на место летать не хочу...

Гул голосов заглушил его последние слова:

— Что ты, Ёшка, какие мастерские?

— Ты домой приехал, никто тебя не переизбирал!

— Мы тебя не отпустим!

Благодарно улыбаясь, смотрел он на шумевших дауганцев. Сколько знакомых лиц, сколько в памяти разных случаев, связанных со многими из этих суровых и близких ему людей. До глубины души тронуло его и

то, что именно в такой день приехали на Дауган комендант участка, начальник заставы, знакомые красноармейцы-пограничники.

Когда закончился митинг, Карачун с Логуновым подошли к Якову.

— Яша, я не выступал, а думаю, что скорей других тебя уговорю остаться на Даугане,— сказал Карачун, первым пожимая ему руку.

— Как это?

— Очень просто. В приказном порядке: захватить с собой котелок, пару белья, и шагом марш в Дауганский гарнизон.

— Шутишь, Афанасьич?..

— И шучу и не шучу. Командование дало мне задание поговорить с тобой. Ты отлично знаешь курдский язык, повадки контрабандистов. Знаешь еще три восточных языка. Прямой путь тебе к нам, в погранвойска. Обстановка у нас что ни день, то хуже. На границе активизируются вооруженные группы. Дело уже не в терьяке. Шпионы лезут, всякая сволочь.

— Надо подумать, Федя,— осторожно сказал Яков.— Какой я буду чекист, когда специальной военной школы не кончал... В мастерских избрали меня редактором стенгазеты, выпускаем «Колючку».

— Не морочь ты себе голову, Яша,— улыбнувшись, сказал Карачун.— Машины ремонтировать и без тебя люди найдутся, а следы читать да на четырех языках контрабандистов допрашивать — не каждый сможет. Переводчиком тебя и назначим. А насчет «Колючки», мы тебе в натуре такие колючки найдем, пальчики оближешь. Одна уж есть. Я ведь сюда не только ради тебя приехал.

Яков проследил за взглядом Карачуна и увидел стоявших в стороне мать и Флегонта Мордовцева. Как только он их прежде не видал?

— Тебе не кажется странным,— спросил Карачун,— что твой отчим приехал вместе с Глафирой Семеновной? И не сегодня, а два дня назад?

— Думаешь, хочет за кордон махнуть?

— Обязан думать... Ты тоже...

Разговор пришлось прекратить: к ним уже подходили молодцеватый, подтянутый Мордовцев и принарядившаяся, словно в праздник, мать. Она расцеловалась с сыном, отчим крепко пожал ему руку.

Мордовцев выглядел все таким же крепким и статным. Время прибавило немного морщин-лучинок вокруг его глаз, но сами глаза по-прежнему смотрели молодо, а сейчас и благодушно. Но Яков не мог отделаться от впечатления, будто из зрачков Флегонта смотрел совсем другой человек: холодный и жестокий.

— Все-таки есть правда на земле,— весело произнес Флегонт.— Для нас с Глафирой Семеновной сегодня ведь тоже большой праздник.

Если Флегонта трудно было понять, какой смысл вкладывал он в свои слова, то мать радовалась от чистого сердца и встрече, и восстановлению сына в правах. Она была чем-то смущена. Яков даже подметил ее беспокойный взгляд, каким она окинула свой костюм, будто опасалась, что недостаточно хорошо одета.

Мать есть мать. Глаза ее лучились теплотой, она и тревожилась о чем-то, и явно гордилась сыном.

Почти все жители поселка уже разошлись по своим домам. Вместе с Яковом у поссовета остались мать, отчим, Карачун, Логунов, Барат и еще несколько самых близких друзей.

Барат, коренастый, широкий и крепкий, с толстыми красными губами, выглядывавшими из черной бороды, с театральной торжественностью взошел на крыльцо, поднял над головой короткопалые руки, требуя тишины.

— Друзья! — воскликнул он.— Пусть веревка будет длинный, а слово короткий! Последние известия! Балакеши убил архара. Жарим большой шашлык! Объявляется соревнование, кто больше съест!

— Здорово придумал,— поддержал его Яков.— Пойду дам указания. Все-таки именинник я, а не он, магарыч с меня.

Кайманов достал бумажник, направился к Барату, дал ему деньги: «На вино». Затем отвел друга в сторону:

— Я сейчас отлучусь. А ты не спускай глаз с Флегонта. Куда он, туда и ты. Запомни, с кем будет встречаться, на кого смотреть. За каждым шагом следи...

— Слушай, Ёшка! Савалан и Мамед шашлык жарят. Надо еще мясо мариновать...

— Ты понял меня?

— Ай, Ёшка, конечно, понял! Вай, что за человек! В такой день и то шашлык поесть не дает!

Яков вернулся к Флегонту и матери, стоявшим рядом с Карачуном и Логуновым.

— Мама, мы с Федором Афанасьевичем хотим сходить на могилу отца. Пойдете с нами?

— Да, Яша...— она оглянулась на Флегонта.

— Сходи, Глафира Семеновна,— тут же подхватил Мордовцев.— Григория Яковлевича надо уважить. Я где-нибудь тут побуду...

И снова безмятежное выражение карих глаз, ни тени на пышущем здоровьем сухощавом лице.

Яков молча кивнул, как бы благодаря Флегонта за содействие.

— Пойдемте, мама...

Миновали последние дома Даугана, свернули к кладбищу. Вот и высокий дувал из сырца, до звона высушенного солнцем. Недалеко от входа обелиск:

«Григорий Яковлевич Кайманов — член Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов...

Вениамин Фомич Лозовой — врач...

Пусть земля будет вам пухом, дорогие товарищи».

Тишина. Вечный покой над могилами. Здесь лежат те, которые жили когда-то на Даугане, любили и страдали, не жалели ничего, чтобы добиться лучшей жизни для своих детей. В скорбном молчании замерла мать. С фуражкой в руке молча стоял Карачун.

— Мама,— негромко сказал Яков,— поклянитесь прахом отца, что вы никогда не уйдете с нашей земли...

— Что ты, что ты, Яша! Бог с тобой! Такое сказать! — испуганно проговорила мать.

— Поклянитесь, мама...— он не спускал с нее взгляда, улавливая в ее лице и смятение, и тревогу, жалость к себе, может, и к Флегонту, к давно забытым дням, прожитым на Даугане, когда она была еще молода, не надломлена жизнью. Колени у матери подогнулись, и она рухнула на могилу, припав к ней грудью, сотрясаясь в тяжких рыданиях. Яков не мешал ей. Карачун молчал, опустив голову, держа в руках фуражку.

Тихо посвистывал ветер в травинках. Ослепительно белый куст цветущего жасмина, свисая через дувал, покачивался на ветру.

Глава 10

ПОИСК

Не сразу они вернулись с кладбища. Долго не могла успокоиться мать.

Флегонт встретил их у крайних домов. Он едва сдерживал гнев.

Видно, догадался, зачем Яков приглашал с собой мать.

— На твой праздник мы не пойдем,— в упор сверля пасынка глазами, сказал Мордовцев.— Расстроил ты мать, сам виноват.

Кайманов опустил голову, молча развел руками. Его нисколько не смутил грозный вид Флегонта. Напротив, как раз таким он и хотел его видеть. Обескураживало другое: то, что отчим оказался здесь, у околицы поселка. Видимо, никуда не уходил, пока они были на кладбище.

— Дело ваше, Флегонт Лукич,— как бы соглашаясь с Мордовцевым, проговорил Кайманов.— Не могу настаивать, чтобы вы оставались до конца, но зайти, по-моему, надо: люди осудят. Пойдемте, мама, к Барату в дом. Отдохнете, выйдете к столу.

И этот удар попал в цель: больше всего, конечно, Флегонт не хотел обращать на себя внимания, вызывать пересуды. В глазах других ему важно было оставаться любящим мужем, добрым отчимом.

— Ежели так, придем. Отдохнет мать — и придем. Такой день!..— зло глянув на Якова, согласился он.

— Отойдет лицо-то от слез, и приходите, мама. На людях горе быстрее проходит,— сказал Яков. Сам направился к пруду, возле которого, в тени деревьев, уже вовсю шла подготовка к пиру.

Неожиданно близко просвистал сыч. Кайманов остановился.

— Эй, Ёшка, иди сюда. Не хочу выходить, заметят,— позвал его Барат, сидевший под деревом.

Внимательно осматриваясь по сторонам, спросил:

— Скажи, дорогой, сколько лет может человек одни и те же чарыки носить?

— Говори, в чем дело.

— Не знаю, Ёшка. Барат или совсем с ума сошел, или счет времени потерял. Пойди, дорогой, к Змеиной горе, у крайнего колодца кяризов посмотри следы. От каменной колоды чарык с косым шрамом на пятке туда ведет. Помнишь, Ёшка, у родника Ове-Хури такой же след был? Ты потом видел его в ауле Коре-Луджё, когда Светлана-ханум тебе и мне по щекам надавала. Я тебя спрашиваю, Ёшка: может человек несколько лет одни и те же чарыки носить? Сам видел: чарык — новый, а косой шрам на пятке — старый.

— Не может, сам знаешь. А при чем тут следы? Я-то тебе велел за Мордовцевым смотреть!

— Как при чем? Вы только ушли, Флегонт вроде гулять пошел, да? Идет по дороге. Дошел до колоды, где поят скот, двинулся дальше, по тропе, мимо колодцев. Так за Змеиную гору вышел. А там уже и поселка не видать! У крайнего колодца присел на бугорок, посидел и обратно пошел.

— Все?

— Все!

— Не густо...

— Ты большой, глупый ишак, Ёшка! Ты думаешь, Флегонт дурак. А Флегонт — не дурак. Он смотрит: ага, Барат на трибуну вылез, всех приглашает шашлык кушать. А где теперь Барат? Нет Барата, пропал Барат. Куда пропал? По склонам ходит, ящериц пугает! Очень нужны Барату ящерицы!..

— Ну хорошо, предположим, заметил тебя Флегонт и вернулся. А следы-то куда девались?

— Откуда я знаю? След ни к одному колодцу не подходит, а вот пропал, и нет его. Все равно как под землю ушел.

— Ладно, Барат, спасибо. Иди теперь к гостям, скажи: мать немного прихворнула, попозже придет.

Осторожно пройдя огородами к Змеиной горе, так, чтобы его не было видно из окон дома, где остался Флегонт, Яков увидел то, о чем говорил Барат.

След с косым шрамом на пятке вел от бетонной колоды, из которой поили лошадей, до последнего колодца кяризов, дальше исчезал, будто и впрямь под землю уходил. Пройдя еще с десяток шагов, Кайманов увидел следы человека, обутого в красноармейские сапоги. Пограничники всегда ходят по два, здесь был кто-то один. А вот знакомые следы маленьких, почти женских ног. Именно этот след, след отчима, был у источника Ове-Хури. Наверняка Флегонт получил тогда крупную партию опия и передал деньги носчикам. А сюда он приходил либо на явку, либо за письмом. Может, из-за тех денег, что не достались Таги Мусабеку, а попали в руки пограничников, он и поспешил уехать на Мургаб? Боялся, Таги Мусабек будет мстить: двое-то носчиков ушли за кордон. Кто им помешает сказать, что сам Флегонт подстрелил третьего, деньги себе забрал? А может, сегодня к Флегонту сюда приходил человек с известием, что все готово для перехода через границу? И все-таки это лишь предположения, а Мордовцева надо ловить за руку с поличным.

Одно ясно: у Флегонта есть сообщник. Косой шрам на пятке чарыка — условный знак. Возможно, они не назначают места встреч, а просто Мордовцев идет по следу, и там, где этот след обрывается, находит или письмо, или опий, сам оставляет деньги, заказ на следующую партию контрабанды. Косой шрам на пятке — удобный для Флегонта пароль, если надо послать

кого-нибудь вместо себя. Перейти границу и сразу вернуться гораздо проще, чем идти до самого города с контрабандой.

Внимательно осматривая склоны гор, Яков надеялся обнаружить движение на карнизах и осыпях. Но все было тихо, лишь налетавший из ущелий ветер покачивал звенящие, сухие стебли травы.

*

Несколько дней спустя директор автомастерской получил указание: «Произвести полный расчет с военнообязанным Каймановым, обеспечить его явку в военкомат».

Секретарь парторганизации на общем собрании авторемонтников сообщил, что Кайманов идет служить на границу, от имени коллектива вручил ему премию — шевиотовый отрез на костюм и карманные часы.

На следующий день Яков, получив предписание, явился для прохождения службы в Дауганскую комендатуру.

— Иди на склад, получай обмундирование,— будничным голосом сказал ему Карачун.

— Так просто, иди и получай? — переспросил Яков.

— Не хочешь «так просто», дуй вприскочку. Только не задерживайся. Надо еще познакомить тебя с нашими сотрудниками.

Возвращаясь в кабинет Карачуна уже в полной военной форме, Яков на минуту задержался перед висевшим в коридоре зеркалом, придирчиво осмотрел свою атлетическую фигуру, облаченную в синие диагоналевые брюки и гимнастерку, не без удовольствия

подумал: «Вид вроде серьезный. Вполне самостоятельный...» Расправив складки на гимнастерке, вошел в кабинет коменданта, плотно прикрыл за собой дверь.

— Самодеятельность, Яша, кончилась, пришло время серьезной работы,— так начал разговор Карачун.

За окнами ночь. Шумит весенний ливень. Потоки воды журчат в арыках. Федор отдал приказание начальникам застав усилить наряды. Невысокий и плотный, с белыми залысинами над загорелым темным лицом (лоб всегда закрыт козырьком фуражки), он прохаживался по кабинету и, как называл такие беседы Яков еще на Даугане, «читал ему молитву».

— Мера власти, Яша, мера ответственности. Власть у нас большая, ответственности — хоть отбавляй. Ты зачислен в кадры на должность переводчика. Эта должность командирская, представление на звание послано. Сам понимаешь, при твоем знании границы заниматься тебе придется не только переводом, но и оперативной работой.

— А я так и понимаю свои обязанности.

— К тому и говорю. Но по натуре ты — партизан. Думаешь, вымахал до неба, и черт тебе не брат?

— Ты мне, Афанасьич, вроде как бы лекцию читаешь. Эту мораль я давно знаю,— остановил его Яков.

— Знаешь, да с одного боку. Будешь теперь вокруг своего отчима ходить, а остальное, главное и упустишь...

— Да теперь я, наверное, со всех боков ее знаю: не верь никому, проверяй каждого — вся твоя мораль.

— Вон как ты рассуждаешь,— странно спокойным голосом сказал Карачун.— А мне бы хотелось иное от тебя услышать.

— Что ж иное? На том граница стояла и стоять бу-

дет,— не подозревая скрытого смысла его слов, отозвался Яков.

Федор помолчал, словно раздумывая, стоит ли говорить.

— Давно хотел у тебя спросить,— наконец решился он,— думал, ни к чему: пути наши расходятся... Но вот опять сошлись... Жить нам вместе, работать вместе, в бой идти тоже вместе, никаких темных пятен между нами не должно быть... Скажи мне, Яков... Год тому назад Светлана ушла ночью в буран, вернулась только к утру. Где она была? С кем? Не знаю! Знаю только, что с той поры ее со мной нет. Я тоже часто думаю: «Кому верить? Как дальше жить?» Не живу, мучаюсь. Ответь мне прямо, зря я мучаюсь или не зря?

От неожиданности Яков замер, стараясь ничем не выдать охватившего его волнения. «Значит, все знал... Знал и молчал... Мучился... Хотел проверить... Светлана уехала. Проверить не мог... Ждал момента спросить...» Ему захотелось крикнуть: «Я сам с той поры мучаюсь и тоже не знаю, зря или не зря! Не было между нами ничего! Как пришла, так и ушла твоя Светлана, Гришатку спасать!» Но тут же подумал: «А если бы не Гришатка? Разве в том дело, осталась она или не осталась в бараке? Она готова была остаться, и он, Яков, готов был оставить ее...

— Что ж ты молчишь? Ответь прямо,— повторил Карачун,— зря я мучаюсь или не зря?

Всего мгновение колебался Яков. «А, пропади все пропадом! Вот она, расплата: ничто не проходит даром, ни добро, ни зло!»

— Выходит, не зря,— не отводя взгляда, ответил он.

— Так что же я, по-твоему, должен был делать? — с болью выкрикнул Федор.

— Стрелять.

Яков сам удивился тому, как спокойно это сказал.

— Между нами не было ничего, но тогда ты имел право стрелять,— с удивительным хладнокровием повторил он.

— А я не стрелял,— сказал Карачун.— Надеялся, верил... Ведь могла же она ошибиться, увлечься, потом раскаяться. Не мог я потерять сразу двоих. Не мог я стрелять!

— Сейчас не поздно,— так же бесстрастно сказал Яков. Вся боль, пережитая им после отъезда Светланы, снова поднялась в нем, он не находил ей выхода, не видел решений. Со всей ясностью Кайманов увидел вдруг в Карачуне самого себя.

Медленным, точно рассчитанным движением он расстегнул кобуру, положил перед Федором свой наган.

— Смерти ищешь? — вспыхнул Карачун.— Я сам себе горло давлю, а ты мне наган суешь?..

Что-то похожее на угрызения совести шевельнулось в груди Якова. Выходит, он сам растоптал дружбу, а сейчас вел себя вызывающе с человеком, которому обязан, может быть, самой жизнью.

Словно хлыстом ударил по нервам, резко зазвонил телефон. Вслед за первым звонком второй, третий...

Карачун снял трубку. Докладывали с заставы Пертусу о том, что вооруженная группа нарушителей обстреляла наряд, прошла в глубь нашей территории. Личный состав поднят по тревоге.

— На границе прорыв,— сказал Федор.— Вооруженная банда идет в наш тыл.

Карачун стал по телефону отдавать распоряжения, а Яков, опустошенный, безразличный ко всему, продолжал стоять у окна. Он уже не думал ни о себе, ни о Федоре. В голове мелькали какие-то воспоминания, обрывки мыслей. С трудом понял: прорыв. Вооруженная банда идет в наш тыл.

*

Машина резко взяла с места, выехала за ворота комендатуры. Кайманов сидел рядом с водителем, молча следил за каплями дождя на ветровом стекле. Стеклоочиститель монотонно, как маятник, мотался из стороны в сторону, слизывал капли. Но они возникали снова и снова, сбегали вниз дрожащими извилистыми дорожками.

Тяжкие думы одолевали Якова, но он не имел права думать ни о чем, только о предстоящей операции. «У пограничников не должно быть ни минуты замешательства или духовной слабости» — так обычно говорил Карачун. Легко сказать...

Свет фар выхватывал из темноты бегущую навстречу раскисшую под дождем дорогу. Дождь не прекращался. Черные тучи сплошь затянули небо. Слышно было, как по низинам и отщелкам с грозным гулом мчалась вода.

Свернули на проселок. Сразу же у обочины появился наряд пограничников. Старший наряда — красноармеец Ложкин.

— Товарищ командир,— доложил он.— Вооруженная банда обстреляла пограничный наряд и, воспользовавшись ливнем, прорвалась в наш тыл.

Кайманов приказал Ложкину и его напарнику сесть в машину. Подъехали как можно ближе к тому месту, где прошли бандиты. Около десяти минут шли пешком. Луч фонаря выхватил из темноты крупную фигуру начальника заставы Черкашина.

— Товарищ Кайманов,— доложил он официально.— Ливень забил следы, собака не может работать.

Впервые Якову докладывали как представителю комендатуры. Сейчас он здесь старший, полностью от-

вечает за успех поиска. Но что можно увидеть на этом размытом дождем грунте?

В одном месте у линии границы образовалась ложбина, будто там проволокли бревно. Понял: след взять не удастся, даже здесь неясно было, то ли нарушители по одному месту проползли, то ли протащили что тяжелое. Все смыл, все забил дождь.

Неожиданно в стороне вспыхнул свет фар. Подъехал майор Карачун с группой сотрудников комендатуры. С ними — еще один инструктор со служебной собакой. Собака принялась бестолково метаться из стороны в сторону. Видно было, что и она не возьмет след.

Черкашин показал коменданту место нарушения границы.

Карачун молча прошел в одну и в другую сторону, о чем-то поговорил со сверхсрочником Шаповалом, державшим на поводке овчарку, вернулся к группе, ожидавшей приказаний. В считанные минуты он должен был составить план поиска, распорядиться всеми этими людьми.

— Черкашин,— негромко позвал майор.— Возвращайтесь на заставу, перекройте на вашем участке линию границы. Такую же команду я дал вашим соседям слева и справа на случай отхода группы.

Не успел он договорить, как на чернильном ночном горизонте вспыхнули две сигнальные ракеты. Описав дуги и оставив в небе дымный след, хорошо видимый даже отсюда, ракеты погасли.

— Сигналят в районе военного аэродрома,— сказал Карачун.— Кажется, на этот раз дело не в терьяке... Черкашин, приступайте к выполнению задачи. Кайманов, поедете со мной.

Комендант уже бежал к оставшейся внизу машине. Яков бросился за ним.

Минут двадцать ушло на то, чтобы по проселку вы-

браться на шоссе и доехать до аэродрома. Между домами примыкающего к аэродрому аула сновали десятки людей в военной форме. Слышались команды, возбужденные голоса.

— Целый батальон пригнали,— ни к кому не обращаясь, с явной досадой проговорил Карачун.— Затопчут все, что еще можно было найти.

Яков тоже не любил, когда вмешивались в их работу. «А что искать-то в ауле? — подумал он.— Не для того же бандиты обстреляли наряд и часового у аэродрома, чтобы потом укрываться в домах?!»

Карачун и Яков вышли из машины, остановились возле группы командиров, окруживших часового. Посветив под ноги фонариком, комендант выругался: все вокруг, как он и предполагал, было затоптано, недалеко от укрытия, за которым лежал часовой, валялось десятка два стреляных гильз.

«Как только парень жив остался?» — подумал Яков.

Одно можно было сказать: группа большая, нарушители прошли гуськом, ступая след в след. Но дождь все размыл. Невозможно было определить, сколько здесь было бандитов, в какой они обуви.

— Уйдут в пески, разбегутся, не поймаешь,— негромко произнес Карачун.— Оставайся здесь, Кайманов,— приказал он.— Попытайтесь определить направление их движения. Я буду на заставе Дауган.

Медленно, как бы нехотя, наступал рассвет. Небо по-прежнему хмурилось. Сплошные темно-серые тучи одна за другой низко проплывали над горами. Ни на минуту не прекращался моросящий дождь.

На тропе, ведущей от аэродрома к чуть видневшемуся вдали аулу, показался туркмен верхом на ишаке. Размахивая папахой-тельпеком, он кричал, подгоняя пятками ишака:

— Ай, лечельник! Вон там прошли бандиты, двое подходили к шалашу!

— Ты кто такой? — спросил Кайманов, когда туркмен подъехал ближе.

— Сторож я, Мурад Аман Дурды, охраняю огород. Когда шел дождь, сидел в шалаше. Собака залаяла, я вышел. В собаку стреляли, чуть не попали. Вот смотри, где были.

Молча, с упрямой настойчивостью изучал Яков тропку, которую показал им сторож-туркмен. Ничего нового. Вот только разве круглые дырки вдоль тропки. Значит, один из нарушителей шел с палкой. У Якова словно гора с плеч. Оставалось проверить: есть ли такие же дырки в других местах.

— Товарищ майор, нарушители прошли здесь. Двигаются на северо-восток.

Он указал на еле заметную тропку с круглыми вмятинами с правой стороны. Карачун тут же подозвал конного пограничника, передал через него распоряжение: резервному взводу следовать за ним.

Подошла машина. Комендант, его помощник и Яков сели в нее. Карачун приказал шоферу объехать аул: надо было найти выход следов за домами. Рядом с тропой, вдоль которой стояли высокие чинары, они снова увидели дырки от палки.

— Бандиты и не думают прятаться,— заметил Карачун.— Будто караван верблюдов прошел.

Теперь уже не было сомнения, что следы принадлежат нарушителям. Оставалось догнать банду. Казалось, сделать это нетрудно. Бандиты идут пешком, пограничники — на машине. Но след уводит в пустыню. Поднимется ветер, мгновенно высушит верхний слой песка, затянет ямки от палки, отпечатки чарыков.

Вырвавшись из горных отрогов, машина мчалась по краю такыра — плотного, как цемент, глинистого со-

лончака. Когда такыр кончился, на песке вновь явственно обозначились следы. Дальше предстояло идти в погоню пешком.

Карачун и Яков во главе небольшой группы пограничников сначала бежали по следу во весь рост. Но вскоре пришлось залечь. Внимательно осматривая барханы, они увидели на гребне одного из нарушителей.

Не успел Кайманов выхватить из кобуры наган, как в барханах эхом отдался раскатистый залп. Яков быстро отполз за камень.

Впереди, метрах в пятидесяти, сквозь кустарник виднелся ствол винтовки. Раздался выстрел. Оглянувшись, Яков увидел инструктора службы собак Шаповала, откинувшегося на спину, поддерживавшего здоровой рукой раненую.

Где Карачун? Где остальные? Видно, за соседним барханом, откуда слышались частые выстрелы. Переползая от одного укрытия к другому, Яков добрался до Шаповала, взял винтовку, оставив раненому свой наган. Теперь он почувствовал себя увереннее. В руках было привычное оружие, из которого он бил без промаха. Сунув две обоймы в нагрудные карманы, как ящерица, пополз к гребню бархана. Приподнял голову. Сразу же из зарослей саксаула блеснул огонь выстрела. Яков выстрелил дважды. Снова приподнялся, чтобы заставить нарушителя стрелять. С него словно палкой сбило фуражку.

— Что делаешь? Не поднимай голову! — услышал он совсем рядом голос Федора. Комендант, прикрывая Кайманова, сделал несколько выстрелов в сторону саксаула, быстро отполз в сторону, повернулся на бок, чтобы сменить обойму. На секунду Яков увидел его разгоряченное боем лицо.

Сзади послышался шум мотора. Прибыло подкреп-

ление. Плотность огня пограничников сразу увеличилась в несколько раз.

Над барханом замелькал привязанный к стволу винтовки белый платок.

Махнув красноармейцам рукой, чтобы заходили справа и слева, Карачун первым поднялся на гребень.

От банды осталось лишь трое раненых, которые при появлении коменданта встали, поддерживая друг друга.

— Сколько вас было? — спросил Яков.

Один из раненых покачал головой, показывая, что не слышит.

Яков показал жестами, о чем спрашивает. Молодой бандит, только что переживший ужас смерти, молча три раза поднял растопыренную пятерню: пятнадцать!

«Восемь убитых, трое раненых. Остается еще четверо».

— Кто башлык?

— Шарапхан...

— Куда пошел? К кому?

— Ушел к другу. Куда, не знаю.

Кайманов перевел ответы раненого Карачуну, который приказал: одному из вожатых собак проработать обратный след, чтобы найти место, где от основной группы отделились главари.

— Товарищ майор, местность обыскана, контрабанда не обнаружена,— доложил возвратившийся через несколько минут пограничник.

— Что несли? — снова обратился Яков к молодому бандиту.

— Три банки терьяку, оружие, какие-то упаковки с заплечными ремнями.

— Что в упаковках?

— Не знаю.

— Новое дело,— заметил Карачун.— Раньше Ша-

рапхан только с терьяком ходил, да еще как террорист. Теперь какие-то упаковки приволок. Радиостанция? Мины? Кому приволок? Может, сам должен организовать какую-то диверсию? Или есть резидент? Ясно, что терьяк только для отвода глаз.

Едва ли кто мог ответить на эти вопросы.

Успешно закончившийся бой ничего еще не решал. Поиск только начинался. Надо было во что бы то ни стало схватить главарей, узнать, что в упаковках.

Карачун и Кайманов сели в машину.

— Давай в комендатуру! — приказал Федор шоферу.

— Товарищ майор, разрешите обратиться,— к машине подошел с забинтованной рукой инструктор службы собак Шаповал, протянул коменданту тяжелый сверток, обмотанный шелковым домотканым туркменским платком.— Собака нашла недалеко от убитых.

Комендант развернул платок. Несколько пачек красных тридцаток пробиты пулей навылет, словно просверлены. Кроме ассигнаций в платке слитки золота и серебра, туркменские украшения, иностранная валюта. Оптовые поставщики успели получить деньги. Терьяк, переправленный через границу, уже поступил к пособнику. Быстро работает Шарапхан. Очевидно, не один он возглавляет банду. Кому несли бандиты терьяк? Кто пособник? У кого прячется главарь? Догадаться нелегко. Но теперь есть вещественная улика: старый шелковый платок, в который завернуты деньги и ценности. Сделка могла произойти в любом ауле, расположенном неподалеку от маршрута контрабандистов...

Попетляв по проселкам, машина коменданта достигла шоссе, по которому двигался кавалерийский эскадрон.

— Будут блокировать местность,— пояснил Карачун.

Спустя полтора часа оставшиеся в живых контрабандисты были доставлены в комендатуру. Допрос их не дал никаких результатов. Ни молодой бандит, ни двое других, оставшиеся в живых, не сообщили никаких новых сведений.

Карачун молча кивнул, выслушав сообщение следователя Сарматского, сказал, обращаясь к собравшимся в его кабинете сотрудникам комендатуры:

— Считаю, что встреча Шарапхана с пособником состоялась в районе аула Шор-Кую. Выждав время, бандиты несомненно попытаются снова уйти за кордон. У нас есть вещественная улика — домотканый шелковый платок, в который были завернуты деньги и ценности. Придется устроить небольшой маскарад. Старший лейтенант Сарматский!..

Высокий, худой, черноволосый следователь комендатуры, с птичьим профилем и густыми бровями, сросшимися над переносицей, встал.

— Переоденьтесь в гражданский костюм, в штабе возьмите справку, что вы — ветеринарный врач. Вам, Кайманов, придется на время стать бродягой — терьякешем. Старшина, подберите соответствующее тряпье...

Спустя несколько минут все было готово к продолжению поиска. Исхудавший и заросший за последние двое суток, измотанный преследованием бандитов и боем, Яков не нуждался ни в каком гриме. Переодевшись в затертые сатиновые штаны, драную рубаху, засунув за пояс брюк под рубаху маузер, он глянул на себя в зеркало и даже присвистнул: перед ним был ни дать ни взять бродяга-зимогор.

Ему, знающему местный язык, отводилась главная роль в задуманном «спектакле». К аулу Шор-Кую надо подъехать незаметно. Лучше всего воспользоваться

для этого железнодорожным транспортом. Яков отправился на станцию.

Стоя у окна вагона, Яков следил за выжженными, побуревшими на солнце склонами гор, за пролетавшими мимо белыми от слепящего солнца каменными мостами и виадуками, пыльными акациями и карагачами, протянувшимися там, где были хотя бы признаки воды.

На станции незаметно вышел из вагона, пешком отправился в аул Шор-Кую. По пути еще раз проверил, надежно ли спрятан маузер под поясом брюк. Затем с видом бродяги-бездельника, которых немало в те годы шаталось по аулам, он остановился возле невысокого дувала, за которым пожилая туркменка пекла в тандыре чуреки. У аулсовета и стоявшего поодаль продовольственного ларька толпились люди. Женщина подняла на Якова взгляд, неприязненно отвернулась.

— Хозяйка,— по-русски произнес он.— Дай один чурек, есть очень хочется.

Женщина не ответила. К ней подбежали две девочки. Туркменка отломила им по куску горячего чурека. Когда они вышли за дувал, Яков достал из кармана платок, позвал одну из них:

— Эй, кызымка, дай кусок чурека, платок дам.

Девочка посмотрела на платок и вдруг всплеснула руками:

— Эниджан! Эниджан! Бярикель! Бярикель! Эниджан бярикель!

Из ближайшего глинобитного домика выскочила еще одна девочка с косичками, свисающими из-под тюбетейки. Увидев в руке «терьякеша» платок, подскочила к нему, закричала:

— Ай, кызымки! Наш платок. Мама! Шапана пришел. Шапана наш платок украл.

Сделав испуганное лицо, Яков намотал платок на

руку. Вот это удача: с первого захода — прямое попадание!

Вокруг уже собирались люди.

— Шапана пришел! Вор, шапана пришел! — кричала девочка.

— Бей шапану! — послышался мужской голос.

Начались события, не предусмотренные планом. Кто-то двинул Якова под ребра. Увесистый подзатыльник заставил его пригнуть голову. Какой-то защитник справедливости так хватил его по скуле, что в глазах полыхнул огонь, на мгновение стало темно. Он с трудом удержался, чтобы не дать сдачи и не расшвырять собравшихся вокруг жителей аула. Зажав рукой подбитый глаз, старался увернуться от новых ударов и мысленно клял Сарматского, который должен был выйти из аулсовета, но почему-то задерживался.

— Эй-ей-ей! — наконец раздался предостерегающий голос Сарматского.— Бить нельзя! Не разрешается! Что тут такое?

— Товарищ лечельник! — К Сарматскому подскочил туркмен, двинувший «терьякеша» по скуле.— Вот, ходит всякая шпана... Платок украл, хотел на чуреки выменять!

— Не украл, а нашел,— отпирался Яков.— Если их платок, пусть приметы скажут. Шел в аул, думал работать кому помогу. Менять платок на чурек нужда заставила.

При виде «фонаря» на лице переводчика в глазах у Сарматского так и запрыгали веселые огоньки. «Еще улыбается,— обозлился Яков.— Тебе бы подсветили так, черномазому, небось не смеялся бы!»

— Пошли в аулсовет,— деловито предложил «ветеринар».— Там разберемся.

В небольшую комнату набилось полным-полно народу. Здоровенный туркмен — председатель аулсовета,

напустив на себя важность, по-русски стал допрашивать «задержанного». Сарматский, то и дело поправляя очки на большом прямом носу, с готовностью ему помогал.

— Вы не хотите работать, воруете,— корил он Якова.— Имейте в виду, если выяснится, что вы действительно украли платок, отправим вас в милицию. Граждане! — обратился он к столпившимся в комнате жителям аула.— Кто может подтвердить, что платок принадлежит этой девочке? Где ее мать? Почему мать не пришла? Сейчас будем составлять акт.

Вошла женщина, при всех заявила, что платок ее. Сарматский составил акт, зачитал его. Под актом поставили подписи свидетели. Председатель аулсовета скрепил акт печатью.

— Этот шапана, наверное, за кордон хотел уйти,— подал кто-то мысль.

— Возможно! — поддержал Сарматский.— Надо его отправить в комендатуру.

— Ай, лечельник, ай, лечельник! — к столу председателя протиснулся мальчишка лет четырнадцати.— Скорей, скорей! По дороге военная машина едет!

— Остановите ее!

В помещение аулсовета вошел в своей обычной форме майор Карачун.

— В чем дело?

Сарматский вышел вперед:

— Вот тут шаромыжник бродит. Люди думают, хотел за кордон удрать.

— Ну что ж, спасибо, что задержали. Возьмем его в комендатуру, узнаем, зачем он пришел и куда хочет идти. Прошу вас в машину,— обратился Карачун к председателю аулсовета и женщине, опознавшей свой платок.

У Якова горел подбитый глаз. Под бока ему тоже здорово надавали. Но он уже не думал об этом. Главное сделано, остается теперь распутать ниточку, так удачно попавшую в руки.

Приехали в комендатуру. Карачун сказал Кайманову:

— Переводить придется тебе. Переоденься, умойся, забинтуй глаз и приступай.

Яков пожал плечами.

— Узнает ведь...

— Больше некому.

В санчасти Якову забинтовали глаз. Он надел военную форму, надвинул на лоб козырек фуражки, вошел в кабинет коменданта.

— Салям, баджи! — приветствовал он туркменку.

Карачун развернул перед нею домотканый платок.

— Он спрашивает,— перевел Яков слова Федора,— твой платок? Может, ты ошиблась?

— Платок мой,— подтвердила женщина, с нескрываемым удивлением посматривая на переводчика. Он отвернулся. Женщина все с большим недоверием смотрела на него.

— Где твой муж? Почему он не пришел, когда поймали шпану?

— Поехал в аул Ак-Кая.

— Зачем поехал?

— Ай, немножко саман продавать.

Карачун хорошо знал, что саманом местные жители называют полову — корм для верблюдов. В мешок с саманом можно упрятать не только банку с опием, но и живого контрабандиста.

— На чем повез?

— На верблюде.

— И сам на верблюде поехал?

— Сам на ишаке. Такой белый ишак.

ловек делает от двадцати до пятидесяти шагов. Значит, надо искать логово пособника не дальше чем за пятьсот — восемьсот метров. Но людей с именем Сеид-ага в ближайших к чинарам аулах хоть пруд пруди — десятки, а может быть, и сотни. Сеид — не имя, религиозный титул. Ага — дядя. Получается вроде самого распространенного обращения яш-улы. Допрашивать всех, кого называют Сеид-ага, долго и не нужно. Можно честных людей обидеть. У меня есть некоторые соображения...

Глава 11

ДЕВОЧКА В ВИНОГРАДНИКЕ

Карачун мог бы вызвать Каип Ияса к себе. Бывший контрабандист принял советское подданство, определился чабаном в один из пограничных колхозов. Но Федор решил съездить за ним сам вместе с Каймановым.

По обе стороны проселочной дороги, на которую они свернули, потянулись земли колхоза, в котором бывший шаромыга пас овец.

Вскоре показалась медленно двигавшаяся вдоль склона отара. Ее оберегали несколько чабанов, среди которых приехавшие не обнаружили старого терьякеша.

Карачун и Яков подошли к чабанам. После обычных приветствий и вопросов о здоровье майор спросил, где их новый товарищ.

— Ай, начальник, здесь был Каип Ияс! — сообщил пожилой чабан с жидкой белой бородой, росшей прямо из шеи.— Может, куда за сопку пошел. Говорил: живот болит...

Из-за соседней сопки появился Каип Ияс, все такой же худой и морщинистый, похожий на выжатый лимон.

— Ай, лечельник, ай, Кара-Куш! — еще издали закричал он.— Вы кочахчи ищете? Вон там прошел человек!

Новый след, появившийся неожиданно в то время, когда надо было нащупать логово пособника Шарап-хана — какого-то Сеида-ага, отвлекал коменданта от решения главной задачи. Вместе с тем он не имел права оставить след без внимания.

Карачун и Кайманов поднялись на седловину. Навстречу им бежали два пограничника.

— Кажется, новый прорыв,— с досадой проговорил Карачун.

— Товарищ майор,— доложил один из пограничников.— На границе обнаружен след. Какой-то странный.

Карачун и Яков подошли к месту, где был обнаружен след. Сомневаться не приходилось: границу совсем недавно пересек человек. Следы чарыков видны совершенно отчетливо. Нарушитель широко шагал, старался, очевидно, как можно скорее проскочить зону заложения нарядов. Но вел себя действительно странно: шел будто пятками вперед. Совсем недалеко от линии границы след исчез, словно нарушитель спрятался где-то рядом.

Карачун нервничал. Это непредвиденное обстоятельство путало все карты. Откуда взялся нарушитель, да еще днем? Куда девался? Если он хороший стрелок, того и гляди угостит пулей. Случайно посмотрев на свежий нанос песка, Яков удивился: он готов был дать голову на отсечение, что несколько минут назад песок был нетронутым. Сейчас же на нем был отпечаток точно такого же следа, как и у линии границы: рваный чарык стянут ремешками, носки смотрят в стороны, вдавлены глубоко...

— Тьфу! — Яков выругался, подошел к Каип Иясу и в сердцах схватил его за шиворот.— Что ж ты нам голову морочишь? Ведь замучил, собачий сын! Вот же нарушитель! Вот его рваный чарык,— показал он на след.— Здесь стянут ремешками. Здесь дырки на пятке.

Он заставил Каип Ияса поднять попеременно одну за другой ноги, показать подошвы чарыков.

— Ай, Кара-Куш! Ай, лечельник! — запричитал терьякеш, поняв, что отпираться бессмысленно.— Хотел мало-мало в аул сбегать, терьячку купить. Без терьяка Каип Ияс жить не может.

— В какой аул? Вон в тот, за кордоном?

— Хороший аул, яш-улы,— подтвердил Каип Ияс.— Там у меня друг терьячок продает. Советский власть якши: есть дает, пить дает, спать дает, работать дает. Терьячок не дает. Ай, думал, быстро сбегаю, песочек заровняю. Ай, глупый Каип Ияс, хотел лечельников обмануть!

С досады Кайманов готов был дать Каип Иясу затрещину: надо же потерять столько времени! Но тот вдруг встал в воинственную позу:

— Я теперь советский! Бить советский нельзя. Таги Мусабек-бай бил! А тебе нельзя! Такой закон!

Всю жизнь униженный, всеми оскорбляемый, Каип Ияс впервые почувствовал себя человеком. Ему разрешили жить в Советской стране, доверили пасти отару. И он решительно заявил о своем человеческом достоинстве.

— Бить не будем,— успокоил его Карачун.— Нельзя бить. Садись в машину, у нас к тебе дело есть.

Хотя было не до смеха, но Яков едва удержался от улыбки при виде той важности, какую напустил на себя Каип Ияс, садясь в машину. Робость и наглость, приниженность и непомерное самомнение, наигранную

развязность и тревогу — все это одновременно выражало желтое, морщинистое лицо Каип Ияса.

— Ай, Ёшка! — произнес он торжественно.— Ты меня ругаешь, а слыхал, что лечельник сказал? Ты еще узнаешь, какой человек Каип Ияс. Давай немножко терьяку, все для тебя сделаю. Не дашь, упадет сейчас Каип Ияс, сразу умрет.

Машина уже мчалась по направлению к комендатуре.

— У меня нет терьяку,— ответил за Якова Карачун,— но ты его можешь получить, если как следует подумаешь своей головой. Только хорошо думай... Таги Мусабек-бай все у тебя отнял: и здоровье, и жену, и детей, и все, что было в твоем доме. Правильно я говорю?

— Правильно,— согласился Каип Ияс.

— Значит, Таги Мусабек-бай и мне, и Ёшке, и тебе враг. Он враг всем, кто работает. За терьяк готов отнять у человека не только деньги, но и жизнь. Так я говорю, Каип Ияс? Враг или не враг тебе Таги Мусабек-бай?

— Враг, лечельник, большой враг.— Глаза Каип Ияса загорелись мрачноватым блеском.— Он меня бил.

Услышав, что зачем-то понадобился большому начальнику, Каип Ияс сразу смекнул, что может заключить с Карачуном выгодную для себя сделку — получить терьяк.

— Ай, лечельник! — оживился он.— Дай немножко покурить, луну с неба достану. Не дашь, умрет Каип Ияс.

— Может быть, дам. Таги Мусабек опять к нам забросил терьяк. Его надо найти. Скажи, яш-улы, кто неподалеку от аула Ак-Кая может купить много терьяку?

Карачун и Кайманов понимали: стоит упереться Каип Иясу или назвать вымышленную фамилию, при-

дется искать Сеида-ага во всех близлежащих аулах, а пока будут продолжаться поиски, тот успеет спрятать и бандитов, и терьяк, и упаковки.

— Ты сказал «яш-улы», лечельник? — уставившись слезящимися глазами на Карачуна, спросил Каип Ияс.— Мне сказал? — Он покачал головой, как бы отказываясь верить тому, что слышал.— Один только раз большой ваш начальник Василь-ага назвал меня так. Никто больше не называл. Каип Ияс — дохлый ишак. Каип Ияс — вонючий шакал. Каип Ияс — дерьмо. Так говорили... Все так говорят! А Каип Ияс — курд! Когда терьяк не курил, первый охотник был! Как сам Аликпер! Как вот Ёшка Кара-Куш! Птичке на лету в глаз попадал!..

Стараясь точно перевести для Карачуна каждую фразу Каип Ияса, Яков сделал нетерпеливый жест: сейчас, мол, не до воспоминаний. Но комендант кивнул — пусть говорит.

— Советская власть — хорошо! — торжественно продолжал Каип Ияс.— Тебе скажу, кто покупает терьяк. Иди в аул Эрик-Кала, спроси, где живет Сеид-ага?.. Нет, сам не ходи. Я поведу. Дай только немножко терьяку, Каип Ияс за кордон пойдет, Таги Мусабека убивать будет...

— За кордон идти не надо, Каип Ияс,— спокойно сказал Карачун,— а в аул Эрик-Кала ты нас проводи...

Машина остановилась у комендатуры. Пропустив впереди себя в помещение Каип Ияса, Карачун, остановившись на крыльце, внимательно посмотрел на Якова:

— Что с тобой?

— А что?

— Желтый весь и зубами стучишь.

— Черт его знает... Верно, малярку схватил.

— Еще не легче... А главную роль сейчас играть тебе, больше некому. Никакая блокада, никакие обыски не помогут, если мы с тобой не раскопаем, где эти проклятые упаковки с ремнями. Нужен еще один немедленный заход с переодеванием.

— Что я должен делать?

— Не торопись, объясню.

Он куда-то ненадолго ушел. Вернулся в сопровождении красноармейца, который принес узел с одеждой. Минут пятнадцать спустя Яков был уже в форме железнодорожника. В руках держал клеенчатую сумку с двумя толстыми пачками «денег». Комендант пояснил: в пачках обычная бумага, лишь сверху настоящие пятидесятирублевки.

Вид Кайманова вполне соответствовал его роли. Лицо утомленное, глаза воспалены. Едва ли кто мог узнать в нем сотрудника пограничной комендатуры.

У Якова болела голова, чувствовал он себя неважно. Но ему было совсем не безразлично, кто найдет таинственные упаковки, кто схватит Шарапхана.

Аул Шор-Кую, где он пытался «обменять» домотканый платок на чуреки, остался позади. Минут через двадцать показались глинобитные домики аула Эрик-Кала.

У поворота дороги машину остановил часовой из оцепления. Карачун назвал пароль. Поехали дальше.

— Стой, яш-улы! — вдруг крикнул Каип Ияс.— Вон он, дом Сеида-ага. Я поведу Ёшку!

Он даже облизал губы, предвкушая обещанный терьяк.

— Ты с Каймановым не пойдешь,— остановил его комендант.— Люди Таги Мусабек-бая, наверное, знают, что ты теперь советский. Покажи из машины какого-нибудь терьякеша, который бывает у Сеида-ага. Он и проводит.

— Ай, лечельник! — с искренним огорчением воскликнул Каип Ияс.— Как я не пойду, когда я так хочу курить? Зачем тогда ехал сюда бедный Каип Ияс?

— Ладно, помолчи. Возьмем Сеида-ага, будет у тебя терьяк,— оборвал его Яков.

Тяжело вздыхая, Каип Ияс забормотал какие-то жалостливые слова, сетуя на свою несчастную судьбу, поминая нелестными словами начальника, так жестоко обманувшего его.

В ауле тихо. На улице не видно ни одного военного. Все спокойно. Прошло тридцать, сорок минут, а в поле зрения сидевших в машине никто не появлялся.

— Давай, Каип Ияс, если хочешь курить, смотри хорошо,— напомнил Кайманов, чувствуя, что головная боль все усиливается.

Каип Ияс, без особого интереса посматривавший на улицу, вдруг оживился, даже прищелкнул языком.

— Аджи-Курбан идет,— сказал он, указывая на появившегося в конце улицы человека средних лет, по виду заядлого терьякеша.— У Сеида-ага два раза с ним был...

Аджи-Курбан, лениво переставляя ноги, еще с минуту маячил на улице, потом скрылся за углом.

— Давай, Яша, действуй! — тихо приказал Карачун.

Кайманов вышел из машины. Он делал все как во сне, неимоверным усилием воли превозмогая усталость и нездоровье. Пройдя по переулку, с другой стороны улицы неторопливо направился навстречу Аджи-Курбану и поравнялся с ним как раз против дома Сеида-ага.

Внешне похожий на Каип Ияса, Аджи-Курбан скользнул взглядом по высокой фигуре незнакомого человека и с безразличным видом пошел было дальше, но Кайманов остановил его:

— Салям, добрый человек!

— Салям! — ответил тот.

— Слушай, друг! — Кайманов понизил голос.— Не знаешь, где тут можно покурить? Я, понимаешь, хумар. Вижу, ты такой, как я. Покажи, где полечиться. Я тебя угощаю.

Аджи-Курбану хорошо было знакомо слово «хумар» — опийное похмелье. Чего-чего, а покурить на чужой счет терьяку он не откажется. Глаза его оживились.

— Ай, друг, ай, дугры! Ай, бик якши! — восторженно произнес он.— Подожди, дорогой, сейчас узнаю, дома ли один добрый человек.

«Идет предупредить...» — подумал Яков, но ничем не выдал себя, надеясь на неистребимую страсть терьякешей к наркотику.

Аджи-Курбан подошел к высокому дувалу дома Сеида-ага, скрылся за калиткой. Кайманов остался на улице. Он знал, что по соседству не только Карачун, но и целый взвод пограничников. Но пока он один должен решить задачу: правду ли сказал Каип Ияс?

В конце улицы показались двое мальчишек. Черные от загара, они ловко гнали палками консервную банку по дороге.

— Эй, огланжик, идите сюда! — позвал их Яков.

Мальчики подошли.

— Вот вам рубль, бегите в магазин, купите себе конфет.

— Ай, сагбол! Ай, сагбол!

— Скажите, где живет Сеид-ага?

— Сеид-ага?.. Вон его кибитка.

Мальчики показали тот самый дом, за дувалом которого только что скрылся Аджи-Курбан.

Стоять на улице больше не было смысла. Яков толкнул калитку, пересек дворик и, приподняв матерчатую

занавеску, вошел в дом. До его слуха донесся торопливый шепот. Разговаривали Аджи-Курбан и, наверное, хозяин:

— Кто он такой? Разве не знаешь, зеленые фуражки кого-то ищут в ауле Шор-Кую. Ты глупый ишак, Аджи-Курбан: первого, кто на дороге попал, сюда ведешь...

— Ай, Сеид-ага, он мой лучший друг. В Мары живет. Я его десять лет знаю.

«Здоров врать»,— подумал Яков.

— Салям! — входя во вторую половину дома, приветствовал он хозяина, жилистого, невысокого старика, с внимательными, настороженными глазами.

— Салям!

— Ну... где тут у тебя? — делая вид, что с нетерпением ждет, когда можно будет глотнуть опийного дыма, спросил Кайманов.

— Сколько куришь? — в свою очередь спросил старик.

— Три нухута.

Он знал, что три нухута — добрая порция даже для заядлого терьякеша.

Старик вышел, принес чубук и лампочку.

— Сначала ему, пусть друг покурит,— Яков кивнул в сторону Аджи-Курбана.— Мне сделай ширя [1].

Подозрения старика как будто рассеялись. Он принес еще одну трубку и, словно священнодействуя, зажег ее. Яков жадно затянулся, как заправский курильщик, даже прикрыл глаза.

Он и без опия чувствовал себя плохо, но деваться некуда: старик присел на корточки у самой двери, положил руки сгибами локтей на острые колени и следил за ним круглыми ястребиными глазами.

---

[1] Ширя — высший сорт опия.

Кайманов сделал еще одну затяжку, стараясь не глотать дым и не впускать его в легкие, повернулся к Сеиду-ага:

— Хороший терьячок. Хочу купить, повезу для своих друзей.

— Сколько тебе?

Яков приоткрыл сумку, развернул газету, показывая хозяину две пачки «денег». У Сеида-ага загорелись глаза. Теперь он не сомневался, что перед ним не только настоящий терьякеш, но и оптовый перекупщик.

— Давай на все. Банку и еще сколько хватит,— пояснил Яков.

Старик куда-то надолго исчез. Вернулся с неначатой банкой терьяка. Убедившись, что в банке опий, Кайманов спросил:

— Тебе мелкими или крупными?

— Давай крупными,— с нетерпением сказал Сеид-ага.

Яков выхватил из-за пояса брюк маузер:

— Попал, старая лиса!

— Вах! — повернувшись к жадно курившему Аджи-Курбану, воскликнул Сеид-ага.— Я всегда говорил, что ты предатель.

— Довольно болтать! — оборвал его Кайманов.— Где остальной терьяк? Где упаковки с заплечными ремнями? Где Атагок, Анна́, Шарапхан?

Взглянув вдруг на левую руку Якова с обрубленным безымянным пальцем, Сеид-ага ударил себя ладонью по лбу и застонал, раскачиваясь из стороны в сторону, подвывая от злости:

— Ай, какой ишак, Сеид-ага! Какой старый глупый ишак! Как я тебя сразу не узнал? Большой беспалый Ёшка! Такой приметный, собачий сын, а я не узнал!..

От испуга и растерянности, охвативших старика в первую минуту, не осталось и следа. Его коричне-

вое, высушенное солнцем лицо зажглось лютой ненавистью. Он глумливо усмехнулся.

— Ты, Ёшка, умный человек, я — умный человек. Аджи-Курбан нас не слышит: накурился, ему хоть по голове палкой стучи. Ты меня не видел, я тебя не видел. Иди, дорогой, откуда пришел. Не пойдешь, плохо тебе будет.

— Ты что, сволочь, мне грозишь?

— Зачем ругаешься, Ёшка? — все с той же наглой усмешкой продолжал Сеид-ага.— Хочешь, скажу, у кого терьяк? Слушай, дорогой. В городе есть дом с железным петухом на трубе. Красивый дом. В нем живет мать Ёшки Кара-Куша. Ее мужик Флегонт Лука-оглы — самый богатый бай. Весь терьяк в городе — его терьяк. Пойди спроси, какие к нему люди ходят? У родной матери спроси. Пойдешь?..

— Вылезай из своей норы,— приказал Яков.

— Пожалеешь, Ёшка! Один раз ушел из НКВД, в другой раз не уйдешь. Думай, Ёшка... Что тебе Сеид-ага? Таких, как я, тысячи. Одним больше, одним меньше — всех не переловишь. Не отпустишь меня, себя погубишь, мать погубишь. На первом же допросе буду про тебя с матерью говорить.

— Пока что скажешь,— перебил его Яков,— где упаковки с ремнями, где остальной терьяк, где главари группы Шарапхана.— Он с силой потянул за конец веревки, которой связал Сеиду-ага руки.

— Ёшка!..— выгнувшись от боли, вскрикнул перекупщик опия.— Я — старый кочахчи. Ты еще в штаны делал, когда все на границе знали, кто такой Сеид-ага. Режь меня, Ёшка, на куски, железом жги, ничего не скажу. Лучше отпускай сейчас. Не отпустишь, выдам НКВД мать и отчима.

— Ты, вошь седая, мать не трогай!

В Кайманове все кипело, но слова старого контрабандиста попали в цель: арестовывая Сеида-ага, Яков ставил под удар мать. Но может, старик просто отводит от себя удар? Нужен обыск.

Оставив связанного перекупщика в сенях, он вышел за калитку, подал условный сигнал. Подъехала машина. Карачун послал за председателем аулсовета. Во двор вошли пограничники.

— Принес? — послышался из машины голос Каип Ияса.

— Что принес? — не понял Кайманов.

— Ай, Ёшка, почему спрашиваешь? Сам говорил, покурить принесешь.

Яков молча вернулся в дом, вынес лампочку с чубуком, которые настраивал для него Сеид-ага, передал Каип Иясу, повернулся к коменданту.

— Товарищ майор, этот старый змей,— кивнул он в сторону Сеида-ага,— умрет, ничего не скажет. Придется делать обыск.

О Мордовцеве он промолчал, хотя и был уверен, что Сеид-ага сказал правду. Сколько ни раздумывай, придется ехать за Флегонтом, приглашать на допросы мать.

Карачун, выйдя из машины, отдал какое-то приказание командиру резервного взвода. Ждали председателя аулсовета, чтобы начать обыск.

Каип Ияс, получив терьяк, да не какой-нибудь сырец, а настоящую, заправленную по всем правилам

трубку, затянулся несколько раз, не удержался от восторженного восклицания:

— Ай, джанам, Кара-Куш! Это же настоящий ширя! Сам Ёшка Кара-Куш принес Каип Иясу ширя!..

Не слушая его, Яков пытливо осматривал двор: «Где упаковки? Где бандиты?»

— Думаешь, я не знаю, какой терьяк ты мне в гавахе давал? — продолжал Каип Ияс.— Маленький старшина Гали все рассказал. Каип Ияс, как узнал, сразу упал, встать не мог. А теперь сам Кара-Куш принес Каип Иясу ширя!

Старый терьякеш был в отличном расположении духа. Глаза его, обычно мутные, с желтоватыми белками, светились сейчас энергией и отвагой. Яков подошел к машине, миролюбиво сказал:

— Довольно болтать! Получил свой ширя — сиди смирно. Стрелять начнут, лезь под машину, а то как раз схватишь пулю.

— Я под машину? Ты думаешь, Каип Ияс боится пули? Каип Ияс ничего не боится. Самого Шарапхана не боится! Вот какой Каип Ияс.

При упоминании имени Шарапхана Кайманов пытливо посмотрел на терьякеша, но, убедившись, что у того уже «винт за винт заходит», только рукой махнул.

К окраине аула подъехал крытый брезентом грузовик. Из кузова стали выпрыгивать красноармейцы.

Пришел председатель аулсовета — молодой, быстрый в движениях туркмен.

— Может, сам скажешь, где упаковки? — подойдя к Сеиду-ага, спросил Карачун.— Ведь все равно найдем.

— Если у вас есть ордер на обыск, ищите,— зло ответил старик, глядя ненавидящими глазами на коменданта и красноармейцев.

Пограничники тщательно осмотрели дом и двор, но

ни упаковок, ни банок с опием не нашли. Осталось осмотреть лишь сваленные во дворе дрова — корни саксаула и терискена.

— Разбирайте поленницу,— приказал Карачун.

Пока искали в доме, старик был невозмутим, но, как только пограничники начали растаскивать дрова, не выдержал, с угрозой произнес:

— Ну, Ёшка, проклянешь тот день, когда тронул меня! Кровавыми слезами заплачешь...

Кайманов дословно перевел коменданту его слова.

В дровах нашли несколько бязевых мешочков, как видно сделанных из мужского белья, с одной стороны зашитых, с другой — завязанных тесемками. В каждом — около килограмма опия. Мешочки сложены на плотно утрамбованной земле. Видно было, что трамбовали недавно.

— Копайте здесь,— приказал Карачун красноармейцам.

Через некоторое время из ямы извлекли замотанные в мешковину два небольших ящика с заплечными ремнями. Карачун приоткрыл один из них. Тускло блеснула металлическая панель с тонкими стрелками на круглых приборах.

— Радиостанция? Кому? — обернувшись к неподвижно сидевшему у стены Сеиду-ага, спросил комендант.

— Твой Кара-Куш знает,— криво усмехаясь, ответил старик.

— Говорит, что я знаю,— перевел Яков.

— Мордовцеву? — Федор вскинул брови.— А почему ты об этом должен знать?..

То ли от усталости, то ли от нового приступа малярии Яков почувствовал себя совсем плохо. Придерживаясь за стенку дувала, он побрел в сторону от двора,

в котором все еще продолжался обыск. В глазах потемнело, тошнота хватала за горло, начиналась рвота. Добравшись до сарая соседнего двора, он прислонился лбом к стене, изо всех сил цепляясь скрюченными пальцами за низкую глинобитную крышу, боясь, что вот-вот свалится.

— Плохо тебе?

С трудом понял, что вслед за ним пришел Карачун.

— Пройдет...

Карачун помолчал, дожидаясь, пока Кайманов преодолеет слабость.

— Закончим здесь, поедем Флегонта брать,— сказал наконец Яков, тяжело дыша, чувствуя острый запах овечьего хлева, трав и просушивавшегося неподалеку кизяка.

Где-то совсем рядом послышался детский голос:

— Яш-улы, а яш-улы, послушайте, что я вам скажу. Подойдите сюда.

Кайманов скосил глаза, увидел девочку лет десяти, выглядывавшую из виноградника. Карачун подошел.

— Яш-улы, кого вы ищете, там, где голубая калитка.

Девочка тут же исчезла.

Кайманов перевел Карачуну ее слова. Усилием воли он преодолел слабость, оторвался наконец от спасительной крыши.

Карачун вернулся во двор Сеида-ага, позвал председателя аулсовета. Возвратился и Яков. Ему почему-то вспомнился вопрос Светланы, бывал ли он в театре. Подумал: «Здесь, в ауле Эрик-Кала, театр получился на славу. Только спектакль разыгран еще не до конца. Если девочка сказала правду, в доме с голубой калиткой — Шарапхан со своими дружками... Будут отстреливаться...»

Глава 12

МАТЬ

Просторный двор обнесен высоким дувалом. Вход — единственная калитка, окрашенная в голубой цвет. В стене дувала пролом.

Уже смеркалось, когда Карачун, Кайманов, председатель аулсовета и красноармейцы-пограничники Скрипченко и Ложкин подошли к голубой калитке.

— Скрипченко, на крышу кибитки! Ложкин, к пролому!

Вошли во двор. В дальнем углу — мазанка. Дверь заперта большим замком. Рядом сарай-кладовая. Тоже под замком.

У входной двустворчатой двери кибитки их встретила седая женщина.

— Пусть выйдет хозяин! — перевел ей Яков распоряжение коменданта.

— Хозяина нет дома!

— Открывайте кибитку...

— Ключа нет, в кармане у хозяина.

— Значит, гости здесь,— вполголоса сказал Карачун.— Скрипченко, возьми под прицел вон ту мазанку! — крикнул он сидевшему на крыше пограничнику.— Пропустите нас, баджи.

Из-за спины старухи появилась девушка лет семнадцати.

— Ай, яш-улы,— певуче произнесла она.— Мужчинам заходить нельзя: в кибитке рожает женщина.

— Посмотрим, какие там роды,— сказал Яков и толкнул створку двери.

Они вошли в кибитку, быстро огляделись: справа железная печка, в углу расстелена кошма. На кошме — здоровенный мужчина восточного типа в черном тельпеке, с черной бородой.

— Откуда?

— Иду из аула Ак-Су в город.

— Документы.

Незнакомец, не спуская глаз с вошедших, запустил руку под кошму, будто за документами. И вдруг мгновенно вскочил, с ножом в руке бросился на Карачуна. Комендант вовремя подставил ногу, Кайманов ударил бандита маузером по голове. Все произошло в доли секунды.

— Вяжите ему руки! — приказал Карачун председателю аулсовета.

— Вох! вох! — запричитала, опускаясь на пол в углу комнаты, женщина, хозяйка кибитки.

Под подушками в углу — груда одеял. Яков отбросил в сторону одно, другое... Под одеялами что-то зашевелилось, из-под них неожиданно выскочил второй главарь, плотный, рыжебородый, голубоглазый.

Не дав ему опомниться, Карачун наставил на него маузер. Яков быстро связал ему за спиной руки.

— Вох! Вох! — снова на всю кибитку запричитала женщина. Молодая туркменка молча следила за Каймановым и Карачуном черными ненавидящими глазами.

Федор приказал вошедшему в кибитку красноармейцу охранять связанных бандитов и присмотреть за женщинами, вышел вместе с Яковом во двор.

— Выбивайте дверь в кладовку!

Под ударами прикладов дверь рухнула. Вслед за Ложкиным в кладовку вошли майор и Кайманов.

Возле стенки на коврике — три чайника и три пиалы с недопитым зеленым чаем. Из-под мякины, что свалена в углу, торчит нога в шерстяном чулке. Чулок усеян мелкими репейками высокогорной травы кипиц, той самой, которая растет на границе только в районе заставы Большие Громки.

«Вдруг Шарапхан?» — подумал Яков.

— Тяните за ногу! — приказал Карачун.

Бандит не стал ждать, пока его вытянут, как баранью тушу, вскочил сам. Это был нестарый, среднего роста человек, даже отдаленно не похожий на Шарапхана.

Всех троих задержанных вывели во двор.

— Кто такие?

Яков перевел вопрос коменданта, поочередно освещая каждого бандита фонариком.

— Мы — йоловчи — путники.

— Назовите имена.

Можно было заранее предвидеть, назовут вымышленные имена. Но Карачун и Яков уже знали, с кем имеют дело. При свете фонаря они хорошо рассмотрели бандита с такими необычными для этих мест голубыми глазами, каштановой бородкой и каштановыми же густыми волосами. Это — Атагок, крупный бай, ранее эмигрировавший за кордон. Другой бандит, у которого на шерстяных чулках остались репейки травы кипиц, тоже известен по описаниям носчиков: «Аннà!» — безошибочно назвал его Яков.

Третьего нарушителя он не знал. Но достаточно было взглянуть на него, чтобы понять: такой по мелочи рисковать не будет. И все-таки он тоже — не Шарапхан.

— Надо бы еще раз осмотреть двор,— сказал он майору. Ему не давала покоя мысль: где Шарапхан?

Председатель аулсовета повесил у голубой калитки фонарь «летучая мышь». Сразу же вокруг фонаря сгустилась темнота. Пограничники продолжали обыск. Необъяснимое внутреннее чувство подсказывало Кайманову: если такие крупные главари, как Атагок и Аннà, здесь, то и Шарапхан должен быть где-то рядом.

В дальнем углу двора, возле тандыра, сложены стопкой снопы яндака — сухой колючки, заготовленной для

топки. Карачун подошел к яндаку, сбросил верхний сноп. Кайманов вытащил длинный предмет, завернутый в мешковину. Развернули. В мешковине — две десятизарядные английские винтовки и одна трехзарядная турецкая, три патронташа на медных застежках, три торбы. Развязали одну из торб: тускло блеснули при свете фонаря тупорылые разрывные пули.

Все логично. Три нарушителя, три винтовки, три патронташа, три торбы. Четвертого нет. Шарапхан не захотел скрываться вместе даже с такими опытными бандитами, как Анна̀ и Атагок. Через границу шел один, прятался тоже один.

На горы опустилась ночь. Если днем не нашли Шарапхана ни пограничники, ни красноармейцы конвойного батальона, в темноте ему ускользнуть легче.

Карачун нервничал.

Быть почти у цели и упустить заклятого врага! Неужели напрасными были двое суток непрерывных поисков? Яков вышел со двора и почти возле самой калитки столкнулся с размахивавшим руками и что-то выкрикивавшим Каип Иясом.

— Эй, Ёшка! Кара-Куш! Ай, джанам Кара-Куш! — обрадованно воскликнул Каип Ияс.— Я тебя по всему аулу ищу!

Глаза его возбужденно горели, во всех движениях чувствовалась необыкновенная легкость. Ноги будто сами несли его, как по воздуху. Яков знал цену этому возбуждению. Пройдет еще полчаса, и Каип Ияс свалится, забывшись тяжким сном, после которого не скоро и не сразу наступит мучительное пробуждение. Но что ему до Каип Ияса? Самому тошно, не до шаромыги сейчас.

Кайманов молча направился мимо.

— Эй, Ёшка-джан, почему не слушаешь? (Каип Ияс забежал вперед.)

Яков остановился.

— Никому Каип Ияс не сказал, только тебе скажу,— схватив Якова за рукав гимнастерки, продолжал старый терьякеш.— Ты Кара-Куш! Я — Каип Ияс! Ты мой друг! Думаешь, мой рот опоганен ложью? Нет, Ёшка! Каип Ияс правду говорит. Я — курд! (Он ударил себя кулаком в грудь). Идем! Только ты и я! Больше никто! Увидишь, что сделает Каип Ияс!

Интуиция подсказывала Якову, что разглагольствования Каип Ияса — не пустое бахвальство. Сначала комиссар Лозовой, потом Карачун, а сегодня Ёшка признали в нем человека. Сам Кара-Куш принес ему ширя! Всю жизнь отверженный и униженный Каип Ияс теперь здесь равный с равными.

— Хорошо,— сказал Кайманов,— стой здесь.

Он вернулся во двор, подошел к руководившему обыском Карачуну:

— Товарищ майор, Каип Ияс что-то знает, пойду проверю.

— Идите. Скрипченко, Ложкин, пойдете с Каймановым.

На улицах аула стало уже совсем темно. Спускались сумерки. Лишь на вершинах гор еще теплились едва приметные отблески зари. Дрожащий, нагретый за день воздух наполнен треском цикад и кузнечиков, пахнет полынью и пылью. Со двора Сеида-ага доносятся голоса.

Каип Ияс, уверенно шагая по дороге, вывел Якова за аул, стал подниматься на сопку, неподалеку от которой лежало несколько больших плоских камней.

«Заманивает в ловушку»,— мелькнула мысль у Кайманова, но он тут же отбросил ее: что может случиться на этой голой сопке, склоны которой просматриваются до самого распадка? Правда, примерно в полукилометре от сопки распадок переходит в узкую, зияющую чернотой горную щель, но и там сейчас красноармейцы оцепления.

— Стой здесь, Кара-Куш! — торжественно объявил Каип Ияс.— Смотри, что буду делать я!

Продолжая еще недоверчиво осматривать местность, Яков присел, чтобы избежать неожиданного обстрела из-за камней. Отсюда был виден весь аул с его редкими огоньками, мелькавшими в темноте.

Каип Ияс смело направился к лежавшим на кремнистой макушке сопки камням. В полсотне метров от них остановился, громко закричал:

— Эй, Шарапхан! Грязная собака, хвост шакала, рыло свиньи, Шарапхан! Ты, как скорпион, лежишь под камнем, а я стою и плюю на тебя, будь ты проклят!

Теперь Яков знал, что Шарапхан здесь. Каип Ияс не бредит и не сошел с ума. Матерый бандит сумел перехитрить красноармейцев оцепления, засел за камнями и ждет момента, чтобы ускользнуть.

В ночной тишине из аула доносились возбужденные голоса, послышался топот ног. К сопке как будто бежали люди, но было темно и в голове у Кайманова так мутилось, что он не мог ничего различить. Точно, бегут. Вон впереди невысокий, быстрый в движениях Карачун, за ним — пограничник с собакой на поводке.

Крупная дрожь то ли от нервного возбуждения, то ли от малярии сотрясала Якова. Багровая пелена то и дело застилала глаза, к горлу подкатывала тошнота.

«Не стрелок я сейчас, промажу,— с тревогой подумал он.— Хоть бы Карачун вовремя подоспел». Тут же крикнул:

— Эй, Каип Ияс! Ложись! Куда тебя черти несут!

Но Каип Ияс не отозвался. Шаг за шагом он продвигался вперед, ближе к камням.

— Куда лезешь, черт бы тебя взял! Ложись! — снова крикнул Яков.

— Нет, Ёшка! Я всю жизнь на животе перед Шарапханом лежал. Теперь пусть он передо мной лежит. Эй,

ты! — опять во все горло заорал Каип Ияс.— Вонючий хорек Шарапхан! Видишь, я тебя не боюсь, а ты меня боишься, потому что Ёшка Кара-Куш — мой друг, и начальник Федор — мой друг, и Барат, и Аликпер, и Амангельды — все мои друзья!

С вершины сопки грянул выстрел. От камней скользнула тень, ринулась вниз по склону. Яков успел выстрелить дважды. В ту же секунду услышал мучительный стон и отчаянный крик Каип Ияса:

— Стреляй, Ёшка! Стреляй!

Кайманов выстрелил еще раз, почти наугад, упал за камень, зная, что вспышкой демаскирует себя.

«Небо светлее гор... Снизу видно... Маячим...»

В распадке блеснуло пламя, пуля ударила рядом, рикошетом ушла вверх. Совсем близко через седловину сопки перемахнул всадник, пригнувшийся к шее коня.

— Эй, Шарапхан,— крикнул он по-курдски.— Я — Аликпер, один на тебя иду!

Внизу, у самого ущелья, вспыхнула перестрелка: Шарапхан напоролся на оцепление.

Яков подбежал к стонавшему Каип Иясу. Пуля попала ему в живот. Собрав все силы, он приподнялся и плюнул в сторону убегавшего Шарапхана. Руки его подогнулись, с проклятием он ткнулся вниз лицом. Яков подхватил его, повернул на спину, осторожно уложил на камни, поднял набухшую кровью рубаху.

— Ёшка... Скажи всем... Каип Ияс... плохо жил... Умирал хорошо...

Голова Каип Ияса бессильно откинулась набок. В неподвижных глазах отразился неяркий блеск ночного неба.

Снизу, от подножия сопки, все еще доносились редкие выстрелы команды. Затем все стихло. В ауле кто-то проскакал по улице, послышался громкий голос: «Где майор?» Снова цокот копыт, уже ближе к сопке.

К склонившемуся над трупом Каип Ияса Кайманову подбежали Карачун, Скрипченко, еще несколько пограничников.

— Яша, жив?

— Жив. Шарапхана взяли?

— Взяли, дорогой, взяли. Сам-то не ранен?

— Нет. Каип Ияс погиб. Где Шарапхан?

— Увидишь потом. Будешь на допросе. Сейчас не время. Не все у нас закончено. Наберись еще сил, побори свою проклятую малярию. Галиев только что передал... Ты слышишь меня? За Мордовцевым велось наблюдение. Он выехал из города сюда на двуколке, наверное за радиостанцией. Уже к аулу Ак-Кая подъезжал, да унюхал, старая лиса, оцепление, повернул коня, сейчас гонит обратно. Мы должны успеть раньше. Наверняка у него дома что-то есть. В собственном логове и возьмем с поличным. Без тебя все будет сложней, можем людей потерять. Так просто в дом не войдешь.

Яков отметил про себя, что Карачун, как и прежде, назвал его на «ты». Прожитую вместе жизнь никуда не денешь, не выкинешь. Привычка есть привычка. Только ли привычка? И все же Яков чувствовал: Карачун для него чужой. Только общее дело сейчас связывало их.

Спустя несколько минут Яков сидел в машине. В ушах еще звучало последнее распоряжение Федора, отданное на сопке, где погиб Каип Ияс: «Шарапхана доставить в госпиталь. Каип Ияса похоронить на мусульманском кладбище, соблюдая обычай».

«Уважение к живым начинается с уважения к памяти мертвых»,— вспомнил Яков одну из заповедей Федора.

Откинувшись на спинку сиденья, придерживаясь за боковой поручень, когда машину особенно встряхивало на ухабах, он смотрел, как свет фар выхватывает то камень, то куст, то скалистую стенку у самой дороги.

Тяжкие раздумья одолевали Кайманова. Нелегко, ой как нелегко ехать с вооруженными людьми в дом родной матери. Казалось бы, все правильно, никто лучше него не знает расположение комнат в доме отчима. А кто беспрепятственно войдет в этот проклятый дом, который столько лет уже держит в плену родную мать? Правильно и то, что нельзя ей оставаться между двумя мирами. Все равно, рано или поздно, она должна будет выбирать между сыном и вторым мужем. Но мать остается матерью. Она дала ему жизнь, а он едет с обыском, арестовывать близкого ей человека...

Попетляв по улицам ночного города, машина подъехала к дому с жестяным петухом на трубе. У ворот, ведущих на задний двор, Карачун и Яков увидели при свете карманных фонарей след только что проехавшей двуколки.

Они обошли дом. Яков один направился к парадному крыльцу. Словно в полусне остановился у знакомой двери, постучал.

В окне мелькнуло бледное лицо матери. Она почему-то долго не выходила. Наконец послышались шаги:

— Яша, ты, что ли?

— Откройте, мама.

— Что так поздно?

— Откройте, сейчас скажу.

Щелкнул засов, звякнул крючок. В то же время Яков услышал неясный шум в глубине дома. Хлопнула кухонная дверь.

«Флегонт в кухне!»

Яков проскочил в одну комнату, затем в другую. Рванулся в кухню. Знал, мать идет вслед за ним.

Мордовцева в кухне не оказалось: «Догадался, успел уйти».

Прислушавшись, Яков вдруг явственно различил такое знакомое шипение горящего бикфордова шнура.

«Дом заминирован. Флегонт одним махом решил замести следы, не считаясь с тем, что погибнет и мать. Где мина?»

В страшном волнении он стал осматривать стены, пол, потолок. Шипение доносилось от кухонной плиты. Но ни в топке, ни в духовке, ни в водогрейном котле ничего не было. Перед топкой окрашенный железный лист. Шляпки гвоздей не закрашены. Наклонившись, Яков явственно услышал запах порохового дыма. Схватил с полки тесак, поддел концом лист железа. Тот неожиданно легко приподнялся. Под ним — квадратное отверстие, в которое свободно пролезет человек.

Яков спустился в подполье, при тусклом свете спички увидел тянущийся к ящику с аммоналом белый шнур. Рванул его, отбросил в сторону. Когда стал выбираться, что-то грохнуло, ударило его в спину.

Мгновенно обернувшись, увидел в выбитом оконном проеме Флегонта. Выстрелить не мог: между ним и отчимом оказалась мать. Мордовцев вскинул руку.

— Не стреляй! — резанул уши истошный вопль матери. Один за другим прозвучали два выстрела. Вспышки ослепили Кайманова. Одновременно он почувствовал еще один тупой удар в грудь.

Мать вздрогнула, судорожно вздохнула и молча стала оседать на пол. Яков попытался было поддержать ее, слышал, как она

хватала ртом воздух, силясь что-то сказать, но и сам упал. Последнее, что увидел,— лицо склонившегося над ним Карачуна.

Глава 13

В ГОСПИТАЛЕ

Очнулся он от озноба, который вскоре сменился жаром. Белые стены, окно, тутовое дерево за ним — все застлал горячий красный туман. В ушах стоял непрерывный мучительный звон, наплывавший волнами. Чудилось, что по раскаленной пустыне один за другим идут багровые от зарева заката верблюды. На их шеях гремят колокола. Раздаются крики погонщиков. И снова непрекращающийся тягучий звон, раскалывающий голову. То проваливаясь в темноту, то снова приходя в себя, он силился понять, где находится и что с ним происходит.

«У-ху-ху-ху-ху»,— донесся словно из-под земли до боли знакомый крик.

Почему он слышит этот крик лишь тогда, когда болен, когда ему особенно тяжко? Все реже и реже замечает то, что было так близко в детстве и юности: быстрый полет стрижей, щебет птиц, цокот копыт архаров, рев леопарда.

Откуда-то из темноты выплывает перекошенное злобой лицо Флегонта. Раздается крик матери: «Не стреляй!» Гремят выстрелы. Мать без стона опускается на пол. Одну картину кошмара сменяет другая... Они с Федором Карачуном сидят в засаде. Федор зажигает спички, клянет черепах. Черепахи вырастают вдруг до размеров огромных валунов, все громче шаркают жесткими роговыми панцирями по плитняку. Но это уже не черепахи, а контрабандисты. Их много. И каждый на-

ступает ногой ему на грудь. За ними вереницами тянутся через раскаленную пустыню багрово-красные верблюды. Они все идут и идут, переступая через него. Он видит их освещенные солнцем, презрительно оттопыренные губы, полузакрытые глаза, изогнутые шеи, густую шерсть на груди и у основания ног. На шее у каждого верблюда тяжелый медный колокол. Колокола задевают его, бьют по голове, оглушают звоном. Нет ему никакого спасения от этого тягучего огненно-красного гула. Он знает, что звуки не могут быть цветными. Но кроваво-красный звон колоколов застилает глаза, настигает, обволакивает, душит...

...С бешеной скоростью крутятся колеса машины, ревет мотор. Снова гремят выстрелы. Словно подкошенная, оседает на пол мать...

В короткие секунды просветления, когда ветер относит куда-то в сторону тягучий звон, снова слышится, как зловещее пророчество, трогающий за душу крик горлинки: «У-ху-ху-ху-ху... У-ху-ху-ху-ху...»

Он открыл глаза, увидел встревоженное лицо Ольги, склонившейся над ним, белые стены комнаты. За окном листья тутовника, ослепительно яркое голубое небо.

Почему у него забинтована грудь?

Руки, лежащие поверх белоснежной простыни, кажутся безжизненными, землисто-серыми. Подумал: «У матери сейчас такие же руки». С силой разнял сцепленные на груди пальцы. Оказалось, чтобы разнять их, совсем не требовалось усилий. Руки будто сами разлетелись в стороны, ударились о сетку кровати. Нестерпимая боль пронизала грудь, схватила за горло. Со стоном повернул голову на подушке. Когда снова открыл глаза, увидел устремленный на него взгляд Аликпера. Рядом с койкой Аликпера сидела его жена.

— Салям, Ёшка,— торопливо, даже с какой-то бравадой сказал Аликпер.

У Якова сразу будто прибавилось сил. «Аликпер, друг!» — хотел крикнуть он, но из горла вырвался только сдавленный хрип.

— Ай, Ёшка, слушай, что я тебе скажу. Мало Аликперу осталось жить... Я кричал: «Эй, Шарапхан, тебе только Каип Ияса стрелять. Вот я, Аликпер, один на тебя иду!..» Ай, Ёшка, как он убегал от меня! Я кричу: «Стой! Ты трусливая собака, Шарапхан! Аликпер один! Давай, стреляй, и я буду стрелять!..» Я не боялся!! Аликпер никого не боялся... Шарапхан попал, Аликпер тоже попал! Ай, Ёшка, какая стрельба была!..

Поначалу ясная речь Аликпера стала перемежаться бредом. На тонком красивом лице его оставалось выражение удовлетворения и даже радости, что никак не вязалось с его безнадежным состоянием. Аликпер презирал смерть. Он и сейчас не хотел, чтобы видели, как ему тяжело.

В палату вошли врачи и сестры в белых халатах, обступили Аликпера, куда-то повезли.

— Ёшка, прощай, дорогой! — превозмогая боль и запрокидывая голову так, чтобы видеть Якова, крикнул Аликпер.

Проводив его взглядом, Яков попытался спросить, что с матерью, но зашелся в мучительном кашле. Кто-то дал воды. То ли Ольга, то ли сиделка вытерла ему лоб влажным полотенцем. Снова все поглотила пахнущая приторным лекарством темнота.

Сколько прошло времени, когда он то проваливался в небытие, то начинал воспринимать окружающее, он не знал. Неделя, две, три? Месяц? Он улавливал чьи-то голоса. Приходили врачи, и тогда сильные мужские руки ощупывали его. Совсем другие руки, прохладные и легкие, делали перевязку, давали лекарства, осторожно поворачивали и поддерживали его, когда надо было сменить постель, уложить поудобнее. Он никак не мог

понять, чьи это руки. Каждый раз пытался пересилить свой горячечный бред, схватить, остановить ускользающее видение. Подсознательно хотел верить, что рядом с ним мать. Но это была не она, и не Светлана, и не Ольга, хотя несколько раз Ольга появлялась перед ним и снова исчезала. Он так и не мог спросить у нее, жива ли мать. Минуты облегчения прекращались так же внезапно, как и появлялись. Снова и снова надвигались мучившие его видения, а через раскаленную пустыню шли и шли с неумолимым колокольным звоном кроваво-багровые караваны верблюдов...

Наконец настал день, когда кошмары исчезли. Очнувшись, Яков долго лежал с закрытыми глазами, ощущал удивительную тишину и странную пустоту во всем теле. Он не сразу понял, что же изменилось в его состоянии. Перевел взгляд на то место, где в последний раз видел Ольгу. Она и сейчас стояла против окна. Заметила, что он посмотрел на нее, улыбнулась одними глазами. Рядом с Ольгой майор Карачун в накинутом поверх гимнастерки халате.

— Мать... жива? — с трудом разжимая губы, спросил Яков. Заметив, как потупилась Ольга, повторил: — Где мать?

— В госпитале,— быстро ответил Карачун.— Сейчас ей уже лучше.

Кайманов уловил неискренние нотки в его голосе, но не позволил сразу исчезнуть хотя бы малейшей надежде.

Ольга вышла. Карачун придвинул табуретку к изголовью больного, тихо произнес:

— С тобой, наверное, рано вести разговор, но меня переводят на западную границу. Завтра уезжаю. Может, больше не удастся поговорить.— Федор сделал паузу, как бы обдумывая, с чего начать, потом продолжал: — В тайнике у Флегонта нашли фотоснимки

Мургабской плотины, оборонного завода, детальные топографические карты Дауганского участка границы, оружие, боеприпасы...

— Федор,— прервал его Яков.— Не темни... Скажи правду... Мать умерла?

Карачун опустил голову:

— Да... Тогда же в доме...

Яков закрыл глаза. Неизбывное горе сдавило грудь, ударило в виски: «Матери больше нет в живых...» Будто сквозь сон слышал он голос Карачуна:

— Не время и не место говорить сейчас, прости... Но другого случая у меня не будет, а сказать необходимо. Постарайся слушать внимательно... Флегонт, Шарапхан, Сеид-ага многое еще не сказали, но проясняется вот какая картина. За кордоном Мусабек, по эту сторону границы Флегонт — оба резиденты германской разведки. У Флегонта была прямая связь с Мусабеком через Аббаса Кули, того самого, который скрылся в день срыва предвыборного собрания на Дауганe. Ради того, чтобы убрать тебя с поста председателя, они пошли даже на саморазоблачение Аббаса. Но был и другой канал связи — через пособника контрабандистов Сеида-ага. К нему ходил сам Шарапхан, правая рука Мусабека. По-видимому, Шарапхан контролировал действия агентов, подчинявшихся Флегонту и Мусабеку. Троих мы взяли, рано или поздно будут обезврежены и остальные. Но Мусабек остался, Аббас Кули остался, байские прихвостни на нашей территории остались, немецкая разведка с каждым днем действует все наглее. Если они здесь свили такое змеиное гнездо и, не жалея денег, забрасывают к нам шпионов, не зря все это делается именно здесь.

Слова Карачуна не могли не встревожить Якова!

— Зачем тебя переводят на запад? — спросил он.

— Считают, что там я нужнее.

Яков понял: «Сам подал рапорт». О Светлане Федор больше не говорил. Кайманов мысленно с ним согласился: никакие разговоры ничему не помогут.

— Скажи, что с Аликпером?

— Из Москвы прилетал профессор, оперировал его. Говорит, мало надежды, что выживет.

Разговор с Карачуном настолько утомил Якова, что он незаметно для себя впал в тяжелое забытье. Когда очнулся, Карачуна в палате уже не было, с огорчением подумал, что и проститься как следует не пришлось...

Долго, не отрываясь, смотрел в окно, где застыли в знойном мареве широкие листья тутового дерева, сквозь листву которого проглядывало блистающее ослепительной голубизной небо.

Впервые за время болезни он осмысленным взглядом обвел стены палаты, потом посмотрел на свои руки.

Серые кисти с толстыми мосластыми запястьями и в этот раз показались ему безжизненными. Он вдруг захотел вернуть им силу, ощутить снова свое тело таким, каким оно было, когда они вместе с Баратом, Саваланом и Мамедом корчевали пни в горах, вывозили дрова в долину. Согнул правую руку в локте, поднес растопыренные пальцы к самому лицу, медленно сжал их в кулак. Продолжая сжимать и разжимать пальцы, стал считать вслух: раз... два... три... четыре... Какую немыслимую боль причиняет каждое движение, но уже одно то, что он выдерживает эту боль, не теряет сознания, несказанно обрадовало его.

В палату тихо вошла Ольга с Катюшкой. За ней — Гришатка. Дети смотрели испуганно. Он ощутил вдруг такое теплое чувство, что, почувствовав на глазах слезы, закрыл глаза.

— Яшенька, что ты, милый? Все ведь хорошо. Теперь поправишься. Видишь, мы к тебе всем семейством пришли...

Склонившись к мужу, она осторожно поцеловала его во влажный лоб. Он с усилием поднял руку, взял ее за теплое вздрагивающее плечо.

— Где похоронили мать?

— Рядом с могилой Григория Яковлевича... Доктор говорит, что ты теперь на поправку пойдешь...

Он не ответил, вспоминая последние минуты, даже секунды жизни матери. «Она не верила, не могла поверить, что Флегонт выстрелит». Яков молчал.

— Хорошо, Оля, что детишек привела. Силы прибавила,— сказал он.

— Так ведь сильные, Яша, без слабых не могут,— ответила Ольга.— От слабых-то и сила у вас.

Он удивился справедливости ее слов. Все последнее время ему не хватало ее и вот этих маленьких человечков — трехлетней Катюшки и семилетнего Гришатки. Он повернул к ним голову и, всматриваясь в их осунувшиеся мордашки, заставил себя улыбнуться.

Сейчас же, как по сигналу, засияла улыбкой Катюшка, радостью сверкнули глаза сына.

— А я знаю, кто ты,— храбро проговорила Катюшка,— ты мой папа.

Он вздохнул: «Даже собственные дети с трудом узнают».

— Я вот сейчас встану...— сказал он и не закончил фразу.

— Тебе вставать нельзя,— ответила дочка, нахмурив белесые бровки.— Вот я тебя полечу, тогда ты встанешь. Закрой глаза.

Он послушно закрыл глаза и почувствовал знакомое прикосновение прохладных ладошек, какое успокаивало его в тяжкие минуты бреда. «Сильные без слабых не могут»,— мысленно повторил он слова Ольги.

— Что с Аликпером, Оля?

— Говорят, операция прошла хорошо... Тяжело ему.

— Федор уехал?

— Вчера вечером...

— Значит, уехал... А я думал, может, еще зайдет. Что ж, напишем ему письмо: «Мол, отмахался от костлявой, скоро опять на границу, бандитов ловить».

— Где уж тебе бандитов ловить? Хоть на ноги встань,— заметила Ольга.

— На ноги встану. Валяться не собираюсь. Ну-ка, смотри...

Он снова стал сжимать и разжимать кулаки. Ему казалось, что делает это с силой. На самом деле едва сводил и разводил пальцы.

Вошел врач. Ольга и Гришатка с Катюшей попрощались, на цыпочках удалились...

Какой сегодня день? Ольга сказала, что проболел он больше месяца. Подняться на ноги будет нелегко.

Его внимание привлекло легкое движение у окна. Он открыл глаза и увидел заглядывавшего в окно чернобородого, на зависть здорового и крепкого Барата.

— Ай, Ёшка! Молодец, что не помирал! — радостно зашептал Барат, воровато оглядываясь по сторонам. Он тут же поднялся на цоколь дома, до пояса свесился в палату.

— Доктор говорит, нельзя с Ёшкой разговаривать. Как нельзя? Барат еще ни одного слова другу не сказал. Скажи, дорогой, можешь ты меня слушать или нет?

— Могу, сам видишь...

— Ай, алла! Какой глупый доктор! Барат ему говорит: «Ёшке разговор с другом — лучше лекарства». Не верит! Какая у нас новость, Ёшка! Федор Карачун велел Каип Ияса на мусульманском кладбище Даугана похоронить. Построил красноармейцев, три раза стреляли вверх. Про это все в поселке только и говорят. Жил, говорят, Каип Ияс как собака, умер как человек...

Якову жалко стало Каип Ияса. Он привык к этому

никчемному, но, казалось, неистребимому оптимисту, человеку трагической судьбы. Сколько раз миновали его пули пограничников, а настигла пуля своего же главаря. Яков припомнил все свои встречи с незадачливым кочахчи. Как живой встал перед ним Каип Ияс в последние минуты жизни, когда словно из души выплеснулся у него бунт против своих притеснителей. Каип Ияс знал, что идет на смерть, что Шарапхан не промахнется, и все-таки не побоялся в последний раз плюнуть на своего исконного врага...

Барат, воспользовавшись паузой, сел на подоконник, ловко перекинул через него короткие сильные ноги, мягко спрыгнул в палату и уселся по-восточному в углу у двери так, чтобы, если кто заглянет в палату, не мог его увидеть.

— Где Шарапхан? — спросил Яков.

— Ай, Ёшка, как не знаешь? В тюремной больнице Шарапхан. Вылечат, к Сарматскому на допрос поведут. Сарматский на двух сторонах бумажки Шарапхану вопросы написал. Шарапхану много-много отвечать надо.

— Ты-то откуда знаешь, что на двух сторонах?

— Барат все знает. Только Ёшка говорить не дает.

Он обиженно замолчал. Со двора госпиталя доносился стрекот кузнечиков. В коридоре слышались шаги сиделок и сестер, но в палату никто не заходил. Якова осенило.

— Слушай, Барат,— горячо заговорил он.— Сделай для меня одно дело. На Даугане под крыльцом дома, где мы жили, лежат костыли, те, что ты мне смастерил. Принеси их мне, но только так, чтобы никто не видел. Я начну потихоньку по палате ходить, скорей разомнусь.

— Ай, Ёшка, конечно, принесу! Отдыхай, дорогой, завтра будут тебе костыли.

Барат встал, перемахнул через подоконник. Уже с

улицы еще раз заглянул в палату, ободряюще подмигнул и скрылся в кустах.

Оставшись один, Яков стал год за годом вспоминать свою жизнь. Как бы говорили о нем люди, если бы прямо отсюда, из госпиталя, увезли его на кладбище? Все ли помянули бы его добрым словом? Далеко не все. За кордоном и сейчас немало таких, кто готов перегрызть ему глотку. Лозовой говорил правду: в этой смертельной игре, как на шахматной доске, нет сильных и слабых. Каждая пешка может стать ферзем. Кто мог предположить, что в самый острый момент дом, в котором укрылись бандиты, покажет туркменская девочка? Можно ли было заранее знать, что в многолетней охоте на матерого бандита Шарапхана такую роль сыграет терьякеш Каип Ияс? Ничто не проходит бесследно — ни добро, ни зло. Все остается в человеке. И сам он, Яков, сейчас уже не такой, каким был полгода назад, совсем не такой, каким приехал на границу.

Ночью в окно палаты смотрели сквозь листву тутовника крупные южные звезды. Они ярко сияли на бархатно-черном небе, прятались в шевелившихся от легкого ветра листьях. Ночью думается легче: тихо, прохладно. Несколько раз Яков принимался за свою гимнастику: сжимал и разжимал кисти рук, напрягал то икры, то бедра, то ступни, то шею. Это занятие настолько утомило его, что он забылся тяжелым сном.

Проснулся, когда солнце стояло уже высоко. В кустах сирени под окном пели и щебетали птицы. Он открыл глаза, увидел в проеме окна вороватую физиономию Барата. Сначала тот просунул в палату костыли, потом забрался сам.

— Ай, салям, Ёшка! Только сейчас заходил к тебе доктор, посмотрел, ты спишь, говорит сестре: «Не надо его будить». Смотри, дорогой, костыли я тебе еще лучше сделал. Так. Вставай, держись за меня... Якши... Подпи-

райся костылем... Бик якши... Раньше ты, Ёшка, ой, какой тяжелый был, а теперь ничего, легче стал... Ходи, дорогой, ходи. Сразу шибко нельзя... Давай тихонько...

Счастливый Яков, едва переставляя непослушные, словно ватные ноги, сделал несколько шагов по комнате, буквально повис на Барате. Вдруг почувствовал, что в груди у него словно что-то прорвалось. Страшное головокружение до темноты в глазах закачало комнату. С тяжелым стоном он стал скользить вниз.

— Ай, Ёшка-джан! Ай, дорогой! Ав-ва-ва-ва-ва! — во все горло завопил Барат, распахнув дверь, призывая на помощь.

По коридору уже кто-то бежал, слышались голоса.

— Что случилось? Как ты сюда попал? — донесся до Якова голос врача.

— Ай, доктор, лечи скорей, друг помирает! — еще громче завопил Барат.

Едва увидев лежавшего навзничь Якова, костыли, валявшиеся в стороне, доктор рассвирепел:

— Вон отсюда!

Барат схватился за рукоять бичака.

— Ты сам вон отсюда! Давай, друга лечи, а то сейчас тебя резать будем!

— Вон! — вне себя от гнева закричал врач.

И тут не испытывавший особой боли, но чувствующий сильное головокружение Яков увидел, как Барат, никогда ни перед кем не отступавший, с достоинством отступил. Ускоряя шаги, он прошел по коридору, скрылся за поворотом.

Санитары уложили больного на каталку. В горле у Якова что-то клокотало.

— В операционную! — коротко приказал врач. На лицо Кайманова снова легла марлевая повязка со знакомым приторным запахом хлороформа.

Лишь на следующий день очнулся Яков от прикосно-

вения прохладных пальцев. Из-за недомогания не сразу понял, кто к нему подошел. Сначала показалось, вернулась Ольга с Катюшкой и Гришаткой, но рука была не детская, хотя такая же мягкая и прохладная, как у Катюшки.

Он несколько минут лежал, не открывая глаз, чутко прислушиваясь к тому, что происходит в палате. Услышал подавленный вздох. Кто-то наклонился к нему. Он приоткрыл глаза, близко увидел чистый лоб, темную прядь волос, выбившуюся из-под косынки, озабоченный взгляд темных глаз.

— Светлана!

Яков подумал, что крикнул громко, но из груди вырвался лишь хриплый стон. Все подпорные стены, которые он мысленно воздвигал против нее, разрушились в один миг.

— Лежи и молчи,— сказала Светлана, заметив, что он хочет говорить.— Не двигайся и не разговаривай. Я буду с тобой, пока не поставлю тебя на ноги.

— Но... Как же ты?..

— Сейчас полный покой. Закрывай глаза и лежи, пока не уснешь.

— Как ты здесь оказалась?..

— Должна же я где-то работать? Только разговаривать будем потом. А сейчас молчок. Да и говорить буду я, а ты молчать. Расскажу тебе все новости. Поправляться это тоже работа, и нелегкая, так что постарайся.

Она все говорила и говорила, будто боялась замолчать, встретиться с ним взглядом, услышать вопрос, на который не сможет ответить. Но он ни о чем не спрашивал ее, осознав, что для такого разговора у него просто нет сил. Лучшим ответом на все его вопросы было то, что она здесь.

Наклонившись к нему, Светлана поправила простыню, поудобнее взбила подушку, сделала это так по-до-

машнему, что он вдруг почувствовал, как сразу отошли от него все волнения и заботы.

Действительно ли она работает в этом госпитале? Знает ли о их встрече Федор Карачун? Где он сейчас? Что будет дальше?.. Яков решил, будь что будет, сейчас она здесь с ним, в который уже раз спасает его — в этом главное.

— Верно, дорогой,— словно подтверждая его мысли, сказала Светлана.— Встречаемся мы с тобой лишь тогда, когда ты болен. Лечение начнем с того, что завтра же снимем эту ужасную бороду. Потом будем мыть уши, вытирать нос, чистить зубы, умоемся, причешемся, сделаем зарядку, почитаем книжку. Ты, наверное, по-прежнему очень мало читаешь? Ну ладно, ладно, не сердись,— заметив, как самолюбиво нахмурился Яков, продолжала Светлана.— Читать не будем. Не любишь, не надо... Кормить буду с ложечки. Никуда, голубчик, не денешься. Уж тут-то я до тебя доберусь. Прошло то время, когда, как архар, по горам бегал. Теперь ты весь в моей власти.

Она смочила водой полотенце, освежила ему лицо, вытерла насухо.

Что ж, он не против такой заботы. Как она нашла его, догадаться нетрудно: вон и сейчас торчит в окне носатая физиономия чернобородого Барата. Барат рассудил правильно: никто другой не поставит так быстро Ёшку на ноги, как Светлана. Для Барата это главное. И ничего, что после истории с костылями его не пускают в палату. Он тоже все передоверил Светлане. Уж Барат-то знает: любящая женщина так же сильна, как сам великий Аллах. Вот только любит ли?

Яков терялся в думах и догадках — что же будет дальше,— но ничего не мог придумать.

На следующий день он сразу почувствовал себя лучше. Это подтвердила и Светлана: «Ну вот, дело на

поправку идет,— сказала она.— Вы, кажется, возражаете, молодой человек? Нет? Вот и прекрасно! Лежите и хлопайте глазами, сколько вам угодно. Будем возвращать вас в цивилизованный мир».

Она закрыла ему грудь салфеткой и добрый десяток минут намыливала кисточкой на щеках и подбородке густую щетину, изрядно раздражавшую Якова.

— Как в настоящем салоне, не правда ли?..

Ему нравилась ее манера разговаривать с ним, хотя он отлично понимал, как хотелось ей говорить совсем другое, и как тоскливо у нее на душе. Но сейчас возможна была только такая вот условная односторонняя беседа за двоих.

— Ну вот мы и намылились. Теперь поводим вас, молодой человек, за нос. Вашего брата обязательно надо водить за нос, иначе вы будете думать, что все вам дается слишком легко.

Светлана быстро побрила его, после чего смочила полотенце одеколоном, протерла лицо, шею, верхнюю часть груди. Благодарный Яков улыбнулся в ответ, хотя щемящее чувство жалости к Светлане и к самому себе не покидало его.

Он ничего не мог дать ей за ее самоотверженность. Он не оставит ради нее Ольгу и детей. Но вместе с тем он знал, что Светлана навсегда вошла в его жизнь, что сам он никогда не сможет отказаться от ее ласки, от этих грустных и вместе с тем улыбчивых глаз. Он пытался искать выход и не находил его. Даже комиссар Лозовой не смог бы подсказать правильное решение. Все должен был решить он сам. И он решил ничего не решать по крайней мере на то время, пока Светлана здесь. Слишком мало у него в жизни было таких дней, как сейчас.

А время летело быстро. Все чаще Яков видел за окном озабоченную физиономию Барата, понимая, кого

он там караулит. С того места видна главная дорожка, ведущая к госпиталю. Если на ней появится Оля-ханум, Барат немедленно даст знать.

Сегодня с утра Светланы не было. Пришла немного грустная, но спокойная. Спросила, как он себя чувствует, помолчала, остановилась у открытого окна.

— Я ухожу, Яша,— сказала она. Больше мне здесь не нужно быть. Ты поправишься... Скоро поправишься... У тебя семья, ее от сердца не оторвешь. Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то был несчастлив. Никому еще не удавалось построить свое счастье на чужом несчастье, тем более на несчастье детей... Только немножко люби и ты меня, Яша... Помни меня...

Изо всех сил стиснув зубы, Яков слышал и не слышал ее прерывающийся голос. В первую минуту даже обрадовался, что она всю тяжесть решения взяла на себя, но потом воспротивился: почему слабая женщина оказалась сильнее его? Сбивало с толку то, что Светлана ничего не требовала для себя. Закрыв глаза, он слышал каждое ее движение, каждый шорох за окном, где громко вздыхал любопытный Барат.

В палате наступила тишина, которая, казалось, вот-вот взорвется.

— Эй, Ёшка, Светлана-ханум! — донесся из-за окна голос Барата.— Прощайтесь скорей! Не могу больше слушать, слезы, как у баджи, сами текут.

— А кто тебя заставляет слушать? — срывая на Барате зло, с раздражением отозвался Яков.

— Никто не заставляет,— согласился Барат.— Только непонятно, как можно так говорить.

— Что ж тебе непонятно?

— Как можно сказать: немножко люби меня, когда Светлана-ханум уезжает, а ты остаешься.

— Любовь разная бывает,— со вздохом проронила Светлана.— Жил такой великий писатель Чернышев-

ский. Ему даже стены крепости не мешали жену любить.

— Ай, глупые слова говоришь, Светлана-ханум! — возразил Барат.— Я не знаю, какой-такой Чернышевский, но как он мог жену любить, когда он в тюрьме сидел, а она — дома?

— Слушай, Барат,— не выдержал Яков,— шел бы ты погулять, всю душу вымотал!

— Зачем ты его?..— невесело улыбнулась Светлана.— Еще недавно сам, наверное, так думал...

Светлана поцеловала Якова:

— До свиданья, Яша.

Не добавив ни слова, вышла из палаты. Он остался один. Вздохнув так, что, казалось, грудь разорвется, закрыл глаза. На какой-то миг представил себе, на что пошла Светлана ради любви к нему, и в этот же миг с ослепительной ясностью увидел смеющуюся дочку, ее сияющую улыбку, взъерошенного Гришатку, выглядывавшего из-под стола, полные материнства (другого слова он не мог подобрать) глаза Ольги.

Барат мягко перемахнул через подоконник, опустился, по-восточному скрестив ноги, на пол рядом с койкой:

— Молодец, Ёшка, все правильно сделал.

— А ты откуда знаешь, что я делал, что говорил?

Барат на всякий случай пересел подальше.

— Ты думаешь, Барату все равно,— огрызнулся он,— что твоя голова думает? Ёшка Светлану любил — Федор Ёшку убил. Барат — Федора убил. Барата под трибунал. Ты думаешь, хорошо, когда друзья друзей убивают, потом под трибунал идут?.. Барату — трибунал, Барата — к стенке! Что остается? Остается: Светлана — вдова, Фатиме — вдова, Оля-ханум — вдова, Гришатка — сирота, Рамазан — сирота, Катюшка — сирота. Ты это думал?

— Думал, Барат, как раз об этом и думал,— остывая, сказал Яков.— Не знаю, надо ли было думать... Скажи лучше, что знаешь о Федоре? Не пойму я, что за отношения у них сейчас. А в общем, где тебе знать.

— Все знаю,— приосанившись, ответил Барат.— Ты не спрашивал, я не говорил. Ай, думаю, зачем ядом в сердце капать?

— Говори, хуже не будет.

— Верно, Ёшка, скажу! Вай, какой Федор человек! Ростом небольшой — человек большой! Все видит, все понимает! Светлане ничего не говорит, надеется, переболеет, вернется к нему. Наверное, любит ее крепко. Как твой великий писатель Чернышевский.

— Ее нельзя не любить,— отозвался Кайманов.

Барат охотно с ним согласился и принялся дальше развивать свою мысль, но Яков уже не слушал его и лежал неподвижно, словно провалившись в небытие.

Истомившись от сочувствия к другу, Барат неожиданно резво вскочил на ноги:

— Эй, Ёшка! Давай просыпайся скорей: Оля-ханум идет!

Поцокав языком, Барат снова перемахнул через подоконник и нырнул в спасительные кусты, куда не раз скрывался в трудные минуты.

Не открывая глаз, Кайманов почувствовал, вошла Ольга, села возле койки. Вспомнил, что она здесь, услышав всхлипывания.

Ольга не умела скрывать своих чувств и, думая, что муж спит, тихо плакала.

Яков подумал, что, может быть, именно в эту минуту Светлана садилась в машину, чтобы уехать навсегда.

Скрипнула дверь, вошли врач и дежурная сестра.

— Что это вы сырость разводите? — пошутил доктор.— Муж ваш такой молодец, а вы плачете...

— Детишек оставила у соседей. Беспокоюсь...

Глава 14

ВОЙНА

Всю зиму и весну Яков пролежал в госпитале. В начале июня его направили в горный дом отдыха пограничников. От друзей он узнал, что Аликпер выжил после сложной операции и теперь тоже долечивался в одном из санаториев республики.

Огромные чинары, смыкаясь ветвями над улицами, закрывали густой зеленью крыши и стены зданий курортного городка. Неподалеку парк, куда Кайманов часто ходил на прогулку. В центре большого зеленого массива над молодой порослью царили семь вековых деревьев, выросших от одного корня. Зеленые исполины раскинули свои кроны над аллеями. Поколения за поколениями людей проходили у их подножия, а они все возвышались над миром, наблюдая сверху за делами и страстями человеческими.

Яркое солнце, чистый горный воздух, бассейн, выстроенный на территории дома отдыха и примыкавшего к нему пионерского лагеря,— все это было мирным, совсем непохожим на обычную, подчас полную опасностей жизнь на границе.

Ежедневно отдыхая на скамейке возле семи деревьев, Яков уже начинал томиться бездельем. Однако врачи все еще не разрешали ему приступать к работе.

В одно из воскресений он захватил с собой охотничье ружье и долго бродил по склонам сопок, высматривая горных курочек. Возвращаясь в расположение дома отдыха, еще издали заметил какое-то необычное оживление. У подъезда главного корпуса стояло несколько грузовых машин, два автобуса. В них торопливо с чемоданами в руках усаживались пограничники. Возле репродуктора толпились люди. По улицам то и дело проносились всадники.

— Слушай, добрый человек, скажи, что стряслось? — спросил он торопившегося куда-то парня с рюкзаком за плечами.

— Ты что, с луны свалился? — отозвался тот.— Война!..

Вечером того же дня, вернувшись в комендатуру, Яков написал на имя начальника погранвойск и послал с нарочным рапорт: «Прошу отправить меня на фронт». А утром сам поехал в город, занял очередь на прием к генералу Емельянову.

В приемной у начальника войск полным-полно командиров. Некоторых из них Яков знал раньше, многие были ему незнакомы. У всех на лицах озабоченность и тревога. Одни задерживались в кабинете генерала всего две-три минуты, другие дольше.

Дождавшись очереди, Яков вошел в кабинет начальника войск.

Генерал сразу же его узнал.

— Давно мы с вами не виделись, товарищ Кайманов,— сказал он, здороваясь.— Мне докладывали о поиске, в котором вы проявили столько находчивости и мужества. Знаю и о постигшем вас горе. Пользуюсь случаем выразить вам самое искреннее соболезнование.

Генерал предложил ему стул, нашел его рапорт, внимательно прочитал. Яков выжидающе следил за выражением его темных, живых глаз.

— Итак, вы хотите на фронт? А что мне делать вот с этим? — Емельянов указал на заключение медицинской комиссии.— Тут сказано, что вы теперь «ограниченно годный». Это, конечно, не такая уж беда, но на фронт вас едва ли возьмут. К тому же, честно признаться, мне не хочется вас отпускать. Вы хороший переводчик, следопыт. Отлично знаете весь участок Дауганской комендатуры. Если я отправлю вас на фронт, лишусь как бы сразу трех специалистов. У нас ведь тоже

фронт и тоже очень важный... Короче говоря, предлагаю вам должность заместителя Логунова — начальника Дауганской комендатуры.

Емельянов сделал паузу. Молчал и Яков, еще не зная, что ответить на предложение генерала.

— Надеюсь, вы понимаете, как необходимо в условиях войны сохранить боеспособность границы,— продолжал генерал,— придет к нам пополнение, молодняк и пожилые люди. Участки застав они не знают, обучать их придется заново. Надо полагать, немцы будут пытаться еще активнее забрасывать к нам шпионов и диверсантов. Активизируются и наши старые знакомые вроде Таги Мусабек-бая. Дел прибавилось. Поставьте, Кайманов, себя на мое место и скажите, могу ли я удовлетворить вашу просьбу об откомандировании на фронт?

— Постараюсь оправдать доверие, товарищ генерал,— после непродолжительного молчания сказал Яков, зная что любые другие слова были бы лишними.

— Я так и думал, что вы все поймете,— сказал генерал.— Теперь о делах конкретных. С Логуновым я уже говорил. Прежде всего учтите, что на нас, пограничников, ложится еще большая ответственность за воспитательную работу среди населения. В военное время заставам придется перейти на частичное самообслуживание: самим заготавливать сено, дрова, может быть, даже картофель и другие овощи. Дело для вас знакомое, вам, как говорится, и карты в руки.

Генерал ставил общие задачи, а Яков за каждым его словом видел огромную работу, которая всей тяжестью ляжет на плечи заместителя коменданта погранучастка. Это не пугало его, хотя он прекрасно понимал, что значит обеспечить заставы всем необходимым. Стычки с контрабандистами уже давно вошли в его жизнь, стали неотъемлемой ее частью. Не страшил и перевод за-

став на частичное самообслуживание. Опыт, накопленный за время работы председателем поселкового Совета, давал ему полное право заявить, что и с этим делом он справится. Тревожило другое: сможет ли он обучать новичков? Нужны специальные военные знания, а у него их немного.

«Придется самому учиться у Логунова, начальников застав»,— подумал Яков.

— Пограничникам и в мирное время приходится мало спать, а теперь и тем более спать будете вполглаза,— выходя из-за стола, продолжал генерал.— Надеюсь, трудности вас не испугают. И вот еще что. Получен приказ о присвоении вам звания старшего лейтенанта, с чем и поздравляю.

Взволнованный вышел Кайманов от генерала. Сразу поехал домой сказать Ольге о своем новом назначении. Под вечер пешком отправился в комендатуру.

Вот и знакомое одноэтажное здание. У входа Якова встретил Логунов, как всегда, подтянутый, быстрый в движениях, только больше обычного озабоченный. На петлицах гимнастерки по две «шпалы» — майор. «Значит, как и Федору, присвоили очередное звание, одновременно с назначением на новую должность».

— Поздравляю, Яков Григорьевич! Рад, что работать будем вместе. С чего думаете начать?

— Поеду по заставам, товарищ майор, познакомлюсь с людьми. На завтра думаю созвать совещание руководителей бригад содействия. На них теперь ляжет особенно большая нагрузка.

— Ну что ж, решение правильное. А сейчас едем в НКВД. Просят помочь допросить Шарапхана. Бандит не признает даже то, что он — Шарапхан.

— Шарапхан?

Яков почувствовал, как в висках застучала кровь. Все, что долгие годы было связано с этим именем, что

выстрадал он, что запомнил с детства, вновь поднялось в нем лютой ненавистью к заклятому врагу. Он затянул поясной ремень, надвинул на глаза козырек фуражки, приказал дежурному на завтра вызвать руководителей бригад содействия, пригласить Амангельды, Аликпера, Барата, Балакеши.

Спустя некоторое время Логунов и Кайманов входили в серое здание НКВД. Когда шли по коридору, Якову вспомнилось, что именно здесь прощался он с Василием Фомичом Лозовым. Где сейчас Василий Фомич, доведется ли еще когда-нибудь встретиться?

Вошли в один из многочисленных кабинетов. За столом капитан. Тут же следователь Дауганской комендатуры Сарматский. Ближе к двери на табуретке — человек могучего телосложения с лысым теменем, крючковатым носом, круглыми, как у беркута, глазами. Темное от загара лицо все изрыто оспой. Тяжелый взгляд из-подо лба.

Поздоровавшись с Сарматским и следователем, Яков остановился перед Шарапханом, некоторое время смотрел на него, собрав всю свою волю, чтобы не дать прорваться душившей его ненависти. Отец, Каип Ияс, пуля в груди Аликпера, десятки других людей, погибших от руки бандита,— слишком дорогая цена за то, чтобы разговаривать сейчас с Шарапханом. Яков испытывал мучительное желание расстегнуть кобуру и тут же всадить всю обойму в лоб бандита.

— Может быть, и меня не узнаешь? — спросил наконец Кайманов.

Шарапхан окинул его изучающим взглядом, промолчал. В лице его что-то дрогнуло, глаза налились злобой.

— Мне передали, что ты боишься назвать свое имя,— сказал Кайманов.— В связанного отца стрелять не боялся...

— Всю жизнь жалел, что и тебя тогда не пристрелил,— не опуская взгляда, ответил Шарапхан.

Рука Логунова легла на плечо Якова.

— Увести арестованного,— приказал капитан.

— Когда уходит из жизни большой человек,— сказал Шарапхан,— за ним все равно уйдут те, кто топтал его следы. Шарапхан не один...

— Грозишь, сволочь?

Собрав всю волю, Яков наблюдал, как медленно поднялся со своего места главарь бандитов и, ссутулив могучие плечи, пошел к двери. У порога остановился, повернулся всем корпусом, сказал:

— Прощай, Ёшка. Боялся я. Думал, Кара-Куш — сопляк, пустое слово. Вижу — человек. От такого пулю получить не стыдно...

Еще раз окинул всех тяжелым взглядом, вышел.

Чувство неудовлетворенности охватило Якова. С каким наслаждением всадил бы он пулю в лоб этого самоуверенного бандита, но Шарапхан еще должен рассказать все, что знает...

...Возвращаясь в комендатуру, Яков увидел на скамеечке возле ворот Амангельды, приехавшего почти на сутки раньше.

— Салям, Амангельды-ага,— приветствовал он его.— Когда же ты успел доехать? Я тебя приглашал только на завтра.

Следопыт невозмутимо пожал руку заместителю коменданта, с достоинством проговорил:

— Я верю тебе, что ты посылал за мной. Мне сказал об этом дежурный комендатуры. Когда ты думал обо мне, я думал о тебе. Большую новость тебе привез.

— Я слушаю тебя, Амангельды-ага.

— Яш-улы,— понизив голос, сказал следопыт.— Люди говорят, появился Аббас-Кули, собирает банду, начинает грабить народ.

— Большую новость ты мне принес, Амангельды-ага. Надо хорошо подумать, что делать. Аббас-Кули — поганый хвост Флегонта. Сам теперь главарем бандитов стал. Помоги нам его найти, наверное, знаешь, где его искать.

— Обязательно помогу. Для того к тебе и пришел. Спасибо, что не забыл меня, не сделал, как Павловский,— с достоинством ответил следопыт.

— Я не знаю, Амангельды-ага, как сделал Павловский.

— Как не знаешь? Все знают.

— Болел я тогда.

— Ай, яш-улы, не хочется вспоминать. Большую обиду сделал мне Павловский, когда заместителем коменданта Федора Карачуна был. Ладно, расскажу, тебе про это знать надо. Приехал ко мне пограничник, спрашивает: «Здесь Амангельды живет?» Здесь, говорю. «Тебя начальник Павловский к себе в комендатуру зовет». Ай, думаю, видно, трудный след увидел Павловский, нужен ему Амангельды. Заседлал ишака в час ночи, поехал. К утру, думаю, на месте буду, как раз след виден будет. Еду на ишаке, горы слушаю, звезды смотрю. Стало небо на востоке от гор отдирать, подъехал к комендатуре. Павловский у ворот стоит. Салям, говорю, начальник! Ты сказал, чтобы я приехал, вот я и приехал. Он меня в дом не позвал, чаю не предложил. «У тебя,— говорит,— есть оружие, числится за нашей комендатурой. Сдай винтовку». Зачем тебе, го-

ворю, моя винтовка? У тебя — много, у меня — одна. Пускай остается. Бандитов приходится ловить. Каждый день на свою дозорную тропу хожу. «Понимаешь,— говорит,— я остался за коменданта, не хочу, чтобы наши винтовки были у посторонних». Я не посторонний, говорю. Я — Амангельды. А он мне: «Какой-такой Амангельды? Не знаю никакого Амангельды». Как, говорю, не знаешь? Сколько лет на Душаке и Мер-Ков следы смотрю, с бандитами воюю, а ты почему не знаешь, какой-такой Амангельды? Хорошо, вернулся в комендатуру Федор Карачун. «Ай, салам, говорит, яш-улы! Как себя чувствуешь, дорогой Амангельды-ага? Пойдем ко мне в гости, чай будем пить». Я говорю: Павловский не знает, какой-такой Амангельды, хочет винтовку отобрать, скажи ему. «Ай,— говорит Федор,— пусть будет у тебя винтовка. Пойдем ко мне, дорогой»...

Амангельды, и сейчас переживая оскорбление, нанесенное Павловским, обиженно замолчал.

Слушая его рассказ, Яков краснел от стыда. Начальник пограничных войск знает, кто такой Амангельды, все знают, один Павловский не знает.

— Я тебя очень уважаю, Амангельды-ага. Ты меня учил следы читать. И сейчас учишь. Скоро к нам придет молодое пополнение. Хочу, чтобы ты поучил следопытству молодых.

— Сделаю, яш-улы, все сделаю,— пообещал следопыт.— Когда стал комендантом Федор Карачун, сразу позвал Амангельды и всех старших бригад содействия. Майор Логунов и ты тоже так сделали. Это хорошо.

— Ай, яш-улы! — ответил Яков.— Нельзя думать, как охранять границу, и не думать, как живет Амангельды. Сейчас, когда война, и ты, и я, и другие еще больше за все в ответе.

Глава 15

СВЯЩЕННЫЕ РУБЕЖИ

Знакомство с пограничниками подразделений, подчиненных комендатуре, Кайманов начал с Дауганской заставы. Майора Логунова срочно вызвали в управление погранвойск. На Дауган Яков ехал один.

Как давно он не ездил по этой с детства знакомой дороге! За последние годы трасса ее изменилась: раньше от Асульмы она шла по дну ущелья, теперь же от барака у щели Сия-Зал поднималась к дауганским вилюшкам. Но все равно ему она знакома очень давно.

Непрерывной лентой бежит под колеса машины асфальт. Остались позади каменные мамонты Асульмы, ставший почти нежилым барак ремонтников, дауганские вилюшки. Последний поворот, и машина с ходу влетела в милую, родную долину Даугана.

— Заедем на кладбище,— сказал он водителю.

Свернули на проселок.

От самых ворот кладбища виден обелиск на могиле отца. Рядом с ним деревянный крест с дощечкой, на которой выведено:

«Глафира Семеновна КАЙМАНОВА.
Родилась в 1892 году.
Погибла от руки бандита в 1940 году».

Мать была верующей, потому и крест. Но тот, кто делал надпись на дощечке, как бы вычеркнул из ее жизни годы «достатка», когда была она женой Флегонта. Фамилию оставил старую, отцовскую, как бы снимая этим с памяти о матери даже тень врага — Мордовцева.

В скорбном молчании стоял Яков у дорогих могил. Думал об утрате самых близких, о тысячах могильных

холмов, ежедневно выраставших там, где теперь катился огненный вал войны. «Первыми гибнут те, кто не щадит своей жизни ради других,— вспомнил он слова, сказанные Василием Фомичом много лет назад.— Но какой ценой может быть оплачен долг живых перед погибшими?..»

Все время Кайманова не покидало тягостное чувство вины перед отцом и матерью. Кто знает, может, отец осудил бы его за то, что не его рукой будет застрелен, как бешеная собака, Шарапхан. И уж конечно, он не простил бы сыну того, что тот не смог отвести руку убийцы от матери. Есть ли его, Якова, вина в гибели матери? Наверное, есть. Ведь он даже не пытался уберечь ее от рокового шага — не выходить замуж за Мордовцева. Мог ли он предугадать, как развернутся события? Мать оказалась между двумя мирами. Слишком поздно она сделала выбор.

Выйдя за ограду, Яков надел фуражку, сел в машину, приказал водителю Скрипченко ехать в сторону поселка, а оттуда к заставе.

Еще больше разрослись чинары и карагачи на улицах поселка, сомкнули кроны над дорогой. Асфальтовая стрела шоссе уходила в зеленый тоннель.

Подъехали к поселковому Совету. Скрипченко остановил машину. На крыльце поссовета появился Алексей Нырок в военной гимнастерке. Вслед за ним степенно вышел Балакеши.

— Яша, привет! Каким ветром к нам?..

— Салям, Ёшка! Заходи, дорогой!

Стали собираться дауганцы. Яков едва успевал отвечать на приветствия.

— Ай, Ёшка, смотри, какой ты большой начальник стал! На фронт поедешь или у нас будешь?

— Молодец, что приехал. Сейчас будем барана резать, шашлык жарить, большой праздник делать!

— Что вы, братцы, спасибо... Я ведь только так, на минутку заглянул...

Вместе со старыми друзьями он неторопливо прошел по улице, так о многом напомнившей ему. Остановился возле вросшего в землю камня у бывшей почтовой станции Рудометкиных. Прошел к домику, в котором прожил с семьей добрый десяток лет. Здесь теперь была квартира Балакеши.

Из соседнего дома, где жил Барат, высыпала целая куча ребятишек. Вслед за ними вышла дородная Фатиме. Вскоре появился и сам Барат.

— Ай, яш-улы! Салям, дорогой,— радостно воскликнул он.— Ай, как хорошо, что ты приехал. Как я рад тебя видеть!

Кайманов и сам не меньше Барата обрадовался встрече, хотя виделись они совсем недавно. Но одно дело разговаривать с глазу на глаз, и совсем другое — чуть ли не при всех жителях поселка встретить и обнять верного друга. Он решил выдержать весь ритуал приветствия.

— Как живешь, дорогой брат? — задал первый обязательный вопрос.

— О, Ёшка! Кургум якши,— расплылся Барат в счастливой улыбке.

Вслед за отцом, как по команде, заулыбались и ребятишки.

— Слушай, Барат! — нарушая порядок ритуала, с удивлением спросил Яков.— Это все твои? Когда успел? Прошло ведь не так много времени.

— А, Ёшка,— безнадежно махнул рукой Барат.— Фатиме такая жена: издали Барата увидит — бежит двойню рожать. Я говорю: «Подожди, Фатиме, не ходи так часто». А зачем, говорит, родильный дом строили? Понимаешь, там у нее своя койка. Может, койка такая? А? Как думаешь? Или горный воздух виноват?

Вокруг засмеялись, отпуская шуточки в адрес Барата и Фатиме. Оба родоначальника большого семейства, еще молодые и крепкие, выглядели в окружении детворы вполне счастливыми.

— Молодец, Барат! — сказал другу Яков.— Скоро твоих огланов будем на границу брать, военному делу учить.

— Рамазана хоть сейчас бери. Мало-мало на границе поучится, лучше всех воевать будет.

В толпе Яков увидел вполне сформировавшегося юношу — сына Барата, которому можно было дать, по крайней мере, лет шестнадцать.

К крыльцу подошел Али-ага. Редкие волосы на его голове стали совсем белыми, но сам он выглядел попрежнему бодро. Яков обнял старого костоправа, столько раз выручавшего его из беды.

— Здравствуй, дорогой Али, верный старый друг! Время не трогает тебя, хотя уже унесло многих из тех, кто вместе с тобой истирал чарыками эти камни.

«Младшие всегда благодарны старшим за то, что они стоят боевым охранением на пути неумолимого времени. Когда время сваливает первую шеренгу, на смену ей, защищая молодых, встает вторая»,— подумал Яков.

— Вот и встретились, Ёшка-джан,— всматриваясь в лицо Якова, сказал Али-ага.— Я думал, больше не увижу тебя...

— Что ты, дорогой Али-ага? Лечил моего отца, лечил меня, будешь еще и внуков моих лечить. Видишь, какой я крепкий: ни горы, ни пули не берут! Очень хорошо лечишь... Друзья! — обратился он ко всем собравшимся.— В трудное время я приехал в родной Дауган. Вы уже, наверное, знаете, я теперь заместитель коменданта участка. Но одни начальники и даже все наши пограничники не смогут без вашей помощи уберечь гра-

ницу. Вы хорошо знаете горы. Пусть каждый из вас чувствует себя пограничником. Ваша помощь нам очень нужна. Вот, говорят, снова появился Аббас-Кули. Надо его поймать. Если мы все будем на страже, ни один враг, как бы ни был он хитер, не нарушит наши рубежи. Так я говорю?

— Так, Ёшка, так,— за всех ответил Балакеши.— Не первый год живем тут. Алеша вот на фронт уходит. Опять мне председателем быть. Вместе, дорогой, работать будем: ты — военный начальник, я — гражданский.

Снова бежит под колеса машины асфальт. Мелькают плиты на подпорной стене. Минули сложенные из камней круглые укрепления бывшего казачьего поста, за ними — ворота заставы.

Начальник сюда еще не назначен. Его обязанности временно исполняет младший политрук, недавно прибывший на границу после окончания училища.

— Дежурный! — крикнул часовой, когда машина остановилась во дворе заставы.

Вместо дежурного к машине четким шагом подошел молодой командир, назвался младшим политруком Красноперовым, отрапортовал и, сделав шаг в сторону, чтобы пропустить начальство, резко отдернул руку от козырька фуражки.

«Козыряет лихо. Как-то служить будет?» — подумал Кайманов, выходя из машины и молча пожимая руку Красноперову. Словно забыв о том, зачем приехал, он окинул взглядом знакомый двор. Вон сарай, возле которого в первый день его приезда на заставу был привязан раненный контрабандистами ишак. Тогда еще привлеченная свежей кровью сорока все пыталась сесть на спину ишаку, и Аликпер метким выстрелом на лету сбил ее. Вон с тех ступенек крыльца сбежал Федор. Где он теперь? Жив ли? Крепкая дружба связывала их.

Когда ему, Якову, приходилось решать трудные задачи, он знал: есть Карачун, который сумеет найти правильное решение. Теперь многие, очень многие вопросы придется решать самому. И этот молоденький политрук Красноперов, и все другие, кто несет службу на заставе, видят в нем старшего начальника. Его решения теперь для них закон. Они должны быть всегда правильными, безошибочными... На то же крыльцо вышла тогда Светлана, чтобы позвать его и мужа завтракать, и огорчилась, узнав, что они должны немедленно выехать на границу. Где теперь Светлана? Может, уже на фронте. Там теперь очень нужны врачи...

Обеспокоенный затянувшимся молчанием замкоменданта, младший политрук Красноперов заметно нервничал, видимо раздумывая, все ли в порядке на заставе: в казарме, в столовой и кухне, в конюшне и вольере для служебных собак?

— Ну что ж, пойдемте смотреть ваше хозяйство,— сказал наконец Яков и подумал: «Трудно парню, все для него ново, а тут еще сразу на двух должностях».

Они побывали в казарме, заглянули в кухню, в конюшню. Опытным глазом Яков отметил: людей не хватало, всего несколько человек спали после нарядов. Бодрствовали лишь повар да часовой у ворот. Остальные — на границе.

— Где старшина? — спросил он, вспомнив о своем старом знакомом Амире Галиеве.

— Проверяет наряды, товарищ старший лейтенант. Поехал с дозором,— ответил Красноперов.

«Он-то службу знает»,— тепло подумал о Галиеве Яков.

Для заставы было очень важно, что в трудное время здесь все-таки остались такие опытные пограничники, как сверхсрочник старшина Галиев, инструктор службы собак Ложкин.

— С участком ознакомились?

— Так точно, товарищ старший лейтенант. Галиев мне весь участок показал.

— А что будете делать, если на вашем участке случится прорыв?

— Это исключено, товарищ старший лейтенант.

Кайманов вскинул брови, хотел возразить, но сдержался, глянув на юношески худую шею и не очень широкую грудь Красноперова, на его впалые щеки, синие круги под глазами, припухшие красные веки. «Только начал работать, а уже замотался».

— Ну что ж, желаю удачи, ни пуха вам, ни пера! — сказал он и протянул Красноперову руку.

— К черту, товарищ старший лейтенант.

— Что?

— Примета такая, товарищ старший лейтенант. Когда говорят ни пуха, ни пера, надо послать к черту. Извините...

— Примета, значит? — переспросил Яков.— Ну так вот, учтите, на вашем участке возможно нарушение границы бывшим жителем Даугана неким Аббасом-Кули. Свяжитесь с бригадой содействия. Они его хорошо знают.

— Слушаюсь, товарищ старший лейтенант!

«Зеленый, совсем зеленый. Как служить будет? Кого пришлют начальником? Если такого же, считай, два сапога пара. Многие рядовые пограничники тоже молодежь, прямо с учебного пункта. Опытных старослужащих раз, два и обчелся. Почаще надо бывать здесь»,— решил Яков, собираясь сразу же поехать на соседнюю заставу.

В этот момент у ворот остановился всадник, быстро соскочил с коня, привычно одернул гимнастерку, решительно зашагал навстречу заместителю коменданта. Это был старшина Галиев. Якову захотелось обнять друга,

но Галиев подошел строевым шагом, невозмутимо вскинул руку к козырьку фуражки, отрапортовал по всей форме:

— Товарищ старший лейтенант, наряд возвратился с охраны государственной границы. За время несения службы никаких происшествий не было.

Кайманов с удовольствием смотрел на старшину. Ему хотелось сказать: «Брось, Амир, фасон давить. Здравствуй, дорогой! Я очень рад встрече! Теперь вместе служить будем». Но присутствие Красноперова да и строго официальный вид самого Галиева на какие-то доли секунды поколебали его.

«А! — решил вдруг Яков.— Красноперов послал меня к черту, пошлю и я его».

Он притянул Амира к себе, обнял и трижды расцеловал, благодарный ему и за верность дружбе, и за то, что он весь почернел и высох не столько от солнца, сколько от забот, что дни и ночи не уходит с границы.

Смущенный Амир сначала не знал, как отнестись к такому проявлению чувств, но потом весь просиял, польщенный вниманием друга, нежданно-негаданно ставшего заместителем коменданта.

— Товарищ старший лейтенант,— упорно не желая называть Якова по имени, сказал он.— Время обедать. Фаиза, наверное, уже ждет. Приглашаю вас к себе на обед.

— О-о, как официально! Оказывается, тебя надо еще и с молодой женой поздравить. Ну что ж, дорогой, пошли обедать.

Только успел Яков познакомиться с Фаизой — женой Амира, маленькой и крепкой молодой женщиной, да съесть тарелку плова, как в дверь постучали, вошел дежурный.

— Товарищ старший лейтенант, обнаружен след, наряд не может сам разобраться.

— Ну что ж, прикажите седлать лошадей. Начнем работу. После обеда служить веселей.

Он зашел в канцелярию, предупредил по телефону начальников соседних застав, что ожидается попытка нарушить границу бывшим жителем Даугана Аббасом-Кули, посоветовал Красноперову сегодня же связаться в поселке с Баратом и Балакеши, договориться об усилении нарядов за счет «базовцев», в сопровождении младшего политрука Красноперова и старшины Галиева верхом отправился туда, где пограничники обнаружили непонятный след.

Наконец-то пришло к нему состояние уравновешенности. Знакомые сопки и карнизы успокаивали, отвлекали от тяжелых дум, нахлынувших было на заставе во время разговора с Красноперовым.

Из ложбинки, пересекавшей границу и уходившей на сопредельную территорию, появился Ложкин с беспокойно мечущейся на поводке служебной собакой.

— Вот он, этот след, товарищ старший лейтенант,— доложил он.— Не берет его мой Барс.

На сыром песке отчетливо был виден какой-то непонятный отпечаток. Можно было предположить, что нарушитель подложил под локти и грудь циновку и полз на ней по земле. Яков внимательно осмотрел след, спокойно сказал:

— Проползла большая гюрза. Как это вы сами не могли понять? — добавил он. Заметив мелькнувшее в глазах младшего политрука Красноперова сомнение, указал в сторону нагромождения камней, где, как он знал, был родничок.— Вон у тех камней есть песчаный участок. Проверьте. Там тоже должен быть такой след.

Расчет простой: если поблизости родник, любой след ведет к воде. Наверняка змея направлялась пить.

Младший политрук торопливо зашагал к песчаной прогалине, придирчиво осмотрел участок перед родни-

ком. Удивление и уважение можно было прочесть на его лице, когда он вернулся и доложил, что действительно у камней обнаружен точно такой же след.

В комендатуру Кайманов вернулся поздно. Зашел в комнату дежурного узнать, не приехал ли майор Логунов. Коменданта еще не было, зато навстречу Якову поднялся все такой же, как прежде, могучий, в командирской гимнастерке Степан Дзюба.

— Степан! Вернулся, значит. Как мне тебя не хватало! — воскликнул Яков, удивленный и обрадованный неожиданной встречей.

Дзюба вскинул руку к фуражке.

— Брось ты, какие там рапорты!..

— Та дай ты мне доложить по-людски,— взмолился Дзюба и торопливо выпалил: — Товарищ старший лейтенант, лейтенант Дзюба прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы в должности начальника заставы Дауган.

— Ну вот теперь и обнимемся по этому случаю. Поздравляю тебя, друже, со званием и назначением.

Некоторое время они похлопывали друг друга могучими ручищами по крепким спинам.

— Расскажи, что в России,— попросил Яков.— Ты ведь вроде с фронта приехал.

— И с фронта, и на фронт.

— На какой?

— На наш, пограничный.

С нескрываемым удовлетворением Кайманов еще раз окинул взглядом будто литые плечи Дзюбы. Посмотрел на ноги: не разрезаны ли по-прежнему голенища? Нет, необъятные сапоги сшиты, видно, по заказу. Не зря для него прошли годы учебы — стал посуше, проворнее, хотя, как прежде, тяжеловат.

Некоторое время сидели молча.

— На фронте, Яшко, тяжело,— негромко произнес Дзюба.— Теснят наших фашисты...

Долго они говорили о войне, ворвавшейся в жизнь каждого и в судьбы всей страны. Потом Яков обстоятельно рассказал другу о событиях, происшедших на Даугане за то время, пока Степан был в пограничном училище, о матери и Флегонте, о том, как брали банду Шарапхана, о своем ранении и болезни, о предупреждении Амангельды, узнавшего, что по окрестным аулам где-то бродит прихвостень Флегонта — Аббас-Кули.

Только хотел распорядиться, чтобы принесли ужин, как зазвонил телефон. В трубке послышался срывающийся от волнения голос:

— Товарищ старший лейтенант, докладывает Красноперов. На заставе прорыв. След обнаружен в районе сухой арчи, ведет к линии границы. Застава поднята по тревоге.

«Аббас-Кули, легок на помине»,— мгновенно мелькнуло в мозгу Якова. Красноперову приказал:

— Проработайте след, усильте наряды по линии границы. Ждите нас с начальником заставы лейтенантом Дзюбой.

Так и не успев поужинать, спешно выехали на Дауган. Даже при свете фонаря нетрудно было убедиться, что через границу прошел Аббас-Кули. Словно в насмешку над пограничниками, он надел знакомый им по отпечаткам меченый чарык с косым шрамом на пятке.

Невесело начиналась служба в новых должностях у Кайманова, Дзюбы и Красноперова. Надо было писать донесение о прорыве. А что писать? Прорыв есть прорыв — донесением делу не поможешь.

С линии границы Яков и Дзюба возвращались в самом мрачном настроении.

— Слышь, Яшко,— проговорил Степан,— Красноперов плакал. Кулаки кусал и плакал. Я ему: «Вытирай

скорей очи, шоб никто не бачив». А он: «Вытереть можно, а как теперь в глаза людям смотреть?» Не успел он, как ты советовал ему, разыскать в поселке Барата и Балакеши.

— Зря не успел. Барат, Савалан, Балакеши, Нафтали Набиев ту заразу, Аббаса-Кули, сколько лет как облупленного знают...

Солнце стояло уже высоко, когда Кайманов, вызвав машину, вернулся в комендатуру. Подъезжая к длинному одноэтажному зданию, увидел в тени карагача своих старых друзей. Они никогда не надевали военную форму, но с детства отдавали все силы охране родных рубежей. С удивлением остановил взгляд на Барате: тот держал в руках винтовку. Знал Яков, что Барат любому оружию предпочитал свой верный бичак, но глаза не обманывали: в руках у Барата винтовка.

— Салям, дорогие друзья! — обратился Кайманов к собравшимся.— Спасибо, что ничего не надо вам объяснять, на самое трудное дело уговаривать вас не надо. Я смотрю, сегодня даже те, кто охотничье ружье никогда в руки не брал, тоже с винтовкой. Сагбол тебе, Барат! Ты всегда правильно понимаешь, что нужно делать.

— А, Ёшка,— отозвался Барат.— Какой теперь мужчина без винтовки? Раз Барат взял винтовку, значит, так надо. Кругом война...

